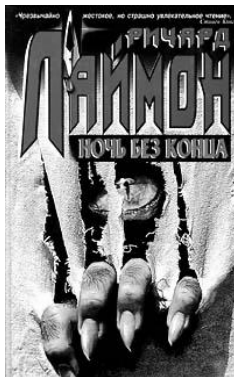


Ночь без конца

Ричард Лаймон



Джоуди Фарго, шестнадцатилетней дочери полицейского из Лос — Анджелеса, повезло: она чудом вырвалась из рук убийц. Но жизнь девушки после той страшной ночи, когда банда маньяков — извращенцев вырезала всю семью ее подруги, превратилась в кромешный ад. Ведь Джоуди стала свидетелем преступления: и как бы ее ни охраняли, куда бы ни прятали — приговор, подписанный ей преступниками, висит над ней домкловым мечем.

Оглавление

	4
--	---

Часть I	
Посторонние в доме	6

Глава 1	7
---------	---

Глава 2	23
---------	----

Глава 3	40
---------	----

Глава 4	56
---------	----

Глава 5	70
---------	----

Глава 6	88
Глава 7	109
Часть II	
С вами Саймон	125
Глава 8	126
Глава 9	145
Глава 10	160
Глава 11	181
Глава 12	195
Глава 13	215
Часть III	
Защита свидетелей	231
Глава 14	232

Глава 15	250
Глава 16	272
Глава 17	295
Глава 18	314
Часть IV	
С вами снова Саймон	336
Глава 19	337
Глава 20	349
Глава 21	370
Глава 22	392
Часть V	
Потерявшийся в Индио	408
Глава 23	409

Глава 24	424
Глава 25	448
Глава 26	461
 Часть VI	
С вами опять Саймон	484
Глава 27	485
Глава 28	503
Глава 29	520
Глава 30	542
 Часть VII	
Расчетный час	559
Глава 31	560
Глава 32	579

Глава 33	603
----------	-----

Часть VIII	
С вами снова Саймон	632

Глава 34	633
----------	-----

Глава 35	658
----------	-----

Глава 36	679
----------	-----

Часть IX	
Стрелковые навыки	699

Глава 37	700
----------	-----

Глава 38	720
----------	-----

Глава 39	739
----------	-----

Часть X	
---------	--

С вами снова Саймон	750
Глава 40	751
Часть XI	
Дом, милый дом	768
Глава 41	769
Глава 42	787
Глава 43	809
Глава 44	840
Глава 45	851

Посвящается друзьям: Лэрри Мори и Джо-ан Парсонс, хранителям Музея Причудливого и Удивительного

Часть I

Посторонние в доме

Глава 1

Джоуди застонала и начала возвращаться из забытья.

— Проснись! — В шепоте звучала тревога. — Проснись, Джоуди! Пожалуйста!

Голос Ивлин. Как, вероятно, и рука, дергающая за плечо.

Она вспомнила.

«Ах да. Я у Ивлин. Осталась на ночь. По крайней мере собиралась».

Открыв глаза, Джоуди протерла их и зевнула. В комнате было темно, но не настолько, чтобы не заметить Ивлин на кровати. Лицо подруги было затенено и едва различимо во мраке. Рука, темневшая на фоне белой простыни, протянута к полу, к ее спальному мешку. Да, это она вцепилась

в плечо.

— Ну, что теперь?

— Мне что-то послышалось.

— Да ну, перестань, — недовольно пробормотала Джоуди. — Испортила такой клевый сон. Досмотрю, если не возражаешь. — И она снова зевнула, но Ивлин еще раз встряхнула ее за плечо.

— Я серьезно. Кроме шуток. Я действительно что-то слышала.

— Ну и?

— Мне страшно.

«Ничего удивительного», — подумала про себя Джоуди, но решила промолчать. Ивлин всегда делала из мухи слона, проблемы у нее возникали буквально на ровном месте. Но она была ее лучшей подругой. Еще с детства. И за десять лет Джоуди привыкла к преувеличенной мнительности Ивлин.

— Может, тебе показалось. Давай лучше спать.

— Кто-то разбил окно внизу.

— А-а... — снова зевнула Джоуди. Пока она

спала, духота не ощущалась. Теперь в спальном мешке стало жарковато. Возможно, отец Ивлин выключил кондиционеры перед тем, как ложиться.

— Разбил окно? — переспросила она.

— Может, кто-нибудь из твоих родителей встал и что-то уронил? Который там час?

— Четверть второго.

— Боже! — Джоуди нащупала возле левого плеча замок застежки. Когда она потянула его вниз, рука Ивлин дернулась.

— Да это я, — успокоила она подругу.

— Ты что?

— Таю.

— Надо что-то делать.

— Да, давай спать. — Она откинула в сторону душный полог мешка. Оставались только ноги. Вылезая из мешка, она вытянулась во весь рост. Теперь она лежала полностью раскрытой. Сразу стало лучше — прохладнее и удобнее. Только ночная рубашка не пропускала свежий воздух к телу. Будь она у себя дома, и ее скинула бы. Но здесь — совсем другое дело.

— Твой отец, наверное, выключает на ночь кондиционеры?

— Перестань, Джоуди.

— Откроем, что ли, окно?

— Они не открываются.

«Вот и живи после этого в домах, построенных по индивидуальным проектам».

— Наверно, поэтому кто-то и разбил его.

— Совсем не смешно.

Джоуди завела руки за голову. Скользнувшая вверх рубашка подарила ей ощущение легкой и нежной ласки. Приятная прохлада поднялась по бедрам, и она раздвинула ноги.

Намного лучше.

Только бы успеть забраться назад в мешок перед рассветом. Совсем не хотелось бы, чтобы в таком виде ее застали хозяева. Боже, стыда потом не оберешься. Как тогда смотреть в глаза Чарльзу, то есть мистеру Кларку? Еще хуже, если заглянет Энди. Гораздо хуже. С его-то воспитанием. Бедняжку наверняка хватит удар, и он будет первым в истории двенадцатилетним мальчиком, умершим от перевозбуждения.

— Тебе не кажется, что надо пойти посмотреть?

— Ты слышала только звон стекла, и все?

— Ну да.

— Это могло быть что угодно. Может, на улице кто-то уронил бутылку.

— А если вор?

— Если вор, не думаю, что он придет в восторг от нашего появления.

— Ха-ха-ха!

— К тому же сработала бы сигнализация.

— А может, и нет.

— Твой отец всегда ставит дом на сигнализацию на ночь.

— Кто тебе сказал?

— Да ну, Ив! Вспомни, когда твои родители отправляются спать, а мы еще сидим, он всегда предупреждает, чтобы мы не прикасались к дверям. Или он говорит так только из-за меня? Считает, что я дурно на тебя влияю и могу подговорить сбежать из дому и натворить глупостей?

— Да нет, что ты. Он о тебе очень высокого мнения.

— Как мило с его стороны.

— Но сигнализация не всегда срабатывает, ты сама знаешь. Даже включенная. Тем более преступники умудряются...

— Конечно, если это настоящие профессионалы. Но те стараются не забираться в дома, когда там кто-то есть. Предпочитают одиночество. Во-первых, меньше шума. Во-вторых, наказание мягче, если поймают.

Если никого нет, тогда всего лишь кража со взломом. А если дома хозяйева, тогда это уже серьезнее — грабеж, а если у преступника к тому же оружие, тогда это уже становится разбоем. Мне папа объяснял.

— Он всегда носит с собой револьвер, да?

— Почти всегда.

— Вот если бы он был сейчас с нами.

— Ну ладно, Ив. Если ты так встревожена, пойдем посмотрим. А может, сразу набрать 911 и не искать приключений себе на голову?

— Я только что об этом подумала.

— Могу представить, как жутко понравится это твоим предкам. Послушай, а почему бы тебе

не разбудить отца?

— Ага, да он меня просто прибьет.

— Если в доме вор, тогда нет.

— А если нет? Что, если я его подниму по ложной тревоге?

— Но меня же ты разбудила.

— Ты — совсем другое дело.

— Ага, меня, значит, будить можно?

Несколько секунд Ивлин лежала молча. Потом промолвила:

— Наверное, все-таки лучше.

— Лучше что?

— Сказать папе.

Только сейчас Джоуди почувствовала первые признаки волнения. Хотя отец Ивлин вовсе не выглядел деспотом, Джоуди знала, что лучше его не беспокоить без особой нужды. И если сейчас Ивлин была готова разбудить его среди ночи, должно быть, были на то причины. И довольно серьезные.

Свесив ноги с кровати, Ивлин посидела секунду, затем встала и перешагнула через лежавшую на спальном мешке подругу.

— Ты и впрямь идешь? — И, не дожидаясь ответа, Джоуди добавила: — Я с тобой. Погоди.

Ивлин выжидающе остановилась.

Встав с пола, Джоуди спросила:

— У тебя не будет для меня какой-нибудь одежды?

— Мне казалось, тебе жарко.

— Мне и вправду жарко. Но вдруг это Энди бродит по дому?

— Не беспокойся, это не он. Его из пушки не разбудишь.

Навалившись плечом на дверь, Ивлин повернула ручку. Открывая дверь, она шагнула назад, и Джоуди отпрянула в сторону, избегая столкновения.

Ивлин распахнула дверь настежь.

И ойкнула.

Джоуди слышала хлюпающий звук резкого удара, и что-то кольнуло ее в живот.

Она резко вздохнула, в нос ударил запахдохлятины. Отшатнувшись, Джоуди увидела взрывающую к потолку подругу. Но на прыжок это было мало похоже. Никогда в жизни Ивлин так

высоко не прыгала.

"Нет, только не это, — ужаснулась Джоуди, когда голова подружки ударилась о притолоку. — Нет. Ой... Не может быть..."

Но по животу уже стекала струйка крови. Не касаясь оттопырившейся рубашки, она катилась в пах. И она была настоящей.

Как и та кровь, что хлюпала из Ивлин. Что ни на есть настоящая.

И гнилая вонь тоже была настоящая.

Несколько дней прошлым летом Джоуди пришлось вдыхать столь же отвратительный запах, когда за перегородкой ванной комнаты сдохла крыса. Отец не захотел из-за нее ломать стенку. И пришлось ждать, пока запах выветрится.

«Так, должно быть, пахнет смерть. Но это же невозможно».

Но перед глазами висело обмякшее тело со склоненной набок головой. Ноги болтались в воздухе, а на ночной рубашке расплывалось огромное темное пятно. В центре пятна торчал острый серебряный язычок.

Но прежде чем Джоуди осознала случившее-

ся, Ивлин покинула дверной проем и поплыла по коридору.

Джоуди оцепенела.

Не могла ни шелохнуться, ни вскрикнуть. Даже дыхание перехватило.

Силуэт в темноте напоминал мужчину. Большого и толстого. Голова гладкая. Похоже, лысый. Весь он, как показалось Джоуди, был каким-то серым, как и его голова.

Разворачивая тело Ивлин, он повернулся боком.

Древка в руках не было видно. Но оно наверняка было. Футов шести длиной.

И ее лучшая подруга была поднята на острие.

А она тупо смотрела, как ее уносили.

«Он меня не заметил! О, мой Боже! Боже! Он не знает, что я здесь. Ивлин оказалась на пути и... Надо поскорее сматываться! А может, безопаснее где-нибудь спрятаться? — мелькнуло у нее в голове. — Нет. Он может вернуться. Или начнет обыскивать весь дом. Или подожжет его перед уходом. Надо бежать. Сначала одеться? Неплохо бы. — В ночной рубашке она чувство-

вала себя голой и незащищенной. — А что, если он вернется, пока я буду?.. Кроме того, в кармане джинсов были деньги — целая горсть мелочи. Наверняка зазвенит, как только я их возьму. Нет, надо выбирать, в чем есть. К черту одежду!»

Джоуди подкралась к дверям. Спрятавшись за стеной, она выглянула из-за косяка.

Человек уже дошел до середины коридора. Его силуэт вырисовывался на фоне бледно-желтого света, лившегося из распахнутой двери родительской спальни.

Запах дохлятины притупился, но все еще висел в воздухе, приторно-слащавый и мерзкий.

«Это от него, — поняла Джоуди. — Как можно так пахнуть? Да зачем мне это знать?» — ответила она сама себе.

На вид он был большой и квадратный, как шкаф. В каких-то лохмотьях с бахромой, болтавшейся во все стороны в такт его ковыляющей походке. Ивлин он нес перед собой, как знамя. Ее голова была почти под самым потолком.

Подойдя к освещенному проему, он слегка опустил ее. Затем, развернув тело вправо, внес

его в спальню и, шагнув вслед, скрылся из виду.

«Они все мертвы! Ивлин, ее мама и папа, Энди. А Энди?»

Дверь комнаты мальчика была напротив. И была закрыта.

Оглянувшись по сторонам, Джоуди стала на четвереньки и поползла к ней.

Не за помощью. Она это понимала. Чем мог в подобной ситуации помочь двенадцатилетний ребенок? Тем более такой хлипкий, как Энди. Но ей не нужна была помощь. Она хотела вытащить его из дома.

Страшно даже подумать, что его придется будить. Может, пусть лучше спит, не зная о том, что у него больше нет семьи.

Пробуждение окунет его в такой кошмар, понять который будет ему не под силу. К тому же она прекрасно понимала, что ей, возможно, даже не удастся его спасти. Это могло кончиться смертью их обоих. Гораздо больше шансов спастись в одиночку, если она бросит его и попытается вырваться одна.

«Какого черта?» — одернула она себя.

Внутренний голос, очень напоминавший голос отца, сказал: «Не дрейфь, дорогая».

Протянув руку, она схватила дверную ручку и повернула ее. Замок щелкнул, и она вздрогнула. Затем толкнула дверь и, не дожидаясь, пока та полностью отворится, шмыгнула в темную комнату Энди.

Встав на ноги, она осторожно прикрыла за собой дверь.

Привалившись к ней спиной, Джоуди перевела дыхание.

Окна в комнате были зашторены. Блеклые полосы тусклого света окаймляли края штор. Кроме смутных контуров кровати, ничего невозможно было разглядеть. Непонятно даже, в комнате мальчик или нет.

Она прислушалась. Только бешеный стук сердца. И еще дыхание Энди. Медленное и спокойное.

«Либо спит, либо притворяется», — подумала Джоуди.

Откуда-то донеслись звуки тихой музыки. Наигрыш из мюзикла «Кошки». Из спальни Клар-

ков? Неужели монстр включил радио?

«Что он там делает?»

— Энди? — прошептала она.

Молчание.

Наклонившись вперед и шаря перед собой руками, Джоуди медленно побрела в направлении кровати. Босые ноги ступили на мягкий комок свалившегося одеяла. Наконец руки нащупали простыню. Боком передвигаясь вдоль края матраца, она добралась до угла кровати и завернула за него.

Присев на матрац, Джоуди занесла над кроватью руку и медленно опустила. Ладонь легла на мягкую теплую кожу. Грудь Энди. Джоуди почувствовала, как она вздымается под рукой. И еще как бьется его сердце.

«А что, если это не Энди? Что, если это такой же, как... Да нет, Энди», — успокаивала она себя.

— Энди? — шепнула она и толкнула его в грудь.

— Мммм.

— Это я, Джоуди. Проснись. Так надо.

— Мммм?

Она прикрыла ему рот рукой.

— Не вздумай кричать.

— Джоуди? — Голос у него был с хрипотцой. — Это ты? Правда ты? Боже!

— В доме посторонние.

— Что?

— Надо поскорей убираться отсюда.

— Кто в доме?

— Что-то вроде — ну, не знаю, маньяка, что ли.

— У нас в доме маньяк?! — Казалось, он больше удивился, чем испугался. — Ты хочешь сказать, такой, как Фредди или Джейсон?

— Я имею в виду настоящего.

— Где?

— Перестань. Пойдем скорее. — Она слегка шлепнула его по груди и встала.

— Джоуди?

— Надо торопиться.

— Пока маньяк до нас не добрался? — Лица мальчика не было видно, но, судя по тону голоса, растерянность, похоже, прошла. Он решил, что

это розыгрыш, и соображал, как поостроумнее отреагировать.

— Энди, я не шучу.

— Да, разумеется. Подумать только, я уже чуть было не клюнул. Но только на одну секунду. Ладно. Большое спасибо. Это меня очень развеселило. — И вдруг он вскочил на кровати и заорал: — ОЧЕНЬ СМЕШНО, ИВЛИН, ХА-ХА-ХА!

Джоуди обомлела.

— Заткнись! — хрипло прошипела она. — Что ты делаешь? Ты нас погубишь!

Глава 2

— Да перестаньте же, — пробормотал Энди. — Оставьте ваши дурацкие шутки. К пакостям Ивлин я уже привык, но о тебе я был лучшего мнения...

Он запнулся, потому что в это время Джоуди щелкнула выключателем и развернулась к нему лицом. Яркий свет заставил Энди зажмуриться.

— Эй! — Он сидел на кровати, скрестив ноги и прикрыв бедра простыней.

— Что у тебя есть? — спросила Джоуди.

— Нож? Есть карманный нож или?.. — Тут она заметила бейсбольную биту, прислоненную в углу к стене возле окна. Джоуди метнулась к ней.

— Джоуди!

— Он сейчас придет! Разве только не услы-

шал крика. Дверь в спальню закрыта, к тому же эта музыка, так что, может быть...

— Кто придет?

— Убийца! — Она вцепилась в биту обеими руками. Луисвилльская.

— Да перестань же. Хватит шуток.

Подбегая к двери, она на ходу бросила:

— Тебе лучше встать.

— Ну да, конечно. На мне ничего нет, если моя глупая сестра забыла тебя предупредить.

Джоуди ударила по выключателю, и комната вновь погрузилась в кромешную тьму.

— Спасибо, — поблагодарил Энди.

— Тс-с. — Джоуди занесла биту над головой. Это была хорошая добротная бита и не слишком тяжелая. И уже наверняка не настолько тяжелая, чтобы от этого так дрожали руки.

Она прислушалась.

Стук сердца и учащенное дыхание. Вздохи Энди.

Ни музыки, ни шагов.

«Может, ушел? Может, еще до того, как Энди закричал?»

Но что-то подсказывало, что это не так. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Все равно что проснуться и узнать, что все это было в страшном сне. «Нет, так легко не отделаться». Она попала в скверную историю, хуже не придумаешь, и по всем приметам самое худшее ожидало их впереди.

"Если бы у меня был пистолет. Хотя бы мой крошечный, 22-го калибра, но... "

— Ивлин сейчас заскочит в маске, да? В той, которую надевала на прошлый Хеллоуин? Маске привидения?

«Что чувствуешь, когда копьем протыкают кишки?»

Вот благодарность за желание помочь, подумала она, но тут же устыдилась своих мыслей.

«Папа делает это ежедневно. Боже, если бы он был сейчас со мной. Именно об этом жалела и Ивлин, — вспомнила она. — Как раз за пару минут перед тем, как копье вознесло ее к потолку. Оно и до меня достало, — поняла наконец она. — В то же самое место. К счастью, всего лишь небольшой укол — Теперь она почувство-

вала рану — легкий зуд пониже пупка и чуть правее. — Достало до меня через Ивлин».

— Иисусе, — пробормотала она.

— Что?

— Ничего. Лучше одевайся.

— И с места не сдвинусь. Как только начну одеваться, ты зажжешь свет. Где Ивлин? Чем она занимается, прячется где-то с камерой?

«Он сразу перестанет бахвалиться, — подумала Джоуди. — Стоит мне сказать, что она мертва. Нет, наверняка решит, что это часть розыгрыша. Кроме того, как сказать ему об этом? Едва ли она сможет произнести эти слова. И почему этот чертов монстр так медлит? Может, не придет? Может, ушел? Нет, на это надежды мало. Что я тут делаю? Жду и истекаю кровью», — ответила она сама себе.

Стоп. Уже не истекаю, если быть точнее... Похоже, кровотечение прекратилось. Вроде обошлось одной струйкой, и та уже присохла. Только зуд в низу живота.

Воспоминание о ране, похоже, только усилило его. Захотелось почесаться и стереть кровь. Но

руки были заняты — она держала над головой бейсбольную биту.

"На мое счастье... Стоит мне выпустить ее из рук..."

Дверь начала медленно открываться, и в нос ударил трупный запах. Джоуди затаила дыхание.

В приоткрытую дверь хлынул сноп тусклого света.

Его язычок пополз до кровати, взобрался по ней и высветил сидящего со скрещенными ногами Энди.

Окаменевшего и с отвисшей челюстью.

Послышался тихий и тонкий не то писк, не то вой, словно Энди хотел заорать, но мешал страх.

В лужу бледного света вступила тень, и перед Джоуди скрипнула половица.

«Давай, дорогая!» И она опустила биту, вложив в удар все свои силы.

Часто играя с отцом в бейсбол, она помнила ощущение хорошего удара. Это было то что надо. Мяч долетел бы до цели.

«Хрясь!»

Затем раздался стон и глухой толчок. Это, ре-

шила Джоуди, он упал на колени, и более приглушенный стук — завалилось туловище, и, наконец, другой звук — о пол ударилось лицо.

Проведя локтем по стене, Джоуди зажгла свет.

Незнакомец лежал, уткнувшись лицом в ковер, и не шевелился. Лысая макушка была проломлена и залита кровью.

Джоуди быстро прикрыла дверь.

— Боже! — пролепетал Энди Он стоял у изголовья кровати, опершись на матрас, чтобы не потерять равновесия, и прикрывал подушкой пах. — Что происходит? Взгляни на него! Взгляни!

Джоуди стояла над взломщиком, высоко подняв биту и приготовившись нанести еще один удар, если понадобится.

На этот раз он пришел с мачете, а не с копьем. Оно все еще было у него в руке. По лезвию стекала кровь. Кровью были забрызганы и перепачканы руки, спина, ягодицы и ноги.

— Ударь еще раз, — попросил Энди.

— Тс-сс.

— Что-то не так?

— Все не так, — прошептала Джоуди. — Это не он.

— А?

— Это не тот. Этот костлявый.

— Посмотри на его задницу.

— Сам посмотри на его задницу. — Она подошла к мачете. — Другой где-то рядом Толстяк.

— Она вся зашитая.

Если бы Энди не сказал, она не обратила бы внимания. Когда Джоуди наклонилась, чтобы поднять мачете, она увидела по середине задницы шитый нитками шов. «Как же он оправляется?» — подумала она. Но затем увидела складки на ягодицах и бедрах. И оборванные края, свисавшие вокруг лодыжек.

А косичка заплетенных волос была не просто украшением. Это был ремень.

Подняв голову, Джоуди взглянула в лицо мальчика.

— Это штаны, — пролепетал тот. — Штаны!

Он все еще сидел верхом на кровати и прижимал подушку к паху. Потом резко дернулся к краю кровати и перегнулся через матрац.

Мощная струя рвоты хлынула мимо кровати на голову взломщика. Джоуди едва успела отпрянуть в сторону.

Внезапно ей стало трудно дышать.

С битой в одной руке и с мачете в другой, она повернулась к двери. Казалось, сердце и легкие сжимают чьи-то огромные кулачищи, и Джоуди начала судорожно ловить ртом воздух.

За спиной откашливался и сплевывал Энди.

— Где мама, где папа, где Ивлин? — тихо произнес он.

— Не знаю.

— Ты говорила о другом, толстяке.

— Да.

«Сейчас вышибет дверь и проткнет меня копьем».

Как бы ей хотелось, чтобы дверь была с замком. Двери спален всегда с замками. В кино. Может, и в реальной жизни отдельные двери спален имели замки, да вот только ей такие не встречались.

— Ты уверена?.. Уверена, что с ними все в порядке? С мамой, папой и Ивлин?

— Нет.

— О Боже!

Джоуди обернулась. Опустив ноги на пол и сгорбившись, Энди сидел на краю кровати, обняв подушку и понутив голову.

— Надо отсюда уходить, — обратилась к нему Джоуди.

Энди только молча взглянул на нее. Раскрасневшееся лицо, узкие щелочки глаз и обнаженные в оскале зубы.

— Сейчас придет другой, — промолвила Джоуди. Вновь опустив голову, Энди пробормотал:

— Мне все равно.

— Он нас убьет.

— Ну и что?

Джоуди подошла к нему так, что его голова уперлась в ее тело. Ниже, чем она ожидала.

Где-то в глубине сознания мелькнула шальная мысль — каким волнующим могло бы быть подобное прикосновение в других обстоятельствах. Сейчас же она не чувствовала ни малейшего возбуждения.

Тыльной стороной руки, в которой она держа-

ла мачете, Джоуди нежно погладила мальчика по затылку. Волосы совсем мокрые.

— Надо отсюда уходить, — шепотом повторила она.

— Они все умерли?

— Не знаю.

— Мне страшно.

— Мне тоже, но у нас все равно получится.

Энди приподнял голову, но не отодвинулся. Через материю кольнули волосы, затем Джоуди почувствовала, как он прижался к ней лицом. Оно было так низко, что она совершенно не ощутила толчка подбородка.

— Что мы будем делать? — поинтересовался он. И она почувствовала, как шевелятся его губы. Горячая струя обожгла ей кожу.

"И почему я ему только позволяю это делать? — спросила она себя. — Если бы Роб попробовал опустить сюда лицо или хотя бы руку. . . "

Но это не Роб. Это Энди, и он всего лишь маленький мальчик, и его семью только что вырезали, и мы, наверное, скоро умрем. . .

«А как сделать, чтобы не умереть? Должен же быть какой-нибудь выход».

Стоять вот так на одном месте рядом с Энди, зарывшимся в нее лицом, — это не приведет ни к чему хорошему.

«Хотя нет, — поняла вдруг она, — это его успокоит. А заодно и меня».

И действительно, сердце больше не выпрыгивало, и дыхание стало почти нормальным.

— У нас все получится, — шепнула Джоуди.

Энди молчал и только мотал головой. Может, он хотел сказать «нет»? А может, это лишь для того, чтобы почувствовать ее?

— Жаль, что у тебя в комнате нет телефона, — посетовала она.

— У мамы с папой есть. — Голос его звучал глухо, и дыхание было очень горячим.

— Знаю, но это там, в спальне. А я почти убеждена, что толстяк сейчас именно там.

«Если не стоит за дверью и не готовится ее проломить».

— Может, лучше выпрыгнуть из окна? — предложила она.

— Они не открываются.

— Да, знаю. Придется разбить.

Он снова покачал головой. На этот раз сомнений не было — это означало «нет».

— Страшно высоко. И внизу бетон. Разобьемся в лепешку.

«Все же лучше, чем повстречаться с тем толстяком», — подумала она.

— Интересно, что он сейчас делает? — спросила Джоуди.

— Тот, другой?

— Удивительно, что он еще не пришел проверить, что случилось с этим.

— Может, занят... Ищет, что украсть.

— Если это так, — заметила Джоуди, — нам, быть может, удастся проскользнуть мимо. Главное — спуститься вниз по лестнице и выбраться на улицу. А там мы спасены.

— Это лучше, чем прыгать.

— Тогда идем.

— Хорошо, — кивнул он, прижимаясь к ней сильнее. Затем поцеловал ее через рубашку.

— Эй, — вскрикнула она и отпрянула назад, —

ты что? — Но, увидев выражение его лица, поспешила добавить: — Ничего, все в порядке. Пойдем.

— Мне нужно одеться.

— Тогда живее. — Джоуди отвернулась, мельком взглянув на труп, чтобы не наступить на него или не влезть ногой в лужу рвоты. Но и этого оказалось достаточно, чтобы внутри шевельнулась огромная ледяная змея. Взяв чуть в сторону, она пошла со своим оружием к двери.

Дойдя, Джоуди прислонилась к ней спиной.

Энди, наклонившись у кровати, натягивал джинсы. Трусы, по всей видимости, он не носил. Попка у него была белая и гладкая.

Он не осознавал, что за ним наблюдают. Когда же начал поворачиваться, Джоуди локтем погасила свет.

— Пойдем, — прошептала она.

— Я еще не оделся...

— Штанов вполне достаточно. Пойдем. Осторожно, не споткнись.

— Думаешь, он откинулся?

— Если не от биты, то уж наверняка от твоей

блевотины.

В темноте послышался короткий хриплый смешок.

— У тебя мрачный юмор, Джоуди. — Несколько секунд он молчал. По звуку Джоуди поняла, что он идет к ней.

— Может, нам удастся убить и другого?

— Возможно, придется попробовать. Ты что предпочитаешь, мачете или биту?

— Оставь биту себе. У тебя с ней неплохо получается.

— Замечательно. — Она медленно подняла мачете и вытянула его перед собой клинком вверх.

— Оно прямо передо мной, — предупредила она — Не порежься.

В темноте что-то ударилось о ее руку чуть ниже локтевого сгиба.

«Хоть бы это был Энди».

— Это ты? — прошептала она.

— Да.

На руку легли две ладони. Одна осталась на месте, а другая скользнула к кисти. Джоуди вы-

пустила мачете. Едва Энди отпустил руку, она протянула ее вперед. Пальцы коснулись обнаженной кожи и скользнули по ней. Похоже на бок, решила она, чуть пониже подмышки.

— Ты готов?

— Не совсем.

— И я тоже.

— Что будем делать?

— Все, что придется, — ответила она. — Протыкаем, если получится. Но если нас увидят, тогда ноги в руки.

— А что, если наткнемся прямо на него?

— Не знаю. Тогда, наверное, будем действовать по обстоятельствам. Но у нас все же есть шанс застать его врасплох, так что, думаю, стоит попытаться. Главное — выбраться отсюда живыми. Это единственное, что имеет сейчас значение, понятно?

— Понятно.

— Готов?

— Ты не обнимешь меня?

— Ты что?

— Пожалуйста, все мертвы.

— Ладно, но осторожнее с мачете. — Держась за бок Энди одной рукой, чтобы не потерять направление, она шагнула вперед и легонько прижалась к нему. Он завел свободную руку ей за спину. Но она почти не коснулась ее.

— Мне всегда хотелось. . . . — Он осекся.

— Чего? — спросила Джоуди.

— Чего-то вроде этого. Вот так обнять тебя. Я хочу сказать, что это чертовски. . . чертовски приятно.

Джоуди поцеловала его в лоб.

— Я ведь тебя люблю.

— Эй!

— Да. Я тебя очень люблю.

— Эй! — Она подогнула колени, чтобы их лица оказались на одном уровне. Затем крепко обняла мальчика свободной рукой и, крепко прижавшись, поцеловала. Свободной рукой Энди из всех сил вцепился в нее.

— Я никому не дам тебя в обиду, Джоуди. Никогда, — промолвил он, когда она отняла губы.

Она похлопала его по боку.

— Вместе навсегда, малыш.

— Я готов, дело только за тобой.

— Хорошо, тогда за мной.

— Нет, я пойду первым. Я — мужчина.

— Ты мужчина, не спору. Но я главная, и ты пойдешь за мной.

— Но...

— Тсс. — Взяв за руку, Джоуди оттащила его от двери. У края присела на корточки и положила биту на правое плечо.

— Спрячься за моей спиной.

Джоуди почувствовала, как его колено уперлось ей в ягодицу.

— Пошли, — шепнула она.

Подняв левую руку, она нащупала ручку. Затем повернула ее и потянула дверь на себя.

Глава 3

За дверью никого не оказалось.

Опустившись на колени, Джоуди поползла по ковру до середины дверного проема и, высунувшись вперед, посмотрела по сторонам.

Коридор был пуст.

В дальней его части из спальни хозяев лился свет и звучала музыка. На этот раз это был Билли Джоуэл с песней «Спокойной ночи, Сайгон».

«Папина любимая», — подумала она. И снова пожалела, что его не было рядом.

Во Вьетнаме он был командиром взвода. Теперь служит сержантом в лос-анджелесской полиции. Как раз сейчас на дежурстве, защищает права граждан.

«Папа, здесь как раз есть гражданин, кому

позарез нужна твоя помощь».

Поднявшись с пола, Джоуди шагнула в коридор и, крадучись, пошла на свет распахнутой двери. Энди шел позади, положив ладонь ей на спину.

Нет, дверь обойти не удастся. А иначе на лестницу не попасть.

Но что тогда остается: прыгать из окна второго этажа или спрятаться? Если прыгнуть, царапинами не отделаться. Пусть Энди не совсем прав насчет свернутых шей, но один из них наверняка покалечится и не сможет бежать, а то и оба. Но прятаться — тоже не выход. От одной мысли об этом поползли мурашки по коже. В детстве она часто играла в прятки и прекрасно понимала, что находят обычно всех. К тому же ублюдок мог оставаться в доме всю ночь. А еще мог поджечь его напоследок.

Прятаться — все равно что лезть в темный мешок и ждать смерти.

«В безопасности мы будем только на улице».

А значит, придется пробираться к лестнице. Так что распахнутой двери спальни не миновать.

С каждым шагом песня «Спокойной ночи, Сайгон» звучала все громче.

Слова «умереть вместе» Джоуди не понравились. Совсем некстати. Это ведь значило «быть убитыми», так ведь?

«Нет, нас не убьют! Мы выберемся!»

Хотелось предостеречь Энди, чтобы тот не заглядывал в комнату. Но язык не поворачивался. К тому же она понимала, что мальчик все равно не удержится.

Перед самой дверью Джоуди стиснула битку обеими руками и занесла над левым плечом, словно перед самым финишем.

В бейсболе она всегда била слева.

Отбивать бейсбольные мячи — это было единственное, что Джоуди делала левой рукой. Сама не знала почему. Отец божился, что тоже не знает. Порой закрадывалось подозрение, что, когда он давал ей первые уроки, ему просто хотелось побыстрее от нее отвязаться.

«Черт, мог ли он представить, что мне доведется раскроить битой чей-то череп! А мне, быть может, придется сделать это еще раз. Боже!»

Неожиданно накативший страх чуть было не вырвался криком, и она едва удержалась, чтобы не пуститься со всех ног мимо этой жуткой двери.

«Спокойно, — приказала она себе, — не волноваться. Выдержка прежде всего. Если удастся пробраться незамеченными, есть надежда вернуться домой».

А что, если попробовать проползти мимо двери по-пластунски? — мелькнуло у нее в голове. Меньше вероятности, что заметят. Но тогда они дольше будут на виду. Кроме того, такой маневр мог их полностью обезоружить, и, если их все-таки заметят, они не смогут ни защититься, ни быстро пуститься наутек.

«Нет, только не на полу, — решила она. — Прошмыгнем. Тихо и быстро».

Оставалось решить, какая сторона коридора была безопаснее. По логике, чем ближе держаться к двери, тем меньше они будут на виду. Только это было нереально — выше ее сил. Что, если он прямо за дверью? Тогда он успеет схватить их, когда они попытаются проскользнуть мимо.

Или подставит им подножку.

К тому же спуск с лестницы был слева, с противоположной от двери стороны.

Джоуди повернула влево. Рука Энди все еще лежала на ее спине.

Ладони сделались влажными, и рукоятка бейсбольной биты стала скользкой.

И Джоуди ступила в лужу света.

«Не оглядывайся, — приказывала она себе. — Услышишь, если заметили».

И она решила держать голову прямо.

В тусклом свете серели неясные очертания лестничных перил. Всего восемь или десять футов, не больше.

«У нас получится!»

Но в этот момент в спину впились ногти Энди, и он издал такой стон, что мурашки побежали по коже.

Джоуди резко повернула голову и бросила взгляд в комнату.

Возле кровати стоял толстяк, убивший Ивлин. Но он был не один. Рядом еще несколько человек. Пять или шесть. А может, и больше.

Они стояли молча. Не смеялись, не рычали,

не переговаривались, не шутили. Сосредоточенно занимались делом. Слышались лишь песня Билли Джоуэла о вьетконговцах, скрип кровати, учащенное дыхание и какой-то хлюпающий звук.

Ни Ивлин, ни мистера или миссис Кларк нигде не было.

Хотя, несомненно, они должны были там быть, в самой гуще.

Но, кроме обнаженных тел, тесаков и крови, ничего не было видно.

Взгляд был короткий, всего секунду, и Джоуди даже не успела рассмотреть, чем они занимались. Но и этого оказалось вполне достаточно, чтобы понять: ничего этого видеть ей не следовало.

Но в тот момент, когда она отводила глаза, один из мужчин повернулся, вероятно, услышав стон Энди.

На теле у него не было ни единого волоска. Зато оно было все в крови. В одной руке — мачете, в другой — отрубленная голова. Голова была перевернута вниз, и он держал ее за искромсанный обрубок шеи. Волосы свисали до самого по-

ла. Невозможно было сказать, кому она принадлежала: миссис Кларк или Ивлин.

— Бежим! — крикнул Энди.

Но Джоуди уже неслась. Один прыжок перенес ее через лужу света.

Позади раздался крик Энди.

Оглянувшись через плечо, Джоуди увидела сверкнувшее в воздухе мачете. В этот момент Энди отпрыгнул в сторону и кинулся вслед за ней.

Добежав до лестницы, она стремглав бросилась вниз, скользя правой рукой по перилам. Бита больно стучала по плечу в такт гигантским прыжкам.

— За нами гонятся, — пыхтел сзади Энди.

Отскочив влево, Джоуди притормозила плечом о стену.

— Вперед! Скорей к двери! Отпирай!

Она замедлила свой бег, и на какую-то секунду или две Энди поравнялся с ней, а затем вырвался вперед. Джоуди метнулась от стены к перилам, и удар руки о балясину подсказал ей, что она уже сбежала в самый низ.

Джоуди извернулась, пытаясь восстановить

потерянное равновесие.

На лестнице мелькнула быстрая черная тень.

Он не один? Определить невозможно.

— Открывай дверь! — крикнула она.

— А я что делаю? — Джоуди услышала громоухание цепочки — Я почти что...

— Отстань! — взвизгнула она навстречу темной бесформенной массе, которая летела прямо на нее, вытянув вперед руки. Джоуди показалось, что в правой руке было мачете. И она ударила наотмашь.

Удар пришелся по чему-то мягкому.

Послышался стон.

Бита согнула прыгуна пополам, и, вместо того чтобы свалиться на Джоуди и пришпилить ее к полу, он грохнулся на пол в стороне.

В этот момент распахнулась входная дверь, и ворвавшийся с крыльца свет осветил распростертого на полу человека. Один прыжок — и Джоуди оказалась рядом с ним. Она уже занесла над головой биту, но тут до ее слуха донесся грохот несущихся по лестнице шагов.

— Джоуди!

Времени на еще один удар не оставалось, и она бросилась к двери.

Энди ждал. Едва ее нога коснулась спасительного коврика, как дверь с треском захлопнулась.

По крыльцу они сбежали бок о бок, не замечая ступенек. Спрыгнули и понеслись по дорожке. Джоуди переложила биту в правую руку, перехватила ее посередине и напрягла предплечье. Теперь не надо было так сжимать кисть.

— Куда? — запыхавшись, произнесла она.

— Не знаю!

Для начала неплохо хотя бы на улицу.

Прямо перед домом стояло несколько машин. Пять или шесть, и все разные. И еще темный фургон.

«Подумать только, просто подрулили и припарковались перед домом. Как автотуристы на пикнике, не иначе. Боже праведный! А что, если они оставили кого-нибудь на стреме?»

Распахнувшаяся с треском входная дверь вмиг прервала поток ее мыслей. Оглянувшись, она увидела стремительно приближавшиеся фигуры. Застонав, Джоуди отвела взгляд и пусти-

лась бежать с удвоенной силой.

— Сворачивай к дому! — кинула она на ходу Энди. Выскочивший уже на тротуар Энди резко взял влево. Джоуди последовала за ним.

«Маленький, а какой прыткий, — подумала она. — По крайней мере, удалось вырваться на улицу. Если в еще показалась какая-нибудь машина».

Бита сильно потяжелела и связывала ей руки. Если в не она, Джоуди подставила бы грудь ветру и понеслась во всю прыть. Но выбросить ее она не решалась.

Вспомнился рывок к финишу в ее первой в жизни серьезной игре. Полет белого чистенького мяча в заоблачную высь — куда-то за дальнюю ограду. Тогда она настолько разволновалась, что позабыла бросить биту. Так и обегала базы, прижимая ее к себе, словно это была банка с орешками.

Папа тогда чуть не умер со смеху.

Но и чертовски тогда ею гордился.

«Боже, увижу ли я его снова?»

Джоуди оглянулась через плечо. Преследова-

тели срезали угол по лужайке.

На этот раз она задержала взгляд. Хотелось получше их разглядеть и оценить свои шансы.

Их было трое.

Толстяка с копьем среди них не было. Должно быть, остался в доме Другие, похоже, там же.

А эти выскочили, чтобы замести следы.

«Убрать свидетелей».

Ближний, видно, неплохой бегун. Руки его были свободны, но он был чем-то подпоясан, так что там вполне мог быть подвешен нож. У бежавшего следом был меч, точнее сабля, которой он размахивал над головой, отбрасывая в темноту блики лунного света. Третий с большим трудом пытался не отстать от остальных. Может, потому, что топор, который он нес, был тяжелый и неудобный. А может, из-за своих огромных пропорций.

Одежду их определить было трудно. В коже, надо полагать. Своей собственной и чужой, как тот, которого она убила. И сплошь обмазаны кровью. Черной, как ночь, кровью Ивлин, мистера и миссис Кларк.

«Кто они такие?»

Все это было настолько ужасно, что казалось нереальным.

Хоть бы улюлюкали. Люди всегда выкрикивают что-нибудь, когда гонятся за кем-то, разве не так?

«Почему они себя так ведут? Боятся разбудить соседей?»

Забежав за последний автомобиль, Энди прыгнул с тротуара на проезжую часть.

Джоуди прыгнула вслед и бросила взгляд на багажник.

Отец не раз повторял ей:

— Всегда запоминай номерные знаки. Что бы ни происходило, если это связано с автомобилями, обязательно «снимай» номера.

— Но это же воровство, — как потом рассказывали, возразила она однажды, когда ей было четыре.

— Нет, на самом деле ты к ним даже не прикасаешься, просто «снимаешь», то есть запоминаешь, записываешь.

И сейчас она хотела «снять» их.

В тусклом свете уличных фонарей регистрационные номера были хорошо видны. Но они были черными и блестящими. Закрашены или заклеены?

Не задерживаясь, чтобы проверить свои догадки, Джоуди отскочила от багажника и пустилась догонять Энди, который бежал наискось через улицу, видимо, в сторону добротного двухэтажного каменного дома.

Живая изгородь перед зданием была облита светом. Дорожка к входной двери подсвечивалась газонными фонарями. Над крыльцом тоже горел фонарь. Бетонная площадка перед гаражом на три автомобиля была похожа на теннисный корт, освещенный для ночной игры.

В общем, свет был повсюду, только не в окнах.

Они были темнее ночи.

«А кому не спится в такой час?»

Непонятно, почему Энди выбрал именно этот дом. Почему не дом соседей, который был ближе? Может, знаком с хозяевами или...

Джоуди бросила беглый взгляд за спину.

На лужайке соседей Кларков была установлена табличка «Продается».

Так что скорее всего это действительно ближайший обитаемый дом.

«Только от этого не легче, — подумала она, — хозяева, похоже, спят как убитые».

Небольшой поворот туловища — и Джоуди увидела, как лидер преследователей прыгнул с тротуара. Оба его спутника отстали, но ненадолго.

«Неужели догонят? — ужаснулась она. — Мамочка, как они близко».

— На помощь! — закричала она на бегу. — Помогите! Полиция!

Энди тоже начал кричать.

Джоуди перевела дыхание и заорала что было мочи.

— Пожар!!!

— Доктор Янгмен! — завопил, в свою очередь, Энди, влетев с тротуара на лужайку.

— Доктор Янгмен! Помогите! Пожалуйста! Доктор Янгмен!

Джоуди тоже вбежала на газон.

Трава была холодной и очень мокрой. Доктор Янгмен, должно быть, поливал ее вечером.

— Доктор Янгмен! — орал Энди. — Это я, Энди! Энди Кларк! Помогите! Отворите! Помогите!

Джоуди окинула взглядом фасад, надеясь увидеть хотя бы одно зажегшееся окно.

Но все они по-прежнему были темны.

Жарко. Если окна закрыты и включены кондиционеры, то вряд ли в доме услышат их крики.

Но, может, доктор Янгмен все же услышал их? Может, просто решил не зажигать свет? Может, именно сейчас подходит к входной двери? Может, через долю секунды распахнет ее и позовет: «Ныряй, детвора. Поживее!»

«О Боже, если в только».

— Хватит надрываться, — выпалила на ходу Джоуди. — А то нас убьют на крыльце!

Но Энди не колебался ни минуты. Вероятно, подумал о том же, потому что еще на слове «крыльце» сиганул влево.

Джоуди сделала резкий поворот перед самым крыльцом и вскрикнула, почувствовав, как почва уходит из-под ног.

Падение, казалось, длилось целую вечность.

Бесконечное скольжение. Тело валилось и валилось в бездну. Наконец левая ягодица коснулась земли, после чего Джоуди еще долго мягко скользила по густой мокрой траве.

Навстречу своей гибели и теряя драгоценные секунды.

«Иисусе! Сейчас меня сцапают!»

Глава 4

От скольжения по газону ночная рубашка задралась до пояса.

Джоуди успела только приподнять туловище.

Появившийся перед глазами парень ухмылялся. За пару шагов он завалился на землю и проехал оставшуюся часть пути на коленях. От него не смердело, как от остальных, не несло гнилью.

— Попалась, крошка, — прошептал он. Ухватившись за короткие волосы на затылке, он резко дернул назад ее голову. Его лицо нависло над ней. — А ты киска.

Бита легла ему на макушку.

Но удар был снизу, одной рукой и почти без размаха.

Не дожидаясь результатов, Джоуди дернулась

влево. Чуть не осталась без скальпа, но все-таки вырвалась и покарабкалась по газону, загребая коленями и кулаками, но не выпуская из руки битья.

Навстречу детине с саблей.

Всего за пару шагов до него Джоуди вскочила на ноги и стремглав пустилась наутек. Тот круто развернулся и взмахнул саблей. Клинок со свистом рассек воздух за спиной.

И в этот миг он ойкнул.

Оглянувшись, Джоуди увидела, как ее преследователь поскользнулся. Ноги заплелись, и он плюхнулся на задницу. Зато первый, который чуть было не поймал, уже привстал на одно колено и вот-вот должен был встать на ноги. Одной рукой он держался за макушку бритой головы, другой доставал нож из ножен, болтавшихся у бедра.

Детина с топором за это время почти наверстал отставание.

«Нельзя забывать о нем», — напомнила себе Джоуди.

Высокий, широкий в плечах и мускулистый.

Да еще с топором. И пер, как танк. Такого ничем не остановишь — идет напролом. Ему бы чуточку подвижности.

Верзила еще ковылял по середине газона, когда Джоуди выскочила на теплый сухой бетон подъездной аллеи.

Энди был уже там, подпрыгивая на месте и встряхивая руками и ногами, словно участник эстафеты, нетерпеливо дожидавшийся передачи эстафетной палочки. Лишь только Джоуди с ним поравнялась, как он развернулся на сто восемьдесят градусов и сорвался с места.

Бок о бок они понеслись через подъездную дорогу в сторону изгороди.

Изгородь тянулась вдоль всей аллеи — сплошная зеленая стена кустов с ровно подрезанными верхушками выше головы Джоуди.

— Вниз, — шепнул Энди с придыханием.

«Преграда, через которую не продерешься и через которую не перепрыгнешь».

Джоуди поняла, что он имел в виду. Хотя кусты срослись в непролазную чащу, внизу, у земли, вокруг стволов зияли просветы.

Джоуди мельком оглянулась назад. Парень, поймавший ее после падения, снова вырвался вперед и почти добежал до края подъездной аллеи.

Просунув биту в прогалину, Джоуди распласталась на земле и поползла. Быстро и отчаянно, подгоняемая страхом, что ее вот-вот схватят за щиколотку и выволокут их кустов.

Или подоспеет громила с топором и рубанет. . .

«Неужели этим чертовым зарослям никогда не будет конца!»

Казалось, кусты и сама земля были против нее. Они цеплялись, царапались и выталкивали назад.

Но вот наконец она выкарабкалась на свет божий.

Следом протиснулся Энди. Поднимаясь с земли, он всхлипывал и хватал ртом воздух.

— Все будет нормально, — шепнула Джоуди. Повернувшись на локтях и коленях, она заглянула под кусты, высматривая ноги преследователей.

Аллея и лужайка были пусты. Попятившись, она схватила битую и поднялась на ноги.

— Пойдем.

— Где они?

— Не знаю.

"Должно быть, побежали в обход, — решила она про себя. — Для этого понадобится какое-то время. Возможно, секунд десять или пятнадцать.

Если бы у нас была шапка-невидимка!

Пролезть под кустами назад? И что? Наверняка оставили там того верзилу с топором, на всякий случай. На это не надо много ума".

Неожиданно Энди дернул ее за рукав.

— Придумал! Ты возвращайся и попробуй достучаться до доктора Янгмена. А я уведу их в сторону.

— С ума сошел! — вырвалось у Джоуди.

— Получится! Я закружу их, а потом прибегу к тебе.

— Нет, мы...

— Назад в кусты. — Он так потянул за рукав, что ворот ночнушки спустился на плечо.

— Эй!

Он не отпускал рукава.

— Лезь в кусты.

Спорить было некогда, и она опустилась на колени.

— Увидимся. — Энди развернулся и пустился бежать по газону.

«Чудак! — подумала она. — Ведет себя так, словно это ковбойский фильм!»

И Джоуди начала подниматься с намерением побежать следом.

Мальчишка был уже на полпути к следующей подъездной дороге. Она встала на колени, чтобы подняться и бежать вслед, когда из-за угла изгороди выскочил первый преследователь. Он замедлил бег и стал поворачиваться. Джоуди замерла, понимая, что сейчас он ее увидит. Но первым ему на глаза попался Энди, и он бросился за ним вдогонку.

Едва Джоуди успела припасть к земле, как на дорожке показался тот, другой, с саблей, и включился в погоню. Через какое-то мгновение за ним последовал еще один, с топором.

Все они бежали по газону за Энди.

«Думают, что я с ним. Вероятно, считают, что я вырвалась вперед. Давай, Энди, давай!»

С этими мыслями Джоуди повернулась к кустам и нырнула в узкий просвет. Выбравшись на другой стороне, она пружиной вскочила на ноги. Пересекая подъездную дорогу, Джоуди переложила битую в левую руку. Шлепанье босых ног по мокрой траве, казалось, было слышно на всю округу. Еще громче они затоптали по крашеному бетону дорожки, дугой изогнувшейся от подъездной аллеи к дому. Запрыгнув на крыльцо, Джоуди прильнула к входной двери и принялась молотить по ней кулаком.

Изо всех сил: восемь, девять, десять раз. Потом спохватилась: «Боже, а если они услышат мой стук?»

Перестав стучать, она скользнула ладонью по прохладному дереву к звонку и утопила кнопку. Сколько раз нажимала, Джоуди не помнила, но после каждого нажатия ей казалось, что где-то в глубине раздавался тихий звон колокольчика.

— Ну же, ну же, ну же! — нашептывала она.

Не отпуская кнопки, Джоуди оглянулась через

плечо. Никого. Широкая лужайка была пустынной. На подъездной аллее и возле изгороди тоже никого не видно. И пустая улица. Если не считать автомобилей перед домом Кларков. Пять легковушек и один фургон.

«Боже милостивый, пронеси!»

Джоуди вздрогнула, и рука бессильно опустилась вниз.

— Помогите! Пожалуйста! За мной гонятся.

— Иду, иду.

Джоуди отпрянула от двери и повернулась лицом к улице. Пока все в порядке. Развернувшись к двери, она нагнулась и уперлась локтями в колени. Не очень-то удобно, особенно с битой в руке, но дышать стало легче.

С тихим скрипом втянулась задвижка. Дверь приоткрылась ровно на размеры узкого сморщенного личика. В щель высунулся нос, но, похоже, женщина за дверью в таком положении ничего не могла видеть, и поэтому она склонила голову вбок. На ней были очки в яркой красной оправе и с линзами толщиной в шайбу.

— Расскажи-ка, что все это, в конце концов,

значит, барышня. Что там еще за погоня? — Она попыталась заглянуть за спину Джоуди, словно выглядывая преследователей.

— Вы обязаны меня впустить, — выпалила Джоуди.

— Я никому ничем не обязана. Ты не одна из тех крикунов, которые тут совсем недавно орали благим матом и подняли меня с постели?

«Так она все-таки услышала».

— Да, это была я и Энди Кларк.

— Энди Кларк? Милый мальчуган. Почему он так поздно на улице и что ему тут делать в такое время?

— Он со мной!

— Не вижу. Ну и вид у тебя, подруга. Чем это ты занималась?

Джоуди выпрямилась и сделала несколько коротких вдохов, чтобы отдышаться.

— Они всех убили. Всех Кларков, кроме Энди. Я подруга Ивлин. Ее убили. Всех убили. Вы должны меня впустить. Надо позвонить в полицию, пока они и нас не прикончили! Пожалуйста!

В линзах захлопали огромные ресницы. Ста-

рушка покачала головой.

— Все это так запутанно.

— Да нет же, все просто! — сорвалась Джоуди. — Ясно, как Божий день, черт побери! Там маньяки с мечами, топорами и ножами, и они носятся вокруг, словно толпа обезумевших бойскаутов из «Повелителя мух». Они хотят убить меня и Энди! Куда уж проще! Открывай дверь, мать твою!

— Барышня!

— Неужели не понятно? — с досадой кинула Джоуди, оборачиваясь назад. Никого не заметив, она снова повернулась к старушке. — Пожалуйста, они нас убьют.

— Я не могу впустить в дом первого встречного, — ответила та, покачивая головой. — У меня есть обязанности. Дом не мой, и вы должны понять...

— Наплевать, чей это дом... Где доктор Янгмен? Кто вы такая?

— Я миссис Янгмен.

— Ваш муж дома?

— Должна вас огорчить, но он скончался.

— Простите.

— Его нет уже с нами девять лет.

— Откройте, пожалуйста, дверь. Прошу вас!

— Это дом моего сына, доктора Эрнеста Янгмена.

— А хоть он-то дома?

— Как бы я этого хотела. Уж он бы наверняка знал, как поступить в этих затруднительных обстоятельствах. Но, увы, он отсутствует. Они отправились всей гурьбой на выходные за город. Все, кроме меня, вот так. — Ее лицо вдруг озарилось. Сухопарая ручонка взметнулась в воздух, и под носом Джоуди раздался щелчок пальцами. — Я позвоню Эрнесту сию же минуту и...

Джоуди со всей злости ударила битой о дверь.

Удар пришелся чуть ниже уровня лица миссис Янгмен. Словно прозвучал револьверный выстрел.

Старушка подпрыгнула.

— Отоприте, или я выломаю дверь! — закричала Джоуди.

Лицо исчезло.

«Боже, что я натворила!»

Опустив биту, она подскочила к двери и прижалась лицом к щели. Миссис Янгмен нигде не было видно.

— Простите, — проговорила Джоуди, — пожалуйста, я так напугана. Если они поймают, то изрубят меня на кусочки и... Пожалуйста!

— Из-за тебя я описалась!

— Извините. Я действительно этого не хотела.

— Ты скверная девчонка!

— Неправда. Поверьте. Я очень сожалею.

— Малолетняя преступница, вот кто ты такая!

— Джоуди! — слышался где-то совсем рядом голос Энди.

Джоуди охватило радостное чувство — он справился и выродки его не догнали. Но одновременно ее встряхнуло: он бежит, значит, его еще преследуют.

Повернувшись, Джоуди увидела появившегося из-за угла изгороди со стороны подъездной аллеи мальчика и помахала ему рукой.

— Где они? — крикнула она.

— Приближаются, — выкрикнул тот в ответ. Изменив направление, он бежал теперь прямо к

ней. Похоже, он не заметил, что смотровое окошко в двери было открыто.

— Достучалась к доктору?

— К сожалению, нет. Он уехал за город. В доме никого, кроме его матери, а она не впустит нас.

— Мэйбл! — заорал Энди, подбегая ближе. — Это Энди! Мэйбл, вы должны нас впустить!

Услышав скрип и скрежет металла, Джоуди повернулась к дому. Дверь распахнулась.

Джоуди стремительно шагнула через порог. Стоявшая за дверью миссис Янгмен сердито косилась на нее. Покрасневшие глаза старушки были мокрыми от слез.

— Простите меня, — пробормотала Джоуди.

— Сделанного не воротишь, а ты сделала это нарочно.

В это мгновение в вестибюль ввалился Энди. Когда он, запыхавшись, опустился на мраморный пол, Джоуди вырвала из рук миссис Янгмен дверь.

Закрывая, она бросила взгляд на улицу.

Из-за кустов на дорожку выбежал тот первый,

с ножом.

Джоуди быстро захлопнула дверь.

Все же недостаточно быстро. Она была уверена в этом. Ее заметили — она поймала его взгляд.

Поворачивая замок, Джоуди застонала.

— Что? — едва произнес Энди.

— Кажется, нас засекли.

Глава 5

— Сейчас будут здесь, — сказала Джоуди.

Энди, который все еще не мог отдышаться, покачал головой. Он лежал на полу, и с его волос капал пот, словно он только что вышел из-под душа. Джинсы обвисли, обнажив светлую полоску незагоревшей кожи. Испещренная синяками и ссадинами спина была красной и мокрой.

— А может, и нет, — выпалил он.

— Мы — свидетели, и нас надо убить.

— Никто никого не убьет, — вмешалась миссис Янгмен. Шмыгнув носом, она утерла глаза тыльной стороной ладони. — Ступайте оба за мной. Мы сию же минуту вызовем полицию.

Приподнявшись с пола, Энди вытер рукой пот с лица. Грудь и живот выглядели еще хуже, чем

спина.

— Что с тобой случилось? — ужаснулась Джоуди.

— Пришлось проскочить через парочку кустов. Несколько раз падал, — криво усмехнулся он. — Устроил им гонку.

— Не будем терять времени, — оборвала его миссис Янгмен, показывая дорогу. На ней была бледно-голубая ночная сорочка. Пристроившись за ней, Джоуди заметила мокрое пятно на уровне бедер.

— Мне действительно очень жаль, что я вас так напугала.

— Хватит об этом, в конце-то концов.

— Я не выродок какой-нибудь. Никогда такого себе не позволяла. Просто... На меня просто нашло. Понимаете? Эти парни, они как... У вас есть пистолет?

— Чего-чего, но этого у меня определенно нет.

— А у вашего сына? Он не держит у себя на случай...

— Пистолеты для убийства, барышня. А мой Эрнест — целитель. — Войдя под арку, она протя-

нула руку к стене. Через секунду зажглась люстра, заливая все вокруг ярким светом.

Обходя вслед за миссис Янгмен массивный дубовый обеденный стол, Джоуди шарила глазами по сторонам в поисках телефона.

Телефона нигде не было.

«Не удивительно. Кто ставит телефоны в столовой».

— Где он? — не выдержала она.

Старушка обернулась.

— Почему ты не слушаешь? Надо всегда слушать, когда тебе что-нибудь говорят. — На слове «слушать» она ткнула Джоуди в грудь указательным пальцем.

— Эй! — вскрикнула Джоуди.

— Не смей говорить мне «эй»! — сердито ответила миссис Янгмен и для пущей убедительности еще два раза ткнула Джоуди пальцем. Ноготь был длинный и острый. Девочка почувствовала, как его изогнутый конец уколол через ткань. Наверняка останутся следы на коже.

«Больная какая-то», — подумала она, но вслух сказала:

— Извините.

— Вы, молодежь, полагаете, что такие умники, что и слушать никого не надо. — Она снова ткнула Джоуди пальцем. — Так что я тебе сказала?

— О чем?

Последовал новый тычок.

— Мэйбл, — взмолился Энди, — перестаньте ее обижать.

Но та и ухом не повела. Читая нравоучение, она еще четырежды ткнула Джоуди в грудь.

— Я уже говорила тебе. Мне казалось, я совершенно ясно обрисовала тебе ситуацию. Мой Эрнест не хранит в доме оружия.

— Да, поняла!

— А если поняла, тогда почему снова спрашиваешь где?..

— Телефон. Те-ле-фон! Где телефон — вот что меня интересует!

— Где телефон, я знаю. Именно туда мы и направлялись, когда ты мне начала докучать.

— Простите, — извинилась Джоуди, — я больше не буду к вам приставать. Но лучше поторо-

питься.

Миссис Янгмен развернулась и пошла дальше.

— Не вижу особой нужды торопиться, — заметила она. — Дом надежно заперт, и нам ничего не угрожает. Полицию мы дождемся в полной безопасности.

— Полиция, — возразила Джоуди, — только в кино появляется сразу после звонка.

Миссис Янгмен недовольно оглянулась через плечо.

«Если снова остановится, вырублю ее и найду телефон сама».

К счастью, та не остановилась.

— Ты издеваешься надо мной, барышня?

— Совсем нет.

— У нее папа полицейский, — вмешался Энди.

— Тогда все ясно, — подытожила миссис Янгмен, входя под арку в конце столовой.

Зажегся свет, и Джоуди вошла вслед за ней на кухню. Старухин затылок был прямо у нее перед носом, и Джоуди ощутила внезапное желание ударить ее. Просто резко хлопнуть по шее ладо-

нью.

— У меня нормальный отец, — сквозь зубы процедила она.

— Разумеется.

Позади обеденного стола в стекле раздвижной двери появилось отражение миссис Янгмен. Сначала в профиль, затем анфас. Изображение было на редкость четким, но с жутковатой темной глубиной.

Телефон висел слева от двери на стене.

Остановившись, миссис Янгмен протянула к нему руку.

«Интересно, заперта ли эта раздвижная дверь?» В этот момент Джоуди увидела свое отражение. Она стояла у самого стола — в одной руке опущенная бита, другая сжимает спинку стула. словно какая-то незнакомка — одичавшая и насмерть перепуганная бродяжка, похожая на нее по нелепой случайности и оказавшаяся точно в такой же красной трикотажной ночной рубашке с изображением Винни-Пуха, прижимающего к груди горшочек с медом. Джоуди понимала, что это была никакая не незнакомка. Она чувствова-

ла, как взмокшая и прилипшая к телу сорочка стягивает кожу. Еще ощущала бедрами гнутую спинку стула, скользкую ручку биты, а босыми ногами — холодный пол, и еще все царапины, ссадины и уколы на теле, которые жгли огнем.

В стекле Энди стоял у нее за спиной, чуть в стороне. Он все еще не мог отдышаться.

Сняв трубку, миссис Янгмен нахмурилась.

Трубка была с антенной, но без шнура.

— Вы знаете, как с ней обращаться? — поинтересовался Энди.

— Конечно же.

— Это радиотелефон, — заметил мальчишка.

— Знаю, знаю, — поспешила ответить миссис Янгмен, но без уверенности в голосе.

— Надо подвинуть маленький ползунок в верхней части. Двигать до тех пор, пока не скажут «говорите».

— Какой ползунок?

— Давайте я. — В стекле Джоуди увидела, как Энди шагнул вперед из-за ее спины. Худой и хрупкий, на вид совсем ребенок.

— Я часто такими пользовался, — похвалился

он. — У доктора Янгмена есть еще один такой — его выносят во двор к бассейну.

Но в то мгновение, когда он повернулся и сделал шаг к миссис Янгмен, он на глазах изменился. Мальчик в стекле вмиг трансформировался. Он вырос и увеличился в размерах. Лицо стало тяжелым и безумным. Джинсы куда-то исчезли. В руках, за секунду до этого пустых, появился топор.

Замешательство Джоуди длилось недолго.

Вскрикнув: «Нет!», она схватила в охапку Энди и дернула его в сторону за какую-то долю секунды до того, как стекло разлетелось вдребезги. Джоуди увидела опускающийся сбоку в ливне осколков топор. Он шел по дуге в направлении живота миссис Янгмен.

Джоуди попыталась уклониться: вжалась и выбросила вверх руку, чтобы заслонить лицо.

Сквозь звон засыпающих стол стекол послышался шлепок топора, достигшего своей цели.

Стекло больно кололо ягодицы и ноги Джоуди. Надеясь избавиться от этого неприятного ощущения, она откачнулась от стола, но, развер-

нувшись, увидела, что топор воткнулся на самом деле выше живота миссис Янгмен.

Его обух торчал между грудей, глубоко погружившись в тело. Удар, по всей видимости, отшвырнул ее к самой стене. Лицо исказилось в ужасе, и телефон стал выскальзывать из разжавшихся пальцев.

Проламываясь сквозь разбитую дверь, человек, сжимавший топорище, лишь мельком взглянул на Джоуди и Энди.

Джоуди резко дернула Энди за руку, выталкивая его в направлении столовой. Устремившись за ним, она хлопнула по выключателю. Свет погас.

За спиной слышалось грязное ругательство.

Пробегая по столовой, Джоуди выдергивала стулья из-за стола и толкала их на пол за собой. Выключатель люстры находился вдалеке, так что понадобилось бы свернуть в сторону. Поэтому Джоуди решила не терять драгоценное время.

К тому же прихожая все равно была освещена.

Джоуди испугалась, что Энди бросится к входной двери, но этого не произошло. Отлично. За ней мог находиться один из преследователей.

Через прихожую Джоуди побежала к лестнице. Энди уже взбегал по ней. Она поплелась следом.

Едва ли это был оптимальный вариант. Но и на улицу путь был заказан.

Очевидно, Энди не раз бывал в доме. Он и Мэйбл знали друг друга. К тому же ему было известно, как обращаться с тем телефоном, и он упомянул о бассейне. Наверное, приходил покупать с детьми Янгмена или что-нибудь в этом роде.

А раз он здесь бывал, то, быть может, побежал вверх не зря. Может, Эрнест-целитель все же имел огнестрельное оружие.

У ее собственного отца была уйма секретов от ее бабушки Фарго. То, о чем знала Джоуди и чем иногда делилась со своими подругами.

Так что, возможно, Энди знал, где искать пистолет.

«Господи, помоги!»

Услышав частый топот ног внизу, она оглянулась через плечо. В это мгновение из столовой выскочил «дровосек». Миновав трусцой арку, он вбежал в прихожую, бросил взгляд на Джоуди, но никак не отреагировал и даже не ускорил движения.

Энди уже взбежал вверх.

Спустя мгновение, перепрыгивая через три ступеньки, вслед за ним на верхнюю лестничную площадку выскочила и Джоуди. Там она еще раз обернулась и увидела, как «дровосек» толкнул входную дверь.

«Неужели уходит? Может, все-таки нас не заметил? Решил, что мы выбежали на улицу?»

В самом начале всего этого кошмара убийца Ивлин тоже не заметил ее, стоявшую в темной комнате. Может, у этого зрение не лучше, чем у...

Но «дровосек» не скрылся в темноте ночи. Он шагнул в сторону от распахнутой двери, и в дом ворвались его дружки: с ножом и саблей.

Энди схватил ее за рукав и потянул так сильно, что ворот ночнушки врезался в шею. От рыв-

ка Джоуди качнулась в сторону и потеряла взломщиков из виду.

— Сюда! — учащенно дыша, прошептал Энди.

— В доме есть пистолет?

— Телефоны. Почти в каждой комнате есть...

— Набирать 911 уже поздновато.

— Можно...

— Отпусти рукав.

Он подчинился. Растянувшийся ворот так и остался висеть на плече.

— Приготовься бежать.

— Что?..

Джоуди скакнула в сторону. Первым взбегал с безумными глазами верзила с топором. Когда Джоуди встала на его пути, он занес топор.

Джоуди метнула биту, как короткий дротик.

Целилась в лоб.

И попала — толстый конец припечатал по лбу над бровями, и голова подпрыгнула, как мяч.

В следующее мгновение Джоуди уже снова была за стеной.

— Бежим! — выдохнула она, все еще надеясь,

что Энди приведет в какую-нибудь запирающуюся на замок комнату.

Догоняя Энди, она услышала грузный топот, грохот падения и брань. Должно быть, «дровосек» потерял равновесие и завалился на одного или обоих своих дружков.

«Наверняка сошел с дистанции, — злорадно подумала она. — Но остается еще два. Два на два. Теперь шансы равны. Ага. Равны, как же. Нас убьют».

— Куда бежим? — запыхавшись, выпалила она, дыша в спину мальчишке.

— В комнату Джимми.

— Она запирается?

— Там есть телефон.

— Я спрашиваю: дверь запирается?

— Не знаю.

Позади вновь послышался топот.

— Туалеты запираются, — произнесла, задыхаясь, Джоуди.

— Там нет телефонов.

Бегло оглянувшись, Джоуди увидела неясные очертания двух фигур, бежавших рядом.

— Родительская комната, — выдохнула она, — где?

Расплывчатая бледная рука Энди взметнулась в воздух и указала на серый прямоугольник прямо впереди — дверь, вероятно, была всего чутьточку темнее, чем коридор.

— Давай туда!

Энди бросился к противоположной стене коридора, и Джоуди кинулась следом.

— Двери, двери, двери! — закричала она.

В комнату они вскочили почти одновременно. Притормаживая, они едва удержались на ногах и, резко остановившись, развернулись на сто восемьдесят градусов. Энди схватил створку двери и резко захлопнул ее, и тут же они навалились на нее.

Не отрываясь от двери, Джоуди протянула руку и провела ею вниз по стене. Нащупав выключатель, она щелкнула им. Заполнивший комнату свет заставил ее прищуриться.

Приглушенный топот неумолимо приближался.

Джоуди посмотрела на дверную ручку. Она

была без замка.

Запорные механизмы отсутствовали напрочь.
«Великолепно».

Джоуди перевернулась. Привалившись спиной к двери, она уперла ноги в ковер, подогнула колени и сжалась в ожидании толчка.

Энди сделал то же.

Их руки соприкасались.

Спальня была очень просторная и вполне походила на спальню хозяев, но, по-видимому, совсем недавно в ней спала миссис Янгмен.

«С ведома ли сына? — мелькнуло в голове у Джоуди. — Тоже мне Белоснежка. Она мертва. Мертва. Господи»

Простыни были загнуты: верхняя — отвернута в сторону, нижняя — смята. Старушенции, должно быть, стало жарко.

В этот момент кто-то резко повернул дверную ручку, и Джоуди ощутила толчок в спину. Усилие длилось всего секунду.

«Должно быть, толкнули рукой».

Позади кровати за полуоткрытыми шторами виднелась раздвижная стеклянная дверь. Только

половина ее отражала комнату, и Джоуди поняла, что она была оставлена открытой.

Миссис Янгмен, похоже, захотелось чуточку свежего воздуха.

«Может, недолюбливает кондиционеры. Или не знает, как с ними обращаться».

В темноте открытой двери Джоуди разглядела шезлонг и перила.

Балкон.

Между ней и балконом стояла кровать с резной деревянной спинкой, а с обеих сторон — ночные столики.

На ближайшем — не далее пятнадцати футов — стоял белый телефон.

Дверь больно ударила в спину.

Оба застонали. И у обоих подогнулись колени, а ноги стали разъезжаться по ковру. С той стороны на дверь, должно быть, навалились плечами, но, встретив неожиданно сильное сопротивление, не сумели воспользоваться секундным преимуществом, так как после первого мощного толчка, который чуть не сбил Джоуди и Энди с ног, дверь шумно захлопнулась.

Джоуди подмывало побежать к телефону.

Но один Энди ни за что не удержит дверь.

— Да! — неожиданно выкрикнула она. — Срочно. В доме убийцы. Адрес? Дом Янгменов. Лорел-Лэйн. Поскорее! Они пытаются до нас добраться.

Энди заглянул ей в глаза.

— Через сколько, сказали, приедут? — твердо произнес он, хотя вид у него был такой, словно он был готов в любую минуту разреветься.

— Через пару минут. Сказали, что где-то в этом квартале находится патруль.

Из-за двери донеслось шипение оживленного шепота.

Джоуди бросилась к телефону. Из поднятой трубки слышался зуммер.

Она пробежала пальцами по кнопкам — 911.

Энди не сводил с нее глаз.

Джоуди рукой позвала его к себе.

Кивнув головой, он тихонько стал отходить от двери.

В ухе Джоуди слышался первый гудок.

Она открыла верхний ящик ночного столика,

все еще надеясь найти там револьвер.

Второй гудок.

Пистолета не было. Фонарик, блокнот и...

В комнату влетели убийцы.

Глава 6

Под натиском двоих дверь, которую больше не держали ни Джоуди, ни Энди, чуть не слетела с петель.

— Энди!

Но его не нужно было предупреждать — Энди уже сорвался с места. Он побежал в обход кровати, тогда как Джоуди, бросив трубку, плюхнулась на матрац и шмыгнула к противоположному краю. Она все еще барахталась на матраце, когда мальчишка добежал до открытой двери. Выскочив на балкон, он схватил внутреннюю ручку двери. Дверь дернулась, и ему пришлось резко остановиться. Джоуди соскочила с кровати и, пошатываясь, метнулась на балкон. Пропустив ее, Энди захлопнул дверь. Джоуди выставила вперед

руки, чтобы упереться ими в перила. Руки подогнулись, и она животом навалилась на поручни, да так, что перегнулась.

Внизу в лунном свете бледнела бетонная площадка.

За краем бетона чернел массивный прямоугольник с серебрившейся рябью.

Бассейн.

Но прямо под балконом был бетон. Шесть футов бетона между ней и бассейном. Или, может, десять? Или даже двенадцать.

— Ты первая, — выпалил Энди. — Я придержу дверь.

«Первая? Прыгать? Конечно же, прыгать. Выбора нет».

Джоуди оглянулась. Рука человека с саблей потянулась к дверной ручке. Его спутник обегал вокруг кровати. Должно быть, зачем-то останавливался — скорее всего проверял телефон.

— Забудь о двери! — крикнула Джоуди. — Прыгай!

Когда Джоуди, подпрыгнув, поставила ногу на верхний поручень и подтянулась на руках, по-

слышался звук распахивающейся двери. Опорная нога еще была согнута, когда верхнего поручня коснулась другая нога.

Боковым зрением она увидела, как Энди выжимался на обеих руках, пытаясь перемахнуть через перила.

Возможно, он это правильно придумал, мелькнуло у нее в голове, когда она отталкивалась от балкона.

«Боже! Лечу! Господи!»

Сабля со свистом рассекла воздух за спиной. Но Джоуди была уже далеко.

Горячие восходящие потоки вздыбили волосы и задрали подол. Она попыталась взглянуть вниз, но мешала сорочка.

Джоуди почти не сомневалась, что падает прямо на бетон.

Чтобы пролететь над ним и попасть в бассейн, прыжок должен был быть незаурядным.

"Может, все обойдется, — попробовала успокоить себя Джоуди. — Подогни колени и... "

Раздался крик Энди. Резкий и пронзительный крик боли.

Ступни Джоуди ударились обо что-то твердое, и все тело пронзил электрический ток. Колени сами собой подогнулись. Заваливаясь вперед, она выставила руки, надеясь защитить лицо от встречи с бетоном. Но не успела. Джоуди ощутила новый удар, на этот раз всем телом.

Вода заполнила рот, устремившись в ноздри. «Получилось!»

Она выдохнула воздух, чтобы прочистить ноздри. Опорожнив легкие, она успела избавиться от проникшей внутрь воды, прежде чем та вызвала удушье. Затем она стала судорожно загребать руками, чтобы всплыть на поверхность.

Не верилось, что удалось допрыгнуть до бассейна. Энди даже не рискнул. Возможно, понимал, что для него это было слишком далеко. Поэтому просто спрыгнул с балкона.

Судя по его воплям, приземление было не очень удачным.

Всплыв на поверхность, Джоуди глотнула воздуха и моргнула ресницами, стряхивая с глаз воду. Затем развернулась. Оба преследователя наблюдали за ней с балкона.

«Могли прыгнуть прямо на меня».

Впрочем, похоже, никто из них не собирался этого делать. Вероятно, не хотели рисковать.

Не сводя с них глаз, она поплыла кролем к борту бассейна.

«Если бы хотели, то давно бы уже прыгнули. Но они знают, что я не оставлю Энди. Может, хотят бросить в меня нож или саблю? Нет, этого они тоже не сделают. А где “дровосек”?»

Когда она доплыла до края бассейна, мысли о «дровосеке» уже перестали ее волновать. Но в это мгновение оба преследователя неожиданно бросились в комнату.

— Боже! — пробормотала она.

Сильно оттолкнувшись и ухватившись за край бассейна, Джоуди выскочила из воды. Поставив колено на плитки, она плюхнулась вперед, изогнувшись, подскочила и побежала к Энди, шлепая босыми ногами по бетону. Промокшая насквозь рубашка прилипла к телу.

Энди сидел, обхватив правое колено. Он шумно дышал и всхлипывал.

— Они сейчас будут здесь, — выпалила Джо-

уди. Но он лишь взглянул на нее и покачал головой.

Джоуди забежала ему за спину. Опустившись на корточки, она подхватила его за подмышки.

— Не надо, — попросил он. — Убегай отсюда.

— Уйдем вместе. — Она подняла его и поставила прямо. Энди покачивался на одной ноге.

— Попробуй стать на...

Он попробовал, но с криком пошатнулся и завалился на нее. Джоуди покачнулась под его весом, но не упала. Обняв мальчишку за грудь, она сильно прижала его к себе.

— Посади меня на место, — сквозь всхлипы произнес он. — Брось меня. Я сломал колено. Мне крышка. Пожалуйста! Уноси ноги, пока еще можно.

— Только с тобой, приятель.

И она потащила Энди вдоль края бассейна, прижимая его к груди. Тот пытался помочь ей, скача на здоровой ноге. Поврежденная нога обвисла и волочилась по бетону.

— Есть какие-нибудь мысли? — спросила она.

— Они нас убьют.

— Сначала должны поймать.

— Оставь меня. У тебя нет выбора. Ты можешь спастись, если...

— Заткнись-ка.

Джоуди окинула взглядом фасад дома. Пока что из него никто не появился.

В конце бассейна она остановилась.

— В какую сторону? Ты здесь бывал. Куда можно?..

— Туда. К забору.

Джоуди повернула голову и увидела шлакоблочный забор в нескольких ярдах от противоположного края бассейна. На вид высотой футов семь.

— Превосходно, — буркнула она.

Повернувшись к нему спиной, Джоуди начала пятиться, волоча за собой Энди.

Взгляд ее не отрывался от дома.

«Что я буду делать, если они сейчас появятся? Если брошу Энди, то без труда смогу перелезть через забор. Папа в жизни бы его не бросил. Даже если бы ему грозила смерть».

— Может, они не станут нас преследовать? —

предположила она.

— С какой стати?

— Хотя бы потому, что полиция уже в пути.

— Почему ты знаешь? Ты ведь только притворилась, что звонишь.

— А может, они не догадались, что я притворялась? К тому же в участке могли успеть снять трубку, когда я звонила по-настоящему. . .

— Разве?

— Не знаю.

— В любом случае ты ведь так ничего и не успела сказать.

— А это необязательно. Когда набираешь 911, компьютер автоматически выдает адрес. И посылают машину.

— Ты и вправду так думаешь?

— Все возможно. Главное, чтобы эти ублюдки решили, что мы вызвали полицию. Не станут же они гоняться за нами, зная, что скоро приедут полицейские. — Заметив, что угол бассейна остался позади, Джоуди оглянулась через плечо. До забора оставалось всего десять или двенадцать футов.

— У нас получится, — пробормотала она.

— А вот и они, — заметил Энди.

От этих слов внутри у Джоуди все похолодело и волосы на голове зашевелились.

Да, они появились, это так. Те двое с балкона — их силуэты подсвечивал свет комнат первого этажа. Один размахивал над головой саблей, другой бежал впереди. Лидер этого забега, видно, спрятал нож, полагая, должно быть, что так можно будет быстрее бежать. К бассейну они приближались слева.

"По крайней мере, между нами еще бассейн. И с ними нет «дровосека». Все могло быть значительно хуже. . . "

В этот момент Джоуди наткнулась спиной на стену. Развернувшись, она прислонила Энди к серым камням. Затем подняла его и приставила к шлакоблокам. Он вздрогнул всем телом и вскрикнул. Обняв его одной рукой за талию, а другую просунув ему между ног, Джоуди оторвала его от земли.

Мальчишка подскочил в воздух, как мяч.

Вскинув руки, Энди перекинул их через забор.

Лишь только Джоуди увидела, что Энди зацепился, она моментально отскочила в сторону. В воздухе мелькнула здоровая нога мальчика. Джоуди оглянулась и увидела, как один из преследователей — тот, который поймал ее на газоне, — свернул в сторону, огибая бассейн и оставляя далеко позади того, с саблей.

Джоуди обернулась к забору. Подпрыгнув, она ухватилась за верх. Послышался громкий шлепок — это ударился о блоки ее живот. Подтягиваясь на руках, она стала быстро перебирать ногами по стене, цепляясь босыми пальцами за шершавые камни. Выше и выше, колючие блоки сдирали кожу с тыльной поверхности пальцев, цеплявшихся то и дело за оттопырившуюся ночнушку. Острые кромки верхнего ряда оцарапали снизу груди и грубым наждаком прочесали ребра и живот.

— Скорее! — едва произнес Энди.

Он лежал пластом поверх забора. Лицо его было всего в нескольких дюймах от кисти Джоуди.

Прямо перед собой, за стеной, Джоуди увидела темные кроны деревьев и ветки.

«Прекрасно. Хорошо, что не двор или бассейн Пустырь? Может, удастся укрыться в зарослях».

— Спрыгивай! — приказала она ему. — Не жди. — Задрав левую ногу, она закинула ее на забор.

Правая все еще висела внизу: колено и пальцы упирались в стену.

— Берегись! — вскрикнул Энди.

Джоуди и сама вскрикнула, когда кто-то схватил ее за ногу.

— Попалась!

Сначала одна рука, затем другая. Одна держала за щиколотку, тогда как другая скользнула вверх по ноге, остановившись у самого паха, и так сильно сжала бедро, что на глаза накатились слезы.

Джоуди знала, куда стремилась эта рука.

Просто не смог дотянуться.

— Оставь ее! — завопил Энди.

Джоуди взглянула на мальчишку. Слезы навернулись на глаза, и его изображение расплылось.

Но она увидела, как он пытается подняться, и поняла, что тот собирается прыгнуть на ее обидчика, чтобы спасти ее.

Джоуди оторвала правую руку и толкнула его в щеку. Голова Энди качнулась назад, тело потеряло равновесие, и он стал сваливаться со стены.

Потеряв поддержку руки, Джоуди завалилась вперед. Вцепившиеся в ногу руки тянули ее вниз, стараясь сорвать с забора, но вес тела и инерция удара, которым она свалила Энди, переваливали ее через забор.

«Наверное, оторвал мне ногу»

Она напрягла мускулы правой ноги.

Внизу послышался хруст веток, глухой грохот падения и стон Энди.

Кромка верхнего ряда больно врезалась в бедро Джоуди. Но вместе с тем сильно прищемила вцепившиеся в него пальцы. Хозяин руки взвизгнул и отпустил девушку.

Кромка сработала как опора рычага.

Джоуди почувствовала, как левая нога, освободившись от захвата, вылетела назад и вверх. Пятка ударила во что-то. Еще через мгновение

нога взмыла в воздух и перенеслась через забор.

Теперь она летела вверх тормашками вниз. Лицо падало всего в нескольких дюймах от стены. Затем ее стали догонять ноги. Такими темпами, подумала она, пятки раньше всего коснутся земли.

Но ноги продолжали опускаться даже после того, как она почувствовала, что тело приняло горизонтальное положение. Они опускались все ниже и ниже. Затем Джоуди ударилась задом о крутой склон, подминая сухие и колючие стебли, подпрыгнула и, сделав кувырок через голову, кубарем полетела под гору.

Встретившееся на пути дерево больно ударило в плечо и отбросило в сторону, после чего она покатилась, как сорвавшееся под откос бревно.

Джоуди все катилась и катилась. Несколько раз пыталась раздвинуть руки и ноги в надежде, что это поможет остановиться, но земля только подминала руки и сдвигала вместе ноги, и Джоуди сильнее закручивалась. Один раз она даже схватилась за пучок сорняков, но лишь выдернула их с корнем. Затем что-то больно ткнуло в

бок. Наконец под ней и вовсе исчезла земля.

Свободное падение наполнило ее сердце ужасом.

Но оно длилось всего лишь секунду. Приземлилась она на спину на каменистое дно пересохшего ручья. Камни, грохоча, покатались, увлеченные тормозящим телом Джоуди. Перевернувшись последний раз по инерции, она остановилась.

Какое-то время ей казалось, что все вокруг качается и ходит ходуном. Потом головокружение прошло.

Она лежала без движения, слушая, как колотится сердце.

"Надо подняться, — приказывала она себе. — Подняться и бежать. Они идут следом. Чтобы убить. . . "

Впрочем, судя по тишине, никто не приближался.

Стена где-то там, вверху, попыталась сориентироваться она. Далеко, далеко на горе. Если у этих ублюдков не хватило смелости прыгнуть с балкона, может, они не рискнут влезть на забор?

Кто знает? Если услышу, что они приближаются, тогда встану и побегу. Но никак не раньше".

Сейчас ей вовсе не хотелось шевелиться. Даже поправлять рубашку. Пока она катилась, сорочка перекрутилась и задралась выше живота, обнажив ее ниже пояса. Хорошего мало. Не говоря уже у том, что кто-нибудь мог увидеть ее ягодицы, ей совершенно не нравилось лежать на земле голым животом. Там могло оказаться Бог знает что: жуки, пауки, червяки, змеи...

Однако единственное, что она под собой чувствовала, — это камни. Некоторые были крохотными, как морская галька, другие покрупнее — как бейсбольные мячи, самые разные: круглые и квадратные, тупые и острые — все они вдавливались в тело. Они были повсюду: под ногами, под пахом, под бедрами, под животом и грудной клеткой, под руками и лицом. И ни один из них не давал приятных ощущений.

С усилием, от которого закружилась голова, Джоуди отвела руки от бедер и подложила их под голову. Затем легла щекой на руку.

Лучше.

Но все тело ломило. И камни — это еще полбеда. От бесчисленных порезов и царапин горела кожа. Все мышцы дрожали и судорожно подергивались. А внутри, казалось, от полученной встряски звенели все кости.

Чтобы убедиться в том, что ноги не сломаны, Джоуди слегка пошевелила ими. Несколько камней под ними сдвинулись, и она получила еще несколько царапин. Эта попытка болью отозвалась во многих местах. И все же она убедилась, что ноги целы.

«Переломов нет. Энди! Где Энди?!»

Джоуди медленно оторвала лицо от скрещенных рук и повернула голову.

Вокруг была крошечная тьма, в которой плавали крохотные точки и пятнышки лунного света. Похоже, она свалилась на каменистую тропинку. По сторонам вздымались крутые склоны высотой в несколько футов.

Русло ручья. Пересохшее русло ручья.

Повыше, насколько было видно за склонами, местность напоминала джунгли.

Это хорошо, подумала она. В самом деле хо-

рошо. Здесь нас никогда не найдут.

Впрочем, она понимала, что придется искать Энди. Но пока она решила еще немножко отдохнуть и опустила голову. Постепенно дыхание и сердечный ритм восстанавливались.

Джоуди лежала и напряженно вслушивалась. Чирикание и щебет птиц, далекий звук проезжавшей по шоссе машины, глухой гул самолета, хлопок двери, лай собаки, голоса и музыка, очевидно, из телевизора.

Не слышно было только, чтобы кто-нибудь продирался сквозь заросли.

Это неплохо, что слышно телевизор. Хотя в такую тихую ночь звуки могли разноситься на большие расстояния, телевизор мог означать, что где-то не очень далеко жилье и в случае необходимости можно туда добраться.

Но пока не хотелось и думать о том, чтобы отправляться на поиски дома.

Может, позднее.

Пока что ее укрытие гарантировало безопасность. Большое счастье, что она осталась жива. И определенно не хотелось подвергаться новым

опасностям, бродя по незнакомой местности.

«Главное теперь — отыскать Энди», — решила она.

Сцепив зубы, Джоуди встала на четвереньки. Все тело горело адским огнем, но боль ее не остановила. Поднявшись на ноги, она принялась поправлять мокрую и изорванную ночную сорочку: расправила и опустила ее на бедра.

Справа был крутой склон, густо поросший растительностью и поднимавшийся к тыльной стороне дома Янгменов. Он плохо просматривался. И уж забор на его верху она никак не могла разглядеть. Слева — тоже деревья и кустарники. Лунные поляны, но ни домашних, ни уличных огней. Странно. Ведь должны же быть. Этот район был ей достаточно знаком. Она знала, что у подножия каждого холма начиналась дорога, облепленная домами.

Так что ниже домов, стоящих на вершине холма, обязательно должны были быть еще дома. И, находясь внизу, она должна была находиться не очень далеко от какого-нибудь дома.

«Тогда где же огни? Может, везде отключили

свет?» — предположила она.

Но мысль эта ей совсем не понравилась. Ничуть. Это могли умышленно сделать ее преследователи, чтобы обеспечить себе темноту.

"А что, если это даже не те, кого я видела? Что, если они здесь повсюду? Сотни им подобных. Как в фильме «Ночь оживших мертвецов», или еще что-нибудь в этом роде.

Нет, это немыслимо. А разве то, что произошло, мыслимо? Но нельзя ухудшать ситуацию, сводя себя с ума всякими домыслами".

Джоуди вспомнила, что, по крайней мере, пять или десять минут назад отключения не было: свет в доме Янгменов горел, когда она в последний раз его видела, вися на заборе. Кроме того, если бы эта банда захотела погасить свет во всем квартале, они наверняка сделали бы это до своего нападения.

«Голову даю на отсечение — никакого отключения света, — заверила себя Джоуди. — Просто не видно огней из-за деревьев и всего прочего. Заборов, например. Почти вокруг каждого дома наверняка прочный деревянный или шлакоблоч-

ный забор, защищавший от наступления дикой природы».

Вероятно, до улицы не добраться, не натолкнувшись на забор.

Снова перелезать.

«Опять придется подсаживать Энди. Но сначала надо его найти».

Джоуди вновь прислушалась в надежде уловить чье-либо приближение.

«Они давно скрылись. Должны были».

— Энди? — тихонько позвала она.

Застыв на месте, она прислушалась. Ответа не последовало.

— Энди! — позвала она погромче.

И замерла.

«Может, вырубился?»

Он свалился со стены в том же месте, что и она, так что должен был катиться в ту же сторону. Но хотя их падение начиналось практически из одного места, до ручья он определенно не докатился.

Похоже, где-то застрял по дороге, выше по склону.

«Только насколько высоко?»

Джоуди не видела и не слышала, чтобы кто-то еще катился под гору. Может, остался лежать в том месте, где упал со стены?

«Что, если они его сцапали?»

— Джоуди?

Джоуди повернулась в сторону склона.

— Энди?

— Где ты? — Робкий и испуганный голос мальчика донесся сверху и слева.

— Я иду к тебе, — отозвалась Джоуди.

Глава 7

Через несколько минут Энди был найден. Он лежал в темноте под нависшим каменным карнизом. Джоуди заметила его только по светлому расплывчатому пятну, в которое слились грудь и лицо. Благодаря джинсам нижняя его часть сделалась невидимой.

При ее приближении он приподнялся на локтях.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

— Да, а с тобой?

— Отлично. — Она присела рядом. Земля под ногами пружинила от густой травы, влажной и мягкой. Сидеть на ней было приятнее, чем на камнях ручья. Джоуди откинулась назад, выставив для опоры непослушные руки, и вытянула ря-

дом с Энди ноги.

— Ты мне не говорил, что за забором обрыв, — упрекнула она.

— Да, верно. Но они нас не загребли, так ведь?

— Пока что нет. Не слышал никаких звуков сверху?

— Нет. А ты?

— Не-а.

— Думаю, они слиняли.

— Хотелось бы верить, — сказала Джоуди. — Нам лучше пока оставаться здесь. Как себя чувствует твое дряхлое колено?

— Не знаю. Я больше не уверен, что сломал его.

— Ты хочешь сказать, что оно поправилось?

— Кажется, я его не ломал. Может, просто вывих.

— После того, как ты заставил меня столько протащить себя, лучше бы оно было сломано.

Несколько секунд Энди сидел молча.

— Ты спасла меня, Джоуди, — наконец произнес он.

— Да, разумеется. Рада стараться. Но и ты сам вел себя молодцом, приятель.

Энди вновь опустился на землю и, сложив руки на бедрах, тяжело вздохнул.

— С тобой все в порядке? — переспросила Джоуди.

— Конечно.

— Они убили всех, так ведь? — спустя минуту добавил он.

Джоуди прилегла рядом. Потянув его за руку, она перевернула его на бок. Они придвинулись друг к другу вплотную, и Джоуди обняла его.

— Все в порядке, — прошептала она.

«В каком, к черту, порядке, — подумала она про себя. — Они убили всех его родных. Папу и маму, Ивлин. Всю семью».

— Все будет в порядке, — повторила она.

Энди молчал.

Затем заплакал.

Джоуди сильнее прижала его к себе. Он плакал, уткнувшись лицом в ее шею.

Почти сразу после того, как он умолк, послышалось завывание сирен. Сначала, казалось, бы-

ла только одна, потом их стало много. Их протяжное завывание то сливалось в единый хор, то замирало вдали.

Ночь, казалось, была наполнена звуком сирен.

— Боже праведный! Ничего подобного не слышала со времен великих беспорядков, — тихо промолвила она.

— Похоже, целая армия полицейских, — добавил Энди.

— Там не только полиция. Еще и пожарные.

— Ты так думаешь?

— Ага.

Когда звуки сирен смолкли, Джоуди услышала хлопки закрываемых дверей, крики, усиленные мегафонами металлические голоса и другие голоса, перемежаемые треском радиопомех.

— Ты думаешь, что горит мой дом? — спросил Энди.

— Очень может быть. Надеюсь, что нет, но...

— Думаешь, они остались там?

— Ах, Энди!

— Они ведь в доме, так ведь?

— Не знаю. — Она прижалась губами к его виску. — Надо подниматься туда, — произнесла она спустя несколько секунд. — Чем раньше мы расскажем все полиции, тем лучше.

Джоуди расцепила руки, но Энди прижался к ней еще сильнее.

— Ну же, — шепнула она.

— Не хочу.

— Я помогу тебе взобраться.

— Не поэтому.

— А чего же ты хочешь? — удивилась она.

— Остаться здесь.

— Ты хочешь, чтобы я пошла одна и привела кого-нибудь?.

— Нет! Ты тоже должна остаться.

Отстранившись, Джоуди нежно погладила его по затылку.

— Ты боишься, что мы можем там встретиться с ними?

Его голова зашевелилась под ее рукой. Он кивал.

— Но ведь они не пошли за нами, — возразила она.

— Они могли где-нибудь притаиться.

— Не думаю. Они, вероятно, специально устроили поджог, понимаешь? Это лучший способ уничтожить вещественные доказательства.

— Отпечатки и все остальное?

— Да. Самые разные улики. Вероятно, подожгли дом и смотались. Едва ли рискнули бы остаться до приезда пожарных и полиции. Наверное, они сейчас уже за много миль отсюда.

— Может быть.

— Только ненормальные остались бы.

Несколько секунд Энди молчал.

— А ты думаешь, они нормальные? — неожиданно спросил он.

— Ладно. Мне надо было сказать «дураки». Они ненормальные, согласна, но не дураки. По крайней мере те двое, которые не прыгнули с балкона, например. Понимали, что могут разбиться. И сюда они не бросились. Должно быть, решили, что это пустая трата времени, к тому же слишком рискованно. Или, быть может, сработал мой трюк с телефоном. Если они поверили, что я дозвонилась на 911, то могли подумать, что поли-

цейские приедут через пять или десять минут. И не захотели дожидаться их приезда.

— Да-да, — согласился Энди.

— А это означает, что они уехали, правильно?

— Думаю, что так.

— Они уехали.

— Хорошо.

— Тогда давай пойдем отсюда.

Но он покачал головой и сильно стиснул ее в объятиях.

— Энди...

— А что, если они сидят в засаде?

— Их там нет. Ну же. Все уже позади.

— Может, они и вправду все уехали, как ты говоришь, но, может, оставили кого-нибудь, чтобы он выследил и прикончил нас, когда мы будем выходить.

Джоуди об этом совсем не подумала.

— Это безумие, — произнесла она.

— Да.

Теперь в темноте ей померещился засевший в засаде «дровосек». Он ждет, зная, что она и Энди не удержатся и выйдут из своего укрытия в

надежде обрести безопасность под защитой полиции.

«Они понимали, что отыскать нас здесь будет крайне сложно. Один из них спокойно мог остаться. Остальные уехали, а один остался. Вокруг миллион мест, где можно спрятаться. Он затаится и будет ждать, пока мы не решим, что все уже кончилось. Затем бросится на нас — и пиши пропало. О Боже, это вполне вероятно».

— Не знаю, — прошептала она.

— Помнишь, что ты говорила Мэйбл?

Он, должно быть, почувствовал, что Джоуди начинала видеть все его глазами. В его голосе появились резкие, почти просительные нотки, и он разжал объятия.

— Ты сказала, что они должны убить нас, потому что мы свидетели.

— Да, я помню.

— Они просто не позволяют нам уйти. Они оставят одного, который убьет нас в ту минуту, когда мы высунемся. Я уверен в этом.

— Думаю... это не исключено.

«Как раз сейчас, — подумала она, — там, на-

верху, толпы полицейских. Полицейских и пожарных. Если мы доберемся до них, мы в безопасности. Если будем медлить, они уедут. И тогда придется выкручиваться самим».

— Не знаю, что и делать, — пробормотала она.

— Посидим здесь.

— Но не можем же мы сидеть здесь вечно.

— До утра. Утром уже никто не сможет напасть на нас неожиданно. Мы его увидим, согласна?

— Он может увидеть нас раньше, чем мы его. А тогда ни полицейских, ни пожарных поблизости может не оказаться.

— Мы должны подождать до утра.

— Я не уверена.

— Давай останемся.

— Нужно подумать.

Энди вновь прижался к ней.

Собираясь с мыслями, Джоуди нежно трепала его волосы и гладила по затылку. Ей сильно хотелось попасть к полицейским, которых, вероятно, уйма вокруг дома Кларков. Но, как бы

сильно ни было ее желание, способствовать его осуществлению, однако, вовсе не хотелось.

Хотя дожидаться утра тоже неправильно.

Она спросила себя, что бы сделал ее отец в подобной ситуации. И ответ появился незамедлительно.

Ей не пришлось долго ждать, пока Энди уснет. Как только его дыхание стало ритмичным и тело обмякло в ее объятиях, Джоуди потихоньку начала отодвигаться от него. Медленно и с частыми остановками. Наконец их тела разъединились, и она перекатилась на бок, встала на четвереньки и поднялась на ноги.

Энди лежал на боку. Голова его покоилась на подогнутой руке, а другая рука лежала вдоль туловища, ноги были вытянуты.

«Наверняка спит», — решила Джоуди.

Но она боялась, что он мог проснуться в тот момент, когда она отвернется — словно ее взгляд был единственной убаюкивающей его силой. Поэтому, отползая в сторону, она не сводила с него глаз.

«А что, если я вижу его живым в послед-

ний раз? Что, если я приведу полицейского, а он мертв, весь в крови и изрублен и... Нет, с ним все будет в порядке».

И Джоуди стала взбираться вверх по склону.

Решив идти к полицейским, она долго размышляла, как ей лучше поступить. Самым разумным в данной ситуации было бы пойти как можно дальше в обход — свернуть налево или направо или вообще отойти подальше от этого холма, перелезть через заборы, которые могли встретиться на пути, и через чей-нибудь двор выйти на какую-нибудь дорогу, которая должна пролегать внизу.

Выбор направлений огромный. Один безумный псих, которого оставили довести дело до конца, не в состоянии перекрыть все пути.

Обходной путь, конечно, безопаснее прямого, но он и гораздо длиннее, а ей хотелось поскорее добраться до полицейских и быстро вернуться за Энди. Поэтому она решила идти напролом прямо вверх по склону. Хотя скорее не идти, а пробираться тайком. Настолько тихо, чтобы не разбудить Энди, настолько беззвучно, чтобы присло-

нившийся наверху к стене ублюдок не услышал, как она приближается.

«Если он там вообще есть».

Может, никто из них и не остался. Может, все они умчались на своих автомобилях после того, как подожгли дом Кларков. Но, если один из них все же остался, он мог быть где угодно.

Карабкаться вверх было нелегко. Несколько раз нога соскальзывала, и Джоуди падала на колени. На отдельных участках подъем был настолько крутой, что приходилось ползти. Время от времени надо было цепляться за сорняки, ветви или корни деревьев, чтобы не скатиться вниз.

После, казалось бы, бесконечного подъема она добралась до большого дерева, обогнула его, остановилась и прислонилась к нему спиной. Дерево росло под большим наклоном, и ее поза помогла расслабить мышцы ног.

Джоуди судорожно хватала ртом воздух. Сердце бешено колотилось, кожа горела, и пот, казалось, не оставил ни единого сухого места на теле. Она протерла глаза влажной скользкой рукой. И заморгала.

«Почти добралась».

И тогда она увидела густые клубы дыма, поднимающиеся в ночную тьму за забором. Дым подсвечивался кровавым сиянием.

«Это дом Янгменов, — поняла она. — Они подожгли именно этот дом. Не дом Энди, в конце концов. Хотя, может, и оба. Скорее всего оба. Не удивительно, что было столько сирен».

Ярко-красное зарево пожарища нисколько не рассеяло темноту по эту сторону забора. Светлая черта по его верхушке разделяла горизонт на раскаленное докрасна полотно неба вверху и крошечную тьму внизу.

«Там никого нет, — успокаивала она себя. — Да, правильно».

Он мог стоять спиной к стене, прямо над ней, и смотреть прямо на нее.

Но стена, насколько она могла судить, была по крайней мере в сотню футов длиной. Он мог стоять в любом другом месте (или давно мог уйти). Если до сих пор он ее не заметил, или если он находился сейчас на достаточном удалении от нее влево или вправо, и если она будет провор-

ной, очень проворной...

Подогнув колени, Джоуди стала медленно сползать по дереву. Но кора царапала спину и цеплялась за сорочку, поэтому она оттолкнулась от ствола. Присев на корточки, она начала всматриваться в заросли вокруг и в черневшую стену.

«Возможно, никого там уже нет», — сказала она сама себе.

подавшись вперед, Джоуди встала на четвереньки и начала карабкаться дальше.

«Настоящая ирония судьбы, если меня убьют сейчас. Столько пройти, чтобы погибнуть в двух шагах от полицейских».

Она впервые услышала об иронии на уроке английского в прошлом году. Ее учитель английского, мистер Плэтт, объяснил тогда, что это обратная сторона идеальной справедливости.

Джоуди верила в Бога.

Она не особенно верила в его милосердие, но одно для нее было совершенно ясно: Бог обожал иронию.

«Возможно, его весьма позабавит, — подумала она, — топор, воткнутый в мою спину, ко-

гда я буду влезать на стену, полагая, что уже в безопасности. Не надо, пожалуйста. Ладно? Это убьет моего папу. Ты уже забрал мамочку, когда развлекался иронией, так что постарайся сдержаться на этот раз. Ладно? Аминь».

Не успела ее молитва вознестись в небо, как в голове зароились иные мысли: «Хорошая манера общаться с Господом, ничего не скажешь. Теперь он на меня наверняка обидится и точно убьет».

Джоуди остановилась.

Застыв в позе приготовившегося к старту спринтера, она стала пристально вглядываться в темную стену. Сейчас она была не дальше двух ярдов от нее, хотя могла и ошибаться. Слишком темно для абсолютной уверенности.

Оглянувшись по сторонам, она снова не заметила ничего подозрительного.

«Пора со всем этим кончать».

Но все мышцы подергивались и кололи, и Джоуди взяли сомнения, хватит ли сил перелезть через забор.

«Получится, — убеждала она себя. — На счет три. — Раз. Два. Три!»

Джоуди рванула с места, словно спринтер, оттолкнувшийся от подставочных стартовых башмаков, и, пулей преодолев финальный отрезок склона, подскочила к стене и подпрыгнула.

В тот момент, когда ее руки ухватились за верхушку забора, Джоуди услышала быстро приближающиеся слева шаги.

Часть II

С вами Саймон

Глава 8

Во всем он обвинил меня. Он — это Митчел. Это было после того, как девчонка с пацаном сбежали. Когда она перелезала через забор, мне удалось схватить ее за ногу, но она вырвалась. Вот с этого момента и начались прошлой ночью мои неприятности, так что лучше начать именно отсюда.

Вина была действительно моя. Я должен был ее снять с забора. Все испортило то, что моя рука слишком высоко поднялась по ее ноге, а на ней не было трусиков. Она была в одной рубашке, которая скорее напоминала огромную тенниску. Я отвлекся и поэтому оказался не готов к тому, что она неожиданно брыкнула ногой. И выпустил лодыжку, а другую мою руку она чуть не раздавила

своей ногой о стену. Так я ее упустил.

Между прочим, руке моей тогда здорово досталось. Содрал кожу с пальцев. Даже кровь текла, хотя и немного.

Как бы там ни было, но я ее упустил. А мог поймать дважды, если уж на то пошло. Первый раз — на лужайке перед домом той старой переизбытка, тем самым домом, в который ей и пацану в конце концов удалось войти. Она пыталась сделать поворот, но слишком резко затормозила, из-за чего поскользнулась на траве и упала. Это дало мне шанс, которым я и воспользовался. Она попыталась подняться и вырваться, но я схватил ее за волосы.

Она лежала на спине. Ночнушка закатилась и спуталась на груди. Я не мог видеть ее груди, но все остальное было прямо на виду. Тогда я впервые и заметил, что на ней не было трусиков. Она была такая худенькая, но не кости и кожа. Кожа гладкая и красивая. Похоже, на лобке не было ни единого волоска, по крайней мере мне так казалось, пока я не встал на колени возле ее головы. Лишь тогда я увидел, что они все-таки

были, но такие тонкие и редкие. . .

Я прижал ее к земле за волосы. Чего я хотел больше всего, так это. . . многое чего. Во-первых, я хотел ее всю почувствовать. Потрогать все ее тело. И, конечно же, сорвать с нее ту ночнушку. И, поверите или нет, хотелось получше рассмотреть ее лицо. Я видел его только мельком, при очень плохом освещении, но и увиденное произвело на меня потрясающее впечатление.

Во всяком случае, это то, что я хотел сделать. Впрочем, я отдавал себе полный отчет — она была не для забав, и ее надо было убить. И чем скорее, тем лучше. Времени для развлечений не было — дело надо было делать. Поэтому я и не прикоснулся к ней — разве что притянул за волосы к земле, — а сразу полез за ножом.

Но, прежде чем я успел его достать, она треснула меня своей гребаной бейсбольной битой. Удар был не настолько сильным, чтобы я отключился, но все же достаточно чувствительным. Боль была адской, поэтому я и не смог ее удержать.

Так она вырвалась первый раз.

Во второй раз это случилось, когда она перелезла через забор, а я схватил ее за ногу.

Так что оба раза виноват был я.

Когда я упустил ее у стены, Митчел грязно выругался.

— Не волнуйся, — успокоил я его. Подпрыгнув, я взобрался на стенку. Оттуда я увидел, что было по другую сторону — а именно очень крутой обрыв, — и тогда я понял, как крупно нам не повезло. Спрыгнув вниз, я посмотрел на Митчела и покачал головой.

— Что это должно означать? — недовольно произнес он.

— Там огромный овраг. Они скорее всего еще катятся.

— Обрыв?

— Больше похоже на склон холма.

— Они свернут себе шеи?

— Вряд ли.

— Проклятье!

— Нам нельзя туда, Митч.

— Мы не можем позволить им уйти.

— Знаю, знаю, — согласился я.

Вот тогда он и сказал, чтобы я остался. Он и остальные ребята, по его словам, позаботятся об отступлении: погрузят тела, подожгут дома и смотаются. А мне придется остаться, чтобы покончить с девчонкой и мальчишкой.

От мысли, что теперь никто не будет путаться под ногами и я смогу делать с девчонкой все что угодно, я даже пришел в восторг. Но лишь на полсекунды.

Когда эти полсекунды прошли, в голову пришла другая мысль, которая мне очень не понравилась: если я останусь, меня сцапают копы. Почти наверняка.

А как иначе: все будет кишеть фараонами, а я один, без машины и за несколько миль от дома, к тому же совершенно голый, если не считать кроссовок и моей юбчонки-конни.

Лучше и не придумаешь.

Особая прелесть состоит в том, что нам не позволено сдаваться живыми. Ведь если поймут, то могут развязать язык. Тогда возникнет масса проблем. Нельзя нам сдаваться. Остается либо совершать самоубийство, либо стоять на-

смерть.

Кара за малодушие... Впрочем, я отвлекся. В общем, Митч хотел, чтобы я остался и взял на себя заботу о свидетелях.

— Ты хочешь уехать без меня? — удивился я.

А он:

— Кому-то ведь надо остаться.

— Тогда давайте все останемся. Приведи остальных. Расскажи, что случилось. Если мы начнем поиск все вместе, у нас еще будет шанс найти этих двух до...

— Хорошо, — согласился Митч.

Только уж очень быстро он согласился, как бы между прочим. Но в тот момент я почувствовал такое облегчение, что и на пушечный выстрел не подпустил бы к себе сомнения.

— Оставайся здесь, — сказал он, — и начинай поиск.

Повернувшись, он зашагал прочь.

— Побыстрее нельзя?

Митч повернулся вполоборота, поднял руку и потряс в воздухе своей старой саблей времен Гражданской войны.

— Лучше отыщи ее, приятель. Тебе лучше найти их обоих, или ты...

— Лучше приведи сюда остальных, ладно?

— Том тебя опустит.

— Да пошел ты. Только я смог настолько приблизиться к ней, чтобы схватить. Ни от тебя, ни от Куска не было никакого проку.

Когда я произносил эти слова, с черного хода дома вышел Кусок. На одном плече у него лежал топор, через другое было перекинута тело старушки. Весь он был перепачкан кровью.

Увидев его, Митч немного прибавил шагу.

Когда они поравнялись, то обменялись парой фраз, но мне ничего не было слышно.

Затем они развернулись и вошли в дом.

К этому времени я уже оседлал забор. Одна нога свисала по одну сторону, другая — по другую. В таком положении я мог бы увидеть, как подойдут остальные, а также наблюдать за тем, что творилось на скате холма.

А там невозможно было ничего разглядеть: сплошные заросли кустов и травы и множество деревьев. В лунном свете отдельные предметы

выглядели грязно-белыми. Но многие места были затенены и черны, как смола. В самом низу была небольшая ложбина. За ней — ряд домов с огромными огороженными участками. На многих из них были бассейны. Большинство домов были темны, но во дворах некоторых Горели фонари. Был даже один полностью освещенный бассейн, но пловцов в нем я не заметил. По правде говоря, в тот момент я вообще никого не видел.

Дальше за домами на подъездных аллеях и прямо на улице стояло несколько машин. Простатривался длинный участок дороги между последними домами, где она заворачивала за холм и исчезала. По ней не ехала ни одна машина. На улице тоже не было ни души. Только кот прошмыгнул через тротуар и юркнул под припаркованный автомобиль. Вот и все.

Никаких признаков девчонки или пацана. Ни слуху ни духу. Словно их вовсе не существовало.

Быть может, если сидеть тихо, они сделают что-нибудь такое, что их выдаст. На это я и надеялся. Потому что, если они сами себя не выдадут, наши шансы их отыскать практически равны

нулю.

Девчонка успела набрать 911, но не дозвонилась. Хотела нас обмануть, но Митч проверил телефон в спальне: в полиции его не успели снять. Так что в этом отношении все в ажуре.

Это, конечно, не означает, что полицию не мог вызвать кто-то другой.

Но то, что никто до сих пор не появился, было неплохим признаком.

Сидя на стене, я пробовал поставить себя на место девчонки, так сказать, примерить на себя ее туфли. (Которых на ней, конечно, не было. На ней вообще ничего не было, кроме той просторной рубашки. Под ней она была совершенно голая. Голая, гладенькая и худенькая — она не могла быть старше пятнадцати-шестнадцати. Молоденькая киска. Свеженькая и молоденькая. Может, еще девственница. Как же. Маловероятно. Трудно поверить, что такие еще встречаются. Хреновые нынче времена. Впрочем, в самой девчонке ничего хренового. Не могу дождаться, когда она попадет мне в руки, а мой член в ее... О, черт, на чем я там остановился. Надо смотреть

чуть-чуть назад.) Так. Поставить себя на ее место. Именно. Так вот, я решил, что она могла где-то залечь, или из-за того, что повредила себе что-нибудь при падении, или потому, что посчитала это самым безопасным. Если она прячется, тогда у нас хорошие шансы найти ее. Надо только растянуться цепью и прочесать склон.

Или она могла попытаться добраться куда-нибудь за подмогой.

Поэтому я ни на минуту не упускал из виду задние дворы расположенных внизу домов.

В каком-то смысле я почти надеялся, что девочка и пацан рванут к одному из этих домов. Оттуда они бы сразу же позвонили в полицию, и нам не оставалось бы ничего иного, как сматывать удочки.

В эту минуту у меня возникла прекрасная мысль.

А что, если я побегу и скажу остальным, что парочка добралась до одного из тех домов?

Разумеется, мне не сносить головы, если раскроется мой обман.

Мне и некоторым другим.

Но как они это смогут проверить?

Идея была соблазнительной. Пусть ложь, но ложь во спасение. Я был убежден, что торчать здесь и вести поиски беглецов крайне опасно. После подобной резни едва ли хочется подольше задерживаться на месте преступления. Напротив, хочется заехать куда-нибудь подальше, и чем скорее, тем лучше.

Если же начинать настоящую охоту, придется задержаться еще на час. А то и дольше, в зависимости от того, как пойдут дела.

Том мог даже задержать нас здесь до рассвета.

Он не позволил бы уйти, по крайней мере до тех пор, пока оставался хоть мизерный шанс поймать их.

И это не только потому, что они могли бы нас опознать. Разумеется, я и сам не хотел, чтобы они остались живы и могли повесить на нас что-нибудь из этого — особенно поскольку именно меня девчонка могла разглядеть лучше всего, — но для Тома это дело принципа: чтобы все было тихо. Больше всего он опасается, что наши дела

будут преданы огласке и попадут в выпуски новостей, так что наше общество перестанет быть секретным.

А он очень серьезно относится ко всей этой секретности.

По его мнению, если узнают, кто мы и чем занимаемся, это все испортит.

Между прочим, мы называем себя «краллы». (Или «краллеры», чтобы почудить.) Название придумал Том, еще в самом начале. Он встретил его в одной книжке. Это случилось, еще когда мы учились в старших классах средней школы. Тому всегда нравились эти кроваво-непристойные книжонки, а та была об одной группе, называвшей себя «краллы». Они носились по лесу, словно ди-кари, и совершали разные мерзкие поступки. Это была шайка по-настоящему чокнутых шавок. Им нравилось истязать и убивать людей. Они их даже ели. Многие из них расхаживали в чем мать родила, но у некоторых были одежды из человеческой кожи. Одна подруга носила бюстгальтер, сшитый из кожи, содранной с лиц мертвых ма-люток. Тогда нам всем казалось, что это было

действительно круто.

Быть может, тот парень, который написал о Ганнибале Лекторе, читал ту же книгу, что и мы. Или, может, оба автора заимствовали свои сюжеты у Эда Гейна из штата Висконсин, который делал нечто подобное в реальной жизни.

Как бы там ни было, но Том конкретно завелся от всех этих «кралловских» дел. Книжка эта стала для него Библией. Он заставил нас прочитывать ее и все время цитировал отрывки. Стоило нам собраться вместе, как мы принимались обсуждать «краллов», мечтая о том, как неплохо было бы жить, как они, в лесу, убивать, насиловать и развлекаться вовсю.

Разговоры эти нас сильно возбуждали. Впрочем, я вовсе не нахожу в этом никакой патологии. Среди моих знакомых было немало таких, которые хотя и не принадлежали к нашей группе, но кипятком писали от всех этих рассказов об извращенцах, психопатах, маньяках с топорами, нацистских лагерях смерти — обо всем, что имело отношение к садистскому сексу и убийствам.

Один мой знакомый, Джордж Эври, всегда

носил с собой книжонку в бумажном переплете, в середине которой было примерно пятнадцать фотоиллюстраций. Снимки были черно-белые. Даже не очень четкие. Но на двух из них были изображены обнаженные женщины, найденные в лесу. Невозможно было даже сказать, красивые они были или нет. Фото были настолько бледные и расплывчатые, что едва просматривались их сиськи. Впрочем, соски были крупные и темные. Такими же темными были и их лобки. Они-то были как раз хорошо видны. И еще можно было разглядеть ножевые раны, похожие на темные прорезы. Ими были густо усеяны их тела. Не знаю почему, но ни на одной из девчонок не было крови. Может, фотограф обтер их, перед тем как снимать, чтобы снимки вышли попригляднее, или еще что. Не знаю.

Тот парень, Джордж, не мог оторваться от фотографий — разве что лишь для того, чтобы показать нам. Чтобы произвести на нас впечатление то есть. И он не был каким-то особенно ненормальным. Напротив, его даже можно было назвать примерным учеником. Круглый отлич-

ник все девять лет.

Этим я хочу сказать лишь то, что мы все получали удовольствие от подобных штук в средней школе. Не только Том и его небольшой клан будущих «краллов».

А тот парень, Гарольд. . .

Постой. Я снова заболтался. Дело в том, что я вынужден здесь торчать, а у меня под рукой магнитофон и столько пленок, что можно записать весь текст «Войны и мира», или «Хижину дяди Тома», или еще что-нибудь. Большой соблазн выговориться до самого последнего слова.

Беда в том, что мне действительно хочется обо всем рассказать.

И у проблемы этой не одна сторона.

Так где я был? Надо перематывать назад? Нет. Я сижу на заборе. Правильно.

Я говорил о том, что Том хочет держать все это под большим секретом, и поэтому мы должны идти на риск, просто ради того, чтобы убить ту девчонку и пацана.

А мне как раз пришла в голову мысль соврать. То есть сказать, что видел, как они за-

бежали в какой-то дом.

Подобная наколка заставила бы нас поскорее уносить ноги.

Поэтому я решил попробовать.

Но только я собрался прыгнуть, как до меня донесся звук открывшейся и затем закрывшейся на роликах дверцы.

Все в порядке, решил я. Это всего лишь боковая дверь фургона Тома. Просто они закончили все дела: побросали в машину тела, так что теперь они могли спокойно помочь мне в поисках.

Но затем стали захлопываться дверцы других машин. Быстро, как из пулемета: бух-бух-бух-бух. Затем завелись и взревели моторы.

Сердце опустилось, словно к нему подвесили пудовую гирю.

Я прыгнул со стенки и побежал к дому.

За те пять секунд, которые я бежал, случилось еще две вещи: шум моторов утих вдалеке и за огромным панорамным окном дома старой калоши мелькнули языки пламени.

Впрочем, и это меня не остановило.

Огонь только помешал мне срезать путь, про-

скочив через дом. Так что пришлось обегать вокруг, и я потерял время, перелезая через запертую калитку. К тому времени, когда я добежал до парадного входа и увидел улицу, моих приятелей и след простыл.

Сюда мы приехали в фургоне и пяти машинах, поэтому не все были за рулем. Я вез Куска. Заезжал за ним домой на своем «Мустанге». (Номера заклеены маскировочной лентой.) По пути мы распивали ром из моей фляги и курили его сигары. Поездка была веселой: мы шутили о том о сем, хотя и чувствовали себя довольно напряженно. По уже отработанной методе я оставил ключи в замке зажигания, после чего мы с Куском вылезли из машины и пошли к фургону.

Теперь на улице не было ни одной машины.

В том числе и моего «Мустанга».

Есть старый фильм с участием Джона Уэйна. Называется «Не считаясь с потерями». О команде торпедного катера во время второй мировой войны. (Его недавно раскрасили, так что теперь можно увидеть, как выглядит Дьюк с черными губами.) Во всяком случае, впервые я увидел его

еще ребенком, и мне пришлось спрашивать своего старика, что означает «не считаться с потерями». И он мне объяснил: «Это значит, что всем было глубоко начхать, выживут они или нет».

Хотя, по большому счету, это означало гораздо большее.

Наши жизни ничего не стоят, если цель дороже жизни. Дороже для кого-нибудь. А этот «кто-нибудь» наверняка не ты сам.

Эти парни, и особенно Том, решили, что можно не считаться с моей жизнью. Неважно, какой ценой — чего это будет стоить мне, — но я должен остаться, выследить девчонку и пацана и прикончить их.

— Огромное спасибо, суки, — пробормотал я.

Затем рвануло окно нижнего этажа большого дома выше по улице, где мы начинали свой рейд.

Наш почерк: вынести тела, поджечь дом и смотаться, пока не нагрянули пожарники.

Мы никогда не оставляли свидетелей: ни живых, ни мертвых. По крайней мере, до сегодняшней ночи.

Пришлось бежать очертя голову назад, той

же дорогой, — через калитку, вокруг дома, мимо бассейна к каменному забору.

Когда вдалеке слышались первые сирены, я уже затаился в темноте с обратной стороны забора.

Глава 9

Там, на вершине откоса, я долго сидел, прислонившись к стене и прислушиваясь ко всем окружающим звукам. Сирены, хлопанье автомобильных дверей, крики мужчин, мегафоны, переговорные устройства пожарных и копов. Слышал, как из брандспойтов лилась вода. Плеск и шипение. Затем треск, грохот, разрывы стекла, в общем, все те звуки, которые издает пожираемый огнем дом.

Мои благополучно слинявшие дружки, вероятно, полагают, что я сейчас спускаюсь по обрыву в поисках девчонки и мальчишки, чтобы убить их. В конце концов, такова была моя боевая задача. Для этого они меня и бросили здесь.

Так что я чувствовал огромное удовле-

ние от того, что не пошел вниз.

Нельзя так поступать с товарищем — бросать в беде — и еще надеяться, что он из шкуры будет лезть вон, стараясь за тебя.

Так или иначе, но я умирал от усталости. Шутка ли сказать, весь день и большую часть ночи на ногах. Да и не только это — наша небольшая охота оказалась довольно изнурительной. Разумеется, все это вводит в такой тонус! Но утомительно. Крайне изматывает. Вламываешься в дом, не зная заранее, как все обернется. Было бы намного безопаснее, если бы хоть немного подготовки. Но мы этого никогда не делаем. Просто выбираем место наудачу, так что никогда не знаешь, кто там может оказаться. Так больше сюрпризов: хороших или плохих. И сильнее страх. Когдаходишь, страшно настолько, что чуть не уписываешься, но в этом такой кайф. А потом перепуганными становятся они. Столбенеют от ужаса. Потому что в жизни никогда их никто так не пугал. Молятся Богу, чтобы скорее прошел этот кошмарный сон, чтобы наконец проснуться и все осталось позади. И все это из-за тебя. Они

полностью в твоей власти. Они знают это, и ты это знаешь. Ты — босс. И они ничего не могут с этим поделать, разве что плакать и молить о пощаде. А это бесит. И ты делаешь с ними все, что хочешь. Буквально все. И тут уже для них нет спасения.

К тому времени, как все это кончится, ты настолько измотан, что чувствуешь себя как зомби.

Но это тогда, когда все идет так, как должно быть.

На этот раз в самый разгар нашей вечеринки неожиданно обнаружилось, что мы не единственные приглашенные. Это был настоящий сюрприз. Как раз незадолго перед тем, как они объявились, Рэнч внес прекрасный экземпляр девчонки-подростка на копье. На Брайана нашло вдохновение. Вероятно, надеялся обнаружить где-нибудь притаившуюся сестричку. Поэтому и отправился на поиски.

У Брайана, больше известного под кличкой Пескарь, был самый плохой послужной список по части убийств, поэтому никто особо и не надеялся, что он вернется с добычей. Я уж так точно.

Но меньше всего ожидал я увидеть пару детей, пляшущих на нас.

Как получилось, что Брайан их не нашел? Как им удалось прошмыгнуть мимо него?

Но, как бы там ни было, они были тут. А я утомился еще до того, как во тьме показались их лица. И нам затем пришлось устроить на них облаву.

Черт, этих маленьких мерзавцев надо убить уже за то, что из-за них я столько пробежал. И за то, что из-за них попал в такую передрагу, из которой мне, быть может, не удастся выпутаться живым. Пропади они все пропадом, а вместе с ними Том, и Митч, и все остальные. Пошли они все к черту!

По крайней мере, пока со мной все в порядке.

Да и прошлой ночью ничего страшного со мной не случилось. Посидел себе под стеной. Просто смертельно устал. Слишком утомился, чтобы спускаться вниз по склону.

Если они и вправду хотели, чтобы я начал охоту на тех двоих, глупо было с их стороны уезжать — надо было остаться и помочь.

Ну и мать их. . .

Сидеть на корточках стало неважоту, так что я опустилсч на землю Прислонившись к стене, я протянул вниз ноги и зажмурился.

Что может быть приятнее сидеть так: расслабившись и закрыв глаза.

Но здесь едва ли было самое подходящее место для сна. Какому-нибудь пожарнику или даже копу могло прийти в голову заглянуть за забор. Или может появиться вертолет с прожектором.

Где-нибудь внизу, среди кустов и деревьев, будет в тысячу раз безопаснее.

Но я не мог заставить себя пошевелиться.

В мыслях я уже сделал это. Спустился по склону, высматривая укромный уголок, и юркнул в уютную норку под густым кустом. Так-так-так! Местечко-то уже занято. И кем бы вы думали? Моей девчонкой. Какой приятный сюрприз! (Но сюрпризом для меня было то, что я помимо воли уснул. И туда ее поместило мое воображение.)

Она не могла шелохнуться от испуга. Так и осталась лежать на спине, с онемевшими конечностями и хныкая, пока я взбирался на нее. За-

тем я дернул за ворот ночнушки. С такой силой, что разорвал. Она стала сопротивляться. Не сильно, но вполне достаточно, чтобы доставить мне дополнительное удовольствие. После моей пощечины она перестала. Когда стягивал с нее ночнушку: сначала с плеч, потом все ниже и ниже, пока, наконец, с ног, она плакала.

— Пожалуйста, не делайте мне больно, — хныкала она. — Пожалуйста, не надо!

И тогда я сделал ей больно.

Когда делаешь им больно, самый кайф.

Я делал это пальцами и зубами. Она извивалась и кричала. А я сосал ее кровь и кусал со всей дури.

Какое счастье, что все меня бросили. Иначе пришлось бы с ними делиться.

А теперь она была вся моя!

Схватив за плечи, я всунул в нее свой член до самого упора. И это было прекрасно. Она была влажной и тугой, и настолько взвинченной от страха и боли, что превратилась в дрожащий и трепетный сгусток нервов. При каждом моем вхождении в нее ее грудки подскакивали. И чем

сильнее я входил, тем больше они прыгали. Они были маленькими, но не слишком. Как маленькие трубочки с мороженым. А соски темные, как шоколад.

Я больше не мог сдерживаться. Пустился вразнос и вот-вот был готов взорваться. Закрыв глаза, чтобы продлить удовольствие, потому что видеть ее под собой становилось нестерпимо — в бледном лунном свете, в слезах и с прыгающими грудями. Это возбуждало меня больше, чем ее состояние.

И вдруг она неожиданно захохотала. Это был грубый вульгарный смех. От него у меня под кожей зашевелились ледяные червяки.

Смех заставил меня открыть глаза.

Ее подо мной уже не было. А была Хестер Ладдгэйт, такая, какой она была в восьмом классе, когда нам было по тринадцать лет.

Эта Хестер была редкой уродиной: крохотные красные пуговицы глаз, широкий нос, ввалившаяся нижняя челюсть, из-за чего верхние зубы вечно торчали, как у идиота, и сиськи, как раздувшиеся пакеты с пудингом. И это когда она

была в лучшей форме.

А подо мной сейчас была Хестер в самой худшей.

Такой, во что она превратилась, когда мы закончили с ней развлекаться. После того как мы обрезали ей веки и губы и отрезали нос. После того, как мы сделали все остальное. Но перед тем, как она умерла.

Вид у нее был не ахти.

Я шарахнулся в сторону, стукнулся головой о что-то чертовски твердое и быстро проснулся. И с облегчением увидел, что никакой Хестер и в помине не было. Она была всего лишь частицей моего сна.

Все-таки чудесный был сон. По крайней мере до того момента, пока Хестер не запрокинула свою безобразную башку и не залилась гробовым хохотом.

Как все-таки приятно после этого оказаться вновь в уютной темноте под стеной! Пару раз глубоко вздохнув, я постарался успокоиться. Сердце выпрыгивало из груди. О первой половине сна напомнил напрягшийся до боли член.

Все сны бывают к чему-то.

Но что мог означать этот мой сон?

Ладно, думаю, одно не вызывало больше сомнений: мне хотелось трахнуть эту девчонку.

И сон, возможно, говорил мне, что надо только попробовать и все получится.

Мой предок научил меня, по крайней мере, одному: сидя на заднице, ничего не добьешься. Для этого надо потрудиться, работать долго и упорно. Другими словами, это означало: спустаться по склону и искать девчонку, пока она не найдется.

Во сне она меня провела, превратившись в Хестер.

Впрочем, в реальной жизни у нее это не получится. Она останется той же, пока я с ней не закончу. Хотя не совсем. Некоторые изменения с ней все-таки произойдут. Хотя их сделаю я. Я и мой нож.

И в этом я прекрасно обойдусь без помощи своих дружков.

Так вот, я поднялся, отряхнул свою юбчонку-конни и потянулся. Несмотря на то, что сон под

конец так испортился, я чувствовал себя прекрасно. Казалось, со сном ушла вся моя прежняя усталость. И потягивание доставляло такое удовольствие. Не удержался, чтобы не замурлыкать, потому что в мускулах чувствовалась свежесть и сила.

Если она внизу, решил я, то обязательно найду.

Воображение вновь начало рисовать мне ее образ и то, что я бы с ней сделал.

Не забыть бы о пацане. Его тоже надо пришить. Особого удовольствия в этом не было, но сделать это было необходимо.

Может, девчонка знает, где он, мелькнуло у меня в голове.

Я сумею развязать ей язык.

Сначала она у меня заговорит, потом закричит, потом я заставляю ее просить и умолять, и только после этого она умрет.

Да. М-м-м-м-м.

И от всех этих мыслей у меня вновь поднялось настроение.

Я был готов.

Но не успел я и двух шагов ступить вниз, как услышал тихий крадущийся звук. Он раздался где-то справа от меня, чуть ниже по склону. Застыв на месте, я услышал хруст травы, затем треск веточки, затем снова хруст.

«О Боже, лишь бы это была она», — взмолился я.

Насмешка, не иначе, обращаться к Господу с подобной просьбой. Словно я уверен, что он с радостью мне поможет и бросит мне в объятия девчонку, чтобы я мог развлечься.

Но кто-то все же внял моим молитвам.

Потому что я стоял там, не смея шелохнуться, и, прежде чем успел подумать о чем-то другом, в поле моего зрения показалась девчонка. Едва я успел ее заметить, как она остановилась. Нас разделяло примерно пятнадцать футов — она стояла справа и почти на самом верху склона.

И заметил ее я только потому, что она остановилась на краю поляны, случайно оказавшейся между нами. Поляна как бы обрамляла ее. Вероятно, то же самое можно было сказать и обо мне, но меня это не волновало. Я не двигался,

так что она не могла услышать никаких подзрительных звуков и не знала, в какую сторону смотреть. Кроме того, я стоял в тени стены, а она — в лунном свете.

Только благодаря этому лунному свету я и увидел ее, но его явно было недостаточно. Я едва мог различить смутные и размытые очертания лица. И одну руку. И ноги от уровня бедер — довольно высоко — и до щиколоток. Остальное было практически невидимым.

В этот миг она начала поворачивать голову. По тому, как она медленно водила ею из стороны в сторону, я понял, что идет проверка местности на безопасность.

Раз или два ее взгляд был направлен прямо в мою сторону.

Впрочем, он не задержался, так что, надо полагать, я не был замечен.

Оглядевшись по сторонам, она какое-то время стояла неподвижно. Затем пригнулась, положила руки на землю и согнула ноги в коленях. Я подумал, что так она собиралась проделать остаток пути к стене.

Но внезапно ее словно взрывом оторвало от земли. Хватит прятаться. К черту осторожность. Она просто ринулась напролом к своей цели.

А я бросился за ней.

Я кинулся вдоль стены, а она — к стене и подпрыгнула. Тело ее плашмя шлепнулось о блоки. Уцепившись за верх, она стала быстро перебираться ногами по стене. Затем вскинула в сторону правую ногу, брыкнула ею и закинула ступню наверх.

Но я ее догонял.

До-го-нял!

Она была проворной, но недостаточно. Я оказался проворнее. К тому же я оказался близко. И я ее догонял.

Ее левая нога уже почти была моей.

Сейчас я схвачу ее и сдерну с забора. И тогда вся она станет моей. Не только одна нога, а обе — и все, что между ними. И все, что над ними.

Моим!

Нужно было сделать всего один шаг. Обе мои руки уже потянулись за ней. И я был очень сосредоточен. Не так, как в последний раз, когда

позволил себе отвлечься. Всеми мыслями я был в работе, а не у нее под юбкой. Важно в тот момент было только одно — понадежнее схватить ее за ногу.

Но за ногу схватили первого меня.

То ли корень, то ли куст, то ли еще черт знает что. Что бы там ни было, но мою левую ногу словно заарканили. Будто какой-то чертов ковбой накинул на нее лассо и подсек.

Одной рукой я все-таки успел дотянуться до девчонки.

Но только пальцами — они лишь скользнули по ее ступне.

Затем я больно ударился о землю. По крайней мере, удалось откинуть вверх голову. Иначе могло быть гораздо хуже. Но дыхалку все-таки перехватило. Какое-то время я не мог не то что пошевелиться, но и вздохнуть.

Немного отдышавшись, я перекатился на спину.

Над головой чернела стена. Небо дрожало алым заревом пожара. Девчонка исчезла.

Последнее меня вовсе не удивило. Удивило

то, что подо мной разверзлась пучина.

Должно быть, я лежал на краю обрыва до того, как стал переворачиваться.

Покатившись, я смог остановиться, только встретив на своем пути дерево. К тому времени я уже был почти у самого подножия холма. Все тело покрылось царапинами и синяками. Уверенности в том, что смогу двигаться самостоятельно, не было.

Все же я встал и пустился бежать.

Глава 10

Привет. Это снова я. Не просто разгрузил мочевой пузырь, но и обзавелся бутылочкой пивка. Темного.

Мои хозяйева, мистер и миссис Бенедикт Западон, само радушие. Их хаус мой хаус.

Я тут ненадолго отлучался. Надо же осмотреться. Имею удовольствие доложить, что на «западон»-фронте без перемен.

Итак, где же я был?

Ах да. Только что от меня сбежала девчонка.

Можно даже подумать, что это само провидение помогло ей спастись, если вспомнить, как я споткнулся, когда она уже почти была в моих руках.

Есть такой фильм с участием Пола Ньюмена,

«Кто-то там, наверху, ко мне равнодушен».

Так что, видать, кто-то, должно быть, равнодушен и к этой девчонке, иначе ей бы так не повезло. Не особенно обнадеживающая мысль, не так ли? Если кто-то любит ее, то разумно предположить, что он настроен против меня.

Хотя нельзя сказать, чтобы удача вовсе меня покинула. Пока что, по крайней мере. Что, наконец, позволяет надеяться, что Господь не обязательно на ее стороне.

Время от времени случаются досадные неприятности, но до сих пор я цел и невредим.

Разумеется, я еще не вылез из этого дерьма.

Кажется, пока в безопасности, но хорошо то, что хорошо кончается. А это не кончится, пока я не выберусь из этого района.

Если только тогда.

А когда все это действительно закончится?

Могу сказать, когда это закончилось для мистера и миссис Западон. Для них все закончилось, когда я споткнулся у стены. Их убил корень, который спас девчонку.

И это так.

Девчонка осталась жить, тем хуже для них.

Любопытно, как все в мире связано, хотя Западоны едва способны оценить, как все это забавно.

А вся изюминка вот в чем — девчонке удалось перемахнуть через забор, потому что я споткнулся. А по ту сторону забора пожарников и полицейских было видимо-невидимо. А они люди чрезвычайно любопытные. Два дома, даже не соседних, вспыхнули как спички. Только полный кретин мог поверить в случайность.

Итак, они теряются в догадках, а тут неожиданно прибегает девчонка и надрывно кричит, что один из поджигателей всего тридцать секунд назад пытался схватить ее за ногу. Где? Да тут же, за забором.

Так что копы, вероятно, наперегонки бросились к стене еще до того, как я докатился до низа.

Единственное, что могло меня спасти, — ноги в руки и надеяться на лучшее.

Доковыляв до ложбины, я спрыгнул с небольшого обрыва и оказался в какой-то канаве, усеян-

ной камнями. Там было совсем мало растительности. Одни камни. Вместо того чтобы пересечь ее, я решил пойти по ней направо.

С одной стороны, по камням можно было быстрее передвигаться, чем сквозь кусты и подобную дрянь. С другой стороны, копы, вероятно, начнут свои поиски на участке склона, непосредственно прилегающем к тому месту стены, так что отклонение в ту или иную сторону должно было предоставить мне фору.

Фараонам, сами знаете, нужно какое-то время, чтобы пораскинуть мозгами.

Спонтанно, вероятно, несколько из них — двое, или, может, даже четверо, — могут перепрыгнуть через забор и броситься искать меня на склоне. Но пройдет десять минут, полчаса, да Бог весть сколько времени, пока прилетит вертолет или прежде чем прибудет такая подмога, чтобы они могли устроить широкомасштабное прочесывание.

Все, что от меня требовалось, так это держаться подальше от первой своры резвых легавых и затем стать невидимым для подоспевшего

подкрепления.

Вот и все.

Но шансов, как мне казалось, у меня было не больше, чем у снеговика, попавшего в пекло. Да и те, что были, испарились бы через пять или десять минут.

Мой гениальный план уйти в сторону по дну пересохшего ручья, представлявший мне поначалу идеальным, стал быстро терять свою привлекательность. Так что я взбежал по берегу ручья, повернулся спиной к склону и стал продираться в самое сердце тьмы, пока не напоролся на забор из сетки. Зазвенев, он отбросил меня назад. Я приземлился на задницу, но быстро вскочил и бросился на забор. Подпрыгнув, я вцепился в него пальцами рук и ног и стал карабкаться как обезьяна.

Между прочим, на мне были спортивные туфли. Мы все носим спортивную обувь, «наик», «рибок», «бритиш найтс», «эл. эй. геарз», «конверс» и даже «кед». Мы сбиваем с тела все волосы (за исключением ресниц и бровей), надеваем любимые шкуры и вообще выступаем под

свору обезумевших маньяков. Но мы всегда убеждаемся. Надо быть кретином, чтобы отказаться от обуви.

Взбираясь по сетке, я не видел ничего впереди, кроме темноты. Это было странно. Но когда я влез повыше, то разглядел дом. Окна были темны, но не поэтому я видел перед собой только тьму. Все дело в том, что примерно в трех футах от сеточного забора был деревянный. Думаю, что сетка появилась здесь раньше, но, видать, Западонь (или кто-то другой) решили, что лучше им не смотреть на места, неокультуренные бульдозерами. Может, их беспокоили мысли о том, что оттуда могут по ночам пробираться к ним в дом злые люди и причинять им зло.

Такие, как я, например?

Не-а.

В самых кошмарных своих снах они не могли бы увидеть никого, подобного мне.

В любом случае заборы даже не задержали меня.

Я, конечно, не гимнаст, но и не тьюфак. Взгромоздившись на железную перекладину, проходя-

щую по верху сетчатого забора, я поставил другую ногу на деревянный забор и прыгнул. Пролетел шесть футов и приземлился в траве с другой стороны.

Присев на корточки, я стал размышлять, что делать дальше.

Понятно, что мне хотелось попасть в дом.

Когда мы совершаем налет — то есть я и ребята, — проникновение в дом не составляет никаких проблем. Тому известно все, что можно знать о системах домашней безопасности. Он первым делом смотрит, не установлены ли сторожа, и выводит из строя обнаруженные элементы. А Пескарь запускает нас в дом. Обычно он использует для этих целей стеклорез. Просто и тихо. (За исключением случайных огрехов, таких, как прошлой ночью, например, когда из-за невнимательности Кусок задел топорищем стакан и тот свалился в кухонную раковину — бах!)

Обычно все протекает гладко.

Но мне необходимо было исчезнуть, а не вырезать в окне дырку, которую могли обнаружить копы.

Можно было попытаться оббежать дом вокруг и проверить все окна и двери. Некоторые жители Лос-Анджелеса иногда забывают наглухо забаррикадироваться. Но таких, наверное, один на миллион.

Просто позвонить — тоже едва сработает.

Должен признаться, что я не мог придумать никакого способа проникновения в дом, не привлекая к себе внимания.

В какую-то минуту я даже хотел просто вломиться и заполучить какие-нибудь ключи, чтобы дать деру в одной из их машин. (У семьи, имевшей дом в таком квартале, обязательно должно было быть не меньше двух автомобилей.) Я уже видел себя с ревом несущимся по улицам, на которые со всех сторон выскакивали патрульные машины. Если бы мне удалось проехать милью, считай, мне крупно бы повезло.

Таким образом побег на автомобиле исключался. Спрятаться в доме тоже не удалось бы.

Меня стала охватывать паника.

Она почти овладела мною, когда я услышал звук вертолета.

«Тах-тах-тах-тах».

Возможно, для тех, кто два месяца провел на спасательном плоту посреди океана, не имея другого питья, кроме собственной мочи, и другой еды, кроме своих товарищей, звук этот — самый приятный в мире.

Когда же ты убийца и твердо знаешь, что это вертушка фараонов, звук этот накручивает кишки на лопасти. Он заставляет тебя подобрать колени и принять позу зародыша. Или даже разрыдаться.

Страх — штука прелюбопытная, как я заметил. В одних случаях — это хорошая эмоциональная встряска, в других — ушат дерьма. Конечно, я не специалист, но, по-моему, все дело в том, насколько ты владеешь ситуацией. Чем больше она в твоей власти, тем лучше ты себя чувствуешь.

Когда прямо на тебя летит полицейский вертолет, а еще в той ситуации, в которой оказался я, от испытываемого страха едва ли получаешь большое удовольствие. Скорее напротив.

В любом случае я поднял голову на звук и увидел вертушку. Она медленно летела на ми-

нимальной высоте над вершиной холма, может, всего в полумиле отсюда, курсом на пожарища. На ней был установлен прожектор, и его белый луч ярким лезвием кромсал темную местность вокруг.

Насколько можно было судить, меня он пока не искал.

Но очень скоро это должно было измениться.

Мне надо было уходить из поля зрения.

Посреди двора рос лимон. Здесь также была устроена небольшая крытая беседка с пластиковой крышей. Возле пластикового садового столика стояла пара шезлонгов, в которых можно было бы позагорать, если бы сейчас был день. Можно нырнуть под один из них и спрятаться от вертолета.

Это если бы я хотел, чтобы меня поймали.

К этому времени вертушка уже зависла над склоном за домом старой калоши.

На этот раз искали уже меня.

Взвизгнув, как собака, которой наступили на хвост, я метнулся вправо к деревянному сараю. Забегая за его угол, я заметил дорогу, которая

вела к нему от дома. Добротная широкая дорога.

Гараж был на два места. Главные ворота, разумеется, были заперты. Но чуть подальше, возле угла, была обычная дверь.

Она открылась с едва слышным скрипом. Проскользнув в темноту, я закрыл ее за собой. Здесь было намного темнее, чем на улице, хотя в одной из стен были небольшие окна, которые пропускали немного света. Но совсем немного. Тусклого, словно вывалянного в грязи серого света. Но и его было вполне достаточно, чтобы определить, что я попал в кладовку. Она была частью гаража, но отделялась от нее перегородкой.

Помещение было длинным и узким. Прямо передо мной возле самой двери лежал какой-то ящик, напоминавший холодильник, положенный набок. Морозильная камера?

На ощупь я нашарил ручку и открыл крышку.

Изнутри хлынул яркий свет, заставивший меня зажмуриться. Белым дымом за клубились испарения, и в лицо повеяло холодом.

Я побыстрее захлопнул крышку, чтобы убить

свет.

Затем я просто стоял какое-то время, ничего не делая и только прислушиваясь к вертолету и вновь привыкая к темноте. Наконец я снова мог видеть. Под окном стояла пара корзин для грязного белья. Еще стиральная машина и сушилка в темном углу за корзинами. Туда я и направился.

В поисках укрытия.

Смогу ли я влезть в бельевую сушку? Парень я не крупный, так что вполне может быть.

Если ничего другого не останется, можно попробовать.

Позади сушки в самом конце комнаты в углу на кронштейнах висел бойлер. Рядом был шкаф футов пяти шириной и с двустворчатой дверью. Я потянул за дверные ручки. Обе створки одновременно коротко скрипнули и отворились.

Я рассчитывал на то, что внутри окажется свободное пространство, как в платяном шкафу, но обнаружил там несколько полок, заваленных всякой всячиной.

Что я мог в этом случае сделать, так это разгрузить одну из полок, влезть в шкаф и поло-

жить себя на полку. Впрочем, чтобы это сработало, мне пришлось бы вновь расставить все по местам, уже находясь на полке, или спрятаться на полке, находящейся выше уровня глаз копов, которые наверняка скоро сюда заявятся.

Может получится. Сначала я встал на цыпочки, чтобы получше все рассмотреть, затем даже встал на нижнюю полку, чтобы подняться повыше. И тут я заметил, что шкаф был не до самого потолка.

И я полез выше.

Повиснув на одной руке, другой я пошарил вверх.

Между верхней крышкой шкафа и потолком был зазор фута в два.

И там ничего не лежало — ниша была пуста.

Пока я туда не втиснулся. (Использовал полки как ступеньки лестницы. К счастью, они не обвалились. Так что, может, кто-то там, наверху, все же не забывает обо мне.)

Забравшись, я улегся на боку, опустил руку и прикрыл дверцы шкафа. Затем продвинулся назад до упора в стену.

Так я нашел свое идеальное укрытие.

Но оно было идеальным лишь с точки зрения надежности, но вовсе не удобства. С удобствами здесь был полный облом. Напомню, что я был совершенно голый, если не считать кроссовок «рибок» и моей коротенькой юбчонки-конни. А для такого места лучше всего подошел бы рабочий комбинезон. Или, еще лучше, один из тех огромных белых костюмов, которые носят рабочие химических предприятий на опасных производствах. Но все, что у меня было, так это голая кожа и юбочка. На меня тут же налипла паутина. Из темноты посыпались и зашныряли по ногам и спине пауки. Потом они поползли и по лицу. Наконец забрались и под юбку. Какая мерзость! От их прикосновения все тело покрылось гусиной кожей.

И я принялся шлепать и давить их как сумасшедший. Отвратительное ощущение. Слышать, как трещат их панцири и как растекаются по телу их кишки. Когда же ты пытаешься смахнуть мертвого паука с тела, он цепляется, как сопля. Иногда они прилипали к пальцам, и приходилось

подолгу трясти рукой, чтобы от них избавиться.

Таким образом я занимался сокращением численности местной популяции пауков, пока меня искали. Если не считать производимой мною возни, единственным шумом были звуки, издаваемые вертолетом. Вероятно, было еще множество других звуков, но их просто не было слышно. Шум вертушки то замирал вдали, то вновь заглушал все вокруг своим ревом. Иногда мне казалось, что эта чертова штука сейчас сядет мне прямо на голову. Но она опять улетала вдаль.

Вертолет делал круги.

Все кружил, кружил и кружил. Хотя я и не мог его видеть, я прекрасно себе его представлял. Мысленно я видел, как он зависает в воздухе, все время шаря своим огромным белым лучом по скату холма и по зарослям в ложбине у его подножия, по усадьбам и дворам окрестных домов.

В поисках меня, одного меня.

От одного гула с ума можно было сойти.

Вероятно, к этому времени во всей округе не осталось ни одного спящего. Все, должно быть,

высунулись из окон. Под рев сирен еще можно спать, но полицейский вертолет не в состоянии поднять только мертвого: разве что ты в стельку пьян или глухой как пень. К тому же если он все не улетает, а кружится и ревет над головой.

Если ты самый обыкновенный обыватель, тебя раздражает, что разбудили. Впрочем, даже больше — ты начинаешь волноваться. Потому что знаешь, на то есть причины. Догадываешься, что ловят преступника.

А это значит, что этот преступник сейчас где-то возле твоего дома.

Ты выглядываешь из окна. Просто посмотреть, как далеко от тебя этот вертолет. Как далеко преследуемый. Тебе очень хочется увидеть, как он пробежит по двору в другом направлении — подальше от твоего дома. Надеешься, что он не попытается к тебе вломиться.

У тебя наверняка ползут мурашки по коже.

Но, черт побери, если ты тот, кого ищет вертолет?

Когда ты превращаешься в преследуемого, он перестает для тебя быть обычным полицейским

вертолетом. Он становится похож на какого-то робота-монстра, на летающую тарелку, которую швыряет в тебя банда свихнувшихся придурков из космоса, настолько гнусных, что по сравнению с ними самые мерзкие гестаповские штучки выглядят проделками Мэри Поппинс — причем они точно знают, где ты, блин, прячешься.

Хотя я и забился в самый угол моей укромной норы на верху шкафа, куда прожектору никак не добраться, при каждом появлении вблизи вертолета я готов был сжаться в малюсенький комочек или даже вовсе исчезнуть куда-нибудь.

«Тебе не уйти от меня! Ты просто не сможешь этого сделать!»

Блин!

Что ни говори, но он чуть не довел меня до умопомешательства. Провалиться мне на этом месте, но ночка была еще та.

Когда по потолку неожиданно скользнул луч света, я решил, что вертолет таки до меня добрался.

Но как он сюда попал? — не отдавая себе отчета в нелепости этой мысли, подумал я.

Чуть не вскрикнул.

Но тут раздался чей-то голос:

— Думаешь, он в холодильнике?

— А ты бы прятался в холодильнике? — спросил его спутник.

— Ага. А почему бы и нет? В такую душную ночь. Спорим?

Один из них открыл морозильную камеру. Я понял по звуку.

— Эй, гляди! У них тут батончики «Дав»! — воскликнул тот, кто до этого сказал «спорим?».

— Не балуйся. — У него был такой суровый тон, словно ему было начхать на батончики «Дав».

Вертолет улетел в дальний конец своего круга, поэтому я мог слышать весь шум, который производили копы в этой конуре. Они наталкивались в темноте на разные предметы, под их ногами хрустел мусор и что-то дребезжало. Их портупеи облеплены Бог весть каким дерьмом. Идущий полицейский по звуку скорее напоминает лошадь под седлом, чем человека.

— Хочешь один? — спросил любитель батон-

чиков «Дав».

— Нет. И ты лучше не трогай.

— Я возьму только один. Они гораздо вкуснее, чем эскимо... Кому придет в голову прятаться в стиральной машинке, Пэт!

— Нет? — Я услышал, как скрипнула крышка.

— Видишь? Что я тебе говорил.

— В таком освещении от морозильной камеры моли Бога, чтобы этот оборотень не продырявил тебе башку, Хэнк.

— У него нет оружия. Иначе бы он применил его к детям.

— Никогда нельзя быть ни в чем уверенным. Лучше помолчим, а?

— Так ты точно не хочешь «Дав»?

— И в сушке нет. — Я услышал невнятное брюзжание.

— Я и без того мог бы тебе это сказать.

— А как же, ты, конечно, можешь говорить сколько тебе вздумается, только ты далеко не всегда прав. Если хочешь знать, моим вторым арестованным был домушник, которого я нашел в бельевой сушке.

— И он туда поместился?

— А как же. Он был небольшой. Во всех смыслах.

Коп был теперь совсем рядом. Когда он остановился, мне показалось, что почти подо мною. Затем послышался скрип открываемых створок шкафа.

— Здорово тогда посмеялись все девчонки в прачечной. — Дверки вновь шумно захлопнулись, и я услышал звуки удаляющихся шагов.

— У меня случайно оказалась нужная монета, чтобы запустить сушилку.

Другой коп, Хэнк, рассмеялся.

— Подумал, а отчего бы его немножко не раскрутить. Но потом, минуты через две после того, как я его оттуда извлек, он облевал своим обедом мне все заднее сиденье.

— Вот дерьмо! — ругнулся Хэнк.

— Не дерьмо, а блевотина.

Парни тогда посмеялись от души.

И ушли.

А я остался там, где был. В конце концов улетел и вертолет. Наступила гробовая тишина.

Я больше не замечал ползавших по мне тварей, расслабился и уснул.

И спал до тех пор, пока утром не появилась Хиллари Западон сделать небольшую постирушку.

Глава 11

Когда я проснулся, внизу мурлыкала себе под нос песенку какая-то женщина. Впрочем, мне ее не было видно. Мешал верхний край шкафа. Мне было видно только потолок. Он был выкрашен в желтый цвет и залит солнцем.

Мне захотелось посмотреть, как она выглядит.

Судя по издаваемым звукам, она должна была находиться где-то поблизости от стиральной машины или сушки. Если она стояла лицом к одной из этих машин, то шкаф находился вне зоны ее видимости.

Так что я пододвинулся к краю и осторожно выглянул.

Она стояла у стиральной машины под таким

углом, что мне были видны ее профиль и спина. Увидеть меня она могла бы лишь в том случае, если бы обладала недюжинным боковым зрением.

В тот момент, когда я ее увидел, она уже закончила закладывать в бак белье. Сейчас она засыпала стиральный порошок в отверстие, расположенное в верхней части.

Выглядела она неплохо. Стройная и не слишком старая. Определить точный возраст женщины всегда весьма затруднительно, но я почти с уверенностью мог сказать, что до тридцатилетнего рубежа ей не хватало еще по крайней мере пары лет. У нее были густые каштановые волосы. Черты лица были угловатые — слишком выдающиеся скулы и, быть может, чересчур заостренные. То же можно было бы сказать о носе и подбородке. Не то чтобы красивая, но довольно неординарная и с внешностью, которую можно было назвать «впечатляющей».

Впрочем, и фигура у нее была такая же.

На ней была ярко-желтая обтягивающая футболка и красные шорты. Плечи были голые, если

не считать бретелек Они хорошо загорели, но были излишне костлявыми Попка заставила вспомнить о надутых губках. Может, потому, что она выпирала, как нижняя губа какого-нибудь малолетнего выродка. Она была хотя и маленькая, но не плоская и на вид упругая. Ножки выглядели мускулистыми и лоснились, словно точеные.

Такое тело можно иметь только в том случае, если им долго заниматься.

Это означало, что передо мной целеустремленная, решительная и самостоятельная женщина.

Как раз в моем вкусе.

Но это также говорило о том, что она проворна и сильна.

Справиться с ней будет нелегко, но я предчувствовал, что она того стоит.

Засыпав порошок, она отставила в сторону коробку и закрыла крышку стиральной машины. Когда ее рука потянулась к ручке включения, она слегка развернулась в мою сторону. Левая грудь вывалилась из блузки. Она была, как и все остальное, небольшая, компактная и заост-

ренная.

Внезапно я вспомнил о той девчонке из дома. Ну, той, которая убежала.

У них были в чем-то схожие фигуры.

Конечно, она гораздо моложе этой. И намного нежнее, и несравненно красивее. Но формы такие же.

И я удивился, как сильно мне ее хочется. Вспомнилось, как она выглядела и какая была на ощупь.

И сколько неприятностей она мне доставила. Где мне ее теперь искать?

Я все еще думал об этом, когда в машине забурила вода. Хиллари повернулась и зашагала к двери.

Едва она скрылась за дверью, как я стал спускаться. Повиснув на пальцах, я мягко спрыгнул со шкафа. Затем я быстро добежал до морозильной камеры и присел за ней.

И стал ждать. Боже, как душно было в этой конуре Пот с меня катился градом. Мне было щекотно. Общее ощущение было такое, словно меня натерли маслом, а затем вывалили в куче мусо-

ра, в которой было много паутины и насекомых. Вся грудь, руки и ноги в пятнах раздавленных пауков. Еще засохшая кровь с прошлой ночи. Плюс я был весь усеян маленькими красными шишечками, которые дьявольски зудели.

Еще в нос шибал крепкий запах пота. Пота, смешавшегося с протухающей кровью.

Обычно я поступаю как все и натираю тело. Хотя прошлой ночью этого не сделал. И прекрасно. Хотя бы потому, что те копы — Хэнк и Пэт — учуяли бы меня, едва переступив порог.

Мне лучше все объяснить. Натирание — это одна из подготовительных процедур, которую мы исполняем перед выходом на дело. Как актеры, накладывающие грим перед спектаклем. Это происходит в фургоне Тома. Там же мы переодеваемся в шкуры и вооружаемся.

Это все равно что намыливание. Только без мыла. Мы черпаем состав из бидона и размазываем его по телу. Том написал на бидоне «Лосьон жмурика». Это у него такие шутки. Потому что в бидон мы складываем разные части убитых нами людей.

Убитых какое-то время назад.

Получается что-то склизкое, как перезревший плод.

Некоторые из нас наносят его как средство после бритья. Другим нравится вымазаться в нем с ног до головы. Иной раз воротит, когда посмотришь, как они его используют.

Сам я применяю его крайне экономно. Мазну раз здесь, раз там.

Это для удачи. Потому что запах смерти сам по себе рождает страх в сердцах наших врагов. А еще потому, что это жуть как круто и заводит нас.

Во всяком случае, прошлой ночью я не намазывался, потому что у меня расстроился желудок. В фургоне у Тома есть туалет. Там я и просидел все время, пока другие колдовали над бидоном К тому времени, как я вышел, фургон опустел.

Эй, вон оно что оказывается. Только сейчас до меня дошло — выродки пошли начинать без меня, а потом также без меня уехали и бросили меня в беде. Не иначе как прелюдия к грядущему

предательству.

Во всяком случае, тогда мне хотелось лишь одного — поскорее присоединиться к компании. Не хотелось пропустить ни единого развлечения. Так что я не стал обмазываться этой дрянью.

Возможно, это меня и спасло.

Вернее, определенно спасло. Те копы, забредшие в эту подсобку в поисках меня, наверняка унюхали бы запах. Воспользуйся я «Лосьоном жмурика», сейчас сам был бы покойником. И, как знать, вскоре запатентовал бы свое собственное средство, открытие недели. «Запах Саймона».

Звучит? Мрачноватые мысли.

Наверное, это от пива.

Во всяком случае, суть в том, что я пренебрег «косметикой», остался без запаха, и поэтому копы меня не засекли. И вот теперь утро, и я притаился в этом сарае в ожидании Хиллари Западон: потный и зудящий, но пахнущий исключительно собственным телом и ничем хуже.

Что это она так мешкает, черт подери.

Чтобы как-то скоротать время, я стал воображать, что я с ней буду делать. Это меня на-

столько возбудило, что я практически позабыл о духоте, о зуде и о своем плачевном виде.

Наконец она появилась.

Когда она проходила мимо, я ткнул ее ножом в ногу. На ней не было ни обуви, ни носков, и нож резанул по живому. Ахнув от неожиданности, она попыталась отскочить в сторону. Ступня оторвалась от пола, хотя уйти от ножа ей не удалось — только пропорола еще несколько дюймов.

Отведя нож, я другой рукой схватил за щиколотку и, резко потянув на себя, быстро задрал ее ногу вверх.

С пронзительным воплем Хиллари плашмя грохнулась на пол. И тут же смолкла, так как от падения перехватило дыхание. После этого она могла только хрипеть.

Усевшись ей на грудь, я прижал ее за волосы к полу и приставил нож к горлу. Не так сильно, чтобы порезать, но достаточно, чтобы ей стало больно.

Затем я поинтересовался, кто дома.

Она покачала головой. Видно, хотела что-то вымолвить, но получился лишь какой-то булька-

ющий хрип. Ее грудная клетка ходила ходуном. Эти ее движения подо мной — туда-сюда — были мне даже приятны. И мне нравилось ощущать, как она вздрагивает всем телом.

— Не делайте мне больно, — наконец прохныкала она.

— Я и не собираюсь делать тебе больно, — ответил я. — Все будет хорошо, если будешь меня слушаться.

Она быстро закивала головой. Конечно, она была вся заплаканная, и это совсем не делало ее привлекательнее. Но меня раздражали не столько слезы и покрасневшие глаза, сколько сопلي, которые полезли у нее из носа.

— Для начала, милая, — сказал я, — скажи, кто еще в доме.

На этот раз ответ слишком задержался. Кроме того, за это время в ее взгляде произошла какая-то перемена, словно ей в голову пришла хорошая мысль.

— Мой муж, — произнесла она. — Он... он на больничном. Сейчас в доме. Должен появиться здесь с минуты на минуту. Он полицейский.

— Враки, враки — щиплют раки, — проговорил я, убирая нож от ее горла.

Вставив лезвие ножа ей между зубов, я полоснул вдоль рта и одним движением рассек обе щеки.

Она схватилась за лицо и, казалось, уже не обращала никакого внимания на то, что я стягивал с нее одежду. У нее был сплошной загар. Лично мне нравится, когда у девчонок есть незагорелые участки на теле. Белизна кожи в определенных местах свидетельствует о скромности и стыдливости. Когда я их вижу, то чувствую, что со мной делятся секретом.

В сплошном загаре есть нечто жесткое. Но Хиллари Западон, похоже, он был к лицу.

И хотя я предпочел бы девическую бледность, отшлифованный глянцевый загар доставил мне большое удовольствие. Еще то, как она извивалась на полу. И как переваливались ее груди. Они были маленькие с коричневыми сосками, напомнившими мне присоски на игрушечных стрелах моего детства.

Обычно я отрывал их и затачивал концы

стрел ножом.

Одной такой стрелой я попал в глаз коту по кличке Мики.

Если облизать такую присоску, то можно было прилепить ее ко лбу. У них же был такой вид, словно их кто-то облизал и прилепил к грудям Хиллари. Только в них не было гнезд под стрелы — концы были тупые.

Кожа у нее была горячая, гладкая и скользкая.

Она вздрагивала и корчилась всякий раз, когда я делал ей больно.

Когда она начала кричать, я затолкал ей в рот ее трусики.

Чтобы пересказать все, что я с ней делал, не хватит, пожалуй, и часа. Хотя я знаю, что рассказывать об этом буду с большим удовольствием. Говорить о таких вещах почти так же приятно — все равно что снова их повторяешь. Но многое еще предстоит поведать об иных материях.

Так что ограничусь тем, что мне представляется самым интересным.

Обычно все мое внимание концентрируется

на тех, с кем я нахожусь. Мой принцип — лови момент. Я не мечтатель. Но, когда я занимался Хиллари, я заставлял себя думать, что она — та девчонка.

Ну, знаете какая. Та, которую я упустил.

Хиллари как бы не существовало. Подо мной была та девчонка, и я наслаждался каждой минутой, каждым дюймом ее тела.

Закончив, я уселся на морозильную камеру и съел «Дав». Потом положил в камеру Хиллари.

Пересилив свое отвращение к подобной деятельности, я старательно подмел вокруг пол и вышел из гаража. Там было ужасно жарко и был спертый воздух. Во дворе дул свежий летний ветерок, было приятно и замечательно.

Задний дворик был полностью огорожен забором и давал прекрасную защиту от посторонних взглядов. Понятно теперь, где загорала Хиллари. Скверно, что я об этом раньше не догадался. Можно было бы выволочь ее на свежий воздух и заняться ею здесь.

Ну что ж. Не велика потеря.

Просто было бы намного приятнее, и все.

Направляясь к черному входу в дом, я подумал, что неплохо бы трахнуть девчонку на свежем воздухе. Если, конечно, будет такая возможность.

Пусть даже для этого понадобятся дополнительные усилия.

Для такого лакомого кусочка нужна самая лучшая тарелочка.

В доме было холодно, как в холодильнике. У меня даже застучали зубы и кожа покрылась пупырышками. Но я нашел удовлетворение в мысли, что Хиллари в морозильной камере сейчас гораздо прохладнее.

Хотя я был абсолютно уверен, что ее мужа нет дома, все же решил посмотреть. Мои поиски не увенчались успехом. Судя по всему, детей у них тоже не было.

Бенедикт и Хиллари Западон.

Имена я прочел на подписных ярлычках на журналах в ванной комнате.

Интересно, а как зовут девчонку?

Может, Трейси? Кимберли? Линн? Джоан?

Скоро узнаю.

Затем я долго стоял под горячим душем. Грязь лилась с меня потоками. Намыливаясь, я закрыл глаза и снова увидел себя в той подсобке. Конечно, не с Хиллари, а с девчонкой.

Вот если бы она оказалась сейчас здесь, со мной под душем.

Мой жизненный опыт подсказывал, что наши человеколюбцы из средств массовой информации наверняка во всех подробностях опишут эту историю. От них я и узнаю имена двух детей, переживших трагедию прошлой ночи. Если немного повезет, можно будет даже узнать, где они сейчас находятся.

Тут только одна проблема.

Мои дружки могут добраться до них раньше меня.

Глава 12

От мысли, что кто-то другой доберется до нее первым, у меня помутилось в голове. Бог с ним, с мальчишкой. На него мне глубоко начхать. Но девчонка — моя.

Я хотел ее всеми порами своего тела, а они просто убьют ее при первой же возможности.

Вдруг я остро ощутил, как мало остается у меня времени. Усилием воли заставил себя успокоиться. Даже если Том с компанией уже узнали, где беглецы, они не будут действовать опрометчиво.

Они хоть и чокнутые, но не фанатики — не станут лезть на рожон из принципа. Все, что им надо, — так это острые ощущения, которые можно получить, убивая других.

Я стоял под душем, мылился, смывал мыло и вновь мылился, пока не почувствовал себя совершенно чистым. Затем вышел из душевой кабинки и вытерся пушистым мягким полотенцем. Когда я снимал его с вешалки, оно уже было влажноватым. Должно быть, ему предназначалось попасть в стирку вместе с другим бельем. Но, возможно, Хиллари планировала отправить его туда со следующей партией.

Хотелось надеяться, что это она намочила его.

Мысль о том, что я вытирался ее полотенцем, показалась мне очень трогательной. Какое место она вытирала этим краем? А этим?

Когда же я представил, что это могло быть полотенце ее мужа, меня чуть не стошнило. Что, если он вытирал свой член или задницу как раз тем местом, которым я сейчас тру лицо?

Гадкая мысль.

Я стал разглядывать полотенце в поисках какой-нибудь подсказки. Даже понюхал его. Обыскал каждый дюйм в поисках характерных волосков.

Где бы мы ни были, мы всегда оставляем какую-то частицу себя.

Именно поэтому полицейские так тщательно осматривают место преступления, подбирая все, что им встречается, даже пылесосят. Ищут то, что осталось после нас. Не просто отпечатки пальцев или следы обуви, но кусочки нас самих. Им нужны клочки материи с нашей одежды, образцы нашей слюны, крови и спермы. Выковыривают кусочки нашей кожи из-под ногтей наших жертв. И, — о, да, — им очень нужны наши волосы.

Все это вещественные доказательства, а именно на вещественных доказательствах и строится обвинение.

Наш небольшой коллектив желает оставаться неопознанным, и еще меньше мы хотим на скамью подсудимых, поэтому мы очень стараемся не оставлять никаких улик. Несмотря на то, что мы никогда не надеваем перчаток (они как презервативы и лишают всякого удовольствия), мы всегда вытираем предметы, которых касались. Повседневную одежду мы оставляем в фургоне. Если

не считать обуви, мы ходим на дело нагишом или в том, что сшили из чьей-либо кожи. В костюм входит скальп или кожа с лобка одной из жертв. Как я уже говорил, кроме бровей и ресниц, мы сбриваем все свои волосы. Так что любые другие волосы, которые могут после нас остаться, принадлежат не нам.

Чтобы не оставалось никаких следов, мы просто увозим тела наших жертв в фургоне. Есть и другие причины забирать их с собой, но в конце концов все сводится к одному: их не оставляют, чтобы не предоставить о нас никакой информации.

И последнее. По порядку, но не по важности. Мы поджигаем место преступления. Обычно используем устройства замедленного действия. Так удастся уйти задолго до приезда пожарных.

Ничто не очищает так, как огонь.

Но на случай, если огонь вдруг потухнет, или его слишком быстро потушат, или по каким-то иным причинам огонь не уничтожит место преступления, мы стараемся оставить после себя как можно меньше или даже совсем ничего. То же,

что оставляем, если такое случается, скорее сбивает полицию с толку, чем помогает в расследовании.

Например, пучки волос с головы одного бродяги, которого мы подобрали в местном парке в прошлом году. Или отпечатки пальчиков одной миленькой воспитательницы детского сада, которую в последний раз видели, когда она шла к своей машине после полуночного представления «Шоу ужасов Рокки». (Трюк с легендарными перчатками-пальчиками Тома.)

Понимаете, у нас все как в НАСА: масса дублирующих систем, срабатывающих в случае отказа основных — аварийное резервирование!

Мы не оставляем за собой ничего, на чем можно было бы построить обвинение.

«Разве что пару свидетелей на сей раз!»

Ну что ж, о них позаботятся. (Надеюсь, это сделаю я.) О девчонке, по крайней мере. Как я уже сказал, мальчишку они могут взять себе. Пара наших ребят, несомненно, отдадут ему предпочтение. Понимаете, о чем я? За нами не водится никакой сексуальной дискриминации. Мы

— убийцы, верящие в равные возможности.

Ладно, ближе к делу. В полотенце, которым я воспользовался после душа, застрял согнутый колечком коричневый волосок. Похоже, он принадлежал Хиллари. Хотя, к сожалению, не знаю, какого цвета волосы у Бенедикта.

Да и знать не хочется, если откровенно. Просто сказал себе, что это волосок Хиллари, а значит, ее полотенце, и баста.

После этого почистил свою юбку. Перед душем я ее снял. Вам должно быть известно, что от горячей воды хорошая кожа портится. Раньше я чистил ее шампунем с гигроскопическим лосьоном. Сейчас у меня не было ничего, кроме влажной тряпочки, но кровь и грязь в основном отчистились.

Юбку, конечно, я больше не надел. Чтобы никто не остановил по пути домой, мне понадобится что-то чуточку менее вызывающее.

Самая обычная одежда. И волосы, если возможно.

Копы уже должны были узнать о моей бритой голове. Возможно, уже разослали бюллетень

— «искать яйцеголовых». Не исключено, что на дорогах уже выставлены кордоны.

Можно возразить, что это бритье голов — просто глупость. Столько разговоров о том, чтобы не оставлять никаких следов, а потом расхаживаем, пуская зайчики лысыми черепами, хотя чем, как не этим, можно вызвать нездоровое любопытство.

На самом деле причина для бритья голов лежит гораздо глубже. И она не имеет ничего общего с осторожностью в отношении вещественных доказательств. Я еще вернусь к этому, если будет время. Это не объяснишь в двух словах.

Пока что замечу, что бритые головы не доставляли нам ни малейших неудобств. Это потому, что мы всегда заботились о том, чтобы никого из тех, кто видел нас в деле, не осталось в живых.

Хотя на этот раз свидетели были живы. Так что моя лысая башка могла стать моим смертным приговором.

И это привело меня в спальню хозяев. Я хотел найти парик. Не тут-то было.

Впрочем, в ящике ночного столика я обнаружил «кольт» 45-го калибра. Это был черный (вороненый, как говорят служаки) армейского образца полуавтоматический «кольт» модели «Марк IV». Рядом лежали два полных магазина к нему.

Но я бы предпочел найти парик.

Огнестрельное оружие производит слишком много шума. И убийство из пистолета, хотя и не лишено приятности, не так уж и безопасно, не обеспечивает подлинного удовольствия и удовлетворения, которое получаешь, используя другие средства.

У всех нас есть свои любимые способы. И только Прах предпочитает огнестрельное оружие.

Однако случай был, на мой взгляд, экстремальный. Меня вроде как загнали в угол, и пушка могла стать моим пропуском.

Если бы еще шевелюру попримечнее.

Не могу сказать, чтобы мне в голову часто приходили оригинальные мысли, но ужастиков я перечитал немало. Как правило, они все не очень

страшные. В сущности, одни претензии на ужас — мы своими руками делали такое, после чего большая часть подобной литературы — женские романы. Но они привлекают нас совсем по другой причине — мы черпаем из них новые идеи. Как я уже говорил, сама идея нашего товарищества заимствована из одного старого триллера. И сегодня решение проблемы с волосами подсказала мне одна книга, которую я прочел в прошлом году.

Ответом, конечно, была Хиллари.

И я отправился со своим ножом в гости к Хиллари.

Она еще не замерзла.

Я срезал скальп, чтобы его можно было надеть как пляжную шапочку.

Самое время снова принять душ. Я взял с собой свой новый парик и помыл его шампунем. Протерев слегка полотенцем, я примерил его на голову. Слишком тесный. Сделав пару надрезов по бокам, я снова попробовал надеть его. Теперь он, быть может, был несколько великоват, но лучшего не предвиделось.

Затем подсушил его на голове феном, расчесал и взлохматил. Прическа получилась великолепной и почти без усилий.

Во всяком случае, на девчонке она бы смотрелась сногшибательно. Меня же она делала похожим на какого-нибудь педика — что-то вроде рок-звезды или одного из тех панков-трансвеститов — любителей шокировать обывателей.

Парень с такой шевелюрой не мог бы пройти незамеченным по улице.

Ладно, если я решил поносить волосы Хиллари, почему бы мне не примерить ее одежду?

Копы наверняка не будут искать женщину.

Значит, я превращусь из Саймона в Саймону.

И хотя ощущения от парика были довольно неприятные, я не стал его снимать, отправившись на поиски подходящей одежды. Волосы были сухими, чего нельзя было сказать о скальпе. Словно содрал кожу с сырого цыпленка и прилепил на макушку. Крайне неприятно. Но я опасался, что, если его сниму, он может пересохнуть и сечь, или даже задубеет настолько, что я не смогу его потом надеть. К тому же теперь я был

Саймоной. А у Саймоны пышная каштановая шевелюра.

Скоро она станет неотразимой. Или, по крайней мере, не столь очевидно смахивающей на мужика.

Как оказалось, одежда Бенедикта все равно была бы мне не впору. Он был намного крупнее Хиллари, тогда как мы с ней были почти одного размера.

Трусики, которые я нашел, были очень даже ничего. Ярко-синие и блестящие, размером не больше набедренной повязки стриптизерши. В таких трусиках и с такими волосами вид у меня был определенно волнующий.

После того, как к моему костюму прибавились колготки, я стал похож на парня, которого видел однажды на сцене, когда одна моя давнишняя подруга вытащила меня на «Лебединое озеро». О, как жизнерадостно он тогда подскакивал и выделял ногами разные па.

Захотелось швырнуть стулом в зеркало. Но разбитые зеркала, по поверью, приносят неудачу. Это зеркало было размером с дверь шкафа и

наверняка тянуло больше чем на обычные семь лет. А мне нужно было все мое везение, поэтому я решил его не трогать.

Конечно, я мог просто отвернуться от него. Но я этого не сделал. Как бы мне не по душе ни были его насмешки, отражаемые им карикатуры меня чем-то притягивали.

После того как я надел бюстгальтер, оно неожиданно стало моим другом. Лифчик хорошо гармонировал с трусиками. Скомкав пару салфеток, я затолкал их под ажурные чашечки. Больше я не походил на солиста балета. Теперь я был женщиной.

Саймоной.

В какой-то миг я даже почувствовал сексуальное возбуждение. А почему я должен это скрывать? Сегодня я уже успел и не в таком признаться, черт побери.

Мне понравилось, как она выглядела. Я становился в разные позы перед зеркалом, изучая ее в разных ракурсах. Даже начал ее ласкать. Конечно, это был я — я ведь не сумасшедший. Но у меня довольно богатое воображение, так что

не составило большого труда притвориться, что передо мной незнакомка. Причем красotka.

Но, когда я стиснул ее груди, сминая элегантные чашечки бюстгальтера, шелест мятой бумаги вмиг охладил мой любовный жар. И я занялся делом.

То есть пошел искать юбку.

Молоденькие девчонки Лос-Анджелеса теперь почти не носят юбок. Предпочитают шорты, джинсы или спортивные трусы. Ну и что. Я не из тех старых пердунов, для которых юбка — первый признак женственности. Хотя тенденция мне самому любопытна. Я вообще человек пытливый.

Самое существенное, можно сказать, ключевое различие между брюками и юбкой, а в солнечном климате единственное, в том, что юбки открыты между ногами, а у брюк в этом месте преграда из ткани.

Может, от юбок отказываются по той лишь причине, что у них нет этого барьера?

Но что это может означать и какой в этом смысл?

Разве девочки чувствуют себя безопаснее или больше защищенными, ограничивая таким образом туда доступ? Мне самому становится близким чувство уязвимости, когда я надеваю свою юбчонку-конни. Хотя меня это совсем не беспокоит. Только придает большую остроту ощущениям. Но, возможно, в повседневной жизни легче с чувством безопасности, защищенности и закрытости, которое дают штаны?

Впрочем, кому известны действительные причины чего бы то ни было?

Ясно одно — я хотел надеть одну из юбок или одно из платьев Хиллари. И, может, причин было несколько. В конце концов, было бы глупо превращаться в женщину — волосы, колготки, бюстгальтер и т. д. — только для того, чтобы появиться на людях в джинсах или шортах.

Мне нужен был полный, тотальный эффект.

Чтобы никто, кому бы я ни попался на глаза, ни на секунду не усомнился в том, что перед ним девочка, а не просто какой-то длинноволосый стилига.

Мой выбор остановился на бледно-голубой

расклешенной джинсовой мини-юбке и ярко-желтой блузке. Рукава блузки были чуть ниже локтя и заканчивались широкими манжетами. Ворот застегивался на пуговицы. Верхнюю пуговицу застегивать я не стал — чтобы не показаться чопорной. В зеркале у меня даже появился разрез — вероятно, благодаря бюстгальтеру. Между прочим, он просвечивал сквозь блузку.

Кадык у меня был совсем маленький, так что я решил не уродовать свой облик шарфом. Тем более трансвеститов всегда выдает попытка прикрыть горло. А это так бросается в глаза. Хотя от этого, вероятно, никуда не денешься, если у тебя такой вид, словно ты проглотил Монблан.

Сбрив электробритвой появившуюся за день щетину, я наложил заключительные мазки макияжа.

И напоследок, что, однако, было не менее важно, обул пару ярких белых теннисок.

Затем подошел к зеркалу. Шикарно! Не Саймона, а произведение искусства. Красивая, уверенная в себе, беззаботная и обеспеченная. Из тех женщин, которые, сыграв поутру пару сетов

в теннис, выезжают в город прошвырнуться по магазинам, прежде чем отправиться пообедать с «девчонками» в закрытый клуб.

Хотя на Саймону она была мало похожа. Скорее какая-нибудь Доррис или Джун. Что, однако, было совсем не важно.

Довольный своим новым видом, я зарядил «кольт». Затем перенес его и запасную обойму на кухню. Еще раньше за стойкой бара перед радиоприемником я заметил сумочку Хиллари.

Внутри были ключи от машины и бумажник. Всунув туда револьвер и обойму, я перекинул ремешок через плечо и вышел через заднюю дверь к гаражу.

На воротах гаража мне не удалось обнаружить никаких следов замка с дистанционным управлением, но они легко открылись, когда я потянул за ручку.

Но машины Хиллари внутри не оказалось.

Более того, в двухместном гараже, по-видимому, хранили все что угодно, кроме автомобилей.

Не было машин и на подъездной аллее.

Спокойно, сказал я себе. Она, вероятно, на улице.

Войдя в дом, я выглянул в окно, выходящее на улицу. Перед домом Западонов был очень большой и хорошо ухоженный газон. Сразу за газоном начиналась площадка, на которой вполне могли разместиться четыре автомобиля. Так оно, впрочем, и было. Парковочная площадка на противоположной стороне улицы была пуста — верный признак, что сегодня убирали ту сторону улицы. Поэтому машины поспешили перегнать сюда.

Замечательно.

Четыре автомобиля перед домом Хиллари.

Один из них или даже несколько обязательно должны были принадлежать чете Западонов.

Впрочем, скорее всего только один. Остальные, вероятно, были соседские.

И я должен буду с первой попытки подойти к нужной машине.

На кольце, которое я достал из сумочки Хиллари, было восемь ключей, в том числе два комплекта автомобильных. На автомобильных были

выбиты названия производителей: «Крайслер» и «Ягуар».

Среди автомобилей, припаркованных перед домом Западонов, насколько я мог судить, глядя из окна, не было ни единого «Ягуара». Значит, «яг» был машиной Бенедикта, на которой он уехал на работу.

Из всей четверки я смог распознать «Порше» и «Вольво». Марки остальных двух определить было невозможно. Я не специалист по машинам, но мне тогда казалось, что один из этих автомобилей просто обязан был быть «Крайслером» Хиллари.

Сгорая от нетерпения, я вышел из дому и скорым шагом направился к ним прямо по газону. Дойдя до тротуара, я увидел, что таинственными автомобилями были «Хонда» и «Тойота».

Ближайший «Крайслер» стоял по другую сторону от подъездной аллеи Западонов, не только за их подъездной аллеей, но и за «Тойотой», «Фольксвагеном» и «Фордом»-пикапом.

Блестящий синий «Крайслер-Империал» был припаркован так, что его передний бампер нахо-

дился всего в каком-то ярде от подъездной аллеи соседей.

Могла ли Хиллари поставить свою машина так далеко от дома?

Едва ли, черт побери.

Особенно если учесть, что их собственная такая замечательная подъездная аллея была совершенно пуста.

Так что это почти наверняка была не ее машина.

Хотя это был единственный стоящий недалеко от их дома «Крайслер». Может, у Хиллари была какая-нибудь причина поставить его там. Она могла купить что-нибудь в магазине для соседей, подъехать к ним, чтобы выгрузить это «что-нибудь», а затем пойти домой, не утруждая себя лишними хлопотами по перегонке автомобиля.

Что-то в этом роде. Жизнь странная штука. Кто знает.

Если это ее машина, то через несколько секунд я мог бы быть уже в пути. Если нет, то кто-нибудь мог бы заметить женщину, пытающуюся открыть чужой автомобиль. Или могла сработать

звуковая сигнализация.

Все же я решил рискнуть.

Держа ключи на изготовке, я обошел «Крайслер» сзади, подошел по улице к водительской двери и всунул ключ в замок. Он вошел без проблем. Но не поворачивался. Я попробовал другой ключ с надписью «Крайслер». Он тоже подошел, но не шлохнулся, когда я попытался его проверить.

Пока что сигнализация не нарушила утреннего покоя. И никто не окликнул меня.

Вынув ключ, я отступил назад, затем нахмурился и сокрушенно покачал головой. На тот случай, если за мной кто-нибудь следил в окно из одного из домов. Затем я зашел уже сзади машины, посмотрел на номерные знаки, снова покачал головой и пошел прочь, стараясь выглядеть озадаченным.

Пришлось вернуться в дом Западонов.

И здесь я до сих пор.

Глава 13

Где же, черт побери, машина Хиллари?

В мастерской. Может, арестовали из-за неисправных тормозов или каких-то других неполадок. Или кто-то ее украл. А может, одолжила по-друге.

А может, Господь Бог решил сыграть со мной злую шутку и унес на небеса эту чертову машину?

Как бы там ни было, но я не смог ее найти.

Поэтому сейчас я сидел на диване в гостиной и шевелил мозгами.

Во-первых, я хотел выбраться из этого квартала. Во-вторых, выследить девчонку и сделать это раньше других. Но больше всего я хотел, чтобы меня не поймали копы.

Если это случится, я покойник.

Не потому, что они могли просто пристрелить меня на месте и глазом не моргнув. Ничего подобного. Что бы ни говорили о департаменте полиции города Лос-Анджелеса, они никогда не убивают или не избивают людей просто так. Если ты не оказываешь сопротивления, арест производится без лишней грубости.

Другое дело, что мне придется их спровоцировать.

Если я начну стрелять, они ответят тем же.

Понимаете, главное правило нашей небольшой группы состоит в том, чтобы не сдаваться живыми. Причина проста: попавший в лапы фараонов мог выдать других.

А кто хочет, чтобы его выдавали?

Поэтому никто не должен попадаться живым. Если нет возможности скрыться, мы обязаны отстреливаться до конца или совершить самоубийство.

Наказание за сдачу живым слишком суровое.

Умрет вся твоя семья. Родители, жена, дети. Подружка, если ты еще не женат.

В моем случае они убьют мою невесту, Лизу,

моих сестер, Сэнди и Дору, возможно, их мужей, Стива и Гарри, и почти наверняка мою племянницу Сью и племянников Рэнди и Дэна.

Думаете, это чересчур, да?

На то и рассчитано. Чтобы заставить нас умереть в случае необходимости.

Впрочем, чтобы вы успокоились, скажу, что до этого еще не доходило.

Пока достаточно было угрозы.

Потому что никто не сомневается, что они это сделают. Причем с большой радостью. А кому, как не тебе самому, знать, на что они способны и какое при этом получают удовольствие (потому что ты и сам принимал в этом участие), так что от одной мысли о том, что объектом их экзерсисов может стать твоя мать, подружка или ребенок, волосы встают дыбом. Лучше умереть самому, чем позволить тем, кого ты любишь, испытать хоть малую толику этих ужасов.

Билл Петерсон единственный из нашего окружения, перед кем встал этот выбор.

Это произошло несколько лет назад, в Нью-Мехико. Всем нам удалось смотаться, а Билла

поймали. Его загнали в тупик, и он потерял оружие. Так что копы просто надели на него наручники и зачитали ему его права. Я тогда затаился на противоположной стороне улицы и видел, как его сажали в машину. Мне стало его жалко. Но в глубине души я надеялся, что он не решится принести себя в жертву. Потому что, если бы он сдрейфил, мне бы пришлось заняться его сестричкой, Донной. А этого я страстно хотел уже давно.

Но Билл сделал правильный выбор. Когда в участке они сняли с него наручники, чтобы взять отпечатки пальцев, он словно обезумел. Бросился на полицейского, и его, естественно, тут же изрешетили пулями.

После его смерти я много времени проводил с Донной. Утешал и все такое. Завязалась дружба, и скоро я начал ее трахать. Хотя удовольствие — ниже среднего. Так оно почти всегда. Если нет всего остального — просто тоска.

Так или иначе, но Билл был единственным из нас, кому довелось, так сказать, испытать всю горечь.

Становиться вторым у меня не было ни малейшего желания.

А это означает, что я должен держаться подалеже от копов.

От исчезновения «Крайслера» Хиллари мои перспективы на будущее не становились радужнее.

Сидя на диване, я перебирал в уме все возможности. Их было не густо: можно было попытаться уйти пешком, вызвать такси или угнать соседский автомобиль.

Любой из этих вариантов, впрочем, был сопряжен с большим риском.

Если уходить на своих двоих, то я буду на виду слишком долгое время. Меня многие увидят. Со мной, вероятно, кто-то даже попытается заговорить. С близкого расстояния кто-нибудь даже сможет заметить, что я не женщина. Так что пеший вариант исключался — слишком много случайностей.

У таксиста тоже было бы слишком много времени, чтобы меня разглядеть. А рано или поздно копы бы его вычислили и спросили обо мне Ко-

нечно, я мог бы его порешить, доехав куда мне надо. Среди белого дня в Лос-Анджелесе? Нет уж, спасибо.

Если бы я попытался угнать машину, кто-нибудь мог бы донести в полицию. Тем более что угон автомобилей — это не мой стиль. Нет. Может, позвонить вместо этого соседям, представиться сестрой Хиллари, проникнуть в дом и пустить немного крови? Уехать затем на машине как положено — с ключом в зажигании. Но снова риск намного превышал выигрыш. Когда идешь в чужой дом с мыслью об убийстве, ты ступаешь на минное поле. Никогда не знаешь, сколько народу там может оказаться и как они себя поведут в минуту смертельной опасности. Одно дело, когда нас шесть или восемь. Совсем другое, когда ты один-одинешенек.

Так что, по правде сказать, у меня вовсе не было никакого более или менее безопасного плана действий.

И мои инстинкты приказывали мне не рыпаться. Рано или поздно Бенедикт вывернет руль своего «Ягуара» на подъездную аллею после на-

пряженного трудового дня. Когда он войдет в дом, я его прирежу, возьму ключи и поеду любоваться закатом.

Такой у меня был план.

Другого пока нет.

Я все еще в ожидании.

Решив остаться, я переключил внимание на другие вопросы, не имеющие ничего общего с побегом. Прежде всего я попытался найти сегодняшний выпуск «Таймс». Безуспешно. Газета, должно быть, исчезла вместе с «Крайслером» Хиллари.

Так что я сварил себе кофе и сварганил небольшой завтрак: яичницу с ветчиной и позаимствовал у хозяйки сдобную булочку. За завтраком я решил послушать радио.

В новостях последнего часа был репортаж о событиях прошлой ночи. Да еще какой репортаж.

Смысл его сводился к следующему: прошлой ночью ближе к утру сгорело два дома в квартале Авалон-Хиллз Лос-Анджелеса. Трагедия унесла четыре жизни. В одном доме погибло сразу трое. Семья из шести человек, проживавшая в

другом доме, в это время отдыхала за городом, так что единственной жертвой пожара стала престарелая мать владельца дома. По словам репортера, на место трагедии выехала следственно-оперативная группа. Прорабатывается версия об умышленном поджоге.

И ни слова о двух оставшихся в живых детях.

Ни слова об убийстве.

Ни слова о нас.

Сначала я подумал, что дети, может быть, ничего не рассказали. Но такого не могло быть. Иначе откуда репортер мог узнать о погибших? Без подачи подростков никто бы так сразу не стал утверждать, что прошлой ночью в обоих домах были люди.

Ведь Том с компанией не оставили тел. Такого просто не могло быть. Хотя сам при этом и не присутствовал, я твердо знал, что тела они увезли. Так что детишки все рассказали, это однозначно. Вероятно, разболтали все, что видели. Копы, должно быть, предпочли пока не предавать правду огласке. Может, решили, что, если обыватели узнают о банде психопатов, вламыва-

ющихся в дома и устраивающих там зверскую резню, начнется паника? А может, хотя бы придержат факты до того момента, когда нас поймают.

Или, может, детям не поверили. А кто поверит в невероятную историю о том, что в таком уважаемом районе Лос-Анджелеса орудует шайка полуголых бритых мужиков с ножами, копьями, топорами и саблями? Копы могли даже подумать, что дети все это выдумали в свое оправдание. Может, считают, что именно дети подожгли эти дома.

Если копы уже успели обшарить пепелища и не нашли ни одного трупа, они вообще могли зайти в тупик.

С другой стороны, они могли верить каждому слову детей, а средства массовой информации сообщить искаженную версию событий с целью защиты свидетелей. Кто станет объявлять во всеуслышание о том, что есть свидетели массового убийства. Тем более когда убийцы разгуливают на свободе. Кто хочет сохранить жизнь свидетелям, такого не сделает.

Как знать? Все возможно.

Впрочем, я все же сделал из выпуска новостей два действительно важных вывода. Во-первых, в них не призывали остерегаться лысых маньяков. Во-вторых, имени девочки не сообщали.

Хотя из них я и не узнал, как ее зовут, но и мои дружки были не в лучшем положении.

Время от времени я прерываю запись этих мемуаров, чтобы послушать различные радио— и телестанции. Но вместо того, чтобы обрастать новыми подробностями по мере поступления новой информации (куда же подевались пронырливые репортеры?), репортажи становятся все короче и короче. Странно и очень подозрительно. Впечатление такое, словно по каким-то причинам историю эту решили спустить на тормозах.

Всего несколько минут назад в пятичасовом выпуске новостей канала KNBC сообщили только о том, что в паре домов в фешенебельном районе Авалон-Хиллз произошел пожар, в результате которого погибло четверо.

Что ж, спасибо и за то, что совсем не упоминаются ни мальчишка, ни девчонка. И за то, что ни слова о кровавой бойне или о банде бес-

пощадных головорезов.

Это хорошо, но одновременно и плохо.

У меня все еще есть шанс добраться до девочки первым.

Если Бенедикт когда-нибудь вернется с его чертовой работы!

Я решил посидеть здесь до девяти. Если к тому времени он не появится, что ж, видно, не судьба. Тогда «адъёз» этому дому. Пойду вызывать такси.

А пока что компанию мне составит мистер «Сони». Это мой магнитофон. Вернее, не мой, а их, Западонов. Сегодня я задал ему работенку своими словесными экскурсами в далекое и не столь далекое прошлое. Это и мои мемуары и мое признание — неприукрашенная правда о моих кровавых подвигах.

Вы могли бы спросить, зачем я это делаю.

А кто вы, слушатель? Полицейский? Секретарь суда, стенографирующий показания для прокурора? Может, вы — это Том или Митч, или все парни сразу, на коллективном прослушивании записи в гараже Тома? Может, вы — это я.

Может, никто и никогда не услышит этих кассет. Или вы — никто?

Если же вы кто-то — а вы должны им быть, иначе бы вы не слушали, — то вы могли бы спросить себя, зачем я вообще делаю эти записи.

Почему я все это рассказываю?

Почему, почему, почему?

А почему нет «Крайслера» Хиллари?

Почему я споткнулся об эту гребаную корягу, когда девчонка была почти у меня в руках?

И еще тысячи «почему?».

Глупые вопросы? Что ж, тогда вопрос по существу: почему мои товарищи «краллы» уехали и бросили меня?

Ага! Может, в этом и есть объяснение?

Если моей жизни грош цена, то почему их собственные должны стоить дороже?

Может, таким образом я пытаюсь защитить себя и своих близких. Спрячу где-нибудь эти записи, потом дам им понять, что в случае репрессий с их стороны кассеты попадут в руки полиции.

В кино такое на каждом шагу.

А, катись все к чертям собачьим! Слушайте полный список членов. Вот он — клуб, секретное общество, наша банда, «краллы» — имена всех, кто когда-либо был одним из нас:

Том Бэкстер — наш бесстрашный лидер.

Чарльз Сарнофф — Кусок.

Джеймс Митчелл — Митч.

Терренс Уоткинс — Ковбой.

Брайан Фишер — Пескарь.

Клемент Кэлхун.

Лоуренс Роудс — Прах.

Билл Петерсон (покойный).

Дэйл Престон (покойный).

Фрэнк Остин (покойный) — Техасец.

Тони Мейджер (покойный) — Рядовой.

Саймон Квёрт (ваш покорный слуга).

Вот мы. В полном составе, как на поверке, живые и мертвые.

Похоже, не так уж и мало из нас скопытилось за это время. Но остальные парни хоть куда. Милые и испорченные.

О-го-го.

Я, кажется, что-то услышал.

И это автомобиль!

У этого зверя мощный движок. Рычит, словно настоящий ягуар.

Гм. Тишина.

Слышите? Хлопнула дверца. Это Бенедикт, голову даю на отсечение Для хохмы оставляю магнитофон включенным Может, запишется что-нибудь веселенькое и забавное. Тсс.

Послышались шаги. В дверь вставили ключ. Оставайтесь на нашей волне, ребята.

— О, вы, должно быть, Бенедикт?

— Да, а что?

— Дорис. Дорис Найт. Хиллари говорила, что вы должны быть с минуты на минуту.

— Да? А где же она?

— О, в данный момент у нее небольшие неприятности.

— Неприятности?

— Ну, знаете, она выскочила в туалетик.

— А. Да-да. Что ж.

— Я забежала немножко поболтать. Совсем недавно в этом квартале, и я сказала себе: «Милая, тебе следует обойти своих новых соседей и

познакомиться». И вот я здесь. Хиллари мне как раз рассказывала о проблемах с машиной. Какой ужас.

— Да. Ее должны были отремонтировать еще вчера... Хиллари... у нее точно такая же блузка, как эта.

— Да ну? Она покупала свою в «Нордстомсе»?

— И сумочка точно... Что здесь происходит? Это ее сумочка. Хиллари! Хил-ла-ри!

— Это ее сумочка, Бенедикт. И блузка тоже ее. И юбка. Все ее. Ради Бога, это даже ее волосы! Держи!

— А-а-а-а-а-а! А-а-а!

— Эй, заткнись!

— А-а-а-а-а-а!

— Саймон говорит тебе «заткнись». И Сэмюэль Кольт присоединяется к его просьбе.

— Угу!

— Тсс.

— Угу.

— Так-то лучше. А сейчас подними волосы и принеси сюда... Спасибо. Теперь становись на

колени.

— П... по... пожалуйста!

— Саймон говорит: «Становись на колени».

— Не стреляйте в меня. Пожа-алуйста-а!

— О, этого я делать не буду. Слишком шумно.

И, по правде, совсем никакого удовольствия. Я сделаю это вот этой маленькой штучкой.

— Нет, нет! Бросьте это... Не надо! Я все сделаю. Пожааа... Иаааа!.. Бвааааа!.. Ииииии!.. Уаауааа!.. О!

Черт, придется переодеваться.

Часть III

Защита свидетелей

Глава 14

Проснулась Джоуди в своей спальне. Впрочем, постель была не разостлана. Она лежала поверх покрывала в шортах и блузке — ночнушка куда-то подевалась. Теплые солнечные зайчики скользили по ногам. Комната была залита золотистым светом, в котором плавали пылинки.

Судя по всему, время шло к вечеру.

Неожиданно в сознании всплыл образ Ивлин, взлетающей к потолку в темном коридоре.

Чтобы оборвать воспоминания, Джоуди быстро села. И застонала от шквала острой и тупой боли. Болело все.

«По крайней мере, жива», — подумала она.

С этой мыслью она сорвалась с обрыва и полетела в пропасть красочных образов кровавой

резни, наводнивших ее воображение.

Пытаясь справиться с наваждением, она спустила ноги с кровати. Когда они коснулись пола, Джоуди поморщилась от боли. Только теперь она увидела, что под белыми носками были бинты, и, чтобы снять тяжесть с ног, откинулась на матрац. Боль отозвалась в ягодицах. Не сильная, но какая-то особенная, от которой в горле появился комок и заслезились глаза.

Когда боль утихла, Джоуди глубоко вдохнула и вытерла глаза.

— Неважный из тебя получится инженер, — сказала ей медсестра «неотложки». Медсестра, правда, оказалась медбратом. Он сильно напомнил ей мистера Роджерса. Причем Фреда, а не какого-нибудь Роя или Уилла. Фреда Роджерса, проводшего беззаботное детство в тихом квартале. По крайней мере, вид у него был именно такой, и еще он говорил нараспев.

— Неважный кто? — переспросила она. — Инженер?

— Посмотри, какая ты безнадежная развалина, — широко улыбнулся ей медбрат.

— А, — слегка улыбнулась в ответ Джоуди.

Но это, конечно, было уже немного позднее. До этого в палату заходил врач. Во внешности врача, напротив, не было ничего забавного или вальяжного. Он напомнил Джоуди мистера Грина, ее учителя обществоведения.

— Давайте осмотрим ваши повреждения, барышня, — произнес он угрюмо, переведя сердитый взгляд с диаграммы прямо ей в глаза.

Надо раздеваться. Папа услужливо удалился, проковыляв за ширму.

— Теперь посмотрим, — промолвил хмурый доктор, — что тут у нас. — Но затем вовсе не ограничился простым разглядыванием ее ран. Он начал пальпировать все тело: тыкал пальцем, щупал, нажимал, бормоча при этом: «Ага. Ага. Гм. Больно, когда я так делаю? Ага. Да. Гм». И наконец объявил: — Так, жить будешь. Можно сказать, ничего серьезного: стандартный набор банальных порезов, царапин и синяков. Мне надо переговорить с твоим отцом. Тем временем медбрат Гамбол сделает тебе перевязку, после чего ты можешь идти домой.

Едва захлопнулись двери за доктором, как вошел медбрат Гамбол, который оказался довольно привлекательным, хотя и напоминал Джоуди мистера Роджерса. Красивый и молодой. Этого оказалось достаточным, чтобы она покраснела до корней волос.

— О, не смущайся, милашка. Все это я уже видел, если ты понимаешь, что я имею в виду. Хотя ты сегодня и первый мой пациент, достаточно одного взгляда, чтобы сказать, что инженер из тебя неважный, — промолвил он.

— Кто? Инженер?

— Потому что ты такая безнадежная развалина.

Затем он взял в руки антисептик и бинты. Сначала он обработал ее раны спереди. Затем она перевернулась и подставила ему спину. Ноги он оставил напоследок.

Говорил он без умолку.

Джоуди почти ничего не помнила из сказанного, но запомнилось, что это было что-то веселое и довольно нескладное. Приятный парень, но чужак.

Среди всего прочего он сказал что-то вроде: «Следующий раз, когда попадешь в Грин-Бэй, не забудь надеть побольше щитков».

— Па, а что такое «грин-бэй»? — спросила она отца по дороге домой. Отец сидел за рулем, а она с Энди — на заднем сиденье.

— Город в штате Висконсин. Кажется, на озере Мичиган.

— Медбрат посоветовал мне надеть щитки, когда я туда поеду. Или что-то в этом роде.

Услышав это, папа оглянулся через плечо и улыбнулся.

— В старые добрые времена, когда я был мальчишкой, «Пэккеры» из Грин-Бэя под руководством Винса Ломбарди были лучшей футбольной командой в мире. Мне кажется, медбрат попытался сострить по поводу твоих обширных травм.

— Разве он не знает, что со мной произошло?

— Он знает только то, что ты убегала от преследователей. Это все, что мы ему рассказали о ваших приключениях.

— К тебе заходил парень, похожий на мистера

Роджерса? — вмешался Энди.

— Угу. Приятный парень, правда?

— Угу. — Затем, словно сама мысль о том, что кто-то мог быть приятным, была для него невыносимой, Энди жалобно скривился. Джоуди обняла и прижала к себе плачущего мальчика.

Когда они подъезжали к дому, Энди уже спал. Стараясь не разбудить, отец осторожно взял его на руки и отнес в дом.

Сама Джоуди не собиралась ложиться отдыхать. Хотя она чувствовала смертельную усталость, больше всего ей хотелось переодеться в нормальную одежду, затем пойти к отцу и побыть с ним. Посидеть рядом и, быть может, что-то перекусить. Смотреть на него и чувствовать себя в полной безопасности.

Но, похоже, прилегла на кровать и закрыла глаза.

Затем, должно быть, уснула мертвецким сном.

Не удивительно, подумала она. Ведь прошлой ночью почти не спала.

Прошлая ночь. Коридор. Взгляд в спальню.

Все те ублюдки. И море крови. И перевернутая голова...

Джоуди вскочила и метнулась с кровати с искаженным от страха лицом, скрипя зубами. Со ступней словно содрали кожу, но бинты и носки приглушали боль. В кроссовках «рибок» было бы легче, подумала она.

Роясь в шкафу, она вспомнила, что надевала их, когда шла к Ивлин.

Они были новенькие. Снежно-белые с розовыми шнурками, такие мягкие и уютные внутри. Так здорово пружинили при каждом шаге.

Пропали. Сгорели.

От осознания потери комок подступил к горлу.

«Глупо, — напомнила она себе. — Это всего лишь кроссовки».

Пришлось обувать мокасины. Выйдя из комнаты в коридор, Джоуди вспомнила, что лишилась и своих любимых носков с вышитым осликом Иа.

«Мой бедный Иа».

Это было последней каплей. Глаза защипало.

Джоуди понимала, что рыдать по поводу потери носков глупо, но они были подарком, который выбирал сам папа, и они стали для нее олицетворением Иа, бедного меланхоличного друга Винни-Пуха, который всегда становился жертвой несправедливостей жизни. Он не мог не вызывать жалости. Его хотелось пожалеть и защитить.

Если бы она только надела вчера к Ивлин носки с Тигрой. Она бы не возражала — по крайней мере, сильно, — чтобы сгорел Тигра. Но бедный Иа...

Увидев спящего на диване в гостиной Энди, она забыла о носках. Он лежал под одеялом. Видно было только свернувшееся калачиком тело под одеялом и светло-коричневые волосы на затылке.

Он выглядел таким маленьким.

И таким одиноким.

«Но у него есть я, — возразила сама себе Джоуди. — Я спасла его. Одна. Он жив только благодаря мне».

И она поняла, что он больше не просто брат

Ивлин, надоеда Энди. Уже потому, что она его спасла, он стал для нее чем-то гораздо большим.

«Как мой собственный брат». Такая мысль мелькнула у нее в голове, когда она смотрела на Энди. Брата у нее никогда не было, и она не знала, какие чувства можно испытывать к брату. Но идея о брате ей показалась надуманной. Что-то в ней было не так.

«Нет, он мне не как брат, а как мой ребенок».

Это уж совсем чудно. Но в этом была какая-то доля истины. Возможно, тут не было ничего общего с природным материнством, но она теперь настолько же была причиной жизни Энди, как если бы это она когда-то родила его.

Что бы теперь с ним ни случилось, хорошее или плохое, это произойдет только потому, что она вывела его из того дома прошлой ночью.

Как странно.

Странно, но приятно.

Джоуди подошла к спящему мальчику и нагнулась над ним. Он дышал почти неслышно, и она нежно погладила его по голове.

— Ты и я, приятель, — шепнула она.

— Тихо, не разбуди его, — слышался шепот за спиной.

Звук голоса в тишине заставил ее вздрогнуть, но это был добрый и вселяющий уверенность голос. Оглянувшись, она увидела в арке столовой отца. Уголок его губ был оттянут в сторону. Его обычная ухмылка, которая вовсе не была ухмылкой. Она вовсе не отражала его настроения — это было неизгладимое воспоминание о пуле 22-го калибра, проникшей в череп. К счастью, последствия были минимальные. Шрам прикрывали волосы. Однако, проходя сквозь мозг, она задела что-то, что отвечало за правую часть лица. И теперь, когда он был серьезен, казалось, что он ухмыляется. Когда же он был весел, лицо расплывалось в огромной кривой улыбке, отчего вид у него становился довольно глупый.

Но, по ее мнению, пуля даже сделала отца более привлекательным.

Согласно одной прочитанной в свое время книге, все люди в мире были похожи либо на ласок, либо на свиней. Либо одно, либо другое. Но для отца не было места в этой классификации.

Животным, на которое он был похож, была горилла.

До ранения он больше походил на одного из тех типов, которых показывали в телешоу «Самые опасные преступники Америки в розыске», чем на полицейского.

И это было крайне несправедливо.

И хотя вид у него был чисто бандитский, более деликатного, сострадательного, мягкого и нежного человека Джоуди никогда не встречала. Так что пуля, похоже, была ниспослана самим Богом, чтобы исправить допущенную ошибку и загнуть уголки губ вверх в радостной улыбке.

Некоторым казалось, что не сходящая с лица улыбка придавала ему жуткий вид. Джоуди была иного мнения. Она считала, что отец от этого только выиграл.

В преступном мире за ним закрепилось прозвище Весельчак. Сослуживцы называли его за глаза Конгом.

Сейчас он стоял под аркой с банкой «Будвайзера» в огромной руке.

На нем были мешковатые пляжные шорты,

белые короткие носки и синие тренировочные туфли «наик». Футболка была аккуратно заправлена в шорты.

Хоземит Сэм, изображенный на футболке, держал в каждой руке по шестиствольному пулемету, извергающему огонь из всех стволов. Часть супермена, однако, была скрыта за кожаным ремнем плечевой кобуры. Кобура плотно прилегалась к левой части грудной клетки, и из нее торчал 9-миллиметровый «браунинг».

Вид «браунинга» заставил Джоуди съежиться, и ее бросило в жар.

Обычно она спокойно относилась к огнестрельному оружию. Оно было частью папиной работы. Ничего особенного. У нее даже был собственный пистолет 22-го калибра, из которого она любила пострелять где-нибудь на пустыре.

Но дома, тем более когда переодевался в шорты и футболку, чтобы выпить после обеда пива, папа никогда не носил оружия.

Это выглядело странно.

Джоуди было протянула руку, чтобы еще раз погладить Энди, но передумала Пусть спит. Чем

дольше prospit, тем лучше.

Повернувшись к нему спиной, она медленно зашагала в сторону отца, стараясь не хромать и не морщиться от боли. Папа не выносил боли — особенно когда речь шла о его дочери.

— Можно поговорить на кухне, — прошептал он. Джоуди пошла за ним следом через столовую. У отца и походка была необычная — вразвалку. Но это, как и ухмылка, не имело ничего общего с надменностью. Такой она стала после погони на большой скорости за преступником, которая закончилась аварией. И хотя спустя какое-то время все функции ног полностью восстановились, манера ходьбы изменилась навсегда.

— Возьми себе пепси, — предложил он.

— Хочешь еще пива? — поинтересовалась она, открывая холодильник.

— Конечно, почему бы и нет?

Джоуди достала холодную банку пепси себе и банку «Будвайзера» для отца и понесла их к столу, за которым уже уселся отец спиной к стене.

Он всегда садился спиной к стене.

Еще в колледже у него была привычка садить-

ся спиной к стене. Об этом часто рассказывала Джоуди мама. Когда она впервые увидела его, он сидел в студенческом клубе спиной к стене, пил пепси и читал роман Эда Макбейна «87-й участок». Ба, этот парень, похожий на угрюмую гориллу, и, по всем признакам, безмозглая деревенщина, читает книгу. И даже не учебник, а детектив. И читает, похоже, ради удовольствия. Заинтригованная разительным несоответствием внешнего вида и поведения, она подошла к столу, присела и представилась.

Кейт Монро.

Джек Фарго.

Джек Фарго, у которого, помимо всего прочего, было два списка героев. Книжные и реальные. Список выдуманных героев возглавлял Стив Карелла. Во главе героев из жизни стоял Джеймс Батлер Хиккок.

Тот Хиккок, который всегда сидел спиной к стене.

За исключением одного случая. Однажды в казино «Дедвуд», когда играл в покер и на руках у него были тузы и восьмерки, он нарушил свое

правило. Джек Макколл испортил ему игру: он зашел сзади и застрелил его.

Если верить маме, отец даже сказал: «Если бы Дикий Билл играл по своим правилам, он бы жил до сих пор»

— Но он был бы слишком стар, чтобы получать от этого удовольствие, — сострила мама, и они оба неожиданно рассмеялись. К тому времени, когда они закончили смеяться, оба, как они потом рассказывали, были влюблены друг в друга.

Принцип «спиной к стене» настолько стал частью жизни Джоуди, что у нее самой в конце концов появилась эта привычка. Только не всегда получалось, когда отец был рядом. Потому что место у стены занимал он. И она не возражала. Когда отец был рядом, она не чувствовала необходимости прикрывать спину стеной.

Присев за стол, Джоуди подвинула банку с пивом через стол к отцу и вскрыла свое пепси.

— Ты хорошо поспала? — спросил он. Джоуди утвердительно кивнула.

— Как самочувствие?

— Кажется, нормально.

— Тебе здорово досталось.

— Не скажи.

— Впрочем, доктор говорит, что ты скоро поправишься.

— Ага, он и мне так сказал.

— Тем не менее нельзя терять бдительности. Если у тебя будет что-нибудь не так, ты должна мне сразу же сказать.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, вроде головокружения, кругов перед глазами, головных болей, любых необычных болей или кровотечений. Просто не держи всего этого в себе.

— Ладно. — Она сделала глоток пепси. Напиток был холодным и сладким и таким приятным на вкус.

— И, если ты вспомнила что-нибудь еще о прошлой ночи, расскажи мне немедленно. Знаю, мы вытащили из тебя все, что было можно, но иногда люди, вспоминают мелкие подробности только потом.

— Еще никого не поймали, правда? — Джоуди

знала, что вопрос глупый. Если бы арестовали подозреваемых, отец немедленно сообщил бы об этом.

— Боюсь, что нет, золотце.

— Совсем ничего?

— Пока что нет. На данный момент все, что у нас есть, так это ваш с Энди рассказ.

— Его дядя еще не приехал?

— Нет, еще в пути.

Джоуди попыталась скрыть свою боль и разочарование, но по выражению лица отца она поняла, что ей это совсем не удалось.

— Я знаю, через что тебе довелось с ним пройти, дорогая.

— Я не хочу, чтобы он уезжал.

— Но ты ведь хочешь, чтобы он был в безопасности, правда?

— Разумеется. Но почему ему обязательно ехать в Феникс? Это ведь так далеко.

— Там для него будет гораздо лучше. И у него будет семья.

— А что, если они будут плохо к нему относиться?

— Судя по телефонному разговору, его дядя вполне приличный человек.

— А что, если он истязает детей или еще что-нибудь в этом роде?

— Я его проверю.

— Проверишь? Как? Ты хочешь сказать, что согласишься на него?

— И это тоже. Но я сделаю запрос в департамент полиции Феникса и узнаю, не заведено ли на него какого-нибудь дела. Так, на всякий случай, договорились?

— Лады.

Глотнув пива, отец пристально посмотрел Джоуди в глаза.

— Судя по вашим рассказам, ты спасла Энди задницу, золотце.

— Да, вроде. Мы помогали друг другу.

— Твоя мать наверняка гордилась бы тобой. — Глаза отца наполнились слезами. — И я горжусь, — добавил он и быстро отвернулся. — Почему бы тебе не пойти разбудить Энди? Может, ему захочется принять душ или еще чего. Да и поесть надо. Не знаю. Ступай.

Глава 15

Подойдя к спящему Энди, Джоуди легонько толкнула его в плечо. Повернувшись на спину, тот зевнул и заморгал глазами. Вид у него был заспанный и спокойный. Затем он все вспомнил. Джоуди это поняла — увидела, как изменились его глаза.

Она чуть было не ляпнула: «Все в порядке». Но это была бы ложь, поэтому она молча присела рядом и поцеловала его в щеку.

— Хватит валяться, — прошептала она. — Папа считает, что у тебя должен быть шанс принять душ до приезда сюда твоего дяди.

— В больнице сказали не снимать бинтов день или два. Тебе разве этого не говорили?

— Да, кажется, говорили.

— Но они все намокнут, если я полезу под душ.

— Ладно, а обмыться ты не желаешь? Можно помыть вокруг бинтов.

— Ладно.

Джоуди стянула одеяло, и Энди сел. Он был обнажен до пояса. В бинтах было одно плечо, обе руки, грудь, живот, бока и спина. Незабинтованные участки были густо покрыты синяками и царапинами. И все же ран у него было раза в два меньше, чем у Джоуди. Впрочем, это с лихвой компенсировалось его коленом. Рентгеновский снимок, сделанный в больнице, перелома не показал, но вывих колена был намного серьезнее любой травмы, полученной Джоуди прошлой ночью.

Джоуди помогла ему подняться и подставила плечо. Энди стоял на одной ноге. Осторожно опустив вторую на пол, он потихоньку стал перекладывать на нее вес.

— Оооо.

— Худо?

— Не так чтоб очень хорошо.

— Может, тебе нужны костыли?

Заведя руку за спину Джоуди, он вцепился ей в плечо.

— Ты лучше любого костыля.

— Ладно, пойдем.

Так плечом к плечу они прошли гостиную и коридор и вошли в ванную. Джоуди опустила его на сиденье унитаза.

— Секундочку, — произнесла она, делая шаг назад. Оставив его одного, она вышла в коридор, достала из шкафа халат и полотенце и вернулась.

— Ты сможешь сам справиться... я имею в виду, у тебя хватит сил?

Взглянув на нее, Энди залился румянцем. Джоуди почувствовала, как сама начинает краснеть.

— Боже, — воскликнул он, — о чем ты переживаешь!

— Ладно, замечательно. Но, если понадобится помощь, кричи, не стесняйся. Хорошо? И говори, кто тебе нужен, я или папа.

Краска еще не сошла с его лица, но теперь он рассмеялся.

— О'кей.

Оставив его в ванной комнате, Джоуди вышла и прикрыла дверь. Затем пошла в свою спальню выбирать для него одежду: простые белые носки, белые хлопчатобумажные трусы и пару вылинявших синих джинсовых шортов, которые она проносила, почти не снимая, два лета и которые теперь стали маловаты и должны были оказаться Энди как раз впору. Наскоро просмотрев содержимое шкафа, Джоуди обнаружила ярко-красную рубашку, которая всегда так здорово подходила к этим шортам. Прошлым летом она была немного просторной для нее. Сейчас, вероятно, она будет как раз. Но она хотела отдать ее Энди, хотя для него та могла бы оказаться немного великоватой.

Чтобы отыскать пару старых кроссовок, Джоуди пришлось присесть и погрузиться во внутренности шкафа. Когда-то они были белые и красивые. Пусть теперь они и потертые, но еще вполне приличные, разве что на правом порван шнурок. Она хорошо помнила, где это случилось. Тогда она наспех связала его узлом, но до замены так

и не дошли руки.

Достав упаковку новых белых шнурков из ящика письменного стола, Джоуди присела на край кровати и принялась выпутывать старые шнурки. Когда вдевала новые, взгляд ее упал на кучу собранной ею одежды.

Папа не станет возражать, подумала она. Все это старое хламье, за исключением разве что носков и трусов.

«Трусов! О, Боже, что мне лезет в голову?»

Но она отдавала себе отчет, откуда появились эти мысли: прошлой ночью Джоуди наблюдала за натягивающим джинсы Энди и успела увидеть его голый зад. Так что знала, что он не носил трусов.

Но он не знает, что мне это известно, возразила она самой себе.

Провалится со стыда на месте, если я предложу ему надеть трусы. Особенно если учесть, что они мои.

Елки-палки!

Подхватив их с кровати, Джоуди побежала к письменному столу. Заталкивая их в верхний

ящик, она услышала, как распахнулась дверь ванной комнаты. Джоуди спешно толкнула ящик внутрь.

— Энди? Сюда. — Но тут же вспомнила о его колене. — Нет, подожди, я сейчас иду.

Но он отозвался прежде, чем она успела сделать шаг.

— Не надо. Все в порядке. Я сам. — Джоуди услышала, как он ковыляет по коридору.

— Ты уверен?

— Справлюсь. Оставайся на месте.

— Хорошо. — Джоуди подошла к кровати, села и продолжила вдевать шнурки.

Через несколько секунд, остановившись в полушаге от ее комнаты, Энди оперся рукой о дверной косяк, чтобы отдохнуть. Темные блестящие волосы были зачесаны назад. От пятен и полос грязи не осталось и следа.

— Видишь? Справился. И все сам, — похвастался он.

— Молодец.

— А как же, — улыбнулся он. Но улыбка тут же потухла. Он снова помрачнел, словно опять

вспомнил прошлую ночь.

Закончив вдевать шнурок в первую кроссовку, Джоуди принялась за вторую.

— Чем ты занимаешься? — поинтересовался Энди.

— Собираю для тебя кое-какие вещицы. Если ты не побрезгуешь, разумеется. Заходи.

Но он не торопился.

— Ты уверена, что мне можно заходить в твою комнату? Я хочу сказать, твой папа не станет на меня кричать?

— Ты что, шутишь?

— Ну ты же девочка.

Джоуди театрально закатила глаза и вздохнула.

— Да, приятель. Я действительно девочка. Но тебе же двенадцать лет.

— Двенадцать с половиной.

— Ладно. Не будем. Обещаю, папа не станет возражать. Только оставь дверь открытой.

Энди кивнул и шагнул в спальню. Посмотрел на одежду, затем на Джоуди, затем снова на одежду.

— Все равно не понимаю, — признался он.

— Это для тебя. Ведь у тебя ничего нет, кроме джинсов. Все твои вещи... ну, ты знаешь. А шмотки моего отца для тебя будут слишком велики, — Джоуди пожала плечами.

— Но это же твоя одежда.

— Эй, да кто догадается, что это девчоночьи вещи? Никто не узнает, если ты сам не скажешь.

Слегка выпятив верхнюю губу, Энди не отрываясь смотрел на вещи.

— Не беспокойся, они чистые.

— Это не поэтому, — с небольшим смешком ответил он, когда их взгляды встретились.

— Ты хочешь сказать, что не боишься надеть мои вещи?

— Нет, не боюсь. — Его улыбка теперь расплылась по всему лицу.

— Тебе они не нравятся?

— Нет, что ты. Конечно, нравятся. Но они твои. Я видел тебя в этой красной рубашке прошлым летом. Ты была такая... — Он снова уставился на одежду и тяжело сглотнул. — Ты не можешь их просто так отдать.

— Ладно, считай, что я даю их тебе поносить.

— Поносить?

— Конечно. До следующей нашей встречи.

— А что, если мы больше никогда...

— Эй, не болтай глупостей. Мы обязательно увидимся. Так что бери.

Нахмурившись, Энди взял в руки рубашку и стал ее рассматривать.

— Ты уверена? Она такая симпатичная. Ты сама могла бы ее носить.

— Надевай, Энди.

Закинув рубашку за спину, Энди неуклюже просунул руки в рукава и натянул на живот. Потянувшись застегнуть первую пуговицу, он неожиданно остановился. Даже прижал к груди подбородок, чтобы получше разглядеть.

— Тут что-то не так.

— Что?

— Я не... Может, она вывернута?

Но два огромных кармана были там, где им полагалось.

— Нет, вроде все...

— Пуговицы как-то по-чудному пришиты.

— Да ну? — Поднявшись с кровати, Джоуди подошла вплотную к Энди и даже наклонилась, чтобы получше изучить проблему.

— Нет, они именно там, где должны быть... А, черт побери, я забыла. У мальчишек пуговицы с неправильной стороны.

— Как так?

— На женских рубашках пуговицы пришивают слева, а на мужских — справа.

— Это просто глупо.

— Конечно. Но ты ее все равно оставляешь, правда?

— Конечно же.

— Вот так. — И Джоуди стала застегивать на нем пуговицы.

— Спасибо.

— Нет проблем.

— Все равно скоро они мне купят какую-нибудь новую одежду. Или, по крайней мере, позволят донашивать старые вещи Гарри. Он мой кузен. Старшеклассник.

— Он нормальный?

— Вполне. Что-то вроде отличника, а так ни-

чего.

— А как твоя тетя и дядя?

— Да все нормально.

— Хорошие люди?

— Конечно. Дядюшка Вилли, правда, немножко чудной, но... — И Энди пожал плечами.

Застегнув верхнюю пуговицу, Джоуди не отошла в сторону, а положила руки на плечи Энди.

— Не забудь записать мне их телефон перед отъездом. А я дам тебе свой. Буду часто тебе звонить. И ты звони. Заказывай с оплатой за счет вызываемого. Ну, знаешь, с переносом платы. Тогда они не смогут тебе запретить звонить. Мы не должны теряться. Я должна знать, что с тобой все в порядке и что с тобой обращаются нормально.

— Мне действительно не хочется уезжать, — закивал головой Энди.

— Мне тоже хотелось, чтобы ты остался. Но они твои родственники. Ты, возможно, и смог бы с нами остаться, но они хотят забрать тебя к себе, понимаешь? Кроме того, папа говорит, что

там для тебя будет безопаснее.

Его лицо исказилось.

— Что?

— Безопаснее. Ты будешь далеко отсюда, в Фениксе, и у этих парней не будет возможности тебя там найти.

— Они все еще за нами охотятся?

— Конечно. А что ты думал?

Похоже, это его ошеломило.

— Они могут нас найти?

— Тебя им будет непросто найти, будь уверен. Твоя тетя — это сестра твоей матери, правильно? Значит, она даже никогда не носила фамилию Кларк. Более того, она вышла замуж за твоего дядю. Так что на их пути сразу двойная смена фамилии. Разве что они найдут блокнот с адресами, прежде чем...

— А как ты?

— Со мной все будет в порядке.

— Ты уверена?

— Папа никому не даст меня в обиду.

— Они знают, как тебя зовут?

— Может, да, а может, нет. Зависит от того,

нашли они мою сумочку или нет.

— А где она была?

— В комнате Ивлин, вместе с моей одеждой и вещами.

— И что? Там было твое имя?

— Там было все мое барахло. Включая водительские права, которые я только что получила. Так что, если к ним в руки попадет моя сумочка, они будут точно знать, где меня искать.

— Вот те на.

— Ничего страшного. Папа об этом знает.

— Это не делает ситуацию менее серьезной.

— Ты не знаешь папу.

Энди покачал головой. Лицо у него стало красным.

— Успокойся, — сказала ему Джоуди. — Они до меня не доберутся.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Боже! Мне это совсем не нравится. Они обязательно начнут на тебя охоту, я знаю. И меня не окажется рядом, чтобы... Я буду в Фениксе. Ты не представляешь, как это далеко отсюда.

— Не так уж и далеко.

— Почти восемь часов по шоссе.

— Это не так уж и далеко.

— Ты думаешь? А я не хочу быть в Фениксе, когда они тебя выследят.

— Я же тебе сказала, все будет в порядке. Мой папа обо всем позаботится.

— Но он один.

— Да, но он Конг Фарго. Кроме того, за его спиной вся полиция Лос-Анджелеса. Может, они только и ждут, пока те ублюдки сделают шаг.

— Я должен быть здесь, когда они его сделают.

— Нет, не должен.

Развернув Энди за плечи, Джоуди наклонила его назад. Энди подпрыгнул на здоровой ноге и повалился на матрац. Подняв шорты, Джоуди бросила их ему на колени.

— Надевай. Твои джинсы я брошу в стиральную машину, чтобы до отъезда привести их в порядок.

— Я никуда не поеду.

— Ты должен, Энди.

Она повернулась к нему спиной.

— Снимай их.

— Не подглядывай.

— Очень нужно.

Энди ничего не ответил. Послышался звук расстегивающейся «молнии», затем мягкий шелест сминаемой траки.

— Ты бы могла меня спрятать, — произнес он.

— Я не собираюсь тебя прятать. Тебе будет гораздо лучше в Фениксе.

— Почему? Если здесь так безопасно, как ты утверждаешь.

— Может оказаться не так уж и безопасно.

— Вот видишь? А что я тебе говорил?

Послышался звук другой «молнии».

— Ты уже надел шорты?

— Да.

Джоуди повернулась. Ниже синих шорт его ноги были голыми. Правое колено было перевязано повязкой Эйса, но бинтов хватало на обеих ногах, как, впрочем, и синяков и царапин.

— Красивые костыли, — произнесла она.

— Чего, чего?

— Костыли. Костыли — это ноги.

Энди опустил глаза на ее «костыли».

— Давай их сюда, — приказала она, — посмотрим, по ноге ли туфли.

— Посмотрим, по туфле миноги, — улыбнулся Энди, но тут же его губы вздрогнули и искривились, лицо побагровело и из глаз ручьем хлынули слезы.

«Если по туфле миноги, надевай на ноги», — одна из любимых присказок Ивлин.

Энди сгорбился и спрятал лицо в ладонях, плечи подергивались в такт рыданиям.

Джоуди присела рядом и провела рукой по его спине. Нащупав под рубашкой повязку, она убрала руку и переложила ее на то место, где не было бинтов. Потом стала описывать круги ногтем, в надежде отвлечь его. Она чувствовала, что если он сейчас не смолкнет, то сама разревется, а ей этого не хотелось.

— Ну же, перестань, — промолвила она наконец.

— Извини.

— Давай я помогу. — Джоуди взяла носки. Когда она встала перед ним на колени, Энди выпрямил спину. Прежний страдальческий вид уступил место изумлению и любопытству.

Джоуди медленно потянула его правую ногу на себя. Положив забинтованную пятку себе на бедро, чуть пониже своей повязки, она стала натягивать носок на пальцы ноги.

— Фюйть.

— Апчи! — чихнул он. — Джоуди?

— Чего?

— Когда мы сможем вновь увидаться?

Он еще раз чихнул, затем вытер глаза тыльной стороной ладони. Джоуди тем временем закончила с одним носком и отвела его ногу в сторону.

— Нет, я серьезно. Не думаю, что они забирают меня погостить к ним на недельку или что-нибудь в этом роде. Я буду там жить. — Джоуди поставила себе на бедро другую ногу. — Это вроде как навсегда. Это не то что на каникулы или там на выходные.

— Знаю.

— Что, если мы никогда больше не увидим друг друга?

Она натянула второй носок ему на ногу и расправила его на голени.

— Тогда ты можешь оставить мою одежду себе.

— Я серьезно.

Но тону его голоса Джоуди заподозрила, что он готов был вот-вот снова расплакаться.

— Мы обязательно увидимся. Можешь не сомневаться. Ты и я... не знаю, как это вернее сказать... связаны, что ли. Из-за прошлой ночи, понимаешь? И это останется навсегда, как бы далеко друг от друга мы ни находились. Что бы ни произошло.

— Правда?

— Клянусь.

— Да, но когда же мы все-таки встретимся? Джоуди пожала плечами.

— Не знаю. Но до школы еще целое лето впереди, а до тебя только день езды. Что-нибудь придумаем.

— Если они меня отпустят, я смогу пожить у

вас?

— Конечно.

— А тебе не придется спрашивать разрешения у папы?

— Я знаю, что он ответит. Он скажет, что ты можешь жить у нас сколько пожелаешь. А зачем нам тогда комната для гостей?

Энди протяжно и тяжело вздохнул.

— Я хочу остаться здесь прямо сейчас.

— Я бы тоже этого хотела.

Энди подозрительно взглянул на свою собеседницу.

— Правда?

— Конечно, правда.

— Тогда помоги мне спрятаться.

— Ну нет!

— А почему нет? Я могу спрятаться у тебя на чердаке или где-нибудь еще. А ты скажешь им, что я убежал.

Джоуди покачала головой и положила ладонь на неповрежденное колено Энди.

— Ничего не получится. Во-первых, если разыграешь комедию с побегом, все подумают,

что тебя выкрали те ублюдки из нашего ночного кошмара.

— А если ты им скажешь, что я убежал?

— Не сработает, Энди.

— Конечно, сработает.

— Нет. К тому же мне придется соврать.

— Так и что?

— А я не буду этого делать.

— Почему?

— Тогда придется врать и папе. А это я не могу И ты даже не смей заикаться о чем-нибудь подобном.

Энди молча смотрел на нее. Вид у него был смущенный и покинутый.

— Я думал, ты и вправду хочешь, чтобы я остался. Разве не это ты сказала?

— Да. И это правда. Я бы очень была этому рада. Но существуют дозволенные и недозволенные приемы. Мне, может быть, очень хочется, — ну, я не знаю, — например, провести неделю в Диснейленде, понимаешь? Но я не стану грабить для этого банк.

Теперь вид у него был рассерженный.

— Никто и не просит тебя грабить банк. Очень надо! Все, что от тебя требуется, — так это маленькая выдумка. Я бы сделал это для тебя не задумываясь.

Убрав руку с его колена, Джоуди встала.

— Из этого все равно ничего не получится, так что лучше забудь об этом. Даже если я совру — а я этого не сделаю, — ты сумасшедший, если полагаешь, что твой дядя, преодолевший такой путь, просто развернется и поедет домой без тебя. Просто забудь об этом. Этого не будет.

— Наверное, ты хочешь, чтобы я с ним уехал.

— Нет, не хочу.

— Нет, точно хочешь.

— Закрой рот и примерь туфли, о'кей?

— Кому нужны твои дурацкие старые калоши? Джоуди высоко задрала ногу и стряхнула с нее мокасин. Он стремительно полетел в сторону Энди, вращаясь на лету, и его мягкая кожаная подошва припечатала его по лбу. Мокасин свалился ему на колени. Энди раскрыл рот от изумления.

— Зачем ты это сделала?

— Просто захотелось.

— Да?..

Джоуди швырнула в него другим мокасином. Взмахнув рукой, он поймал его прямо перед носом.

— Джоуди!

— Пата-пата, бо-бо, — пропела она дразнясь, схватила с пола джинсы и выскочила из комнаты.

Глава 16

Джоуди вошла в гараж через дверь из коридора и бросила джинсы Энди в бак. Насыпав сверху немного порошка, она включила стиральную машину и вышла назад в коридор.

Дверь комнаты для гостей оставалась открытой, как всегда.

«Места у нас для Энди хватит. Если бы он только смог с нами остаться... Забудь об этом. Ничего не получится».

Проходя мимо открытых дверей своей спальни, она заглянула вовнутрь и увидела, что Энди сидел, понутив голову.

Джоуди решила не нарушать его одиночества и пошла прямо на кухню.

Отец был еще там, но уже не за столом. Он

стоял у разделочного стола и лепил бифштексы по-гамбургски.

— Я бросила джинсы Энди стирать, — сообщила Джоуди. — Не волнуйся, я дала ему поносить кое-какие из моих старых вещей. Я хочу сказать, а то ходит парень по дому в свадебном костюме, понимаешь?

— Что ж, на счастье.

Джоуди рассмеялась.

— Тебе ничего не нужно постирать?

— Думаю, что нет. Я сегодня уже прокрутил партию. Там была и твоя ночная сорочка.

— С Винни-Пухом? И какой результат?

— Не так уж и плохо. По крайней мере, она стала чистой. Или выглядит чистой. Если на ней и осталась кровь, ее не видно. Единственная проблема в том, что на ней появилось несколько спущенных петель и прорех. Джоуди наморщила носик.

— Фи.

— Это неплохо. В самом деле. Не думаю, что придется отправить Винни в кучу хлама. Может, пару заплаток. . .

— Где она?

— Повесил на веревку просушиться.

Джоуди направилась к выходу во двор.

— Нет, постой. Замри на месте.

Она остановилась.

— Тебе нельзя выходить. — Он стряхнул с руки колобок фарша и начал мыть руки. — Разберись с бифштексами, а я выйду посмотреть, не высохла ли рубашка.

Джоуди вновь наморщила носик.

— Неужели наш задний двор стал опасен?

— Возможно, и нет. Мы под охраной. Но никогда не знаешь, кто может сидеть на холме с хорошей винтовкой.

— Может, лучше и тебе не ходить?

— Я им не нужен, золотце. — Вытерев руки, он пошел вразвалку к выходу во двор. — Ты могла бы и Энди шепнуть на ушко насчет того, чтобы не выходил на улицу.

Как только за ним захлопнулась дверь, Джоуди подошла к столу. Подняв влажный и жирный колобок, она принялась лепить из него котлету.

«Мы под охраной». Полицейских, надо пола-

гать. Так следует понимать его слова?

И где же они? В соседних домах? На крышах?

В этот момент Джоуди вздрогнула и вскрикнула — что-то больно ударило ее по ягодице.

Она резко обернулась.

Но второй мокасин уже был запущен. Он летел, переворачиваясь через носок. Джоуди попыталась поймать его, но промахнулась, и он подошвой угодил ей под правую грудь.

Лицо стоявшего в дверях Энди перекосилось в гримасе и сделалось пунцовым.

— Ой!

— Прекрасный бросок.

Вид у него был крайне озабоченный.

— Прости. Тебе больно?

— Да, больно. — Поскольку в одной руке было мясо и обе были жирные, она потерла ушибленное место сгибом кисти. — Это место ободрано о стенку.

Энди глядел на нее, испуганно раскрыв глаза.

— Я не хотел сделать тебе больно, — пробормотал он.

— Да, я знаю, — промолвила она, закончив

потирать ушиб. — К тому же я попала в тебя первой.

— Я не думал, что ты обернешься.

Пододвинув мокасин носком ноги поближе, она наступила на одну его сторону и, когда он оторвался от пола, всунула туда ногу. Затем повернулась к стойке и продолжила лепить бифштексы.

— Между прочим, на обед у нас бифштекс по-гамбургски. Ничего не имеешь против?

— Ничего.

— Обычно мы готовим их на гриле. Сегодня, может быть, и нет, поскольку мы под охраной.

— Мы что?

— Под охраной. Папа боится снайперов, так что и ты и я не должны выходить во двор.

— Снайперов?

— Он просто перестраховывается. Я думаю, ситуация под контролем на все сто на ближних подступах, но против нападения с холмов, похоже, никак нельзя уберечься. Понимаешь, из хорошей винтовки можно попасть в человека почти за милю.

— Да, знаю.

— Видишь, как тебе повезло, что ты уезжаешь.

— А может, меня пристрелят, когда я буду подходить к машине?

От этих слов Джоуди чуть не стошнило.

— Прекрати, — оборвала его она, швырнула на стол толстую мясную лепешку и повернулась к нему лицом. — Ничего такого не случится. Так что перестань волноваться, хорошо?

Как раз в этот момент вошел отец.

— Еще довольно сырая, — сказал он, обращаясь к Джоуди. — Дадим ей пару часов. — Потом обернулся к Энди и подарил ему большую перекошенную улыбку. — Приличная экипировка, приятель.

Энди скривился.

— В женских вещах чувствуешь себя как-то странно.

— Пока они не начнут тебе слишком сильно нравиться, все в порядке.

— Как мило с твоей стороны, па.

— Джоуди предупредила тебя о там, чтобы

ты не выходил во двор?

— Да, сэр.

Подойдя к раковине, Джоуди открыла кран с горячей водой. Сквозь шум воды она слышала, как отец говорил:

— От окон нам всем тоже надо держаться по-дальше. Я задвинул все шторы, но, если эти парни отчаятся, они могут выстрелить по окнам просто так, наудачу.

— Не лучше ли будет для вас с Джоуди на время уехать из города? — спросил Энди.

Смыв мыло с рук, Джоуди закрыла кран и протянула руку за полотенцем. Недоумевая, почему отец до сих пор ничего не ответил, она оглянулась через плечо.

Отец стоял возле холодильника, облокотившись на стол и понуро уставившись в пол. Когда он бывал угрюм, вид у него был убийственный.

Джоуди повернулась к нему лицом.

— Бежать от неприятностей — против моих принципов. Но к чертям собачьим принципы Когда дело доходит до безопасности Джоуди, честь становится для меня пустым словом. — Заглянув

ей в глаза, он быстро опустил хмурый взгляд в пол. — Вопрос стоит так: что лучше? Что в конце концов сводится к следующему: что безопаснее для моей девочки? Мы могли бы уехать далеко-далеко, но что случится, когда мы вернемся домой? Или мы могли бы переехать в какую-нибудь Богом забытую дыру и даже сменить фамилии и начать новую жизнь совсем другими людьми.

— Нет, папа, так не пойдет. Угу. Только не я. Лучше рискнуть.

— Да, я знаю это, не сомневайся. Но мы бы так все равно поступили, если бы я решил, что это самый безопасный выход. Но я так не думаю. Пока преступники расхаживают по улице, и речи не может быть о подлинной безопасности. И чем раньше их арестуют, тем лучше для всех.

— Значит, ты надеешься, что они придут сюда, — произнесла она.

— Вот именно. Только я не очень уверен, что тебе надо при этом присутствовать.

Лицо Энди озарилось.

— Она могла бы поехать со мной в Аризону. Джоуди едва удержалась, чтобы не треснуть

его.

— Я не собираюсь никуда ехать.

— Присяжные еще не вынесли своего решения по этому вопросу, золотце.

— Что? Ты не можешь отослать меня! Я не поеду! Кроме того, я нужна тебе здесь. Я — свидетель, если ты не забыл.

— Мы оба, — напомнил ей Энди.

— Ладно, ты можешь ехать. Но я не собираюсь. Папа! Ты не мог предложить это всерьез. Какая же это будет западня, если ты вынешь из нее последнюю приманку, черт побери?

Теперь его грозный взгляд был направлен прямо на нее.

— Я говорю это вполне серьезно.

— Угомонись, золотце. И следи за своими выражениями.

— Нет, правда! Ты не можешь отослать меня из города. Это было бы несправедливо.

Отец вытянул руку в ее сторону и медленно похлопал ладонью воздух.

— Полегче, полегче. Вся беда в том, что я единственный, кому могу доверить твою охрану.

— Тогда все решено, не так ли?

— На данный момент. Но скажем так: ситуация может измениться со всеми вытекающими из этого последствиями.

Вытекающими. Сознание Джоуди почему-то прореагировало на звуковую оболочку. Ей представилась лужа на столе. Если стол не трогать — все нормально. Но стоит его чуть шелохнуть, как жидкость мигом стечет вниз.

«Интересно, какой понадобится толчок, чтобы папа отправил меня из города? Может, для этого в окно должна влететь пуля?»

Зазвонил телефон. От внезапного трезвона она вздрогнула и громче застучало сердце. Но подскочил и Энди, и это ее обрадовало: «Он так же испуган, как и я». К телефону пошел отец, отведя правую руку в сторону, словно загребая воздух, как обычно бывало, когда он сильно торопился. В конце взмаха его огромная ладонь полностью накрыла трубку.

— Алло, — произнес он, а через несколько секунд добавил: — Понял. Спасибо.

Когда трубка была на месте, Джоуди вопро-

сительно подняла брови.

— Ник Брайан, — пояснил отец.

— А, — Ника она знала хорошо. Он вместе с отцом учился в полицейской академии и был одним из самых старых папиных друзей.

— Он ведущий программы. — Папа повернулся к Энди. — На улицу въехал твой дядя. Похоже, поспел как раз к обеду.

По виду мальчика нельзя было сказать, что новость его обрадовала.

— О, замечательно.

— Он быстро добрался. Должно быть, движение было небольшое.

— Они уверены, что это он? — спросила Джоуди.

— Наблюдатель засек аризонские номера. Но я хочу, Энди, чтобы ты на всякий случай на него взглянул. Пойдем со мной. — И отец пошел вперед.

Энди и Джоуди поплелись следом.

По обе стороны от входных дверей располагались длинные узкие окна, занавешенные желтыми шторами. Как только они сюда въехали, в ту

же неделю отец вызвал мастера заменить стекла на плотные прозрачные акриловые блоки. У мастера на правой руке не хватало двух пальцев, и Джоуди, которой на ту пору было четыре, спросила: «А почему у вас так мало пальцев?» Тот улыбнулся и сказал: «Проголодался, и пришлось их съесть. А сейчас собираюсь попробовать твои. Уж очень они аппетитные». Это было одно из самых ранних воспоминаний Джоуди. Мама, которая тогда еще была жива, услышала с кухни эту беседу и пришла в ужас: сначала от бестактности дочери, затем от ответа работника, затем снова от действий Джоуди. Она думала, что девочка убежит в слезах. Вместо этого малышка серьезным голосом сказала: «Только попробуй укусить меня, придурок, и я тебе ми-и-гом снесу башку». Джоуди не помнила, чтобы она так говорила, но мама рассказывала эту историю всем подряд, и даже папа повторил ее однажды, когда один из его друзей указал, что не очень хорошо, когда окна на расстоянии вытянутой руки от двери. Все его друзья, разумеется, были полицейскими. И все они громко смеялись, слушая,

какой отпор дала Джоуди пожирателю пальцев.

Вплоть до сегодняшнего дня, когда она вновь вспомнила эту историю, и почти с того самого дня, когда она произошла, Джоуди была твердо убеждена в том, что ее просто дразнили. Ведь, в конце концов, люди не едят пальцы.

Однако она с ужасом подумала, что он мог говорить это вполне серьезно.

После прошедшей ночи она перестала чему-либо удивляться. По сути, пожирание чужих пальцев казалось почти естественным по сравнению с ношением штанов, сшитых из чьих-то ягодиц.

Подойдя к правому окну, папа слегка отодвинул штору.

«Интересно, а как выглядят эти штаны спереди? — невольно подумала Джоуди. — Знать не хочу».

Папа взмахнул рукой, подзывая к себе Энди.
— Иди, посмотришь. Машина как раз заруливает на подъездную аллею.

Мальчик подошел и стал рядом. Когда они оба придвинулись ближе к окну, отец положил

ему на плечо руку.

Хлопнула дверца машины.

— Это он, все правильно, — заявил Энди.

— О'кей. — Они оба отошли от окна.

— Станьте в сторонку, — приказал он.

Подождав, пока они удалились на приличное расстояние в гостиную, он повернулся к двери и распахнул ее настежь.

Остановившись у порога, дядя Энди нервно улыбнулся и вытянул шею.

— Джек Фарго?

— Он самый. — Сделав гигантский шаг вперед, он сделал широкий гребок правой рукой.

— Я Вилсон Сполдинг, дядя Энди. — Пока он это выговаривал, его голова непрерывно покачивалась, но она не замерла и после того, как он закончил. У него был гнусавый голос, унылые глаза и почти не было подбородка. Нескладный коротышка с грудью такой же впалой, как и подбородок, он постоянно сутулился, пытаясь скрыть ее отсутствие. На голове примостилась белая бейсболка с эмблемой, изображающей скрещенные клюшки для гольфа. На нем была синяя теннис-

ка, белые шорты, гамаши под цвет тенниски и огромные черные кожаные ботинки со шнурками. «Вот те на», — подумала Джоуди.

— Рад, что вам удалось так скоро доехать, — произнес папа, затягивая гостя в дом.

Вилсон улыбнулся и качнул головой.

— Скорость — это моя вторая натура. «Какой болван», — подумала Джоуди.

— А, вот ты где. — Вилсон ткнул пальцем в сторону Энди и зашаркал к нему.

Мальчишка слегка напрягся, словно решил не сходить со своего места.

— Привет, дядюшка Вилли.

Вокруг его плеча обвилась худая рука. Затем Вилсон похлопал Энди по спине.

— Какие ужасные вещи! Мой бедный, бедный мальчик! — Не отпуская Энди и увлекая его за собой, словно партнера по танцу, Вилсон повернулся к отцу Джоуди. — Мы были ошеломлены известием, Джек. Просто убиты. Какой ужас.

— По крайней мере, Энди уцелел, — заметил отец. — А вот моя Джоуди.

— Так вот она какая, Джоуди.

Отпустив Энди, он развел в стороны руки и со странной печальной улыбкой поспешил к ней.

— Я все о тебе знаю, Джоуди. Да-да.

Джоуди стояла как вкопанная.

Энди бросил в ее сторону взгляд, который, казалось, говорил: «Посмотрим, как тебе это понравится».

Закинув на нее руки, Вилли притянул ее к себе. Весь он был какой-то угловатый и костлявый. Он похлопывал и гладил ее по спине.

— Джоуди, Джоуди, Джоуди. Это все ты. Если бы не твое геройство, мы бы уже никогда не увидели нашего Энди. — Отстранив Джоуди, он схватил ее за плечи и стал покачивать головой перед ее носом. — Мы благодарим тебя. Я и моя жена.

— И я тебя благодарю, — выкрикнул Энди. Джоуди захотелось его треснуть.

Глаза Вилсона, и без того уже красные и выпученные, казалось, все набухают и набухают и вот-вот вылезут из орбит.

— А из достоверных источников мне известно, что ты даже избавила мир от одного из тех

убийц.

— Вроде как, — пробормотала она.

— Какая прелесть! Какая очаровашка! О, Джек, какой ты счастливый отец.

— Да, сэр, мне известно. — Неожиданно появившись сбоку от Вилсона, он обхватил ладонью худой локоть гостя и потянул его в сторону.

«Спасибо, папа!»

— Вы не откажетесь немного задержаться и перекусить бифштексами по-гамбургски перед отъездом?

— С большим удовольствием, Джек.

— А как насчет стаканчика?

— С двойным удовольствием.

И папа повел его на кухню.

— Чем предпочитаешь травиться, Вилсон?

— Зови меня Вилли, Джек. Но только не Вилльчонок — я этого терпеть не могу.

Джоуди и Энди переглянулись. Энди закатил глаза к потолку, а Джоуди покачала головой. Затем они пошли вслед за взрослыми, держа дистанцию.

— Вилльчонок, — повторил Вилсон, — так ме-

ня всегда называли. Уверен, что и вам пришлось с таким столкнуться.

— Вилльчонок? — произнес в замешательстве папа. — Мне?

— Ха! Нет! Гейзер Фарго. Разве не обзывали вас Гейзер Фарго? А может, дилижанс? А может, сейф? Или свинья-копилка?

Джоуди толкнула Энди локтем в бок. Вид у того был такой, словно он страдал от родственных уз с таким человеком.

— Меня никогда никто так не обзывал, — ответил отец.

— Да? Совсем непонятно. С таким именем, как Фарго.

— Может, они посчитали, что это было бы не совсем безопасно?

— Безопасно! Ха! Замечательно.

Джоуди взяла Энди за руку. Она остановилась и задержала Энди.

— Эй, па! Если мы тебе сейчас не нужны, может, нам можно уйти?

— Хорошо, — откликнулся он из кухни, — только не забывайте, что я вам говорил насчет

окон.

— Ладно, — крикнула в ответ Джоуди и потянула Энди за собой. — Пойдем отсюда.

Рука об руку они доковыляли до ее спальни. Заведя его внутрь, она закрыла дверь и налегла на нее спиной.

— Мне не хотелось бы плохо отзываться о твоих родственниках, но этот...

— Радуйся, что он не делал тебе так. — Взяв ее большим и указательным пальцами за щеку, он стиснул ее и стал трепать.

— Эй! — Джоуди сбила его руку вниз. — Кем он там тебе доводится? Муж сестры твоей матери?

— Именно.

— Прекрасно. Тебе повезло. Он не кровный родственник, и никаких шансов, что твои дети будут такими же.

— Это точно.

— Слава Богу.

— А почему тебя так интересует, какие у меня могут быть дети? — спросил он, наклонившись к ней.

— Отстань.

— А? — Положив руки на дверь по обе стороны от ее головы, он придвинулся еще ближе и задрал голову, чтобы видеть ее глаза.

— А у тебя есть родственники со странностями?

— Вилльчонка ни одного.

— Тогда нам не о чем волноваться, не так ли?

— Волноваться?

— О том, что наши дети будут чудаками и занудами, — произнес он, дважды моргнув правым глазом.

— Наши дети? Да тебе двенадцать лет, деловой.

— Я ведь не останусь таким навсегда.

— И не рассчитывай на это.

Задорный игривый блеск неожиданно исчез из его глаз.

— Эй, — примирительно произнесла Джоуди, — извини, я пошутила. Конечно же, ты не останешься таким.

— Это может случиться. Если меня убьют до следующего дня рождения.

— Никто тебя не убьет.

— Может, это будет не так плохо, — промямлил он.

— Что? Смерть? И не надейся. Во-первых, потому, что будет больно.

— Может, сначала. Затем пройдет. Понимаешь? А потом не будет никакой боли. Никогда.

— Эй, прекрати.

— И я буду вместе с мамой, папой и Ивлин.

— Да-да, так и будет. — Джоуди завела руку за голову и притянула его лицо к своему. Его лоб коснулся кончика ее носа, горячее дыхание обожгло горло. — Ты знаешь, что случилось с моей мамой?

— Только... ну, знаю... что она умерла.

— Погибла, когда я была во втором классе.

— Ее убили?

— Переехала машина.

— Какой ужас!

— Все было так нелепо. Все потому, что она пошла в одно место под названием Центр правильного питания, здоровья и долголетия. У нее был повышенный интерес к собственному здоро-

вью, а там она покупала все свои особые витаминки. В тот день она вышла с целым пакетом снадобий. Но, по всей видимости, ее мысли были чем-то заняты, потому что, как рассказывали очевидцы, она читала этикетку на какой-то бутылке пилюль, когда сходила с тротуара на проезжую часть. Подошва туфельки скользнула по бордюрному камню, и она оступилась. Пролетев мимо нашего автомобиля... она упала прямо под проносившуюся мимо машину. Вот так она и погибла.

— Как ужасно! — едва слышно произнес Энди.

— Да уж.

— Ты была там? Видела?

— Нет, я была в школе.

— Боже!

— Просто хочу, чтобы ты знал. Все может случиться, понимаешь? Даже самое худшее. Но... как тебе сказать... я все еще скучаю по ней и все такое, но не все время. И у тебя все еще будет хорошо, Энди. Не всегда же будет так скверно. Так что не болтай глупостей, о'кей? Ты же не

хочешь умирать. Я не хочу, чтобы ты умер. Это меня доконает.

Подняв лицо, Энди заглянул ей в глаза и моргнул.

— Доконает?

— Конечно.

— Почему?

— Потому.

— Потому, что ты меня любишь, так?

Задумавшись на секунду, она ответила:

— Разумеется, люблю. А сейчас пойдем отсюда, пока ты снова не начал пороть чушь о детях. Потому что я не собираюсь заводить с тобой детей, так что тебе лучше об этом забыть.

— Если тебе так хочется, — он попытался выдать из себя улыбку. — Но ты всегда можешь изменить свое решение. Знаешь, о чем я?

— Держи карман шире. Пойдем лучше посмотрим, как там у папы дела с бифштексами.

Глава 17

Папа все же воспользовался грилем, установленным на заднем дворе. Он и дядя Энди оба были там, но вскоре вошли в дом с полным блюдом бифштексов. Кроме блюда, в руках у папы была банка пепси. У Вилли — стакан с раздавленным ломтиком лимона и несколькими полурастаявшими кубиками льда.

— Могу я еще раз наполнить ваш стакан? — поинтересовался папа.

«Прекрасная мысль, — подумала Джоуди. — Накачать его, и тогда, быть может, ему придется остаться». Не потому, что она хотела, чтобы Вилли остался. Просто не хотела, чтобы уезжал Энди.

— Боюсь, что мне хватит, Джеко. Все равно

большое спасибо. Пойми, у меня впереди такая длинная дорога. Лучше я выпью содовой.

— Пепси подойдет? — спросил отец.

— А какой-нибудь диетической колы у вас нет?

— Боюсь, что нет, — папа подозрительно покосился на своего гостя.

«И не удивительно, — подумала Джоуди. — “Диетической колы”? Да он худой, как глиста».

— Что же, думаю, что от одной бутылочки обычной пепси я не умру. — Несколько раз мотнув головой, он подмигнул. — Только не сболтните моей жене. Она с меня не слезает со своими диетами, понимаете?

— Буду нем, как рыба.

Все уселись за обеденный стол. Перед каждым стояла тарелка с бифштексом и хрустящим картофелем и либо стакан, либо банка с пепси. Какое-то время было тихо, пока каждый приправлял свои бифштексы в различном сочетании горчицей, майонезом, зеленым луком, кусочками свежих помидоров, маринованными овощами и толстыми кусками лука.

— Ммм, вкуснятина, — промычал Вилли, откусив первый кусочек. — Изысканнейшее чрезвычайное блюдо. Мои комплименты шеф-повару.

Моментально, прежде чем кто-то успел бы поддержать разговор, Джоуди спросила:

— А вы сможете отпустить Энди к нам в гости?

Дядя Вилсон наклонил вбок голову.

— Как, мы еще не вышли за порог, а ты уже хочешь, чтобы он вернулся! Джеко, тебе нельзя терять бдительности! Похоже, твоя барышня успела положить глаз на юного Энди.

— Думаю, она еще и не на то способна.

— Папа! Все совсем не так, ты сам знаешь.

— О, да. Знаю. Дело в том, Вилсон, что они многое пережили вместе прошлой ночью. Мне кажется, это их сплотило в команду — а когда ты в хорошей команде, ты не хочешь, чтобы она распалась.

— Да-да, — подхватил Энди. — Это все равно, как если бы мы были партнерами.

Энди нахмурился и посмотрел прямо на своего дядю.

— Поэтому ты просто обязан отпускать меня погостить у нее.

— Только не надо мне указывать, что я должен делать, Энди. На меня это плохо действует. Однако, полагаю, нам удастся организовать что-то вроде визита. После того, как ты обживешься, и когда у твоей тети будет достаточно времени, чтобы свыкнуться с новой ситуацией.

— Он будет здесь желанным гостем в любое время, — подтвердил папа.

— Замечательно. Конечно, ни о каком визите не может быть и речи до того, пока не поймают преступников.

— Но, дядя...

— Эндрюююю? — Вилли закинул назад голову, очевидно, в надежде, что, заглянув ему в ноздри, Энди тут же перестанет перечить. — Мы не будем спорить.

— А что, если их никогда не поймают?

Джоуди раскрыла рот, но быстрый взгляд отца заставил ее промолчать.

— Это место не безопасно, — продолжал Вилли. — Я ушел сегодня с работы в одиннадцать

и провел весь день в пути, чтобы приехать и забрать тебя отсюда, потому что здесь ты в опасности. По правде, я даже пошел вопреки здравому смыслу, задержавшись на обед — а это поставило нас обоих в еще более опасное положение, которого вполне можно было бы избежать.

Улыбнувшись, он повернулся к отцу и энергично замотал головой.

— Я не говорю, что обед не был великолепным, потому что именно таким он и был. Но хоть ты скажи им, Джеко.

Потирая правую щеку, отец задержал взгляд на Энди.

— В Аризоне тебе будет намного безопаснее, это точно.

— А это говорит офицер полиции, — подчеркнул Вилли.

Джоуди почувствовала, что сейчас ее понесет.

— Папа! А что, если их никогда-никогда не поймают? Это что, значит, мы с Энди больше никогда в жизни не увидимся? Разве это справедливо?

Еще до того, как с ее уст слетело последнее

слово, Джек начал похлопывать ладонью по воздуху. Когда она умолкла, он заговорил:

— Угомонись, золотце. Я этого не говорил. Поступим так: будем смотреть по обстоятельствам. Как только здесь все уляжется, мы можем попросить Энди приехать в гости. — Повернувшись к Энди, он добавил: — Тебе это нравится?

— Думаю, вполне.

— А я завтра же тебе позвоню, — вмешалась Джоуди.

— Ты оставил им свой номер, дядя Вилли?

— У нас он уже есть, — объяснил отец.

Дальше трапеза происходила почти в полном молчании. Джоуди сосредоточилась на своем бифштексе. Она понимала, что не в нем дело — он, вероятно, был такой же нежный, сочный и аппетитный, какими всегда бывали бифштексы, приготовленные отцом на гриле, — но, как она ни старалась, в рот попадали жесткие и сухие куски, которые трудно было проглотить. Не осилив и половины, она сдалась. Бросив в рот горсть хрустящего картофеля, Джоуди запила его пепси.

И у Энди, казалось, были проблемы с биф-

штексом. Только он оказался упорнее. Раз взявшись за него, он так ни разу не положил его назад, а держал его над тарелкой обеими руками, не сводил с него глаз и периодически откусывал по маленькому кусочку.

«Хочет оттянуть время, — подумала Джоуди. — Понимает, что, как только мы встанем из-за стола, ему придется уезжать».

— Кто-нибудь будет мороженое? — спросил папа, как только Энди доел свой бифштекс.

— Конечно! — с восторгом воскликнул Энди. Еще одна отсрочка.

— К сожалению, придется отказаться, Джеко. Впрочем, премного обязаны. Боюсь, мы и так потеряли слишком много времени, а у нас впереди еще такая дорога. — Он подмигнул Энди. — Так ведь, молодежь?

— Думаю, что да.

— Вы собираетесь ехать без остановок? — поинтересовался отец.

— Это моя отличительная особенность — я никогда ничего не делаю наполовину. Или все, или ничего. Я убежден, что, если вы себе что-

нибудь наметили, надо идти к этому на всех парах, невзирая на штормы и ураганы, и к чертям все торпеды.

— Или пан, — пробормотала Джоуди, — или пропал. И отец, и Энди были просто ошеломлены: отец шокирован ее невежливостью, Энди, напротив, был восхищен.

Но Вилсон Сполдинг помотал головой и, погрозив ей согнутым пальцем, просопел:

— Абсолютно! То-о-очно! Или пан, или пропал! Именно такого рода энтузиазм мне по душе. На всех парах, и к черту торпеды! У тебя не дочь, а сплошное очарование, — добавил он, повернувшись к Джеку.

— Что-то в этом роде, — пробормотал тот.

Энди рассмеялся, но Вилли, кажется, перестал обращать на него внимание.

— Нам следует увезти ее с собой. Силой, если потребуется. Как вам это понравится, барышня?

Страстное желание, неожиданно озарившее лицо Энди, сдержало ее порыв ответить какую-нибудь гадость.

— Спасибо за предложение, мистер Сполдинг,

но принять его не могу. Мне нужно присматривать за отцом.

«Ты ведь это несерьезно, болван! Так, чтобы подразнить Энди».

— Извини, — обратилась она к Энди.

— Ладно уж. Я знаю, что ты не можешь поехать. У Джоуди запершило в горле.

— Мне кажется, ты зря отказываешься от мороженого.

— Сейчас расфасуем его по вафельным стаканчикам, и вы возьмете их с собой, — повернувшись к Вилли, добавила она. — У нас есть шоколадное, «Бен энд Берри»...

— О, нет, благодарю вас, — оборвал ее Вилли, — эти стаканчики такие маркие.

Джоуди вскочила так, что стул грохнулся о пол.

— Ах ты тупой сукин сын! У Энди вырезали всю семью, а ты, черт побери, запрещаешь ему взять с собой стаканчик мороженого. Да что ты за урод после этого!

Даже когда она это выкрикивала, тихий внутренний голос упрекал ее: «Боже мой, ты только

послушай себя. Да у тебя сдали нервы. Ты просто не в себе».

Но, несмотря на это внутреннее предупреждение, Джоуди выпалила все на одном дыхании, выкрикивая слова в лицо гостю, брызгая слюной и обливаясь слезами.

Вначале Энди обмер, но потом и сам заплакал.

Вилли словно прирос к стулу. Он сидел, боясь шелохнуться, и только моргал глазами.

Отец вскочил со своего места, обежал вокруг стола, взял Джоуди за руку и потащил в коридор. Там, вдали от посторонних глаз, он обнял ее и погладил по голове.

— О, золотце, — шептал он, — золотце мое.

— Извини.

— Ничего, ничего.

— Я просто хотела, чтобы он взял с собой мороженое, — редела она.

— Он возьмет, возьмет. Боже, милая. С тобой все в порядке?

— Нет.

— Знаю, знаю.

— Он ужасный человек.

— Просто чудаковат, и все. Он не со зла.

— Неправда. Он ненормальный. О, папа, неужели мы ничего не можем сделать? Нельзя помешать ему увезти Энди?

— Энди будет с ним хорошо.

— Нет, не будет.

— Золотце ты мое. Они его родственники. Они будут о нем заботиться. Знаю, ты будешь о нем скучать, но...

— ДО СВИДАНИЯ! — послышался крик Энди. — ДО СВИДАНИЯ, Джоуди!

— Какого?.. — неожиданно буркнул папа.

— НЕ ЗАБЫВАЙ...

— Пойдем, — голос дяди Вилли, резкий и сердитый.

— Энди! — закричала Джоуди.

И услышала, как хлопнула дверь.

— Папа, мы должны...

— Тсс. — Он замер, крепко прижимая ее к себе.

«Прислушивается. О Боже, он прислушивается к выстрелам!»

— Папа!

— Тсс.

Когда раздался шум, Джоуди вздрогнула. Отец не шелохнулся. Все еще не двигаясь, он прошептал:

— Это всего лишь дверца машины.

Спустя секунду донесся второй хлопок. Потом заурчал мотор.

— Они сели. Теперь все будет в порядке. Звук мотора стал замирать вдали.

— Папа, они уезжают!

— Они выехали из самого опасного сектора. — Он говорил шепотом, словно высказывал мысли вслух. — Я планировал загнать машину Вилсона в гараж, чтобы при посадке не подвергать Энди опасности. Совсем не рассчитывал на то, что тот вот так сбежит.

— Это я виновата. Это потому, что я свихнулась. Он расправил ей волосы.

— Тебе пора научиться управлять своими эмоциями.

— Я знаю.

— И еще следить за выражениями.

— Но это он меня довел. Как будто он бесчувственный, понимаешь. Как он мог не позволить Энди взять стаканчик мороженого? Ведь он же приходится Энди дядей, или я ошибаюсь?

— В мире много выродков, золотце.

— Это точно.

— Но, когда один из них становится твоим гостем, все же надо постараться быть с ним повежливее.

— Знаю. Боже, он уехал только из-за меня.

— Он бы все равно уехал. Твое поведение только немного ускорило отъезд.

— У меня даже не было возможности попроситься с Энди.

— Знаю, золотце. Очень жаль. Но послушай, ты можешь позвонить ему завтра и сказать «до свидания». «До свидания» и «привет». Будешь говорить с ним сколько душе угодно. Напомнишь ему, что он оставил здесь свои джинсы.

— И правда! — спохватилась Джоуди. — Я про них начисто позабыла.

— Теперь ты можешь хранить их как залог за свою одежду. — После паузы он добавил: —

Между прочим, костюм, который ты отдала, был моим любимым.

— Но в шорты я уже даже не влезаю.

— Знаю. Толстеешь. А раньше была такая стройная.

— Папа!

Шлепнув ее по попке, он пошел на кухню.

— Пойдем, сами съедим мороженое.

Относительно сорта мороженого их выбор совпал, и Джоуди наполнила вазочки. Ели они за кухонным столом и уже почти заканчивали, когда телефонный звонок заставил Джоуди вскочить. Трубку снял отец.

— Алло. — И он стал слушать. На лице, кроме его обычной однобокой ухмылки, не было никакого выражения.

— Очень хорошо, — сказал он наконец. — Спасибо. И повесил трубку.

— Пока что все в полном порядке. Машину Вилли ведут два экипажа. Судя по всему, кроме наших ребят, у него на хвосте никого нет.

— Ты поставил их машину под наблюдение?

— Разумеется. Мы же не стадо обезьян, как

ты думаешь?

— Нет, но... Чересчур шикарно. Получается, у Энди и его уroda-дяди свои телохранители.

— В настоящее время так оно и есть.

— Но не на всю дорогу?

— Только до границы штата. Впрочем, этого вполне достаточно. Если мы до этого времени не обнаружим «хвост», можно с большой долей уверенности сказать, что его нет.

— А что, если они его обнаружат?

— Тогда считай, что нам повезло. Мы атакуем и схватим их. Затем убедим их в пользе сотрудничества, и банда у нас в кармане.

— Это было бы превосходно, — согласилась Джоуди.

— Было бы, но не будет. То, как они действовали прошлой ночью, говорит о том, что мы имеем дело не с банальными уголовниками. Возможно, они и не гении, но и не идиоты. Они все делают обдуманно. И осторожно. Поймать их будет крайне нелегко.

Джоуди презрительно скривила губы.

— Но они не настолько хитры, чтобы добрать-

ся до нас, правда?

— Такие еще не родились, золотце.

— Да-да, рассказывай.

— Как, ты мне не веришь? — Он попытался притвориться обиженным.

— А я похожа на шимпанзе?

Он утвердительно кивнул: «Дочь Конга».

— Слава Богу, я похожа на маму.

Он расхохотался и покачал головой.

Джоуди собрала вазочки из-под мороженого и ложечки и отнесла их в раковину.

— Почему бы тебе не прилечь, — предложила она, — посуду я помою.

— Нет. Сейчас займемся другим делом: налепим сколько получится бифштексов, а я их отнесу во двор и поджарю. Угостим нашу бдительную охрану. Этим мы завоюем их сердца, и они не пожалеют за нас живота своего.

Достав из холодильника пакеты говяжьего фарша, отец принялся помогать Джоуди за стойкой. Когда было готово шесть штук, он произнес: «Пожалуй, есть с чего начать» — и понес их во двор. Распечатав очередной пакет мяса, Джоу-

ди разделила фарш на шарики, которые потом раскатала.

Ей было приятно, что отец до этого додумался. Готовить бифштексы для копов казалось ей благородным занятием. К тому же это отвлекало ее мысли от убийц, от Энди и от дяди Вилли.

Скоро у нее было готово еще шесть штук.

Но папа все не возвращался. Она представила, как он стоит над мангалом с лопаткой в руке и следит за приготовлением бифштексов.

— Ты знаешь пословицу «кто над чайником стоит, у того он не кипит»? — не раз спрашивал он у нее. — Так знай, кто над грилем не стоит, у того бифштекс сгорит. — Что бы он ни готовил: бифштексы, цыплят или отбивные, он непременно придавал процессу философскую глубину.

Но Джоуди знала его лучше. Он выходил во все не караулить огонь и спасать еду от подгорания. Это был всего лишь повод. На самом деле он делал это, потому что любил побыть на свежем воздухе вечером, любил запах дыма, звук шипящего и стреляющего мяса, любил наблюдать за пляской огня. Он никогда в этом не признавался,

но Джоуди давно увидела это в манере его поведения. Возможно, в эти мгновения он вспоминал свои бойскаутские дни или походы с рюкзаками в горы с мамой в молодости. Или, быть может, приготовление мяса на настоящем огне и на природе имело особую привлекательность, которая уходила глубже, чем просто ностальгия, — может, это было намного древнее и примитивнее и имело непосредственное отношение к заложенным в человеке охотничьим инстинктам.

Выложив сырые заготовки на тарелку, Джоуди направилась к выходу во двор.

По пути она вспомнила, как, бывало, отец стоял над мангалом с прозрачным желтым пластмассовым водяным пистолетом. Это было, когда она была еще очень маленькой. Пистолетом он сбивал пламя. Иногда он брызгал на Джоуди. Тогда мама его ругала.

Иногда Джоуди брызгала из пистолета себе в рот.

Вода вылетала из отверстия не больше булавочной головки. И всегда с шипением. Иногда она направляла струю на свод неба, и тогда было

щекотно. Иногда высасывала воду прямо из дула. Всегда достается воды больше, когда ее высасываешь, чем когда выкачиваешь. У воды всегда был чудной привкус. Резины или пластмассы.

Джоуди шагнула во двор, и стеклянная дверь за ней захлопнулась.

Папа резко обернулся.

— Джоуди! Я просил тебя оставаться...

Сначала свистнула пуля.

Звук выстрела донесся через долю секунды.

Глава 18

Пуля звякнула о бетон дорожки намного впереди, так что тарелка не закрыла от Джоуди происходящего. Она увидела внезапно брызнувший фонтанчик крохотных осколков и белой пыли, услышала «фюйть», почувствовала рывок за шорты и острую боль, как от укуса.

Затем раздался грохот выстрела.

Только теперь Джоуди поняла, что забыла предупреждение отца.

Отшвырнув тарелку с бифштексами в сторону, Джоуди повернулась на каблуках и потянулась за дверной ручкой. Потом она тянула ее на себя, и дверь медленно открывалась.

Пуля со звоном вновь прикрыла ее.

Джоуди увидела дыру в алюминиевой раме

— отверстие величиной с монету. Похоже, пуля пролетела в дюйме от ее плеча.

— Падай! — заорал отец. — На землю!

Пригнувшись, Джоуди обернулась и посмотрела назад.

Отец неся ей навстречу, револьвер еще торчал в кобуре, а лопатка, вылетевшая из руки, падала в кусты.

За его спиной повыше и чуть левее на крыше их гаража стоял какой-то человек с ружьем.

«Как они могли подойти так близко? Там ведь должны были быть полицейские. Так это и есть полицейский».

Он был обращен лицом в сторону холма, ружье было вскинуто к плечу, глаз припал к огромному оптическому прицелу.

Третья пуля горячим прутом хлестнула Джоуди по голове, задев верхний кончик уха.

Потом все вокруг закрыло тело отца. Дикорыча, он схватил ее в охапку, оторвал от земли и дернул в сторону. Затем послышалось странное хрюканье, и Джоуди провалилась в разлетающуюся вдребезги дверь.

Не задерживаясь ни секунды на кухне, он понес Джоуди через столовую в коридор, словно поставив себе целью доставить ее в самый центр дома, где между ней и окружающим миром будет максимальное количество стен.

Там он отнял ее от груди и поднял впереди на вытянутых руках. Осматривает спину? Затем опустился с ней на пол, осторожно положил ее на спину и склонился над ней.

Оба судорожно глотали воздух и хрипели.

Джоуди никак не могла отдышаться.

«А что, если я умираю?»

Она знала, что в нее попали по крайней мере один раз. Высоко в ногу. Боль была жгучая. Но, может, у нее были и другие раны, гораздо серьезнее, а она о них просто не догадывалась, потому что они были настолько плохие, что уже не чувствовались. Насколько опасные, что она от них умрет.

Упершись локтем в ковер, Джоуди приподняла голову. Как раз в этот момент папа сдернул с нее шорты.

На передней части блузки крови не было.

Но правая нога, которую теперь не прикрывали шорты, в нескольких дюймах ниже ластовицы трусиков превратилась в кровавое месиво.

— Боже мой! — ужаснулась она.

— Ничего страшного, — пробормотал отец. Свернув шорты в подушечку, он прижал их к тыльной стороне бедра. Через несколько секунд он убрал их и, нагнувшись ниже, тихо присвистнул.

— Что, так плохо?

Он покачал головой.

— Еще бы чуть-чуть в сторону, и ни одной царапины.

— Но ведь она попала в меня, папа! Взгляни на всю эту кровь.

Откуда-то вне пределов видимости Джоуди, где-то за ее головой слышались быстрые тяжелые шаги. Отшвырнув в сторону шорты, отец выхватил из кобуры «браунинг» и навел его на коридор.

— Сержант Фарго? — донесся женский голос, волевой, но спокойный. — Я офицер Майлз. Она ранена?

— Задело рикошетом.

— А вы?

— Ни царапины.

— На холм посланы подразделения на поиск стрелка.

Присев рядом на корточки, Майлз положила руку Джоуди на плечо и слегка сдавила его.

— Как себя чувствуешь, чемпионка?

— Неважнецки. — Майлз оказалась моложе, чем подумала Джоуди, услышав голос, и симпатичнее.

— Для барышни, которую только что подстрелили, ты выглядишь совсем неплохо.

Папа принялся вытирать рану, и Джоуди поморщилась от боли.

— Это всего лишь царапина, и только, — произнес отец.

Майлз посмотрела и кивнула. Затем перевела взгляд на лицо девочки.

— Болит где-нибудь еще?

— Почти везде.

Майлз скривила рот, и это напомнило Джоуди обычную ухмылку ее отца.

— Меня больше интересует сегодняшняя порция.

Привстав на локтях, Джоуди стала себя рассматривать. Кровь из раны на бедре сочилась по боковой поверхности ноги, оставляя красные полосы на повязках и пластырях и затекая на носки. Другая нога выглядела нормально, если не считать большого количества разнообразных ссадин, синяков, царапин и бинтов.

Над поясом трусиков блузка распахнулась почти до груди. Наверное, пуговицы расстегнулись, когда отец схватил ее и втащил в дом. Но обнажилось больше бинтов, чем тела.

На мгновение взгляд задержался на марлевой повязке между пупком и трусиками. Там, где прошлой ночью кольнуло копье. Но сначала оно прошло сквозь Ивлин.

Лицо Джоуди перекосилось от боли.

«Это не кончилось. Еще не кончилось. Может, не кончится, пока они меня не убьют. Меня и Энди. Пока мы не пойдем вслед за Ивлин».

— Что такое? — забеспокоился отец.

— Нет, ничего. Просто вспомнилась Ивлин.

Он покачал головой.

— Да, — пробормотал он, — суровое испытание.

— Всего одно ранение? — вмешалась Майлз и добавила: — За весь день?

— Увы, но это так.

Майлз слегка вскинула голову. Ее светло-каштановые волосы были даже короче, чем у Джоуди, вероятно, короче, чем у половины мужского личного состава полицейского управления. Чуть ниже подбородка был небольшой припухший шрам.

— Что скажете, сержант? Будем вызывать «скорую»?

— Меня что, снова отвезут в «неотложку», да? — скривилась Джоуди.

Ответ она прочла на лице отца.

— Я не хочу ехать. Ну пожалуйста. Рана не настолько опасна. Ты же сам сказал, что это только царапина. Не хочу я никуда ехать. Хочу остаться здесь.

— Я уверен, что у нее, по крайней мере, легкий шок. Как, черт побери, и у меня, хотя стре-

ляли не в меня, — обратился отец к Майлз.

— Это же просто царапина, помнишь? Не отправляй меня в больницу, пожалуйста.

Отец вопросительно посмотрел на Майлз.

— Как скажете, — пожала плечами та.

— Папа, пожалуйста.

Казалось, он никак не мог решиться.

— Кроме того, — настаивала Джоуди, — здесь для меня безопаснее. Что, если на улице еще один снайпер? Может, и перед домом тоже.

— Если бы он был, наверняка попробовал бы подстрелить Энди, — покачал головой отец.

— Быть может. Только он мог оказаться не готовым. В любом случае я здесь в большей безопасности, чем где бы то ни было: в карете «Скорой помощи» или в больничной палате. Ты так не считаешь?

— Возможно, — согласился он. — О'кей, ты победила.

Майлз ободряюще стиснула ее плечо.

— Если вы хотите проверить ситуацию снаружи, сержант, я могу позаботиться о Джоуди... перевязать ее.

— Ты не будешь возражать, золотце?

— Нет, все в порядке.

— Держи там, куда я приложил, — приказал он.

Он отвел руку, и Джоуди сама прижала свернутые в подушечку шорты к ране.

Затем отец и Майлз перенесли ее в ванную комнату и посадили на край ванны. Ее ноги при этом касались пола.

— Я скоро вернусь, — сказал он и вышел.

— Ну-ка, посмотрим. — Майлз наклонилась над Джоуди и подняла тампон.

Обе уставились на рану.

Казалось, кровотечение почти прекратилось. Теперь, когда Джоуди могла хорошо рассмотреть повреждение, оно действительно показалось ей незначительным. Словно по внутренней поверхности бедра резанули кончиком ножа — тупой кончик оставил широкую, но неглубокую борозду.

— По-моему, тебе повезло, — заметила Майлз.

— Угу.

— Посмотрим, можно ли их еще спасти. — Она поднесла шорты к раковине, развернула, смыла кровь, выжала и встряхнула. Потом протяжно свистнула.

— Что?

Повернувшись, Майлз подняла перед собой шорты, чтобы Джоуди могла видеть.

Дыра от пули зияла в дюйме ниже «молнии». На вид она была крупнее той, которую Джоуди успела разглядеть в раме двери. И края были рваные, да и само отверстие было далеко не круглое.

— А здесь вышла, — пояснила Майлз, повернув к ней шорты задней стороной. Дыра там находилась выше, чем спереди. — Чертовское везение.

— Везение? Ничего себе. Да в меня попали.

— Могло быть гораздо хуже. — Майлз повернулась к раковине, бросила в нее шорты и повернула кран. — Пусть покиснут, — произнесла она, когда вода стала их заливать, — по крайней мере, ты могла бы сохранить их как сувенир.

— Хвала Господу, на свете есть мазилы, —

промолвила Джоуди.

— Стрелок он как раз первоклассный, иначе бы не стал и пробовать. Просто стрельба по мишени, находящейся внизу, дело крайне сложное. Где у тебя аптечка?

— Вон за ним, — Джоуди кивнула головой в сторону большего из двух зеркал, того, которое висело справа от раковины.

Майлз подошла к нему.

— Тебя, похоже, спас отец.

— Да, в дом он внес меня довольно быстро, это точно.

— Даже не стал утруждать себя открыванием двери, — заметила Майлз, заглядывая за зеркальную дверцу. — Впечатление такое, словно он въехал в нее на танке.

— Так оно и было.

— Да, отец у тебя что надо.

— Ага, я знаю.

Майлз стояла к ней спиной. Гремя склянками, она выбирала на загроможденных полках аптечки необходимое.

Сзади она выглядела довольно крупной и тя-

желой, но не толстой. У нее были широкие плечи и спина, синие джинсы «Ранглер» плотно обтягивали пышные бедра и аккуратный зад. Эти джинсы, клетчатая рубашка и ковбойские ботинки — не иначе заскочила на пару слов по пути на родео.

Когда Майлз обернулась, в ее руках еле умещались тюбик антисептической мази, лейкопластырь и марля. На розовом пальчике болтались маникюрные ножницы.

— Через секунду будешь как новенькая, — завила она, опускаясь перед Джоуди на колени.

— Ты была раньше знакома с папой?

— Не-а. Слышала о нем, но мы никогда не встречались, — добавила она, расставляя медикаменты на полу возле своего колена.

— Он служит в 77-м участке.

Кивая головой, Майлз сняла с правой ноги Джоуди мокасин. Затем стащила окровавленный носок. Благодаря ее сгорбленной позе Джоуди сверху могла заглянуть внутрь блузки. У нее был такой впечатляющий разрез между грудями, целое ущелье. Черный кружевной бюстгальтер был

какой-то сексуальный и поэтому выглядел странно на сотруднице полиции, находящейся при исполнении, даже несмотря на гражданский костюм.

Интересно, а что бы подумал папа о таких огромных грудях и таком бюстгальтере?

И она почувствовала, как заливается краской.

Прополоскав окровавленный носок под красным, Майлз снова присела на корточки и начала вытирать им ногу Джоуди.

— А откуда ты знаешь о папе? — спросила Джоуди.

— О нем все знают. Конг Фарго. Тебе ведь известно о пленке, да?

— О какой?

— Той, что крутят в академии.

— В полицейской академии показывают пленку с моим папой?

— Именно. Дидактический материал: «Как вести себя с вооруженными подозреваемыми».

— А, это с тем придурком с мачете, да?

— Железно.

Джоуди однажды видела кассету на семейной

вечеринке. Тогда крутили много видеопленок — главным образом довольно мерзких. В расчете произвести впечатление на подружек и жен или шокировать присутствующих, как решила тогда она, прокравшись тихонько на цыпочках и подглядывая из-за двери. Папа к тому времени уже изрядно принял и так и не заметил ее присутствия.

На пленке отца атаковал какой-то человек, размахивавший над головой мачете. Поздний вечер. Они на тротуаре перед огромной подсвеченной витриной магазина. Нападающий в темных очках и с черной бородкой клинышком. На нем золотая цепочка и плавки под леопардовую шкуру. Он несется на отца с воплем: «Руби свинину!»

Отец при полном параде. Маньяк уже в двух шагах, а «браунинг» все еще в кобуре, зато в руке дубинка нового образца PR-24, с дополнительной ручкой сбоку.

Парень приближается как-то слишком медленно.

Потом Джоуди сообразила, что ленту про-

смастривали в замедленном темпе.

Но даже если прокручивать ее в ускоренном темпе, все равно видно, что у отца было достаточно времени, чтобы выхватить из кобуры пистолет и выстрелить. И что он сознательно не стал стрелять.

Наконец псих добежал. Со всего размаху он опускает мачете вниз и чуть в сторону, словно хочет отсечь отцу голову.

Тяжелый удар дубинки ложится на предплечье ублюдка. Мачете вылетает из руки и разбивает стеклянную витрину. Под стеклянным душем отец разворачивается и наносит следующий удар снизу, между ног нападающего. Удар приходится чуть в сторону от леопардового гульфика. Заорав не своим голосом, маньяк подскакивает и отлетает вбок, падая на остатки витрины.

— И такое показывают в академии? — удивилась Джоуди.

— Представь себе, — подтвердила Майлз, швырнув мокрый носок в ванну.

— Тот ублюдок подал на нас в суд. Он и его вертлявый адвокатишка хотели три миллиона

баксов! Нет, ты слышала? Три миллиона! Я хочу сказать, что твой отец имел право просто пристрелить эту кучу дерьма. Рисковал жизнью, не доставая оружия. А этот недоносок отряхивается и несет в суд исковое заявление, черт побери!

Майлз даже рот открыла от изумления. Когда Джоуди выговорила, она свернула губы трубочкой и шумно выпустила воздух.

— Ну у тебя и характер.

— Ага. Ладно. Все равно в иске было отказано, но... Просто есть такое, чего я не могу воспринимать спокойно.

— Не сомневаюсь.

— Ага. Извини.

— А ты знаешь, как называется тысяча адвокатов на дне морском?

— Нет, как?

— Лиха беда начало.

Джоуди рассмеялась, но осеклась, увидев, как Майлз выдавливает тюбик. Белый червь пасты, извиваясь, выползал на полицейский палец.

— Будет жечь, да?

— Вряд ли.

— Если ты не имеешь ничего против, мне бы не хотелось испытать еще какую-нибудь боль сегодня.

— Больно не будет. Это всего лишь антисептик. Ты ведь не хочешь заразиться, да?

Джоуди задумалась.

— Наверно, нет. Но полегче, о'кей?

— Потихоньку да полегоньку. — Майлз осторожно намазала чем-то липким вокруг открытой раны. Попав на кровь, белая мазь порозовела.

— Черт.

— Жжет?

— Напротив, даже очень неплохо.

Обтерев палец кусочком марли, Майлз отмотала длинный кусок бинта и свернула его в тампон размером два на два дюйма. Затем приложила его к ране. Тампон приклеился к мази.

— Как бы там ни было, но эта пленка стала моим знакомством с твоим отцом. Мне кажется, он моментально стал героем для всех, кто ее увидел. Конечно, нам всем хотелось, чтобы он дал тому ублюдку по мозгам, но это был бы уже не его стиль. Начальству сильно понравилось, что,

демонстрируя такую выдержку, он тем не менее сумел обезвредить подонка, — сказала Майлз, забинтовывая бедро.

— Он попадал и в более опасные ситуации.

— А то я не знаю.

Джоуди улыбнулась.

— Ты что, считаешь его отмороженным?

— Отмороженным? — Майлз хихикнула. — Что-то в этом роде, мне кажется. Но мужчина он интересный.

— А тебе не кажется, что у него смешной вид, нет?

— Джоуди! Нельзя так говорить об отце.

— Ну, он не совсем похож на Тома Круза, понимаешь?

— У него вполне нормальный вид.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно.

— Мне кажется, он потому практически не встречается с женщинами, что у него перекошенный рот и забавная походка. Не говоря уже о том, что у него вечно такой вид, словно он только и ждет того, чтобы оторвать кому-нибудь голову.

— И вовсе нет.

— Не думаю, чтобы какая-нибудь женщина решилась пойти с ним куда-нибудь.

— А ты сама пошла бы с ним? — раздраженно спросила Майлз.

— Он мой папа. Ты что, думаешь, мы извращенцы?

— Ничего такого я не имела в виду, и ты это прекрасно знаешь, — рассмеялась она. — Я хотела сказать, если бы он был парнем примерно твоего возраста и не твой родственник и пригласил бы тебя.

— Папа не разрешает мне гулять с ребятами.

— А если бы разрешил?

— Пошла бы я с парнем, у которого такой вид?

— Вот-вот.

— Да, а почему бы и нет. Только было бы странно идти на свидание с парнем, который вылитая копия твоего отца. Странно было бы вообще идти на свидание, если уж на то пошло. А ты как думаешь? Ты бы пошла на свидание с таким парнем?

— Можешь не сомневаться.

— Па, слышишь? — смеясь, крикнула Джоуди, словно увидев кого-то за спиной собеседницы.

Майлз резко повернула голову назад. Увидев пустой коридор, она сердито сверкнула на Джоуди глазами. Но тут же ее лицо расплылось в улыбке.

— Один — ноль, — обрадовалась Джоуди.

— Тебя не мешало бы отшлепать.

— Успеется, а теперь, может, все-таки пойдем отсюда? — Она встала и всунула босую правую ногу в мокасин. — Не хочу просидеть всю ночь в одних трусах.

— Пойдем. — И Майлз пошла вперед. Перед тем как выйти в коридор, она посмотрела по сторонам.

Джоуди почувствовала, как у нее все внутри опустилось.

«А что, если они уже здесь? В полном составе, как прошлой ночью? Не будь смешной», — сказала она себе.

Взмахом руки показав, что можно идти, Майлз повела Джоуди в ее спальню. Джоуди показы-

вала дорогу. Бегло оглядев комнату, Майлз встала на посту у дверей.

Джоуди надела коричневые шорты и белые носки. Она уже влезала в мокасины, когда слышался оклик отца:

— Джоуди? Майлз?

— Мы здесь, — крикнула в ответ Майлз. — Стрелка взяли?

— Нашли дом, из которого он стрелял. Но его и след простыл. Подложил на память зажигательную бомбу, но наши ребята подоспели на пару минут раньше.

Майлз боком вошла в комнату Джоуди. За ней следовал отец. Мрачный и сердитый.

— Сюда едет оперативная группа. Для них есть пара трупов. По всей видимости, хозяева дома. Я хочу пойти туда и посмотреть.

— Я присмотрю за Джоуди в ваше отсутствие, — сказала Майлз.

— Было бы очень кстати. Как ты себя чувствуешь, золотце? — спросил он, поворачиваясь к Джоуди.

— Неплохо. Офицер Майлз сделала мне пе-

ревязку. Тот бандит, который в меня стрелял, он что, убил кого-то на холме?

— Похоже на то. Но ты не волнуйся. До тебя никто не доберется.

— Меня это не беспокоит.

— Просто не выходи из дому и не подходи к окнам.

— Я позабочусь об этом, сэр, — заверила Майлз.

Отец показал ей кулак с оттопыренным большим пальцем, а Джоуди подмигнул.

— Постараюсь не задерживаться, — пообещал он и пошел прочь.

Часть IV

С вами снова Саймон

Глава 19

Привет, это снова я. Мотель ни к черту, но здесь можно перекантоваться, пока будут решаться кое-какие дела. Между прочим, еще суббота.

Ладно, с чего начнем?

Ага, отсюда...

С холодильника.

Такой огромный белый «Амана», с чудненькой коллекцией магнитных прибаамбасов, прилепленных к дверце. Разная там бутафория на тему еды: банан, ломтик арбуза, авокадо, тостик с сыром и прочее дерьмо. Бенедикт разинул рот, так что тостик я отправил туда.

Поздновато у него, конечно, последний прием пищи, да? Да и едва ли очень вкусно: пористая

резина и пластмасса с приклеенным сзади магнитом.

Когда перед этим разгружал холодильник, не обессудьте, угостился бутылочкой пива и сварганил пару бутербродов: крекеры, салями, сыр.

Большую часть продуктов переложил в буфет. Все, что могло испортиться и протухнуть, сунул в морозильник или выбросил в мусорный ящик. Освобожденные полки вытащил и спрятал подальше от глаз в чулан.

В холодильник Бенедикт вошел вверх тормашками. Голова скосилась набок, и основная нагрузка пришлась на плечи. Это лучший способ размещать людей в холодильниках, потому что центр тяжести низко и меньше вероятности опрокидывания и вываливания. Еще лучше получается, если отрезать голову. Тогда плечи прекрасно ложатся на нижний скос. Но мне было в облом, и голова осталась. Убедившись, что Бенедикт наконец принял устойчивое положение, я прикрыл дверцу. Затем несколько раз встряхнул холодильник и отошел в сторону. Дверца не открылась.

Покончив с житейской прозой, я поспешил в спальню. Моя синяя джинсовая юбка и прелестная желтая кофточка были безнадежно забрызганы кровью. В сердцах швырнув их на пол, я отправился в ванную комнату отмываться от крови. Затем нашел бледно-голубое летнее платье без рукавов и с «молнией» сзади. С чертовой застежкой пришлось повозиться, но в конце концов она была застегнута.

Напялив подобранные с пола волосы, я поправил их перед зеркалом — очаровашка, и только. С сумочкой Хиллари через плечо я зашагал к «Ягуару» Бенедикта.

Верх я откинул.

Разумеется, у Бенедикта был кабриолет. А теперь за рулем восседал я: с обнаженными руками, яркой внешностью и густыми каштановыми волосами, развевающимися на ветру (под скальпом Хиллари голова зудела, но он был липкий и неплохо приклеился. Несколько раз, когда порывы ветра становились сильнее, приходилось придерживать волосы рукой, чтобы они не улетели. Но в основном все шло нормально).

Не проехав и мили от дома Западонов, я встретил три полицейских автомобиля: два черно-белых патрульных и одну «непомеченную» темно-бордовую колымагу, в которой сидела пара парней в штатском. Должно быть, в этот район они прибыли по мою душу.

Ну что, увидели меня?

Из шести копов пять были мужиками, а одна — баба. Шесть длинных восторженных взглядов. Меня так и подмывало улыбнуться, или махнуть рукой, или послать пару воздушных поцелуев. Но решил подчеркнуто их проигнорировать, ведь именно так повела бы себя Хиллари, которая наверняка была надутой богатой сучкой, считавшей ниже своего достоинства выказывать дружелюбие по отношению к блюстителям порядка.

К счастью, не пришлось хвататься за волосы, когда копы мною восхищались.

Полицейские не были единственными, кто поворачивал в мою сторону головы. На меня глазели мужчины всех возрастов, цветов и размеров. Моментально влюблялись и моментально жела-

ли меня. Один чудака, бежавший трусцой рядом с подружкой или женой, до того засмотрелся, что чуть не вывихнул шею. В зеркале я увидел, как он шагнул в сторону с тротуара, оступился и, поскользнувшись, плашмя рухнул на проезжую часть.

Это вызвало у меня смех, но закончилось довольно сильным возбуждением, потому что вспомнилась девчонка из вчерашней ночи — как она скользила по мокрой траве и как лежала потом с задранной кверху рубашкой.

Такая цаца, эта девчонка.

Сальные взгляды мужиков перестали привлекать мое внимание — теперь я полностью погрузился в мысль о том, что я буду делать с девчонкой, когда доберусь до нее.

Расслабиться немного и помечтать — это все, конечно, здорово, к тому же опасный район позади. Но пора подумать и о том, что делать дальше.

Домой нельзя. Домом я называю свою холостяцкую квартиру в западном Лос-Анджелесе. С одной стороны, потому что не было ключей. Они остались в фургоне Тома вместе с остальными

вещами, и судьба их совершенно не ясна. С другой стороны, кто-нибудь из соседей мог меня увидеть. Трюк с переодеванием был рассчитан вовсе не на тех, кто меня знал, — их бы я не провел. Последняя и, пожалуй, самая главная причина держаться подальше от своей квартиры заключалась в том, что меня там могли поджидать мои дружки.

Естественно, им известно, где я обитаю. И, должно быть, уже знают, что я не справился с заданием. Свидетели, которых должен был убрать, мало того что убежали, но еще и настучали на нас. Поэтому меня надо наказать. Так или иначе.

Может, это будет «окончательное решение» в их стиле.

А может, и нет.

Хотя одно не вызывало сомнений: я облажался и это не могло понравиться моим подельщикам.

Лучшее, что я сейчас мог сделать, как мне казалось, это лечь на дно, пока не выяснится, на каком я свете.

Вот как я очутился в «Палм-Корт». Это самый убитый мотель, который я сумел отыскать, дважды проехав вперед и назад по бульвару Лас-Сьенегас. Лучшего места, чтобы спрятать концы в воду, не придумаешь.

Дежурный администратор был на вид не старше ученика выпускного класса. Лицо у него было такое жирное, что на нем можно было бы изжарить яичницу, а в уголке одной ноздри висела толстая козявка. Пока я заполнял карточку посетителя, он пялился на мою грудь и облизывал губы.

Зарегистрировался как Саймона Дэ Солей из Деланда, штат Флорида, и заплатил наличными вперед за трое суток — спасибо Хиллари и Бенедикту.

И голос у сопляка был какой-то странный — скрипучий.

— Меня зовут Джастин, мэм. Если вам что-нибудь понадобится...

— Я тебя обязательно позову... — поспешил добавить я.

Пластмассовая бирка ключа от номера была

такая скользкая, что я бы не удивился, если в Джастин до этого тер ею нос. На ней я увидел, что у меня был номер 8.

В «Палм-Корт» было двадцать номеров, и все окнами выходили во двор, который представлял собой не что иное, как широкую дорогу с парковочными площадками, расположенными под окнами. Судя по внешним признакам, на момент моего поселения в мотеле было по крайней мере еще пятнадцать свободных номеров.

Мой номер был в самом конце. Там я и поставил свою машину. С бульвара мой «яг» хотя и был виден, но только чуть-чуть. Проезжающему мимо патрулю должно было очень повезти, чтобы он заметил его.

Номер не ахти, но, похоже, в нем есть все, что мне сейчас нужно. Если не считать санитарных условий.

Первое, что я сделал, — это задернул шторы. Затем включил кондиционер. Да, даже в такой дыре есть кондиционеры. Здесь был установлен оконный, который хрипел, тарахтел и вздрагивал. . . Уверен, его тяжелое дыхание попало на

пленку. Слышите?

В любом случае этот шум меня не раздражает, потому что мешает подслушать, о чем я здесь говорю.

Перед началом записи я содрал с себя свои волосы. О, прошу прощения, волосы Хиллари. Хотя, как знать, чьи они теперь? Решение вопроса о собственности порой заводит в такие дебри, согласны?

Как бы там ни было, но сейчас они мои.

И я с огромным облегчением освободил свой многострадальный лысый череп от их мокрых объятий. Как только они отлипли, я склонился над раковиной и вымыл голову с мылом. Это не потому, что было ощущение грязи, заверяю вас — эмоционально контакт с ее кожей доставляет мне истинное удовольствие. Это все из-за зуда, от которого я буквально лезу на стену.

Натирая мылом голову, я решил, что лучше раздобыть где-нибудь парик. Именно парик, а не чей-то скальп. Волосы Хиллари сделали большое дело — помогли выбраться из кишасщего копами квартала. Но сейчас мне нужно было что-нибудь

получше. Кроме того, едва ли время делало их краше.

Но пусть копна ее волос полежит пока под рукой — на случай, если нагрянет Джастин или еще кто-нибудь.

Одежду, разумеется, я не снимал. Не хотел, чтобы моя кожа коснулась стула. Коричневую обивку из букле назвать чистой можно было лишь с большим трудом. Я даже не скинул туфли, хотя и очень хотелось, но так была хоть какая-то надежда защитить ноги от любого дерьма и острых предметов, застрявших в ковре.

Ладно, кажется, пора заняться делами.

В номере все же есть телефон: на маленьком столике у кровати. Розовый и замусоленный.

Телефон Тома я помню наизусть.

От этого звонка мне все равно никуда не уйти. И чем раньше его сделать, тем лучше.

Впрочем, от одной мысли об этом звонке становилось тошно. Не только потому, что придется брать в руку этот грязный аппарат, хотя и это не вызывало большого восторга.

Мне не хотелось с ним разговаривать. Он бро-

сил меня на произвол судьбы. Нет, не в этом суть. Это только часть. Он нанес мне удар в спину. Все они. И это только часть. А суть в том, что я боюсь.

Это все равно что звонить врачу, чтобы узнать результаты лабораторных анализов, когда наверняка знаешь, что тот скажет: у тебя рак, или СПИД, или еще какая-нибудь дрянь.

Том обязательно скажет, что я дал маху. Если у него хорошее расположение духа, он пощадит моих родных и близких: Лизу и других.

«Но тебе лучше покинуть этот мир, Саймон».

И никакими слезами его не разжалобить. Плевать, что мы дружили с пеленок. Ничего не имеет значения, кроме того, что я упустил свидетелей и они о нас рассказали.

Нет, я не в силах сделать этот звонок. По крайней мере не сейчас.

Если говорить правду, то сейчас вовсе не хочется ничего делать. Хочу просто вот так сидеть и говорить, и ничего больше.

Может, удастся использовать пленки для шантажа.

Я уже назвал поименно всех членов, так что с этим разобрались. Теперь очередь дошла до настоящих изюминок, подлинно обличительного материала, в который копы могли бы вцепиться зубами, если когда-нибудь им попадут в руки эти пленки.

Так что начнем с самого начала. С самого первого убийства.

Глава 20

Первое убийство не было преднамеренным.

Это произошло, когда мы еще учились в предпоследнем классе средней школы, примерно двенадцать лет назад. Томми, я, Ковбой и Брайан — все мы учились в восьмом классе и были неразлучными друзьями.

Фамилия у Брайана была Фишер, поэтому мы дразнили его Пескарем. Из-за фамилии и роста. Он был маленьким и сухоньким, таким и остался.

И тем не менее он по уши втюрился в Дениз Деннисон. Нетрудно понять почему. Она была такая красивая, что больно было смотреть: золотистые волосы, кожа — как мед, глаза — как небо в жаркое летнее утро. Если этого вам недоста-

точно, могу добавить, что у нее были огромные сиськи и она никогда не носила бюстгальтера. Так что время от времени на них можно было полюбоваться — когда она наклонялась.

Подозреваю, что все мы были от нее без ума.

Но были не настолько глупы, чтобы не понять — у нас нет ни малейшего шанса. Но только не Пескарь.

Он был, есть и всегда будет занудой, тупицей, слюнтяем и безнадежным оптимистом. Другими словами, настоящим неудачником.

— Кажется, я ей нравлюсь, — заявил он однажды после школы.

— Гонишь, — не поверил я.

— Чему тут нравится, — добавил Томми.

— Неужели твои льняные кудри? — сострил Ковбой. Нам всегда нравилось поострить насчет волос Пескаря. Он отпустил их до плеч — не очень красиво, когда ты тринадцатилетний сосунок. Думал, длинные патлы придадут ему бунтарский вид, но этого не произошло. Напротив, он выглядел с ними просто расхлябанно, и все на него смотрели как на конченого недоумка.

Помню, я еще сказал, чтобы он пригласил Дениз на свидание — заплести ему косички.

— А я как раз и собираюсь позвать ее, — признался он.

— Не теряй времени, — посоветовал я.

— Да она выставит тебя на посмешище, приятель, — добавил Ковбой.

— Может быть, а может быть, и нет.

— Правильно, рискни, — вмешался Томми. — Терять нечего. Самое худшее, что может произойти, так это услышишь отказ.

— И, может, почувствуешь себя хуже червяка, — вставил Ковбой.

— А червяк даже меньше пескаря, — заметил я.

— Ха-ха-ха.

Когда мы говорили о «самом худшем, что могло произойти», у нас и в мыслях ничего такого не было.

На следующий день в школе мы все наблюдали за Пескарем, когда он встал за Дениз в очередь в столовке. С наших мест все было видно, хотя и не слышно.

В тот день она была просто великолепна. Собранные сзади в хвостик волосы и клетчатая юбка, едва прикрывавшая задницу. Еще на ней была белая блузка, и я до сих пор хорошо помню, как сквозь нее просвечивала розовая спина — и никаких бретелек.

Пескарь остановился прямо возле нее.

— Смотри, он и вправду собрался, — произнес Ковбой. Похоже, он был ошеломлен наглостью Пескаря.

Затем Дениз повернула голову в сторону — казалось, она смотрит прямо в глаза Пескарю, — несколько раз кивнула, и на ее лице появилось оживленное и любопытное выражение. Потом, должно быть, их беседа добралась до главной темы, а именно, приглашения покататься на коньках на городском катке в пятницу вечером. Вдруг ее лицо расплылось в улыбке. И как ни старалась она казаться приветливой, улыбка, с которой она ему отказала, все равно превратилась в жалостливую гримасу.

Потом он нам передал все дословно: «Спасибо за приглашение, Брайан. В самом деле. Это

очень мило с твоей стороны. Но я буду занята, понимаешь?»

«Я ПОЙДУ С ТОБОЙ! Я ЗДОРОВО КАТАЮСЬ!»

Это была Хестер Ладдгейт, случайно оказавшаяся в очереди позади Дениз и которая, должно быть, подслушала весь их разговор.

Я уже рассказывал кое-что о Хестер. Она явилась в тот мой короткий сон прошлой ночью, когда я вознесся на вершину блаженства и вкушал его, пока моя красotka не превратилась в безобразное и изуродованное исчадие ада. И этим монстром была Хестер.

Хестер не только выглядела как свинья — от нее пахло носками, которые не снимали весь день — причем очень жаркий, и в которых, ко всему прочему, еще и угораздило вступить в зловонную жижу. И практически это был ее постоянный запах.

И все же Хестер воскликнула: «Я здорово катаюсь!» — и схватила Пескаря за руку. Да еще как сильно. Даже с расстояния было видно, как он весь сжался, а после он показал нам оставлен-

ные ее пальцами синяки.

Хестер даже бросила свою очередь, чтобы отвести Пескаря в сторону.

Мы потеряли их из виду, потому что катались со смеху и глаза застилали слезы веселья.

Как затем обнаружилось, Хестер затащила его за угол здания, где и состоялся разговор с глазу на глаз. Пескарь всячески пытался отговориться от свидания на катке, но та призвала на помощь все свои чары: слезы плюс угрозы.

В итоге они договорились встретиться на катке в пятницу в восемь вечера.

Но в пятницу в восемь Пескарь еще сидел с нами дома у Томми, в шикарном особняке на холме над бульваром Солнечных закатов. Формально дом принадлежал его матери, но та уже ничего не решала — ею руководил сын. Она боялась его до смерти и никогда не вмешивалась в наши дела. Обычно пряталась в своей спальне, а в остальном доме хозяйничали мы.

Как раз у Тома мы и были, когда Пескарь должен был идти на свидание с Хестер. Притащили откуда-то огромный картонный рекламный пла-

кат и уселись вокруг него на полу в комнате отдыха (препараторской, как окрестил ее Томми), создавая коллективный коллаж. У нас он назывался «Смерть под пыткой». В ход пошли фотографии ножей, тесаков, стрел и тому подобного, вырезанные из спортивных журналов и каталога «Пенни», а также снимки обнаженных красоток из таких журналов, как «Плейбой» и «Пентхауз». Это было великолепно. Мы как ненормальные спорили, как лучше расположить девочек и оружие — в какое место их поразить. Для большего реализма мы резали самих себя и брызгали кровью на плакат.

Распалившись, Пескарь проткнул ножницами шикарный крупный план какой-то секс-бомбы.

— Вот тебе, вонючая свинья, — взвизгнул он.

— Так хорошо она никогда не выглядела, — съязвил Ковбой.

— Бедняжка, наверное, уже все глаза выплакала, — подхватил Томми.

Я посмотрел на часы. Пескарь уже на два часа опоздал на свидание.

— Она, вероятно, уже наплакалась и верну-

лась домой, — заметил я.

— Да, ты ее опустил, — добавил Ковбой.

Пескарь дурацки ухмыльнулся.

— Будет знать — не на того напала, да?

Это было в пятницу вечером, а в воскресенье днем Пескарь остался дома один — родители уехали смотреть какой-то теннисный турнир с участием звезд мировой величины.

Развалившись в кресле, он смотрел телевизор.

И тут ни с того ни с сего в дверь вваливается Хестер и направляет на него пистолет 22-го калибра.

— Где же ты был, Брайан? — спрашивает. — Обещал прийти, я ждала, ждала, а ты так и не появился. — Первые слова были произнесены спокойно, с насмешкой и чувством превосходства, но вскоре она сорвалась на крик. Пескарь уже решил, что он труп.

— А я ждала и ждала! — рыдала она. — Ты не имел права! Лжец! Грязный и подлый обманщик. Ты же обещал!

Затем она подошла к Пескарю и приказала

открыть рот. Он подчинился, и она всунула туда ствол.

Он все еще сидел в кресле, так и не успев подняться. А сейчас эта толстая вонючая недотепа вставила ему в рот пистолет. И еще взвела курок.

— Думаешь, если я не такая смазливая, как Дениз, ты можешь обращаться со мной как с куском дерьма? Не получится! Слышишь, не получится! Пусть я, быть может, и не красавица, но у меня есть чувства! У тебя не было права! Не было!

Затем спустила курок.

Послышался сухой щелчок. И все.

Пистолет был полуавтоматический, и, хотя обойма была набита до отказа, патронник был пуст. Мы так никогда и не узнали, было ли так задумано, и она хотела только поугаать Пескаря или действительно намеревалась пристрелить его, но просто оказалась слишком глупа для таких дел.

Услышав щелчок, Пескарь целую секунду еще думал, что его застрелили. Потом до него дошло, что та штуковина у него во рту не выстрелила.

А, сообразив, он отбил пистолет в сторону, одновременно дернув назад головой, чтобы ствол вышел изо рта. Затем они боролись за пистолет, и Хестер все пыталась вновь направить его на Пескаря. Она была крупнее и сильнее, и в конце концов ей удалось поднять того из кресла и поставить на ноги.

Это была ее самая крупная ошибка, потому что в тот же момент он пнул ее коленом в жирное брюхо. Этим ударом Хестер была полностью выведена из строя и лишена боевого задора. Выпустив из рук пистолет, она бессильно рухнула на колени.

После этого он хорошенько ее отдубасил.

Потом Пескарь позвонил Томми, а Томми позвонил мне, а я — Ковбою. Через десять-пятнадцать минут мы все собрались.

Хестер лежала, распластавшись на полу, в комнате Пескаря без малейшего движения, только стонала и всхлипывала.

Мы выволокли ее в гараж. Ворота открыли с помощью дистанционного пульта. Потом Томми загнал в него свой «мерс», и, прикрыв ворота,

мы погрузили Хестер в багажник.

Вернувшись в дом, мы внимательно осмотрели комнату, чтобы убедиться, что все порядке. После Хестер ничего не осталось, разве что кислый запах и пара соплей. Мы решили, что вонь выветрится сама по себе, но сопли смыли и протерли тряпкой все, чего могли коснуться пальцы этой свиньи.

Пескарь черкнул записку родителям. В ней говорилось, что он поехал к Томми «подурачиться».

Довольно точное определение.

Ковбой и я оба пришли пешком, поэтому о наших мотоциклах беспокоиться нам было нечего. Томми вырулил из гаража, ворота прикрыли, мы все впихнулись в машину. И он нас повез.

Не совсем законно, поскольку Томми было всего тринадцать, впрочем, он был не из тех, кого это могло остановить. Да и не впервые он брал автомобиль матери покататься.

Но все это было сплошное безумие.

Томми был мальчик развитой, не спору. Умственно. Но физически он выглядел на свои три-

надцать. Любой коп, увидевший его за рулем, нас бы остановил и задержал — и обнаружил в багажнике Хестер. Конечно, в тот момент она была еще жива, и нас бы не привлекли за убийство.

В любом случае ничего этого не произошло.

И хотя мы все изрядно перенервничали, счастье нас не покинуло. А может, все в Лос-Анджелесе, включая полицию, в тот день пошли глазеть на теннисную знаменитость?

Проехав парадные ворота усадьбы Томми, мы окончательно расслабились.

Подъездная аллея у них длинная и извилистая. Мы остановились так, чтобы нас не было видно из дома.

Пескарь всю дорогу возился с пистолетом, и в конце концов ему удалось дослать патрон в патронник. С его помощью он заставил Хестер исполнять наши приказания.

Мы заставили ее выкарабкаться из багажника и пойти в сторону парка. Она вся дрожала и редела белугой, но не порывалась ни кричать, ни бежать. Думаю, боялась, что Пескарь выстрелит.

Стоял поистине чудесный осенний полдень.

Некоторые утверждают, что в Лос-Анджелесе нет времен года, но они ошибаются. Погожими осенними деньками полуденное солнце приобретает бархатисто-пыльный оттенок. Оно становится краснее, чем обычно, и окутывает все вокруг мягкой золотистой дымкой.

День был жаркий, но дул приятный ветерок. Чудесная свежесть шевелила волосы и отдувала рубашку. Без одежды было бы еще лучше.

Как я уже говорил, убивать ее никто не собирался.

Во всяком случае, я так считаю.

Как мне все припоминается — мы просто хотели проучить ее, чтобы она не портила нам жизнь, и еще предоставить Пескарю возможность расквитаться с ней за причиненный ему моральный ущерб. Но не убивать.

Мне кажется, тогда я думал, что мы просто немного потискаем ее. Ничего серьезного.

Но так было лишь до того, как мы углубились с нею в парк. Тогда все странным образом изменилось. Наверное, для всех нас.

Дело в том, что нас никто не видел и никто

не знал, что она с нами, и мы могли делать с ней все что угодно.

До меня это дошло как-то неожиданно, но по тишине и нервным, нетерпеливым взглядам своих товарищей я понял, что и Томми, и Ковбой, и Пескарь это знают.

Мы могли делать все что заблагорассудится, и никто никогда ничего не узнал бы.

Даже Хестер уловила смену нашего настроения.

Она оглянулась через плечо. Такая грустная, жалкая и угрюмая. Всего две секунды — и она, должно быть, заметила происшедшую в нас перемену. И в глазах ее мелькнул панический страх. Она ахнула и бросилась бежать.

Пескарь выстрелил.

«Бух» — выстрел прозвучал не громче хлопка в ладоши.

Я услышал, как пуля шмякнулась о тело. Затем она ойкнула и повалилась на колени.

Пуля попала под правую лопатку, и на белой футболке проступило кровавое пятнышко.

Пытаясь посмотреть на рану, Хестер неесте-

ственно вывернула голову и закинула через плечо левую руку. Ее пальцы извивались вокруг лопатки, но не могли достать до раны.

Мы подошли к ней.

— Ты меня подстрелил, — кричала она. — Что ты сделал? Ты в меня выстрелил. Ты с ума сошел?

— Ага, — оскалился Пескарь. — Понравилось? — И он навел на нее пистолет.

— Больше не стреляй в меня! Пожалуйста! Нет! Мне больно! Господи!

Похоже, он все-таки решил ее пристрелить, но Томми шепнул:

— Не надо. Она нужна нам живой. Пока что. Ковбой провел тыльной стороной ладони по губам.

— И что мы с ней будем делать? — спросил он дрожащим голосом.

— Все, — ответил Томми, — но сначала давай разденемся. Не хочу марать одежду.

Мы разделись и свалили одежду в кучу в сторонке, чтобы она не перепачкалась. Карманные ножики, которые всегда были при нас, мы доста-

ли.

Без одежды было просто замечательно. Солнце, ветер. Хруст веток и шелест листвы под ногами.

Хестер совсем не сопротивлялась.

Она съежилась, плакала и умоляла все время, пока с нее срывали одежду.

Боже правый!

Конечно, Хестер была свиньей, но сейчас она была голой. А для меня, Ковбоя и Пескаря такое было в новинку. (Не знаю, был ли у Томми до Хестер какой-нибудь опыт, но у меня сложилось впечатление, что он был далеко не новичок.) Как бы там ни было, но мы настолько разволновались, что не знали, с чего начать.

И набросились на нее всем скопом.

Осмотрев и ощупав ее, мы стали по очереди ее трахать.

За все это время она не шелохнулась: только всхлипывала, вялая и безжизненная.

По чистой случайности мы обнаружили, что от боли она оживала — вздрагивала, дергалась и напрягалась. И мы начали щипать и кусать ее,

колоть ножиками. И чем больше мы ей делали, тем лучше все получалось.

Потом мы обнаружили, что делать ей больно было приятно даже после секса.

Когда дело стало принимать серьезный оборот, мы всунули ей в рот трусики, чтобы приглушить крики, и даже пришлось ее придерживать.

Как мне показалось, мы развлекались с ней часа примерно три, прежде чем она умерла. А это стало понятно, когда она совсем не отреагировала на последний удар Ковбоя, тогда как любой нормальный человек в таком случае подскочил бы с воплем.

— Что это с ней такое? — прошептал Пескарь.

— Тебе представить список? — усмехнулся я. Иногда и у меня получаются остроумные шутки.

— Она откинулась, придурки, — заключил Ковбой.

— А может, и нет, — произнес Томми, — посмотрим, бьется ли у нее еще сердце.

Потом была омерзительная сцена.

Через несколько минут он держал в пригоршнях ее сердце.

— Оно бьется? — усмехнулся он.

— А меня не прибьет? — подхватил я.

Томми рассмеялся и швырнул его в меня. Оно отскочило от плеча, и, поймав его у самой земли, я бросил его назад. Томми красиво и ловко поймал его на лету одной рукой. В нашу игру включились и другие. Со стороны, наверное, картина была странная: четверо забрызганных кровью мальчишек, выстроившихся вокруг тела Хестер, перебрасываются ее сердцем под посвист Ковбоя, исполнявшего гимн гарлемских бродяг «Сладкая корка черного хлеба».

Вот каким было наше первое убийство.

Мы посчитали, что тело Хестер не было необходимости куда-то прятать. Густые кроны деревьев прикрывали его с воздуха, а от дома и подъездной аллеи оно находилось на безопасном расстоянии. Кроме того, вся усадьба была огорожена высоким забором. Томми давно запретил матери нанимать работников, так что не было никакой опасности, что какой-нибудь садовник случайно наткнется на него.

В итоге мы не только не стали ее закапывать,

но даже не удосужились прикрыть чем-нибудь. Так и бросили ее распластанной на земле.

Дойдя до дома Томми пешком, мы стали поливать друг друга из шланга на лужайке перед домом. (Мать Томми наблюдала за нами из окна второго этажа — это было несколько странно, но в то же время я ощущал своего рода возбуждение. Томми это нисколько не беспокоило. Он рассмеялся и махнул ей рукой.) Вода была жутко холодной. До сих пор помню, как тогда вздрагивал и стучал зубами от холода, весь покрываясь гусиной кожей.

Смыв кровь и грязь, мы побежали за дом порезвиться в бассейне. Мы носились наперегонки и играли в салки. Затем мы повыскакивали и развалились в шезлонгах, отогреваясь на солнышке.

— Твоя мама на нас не настучит? — поинтересовался Пескарь.

— Ты, наверное, шутишь.

— А если она найдет тело? — спросил я.

— Не найдет. А если и найдет, то не станет ничего делать, потому что знает, что с ней тогда будет.

Высохнув на солнце, мы вернулись в парк и нашли свою одежду. Одевались мы в полном молчании и лишь поглядывали время от времени на тело, лежавшее примерно футах в двадцати. На него уже слетелись мухи.

Пистолет Пескарь отдал Томми.

— Возьми лучше себе. Если понесу его домой, мама найдет.хлопот тогда не оберешься.

Томми всунул пистолет в передний карман.

Потом ему захотелось еще раз взглянуть на Хестер.

Одевшись, мы все пошли за ним.

— Думаю, она получила по заслугам, — произнес Пескарь. Голос у него был совсем не веселый.

— Очень жаль, что я не могу ее воскресить, — сокрушенно промолвил Томми.

— Что? — воскликнул я, не веря своим ушам. — Воскресить?

— Да-да. Чтобы можно было сделать с ней это еще раз.

Мы дружно рассмеялись.

Позднее Томми развез нас по домам. Папа с

мамой сидели во дворе с коктейлями в руках. Я схватил горсть жареных орешков.

— Хорошо провел время у Томми? — спросила мама.

— Ага! Играли в мяч, плавали в бассейне... Бесподобно!

Потом папа поджарил шиш-кебаб на гриле.

Кстати, о шиш-кебабе — умираю от голода. Ни крошки во рту после сэндвича, который проглотил, когда готовил холодильник для Бенедикта. А он был совсем маленький.

Проблема в том, что я не могу никуда выйти лысым, а натягивать на голову липкий скальп старушки Хиллари нет никакого настроения. Надо срочно искать где-то приличный парик.

Но сначала надо поесть.

Ага! Позвоню-ка я дежурному и закажу что-нибудь в номер.

Конечно, придется брать в руки этот грязный телефон.

Нет, надо его сначала протереть.

В любом случае на этом пока прервемся. Продолжим, когда я вкину в себя немного жратвы.

Глава 21

Все о'кей. Проблема решена. Между прочим, заказал китайскую кухню. Слегка подквашенная свинина.

Хестер была такой свиньей. Может, все эти разговоры о ней и навели меня на мысль о свинине.

Между прочим, было очень вкусно.

В ожидании официанта я обмотал голову полотенцем — как делают некоторые женщины, когда сушат волосы. Похоже, сработало отлично.

Что ж, вернемся к рассказу о наших мерзких деяниях.

То, что мы сделали с Хестер, круто изменило наши жизни. Начну с того, что это было просто невероятно волнующе, как в сексуальном, так и

во всех прочих отношениях. Острее ощущений, чем в тот день, я еще не испытывал. Остальные ребята тоже чувствовали нечто подобное. Я знаю, потому что мы это обсуждали. И не раз. Да что там говорить, все разговоры были только об этом.

Но к восторгу примешивалось какое-то болезненное чувство. Оно преследовало всех нас. Отчасти оно было вызвано страхом быть пойманными и осужденными за убийство. Впрочем, в тринадцать лет особенно страшного от калифорнийских законов ждать не приходилось. Ну, от силы пару лет в колонии для несовершеннолетних. Но от одной мысли о том, что все узнают, как мы поступили с Хестер, у меня все внутри опускалось. А о папе с мамой я уже и не говорю — это было бы просто невыносимо.

Если в мы стащили в магазине пластинку или курнули травки, это еще куда ни шло. Но тут дело гораздо серьезнее, и это могло основательно испортить нам будущее.

Ни в газетах, ни по телевизору о Хестер не было ни слова. По школе пошел слух, что она

сбежала из дому. Год назад такое уже случилось, и тогда она исчезла почти на целый месяц, так что никто не заподозрил неладное.

Это было хорошей новостью. Но мы опасались, что все могло измениться, если найдут ее тело. В первую неделю после убийства Томми ежедневно проверял, не пропал ли труп с того места, где он был брошен, и пытался нас успокоить, заверяя, что никто его никогда не обнаружит, потому что это, мол, невозможно.

— Но даже если это произойдет, — объявил он в тот четверг, — у копов не будет ни малейшего основания полагать, что мы имеем к этому какое-либо отношение.

— Но она лежит на твоей земле, — указал я, — и что, если мы оставили на ней свои отпечатки?

— На коже нельзя оставить отпечатки, — заявил он.

— А ты уверен?

— Ну... я точно не знаю, но...

На следующий день к обеду у Томми для нас были новости.

— После школы ходил в библиотеку и про-

листал несколько книг по судебно-медицинской экспертизе, — он сморщил нос. — Боже правый, а я и не подозревал. Все хуже, чем я предполагал. Если копы найдут Хестер, у них на нас может оказаться столько, что сразу и не перечислишь: сколько нас было, группы нашей крови, цвет волос, рост и вес, не говоря уже о том, что они могут узнать о нашей одежде и обуви.

— И это по ее телу? — брезгливо поморщил нос Ковбой.

— Ага, представь себе. Плюс то, что даст осмотр места преступления.

Неожиданно меня затошнило.

Да и Ковбой с Пескарем позеленели.

— Ну и что делать? — не выдержал Пескарь.

— Пустяки, — успокоил Томми.

Целые сутки в сводящем с ума ожидании пустяком, однако, не показались. В субботу утром папа подвез меня к дому Томми. Назвав себя в домофон у центральных ворот, он въехал в открывшиеся ворота и довез меня до самого дома. На прощанье потрепал мои волосы.

— Не скучай, приятель, — напутствовал он, —

если не будешь успевать к обеду, позвони.

Когда все были в сборе, Томми выдал нам пару лопат, кирку и грабли и повел напрямик к Хестер.

Боже, во что она превратилась. А какой смрад.

Не буду описывать, чтобы никого не стошнило.

Наша задача заключалась в том, чтобы зарыть тело.

Но это оказалось не так легко, как мы себе представляли. И хотя рыли по очереди, устали зверски.

Томми работал наравне со всеми, но почему-то все время злился. Казалось, у него не было других слов, кроме: «недостаточно глубоко», «надо глубже», «глубже, глубже».

Когда Томми наконец решил, что уже достаточно глубоко, я оказался на дне могилы.

— Подровняй немного дно, — сказал он мне.

Но, когда я наклонился, чтобы ковырнуть пару раз лопатой, эти сукины дети сбросили на меня Хестер. Как смешно. Им так точно.

Она свалилась мне на спину и сбила с ног. А вонь! Еще она была склизкой, словно кожа превратилась в липкий гной. Хорошо это или плохо, но я был совершенно голый (из-за жары и чтобы не испачкаться от рытья могилы). Иначе Хестер безнадежно испортила бы мою одежду. Но это значило, что между ней и мной не оказалось ничего. Можно представить себе что-нибудь отвратительнее?

Сбросить ее вот так на меня — это еще надо было додуматься. Дружья у меня оказались с чувством юмора. Хотя в тот момент мне, в общем, было не до смеха. Я долго не мог из-под нее выкарабкаться. Ее руки и ноги оплелись вокруг меня так, словно она не хотела меня отпускать. Когда же наконец мне удалось выползти, она перевалилась на спину, а колени разъехались в стороны и уперлись в стенки ямы.

— Трахни меня еще раз, — услышал я, и чуть не обмер от страха, сразу не сообразив, что это произнес Томми. Он, Ковбой и Пескарь стояли над краем могилы и любовались зрелищем.

Затем я пулей выскочил из ямы.

— Шутники вы, однако, — выкрикнул я. — Почему бы кому-нибудь еще не попрощаться с... — И я бросился в атаку, что явилось для них полнейшей неожиданностью. Прежде чем они сообразили, в чем дело, я успел столкнуть Пескаря в могилу. Томми увернулся и отбежал в сторону. Ковбой предпочел отбиваться. Мы стали бороться, но он был гораздо сильнее и скоро положил меня на лопатки. И хотя я не смог скинуть его вниз, все же изрядно вывалял его в грязи.

Только Томми вышел сухим из воды.

Всегда выходил.

Пескарь наконец выкарабкался из могилы. Весь измазанный, но с улыбкой до ушей. Собрав вещи Хестер, мы пошвыряли их в яму. После этого засыпали яму землей, притрусили сверху листьями и ветками, так чтобы это место ничем не выделялось на окружающем фоне.

Затем Томми напомнил нам о гильзе от пули, выпущенной Пескарем. Нельзя, мол, ее здесь оставлять. И мы обшарили все вокруг. Наконец через полчаса я ее нашел.

Томми сунул ее в туфлю.

— Избавлюсь от нее позднее Главное, чтобы ее не обнаружили возле тела. Возможно, выброшу в мусорный ящик в школе. Или еще куда.

Когда перед уходом мы стали собирать инструменты, он остановил нас.

— Пойдите. Надо сделать еще одну вещь. Идите сюда.

Томми протянул руки в стороны, как это делают, когда хотят взяться за руки и образовать круг.

Мы последовали его примеру.

— Пока Хестер лежит там, куда мы ее положили, никто не посмеет до нас дотронуться, — торжественно произнес он.

— Ты имеешь в виду копов? — спросил Пескарь.

— Да, и копов. Суть в том, что никто не найдет ее, если не будет знать, где искать. А они не узнают, если не разболтает один из нас.

И все мы тут же пообещали, что никогда не проболтаемся.

— Надо принести клятву, — предложил Томми. Это ни у кого не вызвало возражений.

— Повторяйте за мной, — начал он. — Я, Томас Бэкстер...

Мы называли свои имена. В дальнейшем после каждой фразы Томми останавливался и ждал, пока мы произнесем свои слова. Моя клятва звучала так:

— Я, Саймон Квёрт, полноправный и постоянный член общества краллов-убийц (здесь я впервые узнал наше название, хотя знал книгу, из которой оно было позаимствовано), настоящим под угрозой собственной смерти и смерти всей моей семьи клянусь никогда не выдавать секреты клуба ни одной живой душе. Я также клянусь пожертвовать собственной жизнью, чтобы помешать копам взять меня живым. Я также клянусь убить любого своего товарища-кралла, нарушившего эту клятву, а также его мать, отца, сестру, и брата, и собаку, если они у него есть. Аминь.

Несколько раз я чуть не расхохотался, в том числе, когда дошло до слова «аминь», но сдержался, потому что Томми, по всей видимости, относился к этому вполне серьезно.

Наверное, всю ночь не спал, чтобы придумать

такое.

На сей раз струи из шланга показалось недостаточно, чтобы избавиться от ароматов Хестер, и мы пошли в дом. Томми ограничился лишь мытьем рук. Все остальные по одному подолгу стояли под горячим душем, пока он ходил за нашими вещами.

Какое это блаженство — вновь оказаться чистым и одетым! Собравшись в комнате Томми, мы жевали чипсы и запивали их пепси. По словам Томми, после того, как мы закопали тело и все прочее, у копов не осталось никаких шансов повесить на нас то, что мы сделали с Хестер.

Не думаю, чтобы кто-нибудь действительно в это поверил.

Шанс добраться до нас будет всегда.

Эта мысль не давала мне покоя несколько недель. Немало кошмарных снов увидел я за это время. Однако шло время, и становилось все менее вероятно, что нас поймают. Я даже перестал вздрагивать от каждого телефонного звонка или стука в дверь, и больше не тряслись поджилки при виде патрульной машины.

Кошмары стали менее острыми, но полностью не исчезли. Было несколько крайне любопытных. Говорят, они — это что-то вроде скопившегося в твоём подсознании дерьма. Не знаю, не знаю. У меня есть другая теория: наверное, все-таки привидения существуют, но они — совсем не то, что думают люди. Они не бродят ночами по мрачным коридорам, а влезают в голову. Возможно, в рот спящему или в ноздри. Делают это, когда ты отключился, и рождают кошмары.

Но это всего лишь теория. Может, я и чокнутый, но, мне кажется, ею следует кому-нибудь заняться. Возможно, ученым удастся найти способ помешать им забираться в голову. Что-то вроде кислородной маски, надеваемой перед сном, «маски от привидений», звучит?

Ладно, на чем я остановился?

О'кей.

Кончилось это тем, что ничем не кончилось, и за то, что мы сделали с Хестер, нам ничего не было.

Все наши разговоры были только об этом — по крайней мере, когда мы собирались вчетве-

ром и никого рядом не было. Как будто мы обсуждали финал чемпионата, в котором нанесли сокрушительное поражение команде соперников.

— А ты видел выражение ее лица, когда... Я собирался выстрелить ей туда, ты, придурок... А помнишь, когда я достал свой нож и... Кстати, о мертвых, была она тогда уже мертвой или как... А как тебе запашок? — И так далее и тому подобное.

Иногда мы говорили о том, что не мешало бы повторить опыт. Даже составляли списки. Между прочим, список всегда возглавляла Дениз Деннисон. Но это было нечто вроде игры. Серьезных намерений у нас не было, главным образом потому, что мы были почти уверены — второй раз нам так легко не отделаться. Так что мы просто фантазировали.

Прошло четыре года, и все выглядело так, словно Хестер Ладдгейт суждено было остаться единственной жертвой краллов-убийц.

Но следующее убийство произошло летом перед выпускным классом.

К тому времени у Тома были водительские

права, и он мог законно управлять своим «Мерседесом». Это он придумал прокатиться по калифорнийскому побережью до Салема, штат Орегон, чтобы посмотреть на Вилламеттский университет, прежде чем подавать в него заявление. Решил, что будет не так скучно, если он прихватит с собой всю нашу банду.

Мои родители не возражали против поездки, хотя и знали, что мы отправляемся без присмотра взрослых. С одной стороны, они доверяли Тому (красивый, вежливый, богатый и остроумный — как такому не доверять?). Еще они считали, что это будет мне полезно.

Уверен, что и родители Ковбоя и Пескаря были бы счастливы отпустить своих сыновей в такое приключение. Проблема состояла лишь в том, что ни того, ни другого в городе не было. Они уехали отдыхать с родителями.

Впрочем, за это время мы познакомились с другими ребятами, и двое из них, Клемент Кэлхун и Тони Мейдеор по кличке Рядовой, поехали с нами.

Веселое было времечко. Клемент был тупова-

тым, но жуть как обожал поддурачиться. Рядовой тот и вовсе был дураком. Можно часами рассказывать о всех наших похождениях, но в этом нет смысла. Чисто подростковые дурачества, и причем довольно безобидные. Типа посветить голыми задницами парочке старых пердунов, устроившихся перекусить на обочине. Еще несколько раз мы напивались.

Иногда мы останавливались в мотелях, а иногда ночевали в спальных мешках.

Велосипедистов мы повстречали в роще гигантских секвой за Форт-Брэггом, через несколько дней после нашего отъезда из Лос-Анджелеса. Их было двое. Дождь лил как из ведра, поэтому на них были ярко-желтые накидки с капюшонами. Они ехали один за другим и направлялись на север, как и мы.

И по середине дороги.

Навстречу, по противоположной стороне, несся навстречу лесовоз.

Велосипедисты ехали в два раза медленнее нас, а из-за встречного грузовика Том не смог их объехать и ему пришлось резко затормозить.

— Ублюдки! — выругался он, плюнув на лобовое стекло.

А два выродка как ни в чем не бывало крутили свои педали дальше. Они не то что не съехали ближе к обочине, но даже и не оглянулись. Так и не оторвались от своих рулей: просто нас игнорировали и продолжали занимать середину нашей полосы.

А на юг катился грузовик за грузовиком. И нам ничего не оставалось, как ползти за велосипедистами — или переехать их.

— Гребаные козлы, — пробормотал Клем, — какого они выпендриваются?

— Они все такие, — вставил я. — Любая задница на седле воображает, что вся дорога принадлежит ей. Не замечал?

— Я уже заметил, — вмешался Том, — надо по ним проехаться.

— Неплохая мысль, — согласился я.

Рядовой и Клемент сидели сзади. Клемент наклонился вперед и стал выглядывать из-за спинки сиденья Тома.

— Давай, — возбужденно произнес он, — про-

утюжь их. Давай, мы не расскажем. Правда, ребята?

Мы с Томом переглянулись.

— Ты это серьезно? — переспросил Том.

— Разумеется. Вот будет здорово. Дай под зад этим козлам. Не лишай нас удовольствия.

— Но я могу их убить.

— Велика потеря, да, Клем?

— Таких дорожных свиней, — согласился Клемент, — все равно рано или поздно кто-нибудь переедет.

— Ребята, какие вы безжалостные, — улыбнулся я через плечо.

— Я не собираюсь их переезжать, — подытожил Том, — не хочу портить свою машину.

— Слабак, — обиделся Рядовой.

— А ты просто слегка подтолкни их, — посоветовал Клемент.

К этому времени мы въехали на вершину подъема. Мимо пронесся еще один трейлер, окатывая нас волной грязи. Затем на протяжении примерно мили до вершины следующего холма дорога была пуста.

Теперь Том вполне мог обогнать велосипедистов, но он вдруг посигналил.

Задний на секунду оглянулся и вскинул в сторону руку, жестом приглашая нас объехать.

— Какой предупредительный, — съязвил я.

Тогда Том буквально налег на звуковой сигнал и добавил газу. В последнюю секунду велосипедист свернул к обочине, и мы пронеслись мимо. Они даже не подняли головы. Словно жили в своем маленьком мире.

В паре сотен ярдов от них Том съехал на обочину.

— Что ты надумал? — дрожащим от волнения и любопытства голосом спросил Рядовой.

— Все из машины, — скомандовал Том.

— Вос-Хер-Тительно! — воскликнул Клемент. — Мы их примочим?

— Что-то в этом роде, — загадочно произнес Том. Он открыл капот. Мы вылезли из машины и сбились в кучу перед открытым капотом.

— Ну и что будем делать? — повторил свой вопрос Рядовой.

— Делай, что я тебе скажу, — бросил ему Том.

Мы осмотрелись по сторонам. Дорога все еще была пуста — только мы и велосипедисты, которые приближались, склонившись над рулями. Видны были лишь макушки их желтых накидок.

Под передним сиденьем Том хранил старую пушку Хестер — так, на всякий случай. Мы все о ней знали. Кому, черт побери, придет в голову отправляться в дальнюю дорогу без какого-нибудь оружия?

Правда, никто из нас не заметил, что Том достал пистолет, перед тем как выйти из машины.

Мы заметили его только тогда, когда он вынул его из кармана куртки, прицелился и выстрелил. «Бах, бах!» Очень быстро. Дождь стоял стеной, и поэтому я не заметил, куда попали пули. Но первый велосипед резко вывернул, затормозил и грохнулся на асфальт, выбрасывая ездока на проезжую часть.

Велосипедист номер два поднял голову. У него были черные усы.

— Бух-бух-бух-бух-бух!

Он вскинул в небо руки, запрокинул голову и завалился назад. Падая, усач задел заднее коле-

со, отчего велосипед перевернулся и накрыл его сверху.

— Быстрее, быстрее!

Клемент и Рядовой с перепуганным видом бросились к машине.

— Кретины! — заорал я. — За мной. Быстро!

Том и я вырвались вперед. Он схватил первого велосипедиста, а я второго. Оттаскивая их с дороги, мы приказали своим спутникам нести за нами велосипеды.

Еще полминуты после того, как мы справились, дорога была пуста. Спрятавшись в кустах, мы проводили взглядами огромный лесовоз с бревнами.

Затем затащили велосипедистов и велосипеды поглубже в рощу. Мой, мистер Черный Ус, был мертвее кучи дерьма. Одна пуля продырявила ему подбородок, другая вошла над переносицей, а третья — выбила правый глаз.

Велосипедистка была еще жива, но в бессознательном состоянии. Когда мы вытащили ее на поляну и собрались вокруг, она еще не пришла в себя. В левом плече красовались два симметрич-

ных отверстия. Мы увидели их только тогда, когда стянули с нее дождевик. Одно отверстие было на голой коже. Другое, в бретельке топика, находилось в полудюйме в сторону Топик был белый, если не считать крови, и очень обтягивающий. Она было словно влита в него. Просматривался каждый изгиб и контур ее тела. Бюстгальтера не было, зато вместо обычных шортов чернело нечто, скорее напоминающее пляжные плавки.

— Святой Боже! — восторженно произнес Рядовой, после того как мы стянули накидку.

— Парни, — прошептал Клемент, — да на ней почти ничего нет.

— Это можно поправить, — усмехнулся я.

На них просто смешно было глядеть, как они себя вели, пока мы раздевали ее. Как говорится, не знали, садиться ли срать или мяч гонять. Они лишь тупо таращились, не открывая рта. Хотя нет, рты у них как раз были открыты.

Она была совсем не такая, как Хестер. Красотка, черт побери. Немного даже напоминала мою вчерашнюю ночную подружку. Хотя и постарше: так, где-то сразу после двадцати. Смаз-

ливая и изящная, и вся блестела от дождя. Очень короткие мокрые волосы прилипли к голове. У нее были небольшие упругие груди, и я как замороженный смотрел, как о них разбиваются капли. Сморщенные соски торчали вертикально вверх.

Фух, чуть не кончаю, когда вспоминаю о ней.

Та, из прошлой ночи, на вид не старше пятнадцати-шестнадцати. Все бы отдал, чтобы она сейчас оказалась рядом, не сойти мне с этого места.

Итак, мы принялись за велосипедистку. Клемент и Рядовой выступили по полной программе. Может, потому, что все это было сплошным безумием, я имею в виду, как Том выбил из седла Усача. Когда на твоих глазах хладнокровно убивают незнакомого человека и ты становишься к этому причастным, начинаешь воображать, что теперь все дозволено. Ты уже сделал самое худшее, и терять больше нечего.

К тому же мы знали, что девчонку придется добить, чтобы на нас не донесла. Так что она, считай, была уже мертва. Только на самом деле это было не так.

Она пришла в себя, когда мы только начали ее ощупывать и даже не успели сделать с ней ничего серьезного.

Царапалась как бешеная.

Счастье, что у нее не оказалось под рукой бейсбольной биты.

Рядовой сел ей на лицо.

Ух...

Нет, лучше позвоню Тому.

Не хотелось бы, но...

Черт, мы же всегда были друзьями. Что он может мне сделать? Я же не виноват, что те двое сбежали. Если бы Том и остальные помогли, а не укатили и бросили все на меня, мы бы их накрыли...

Как он может меня обвинять, в конце концов.

Впрочем, чем дольше ждать, тем тяжелее будет решиться.

А что, если они не станут меня ждать и позаботятся о девчонке сами?

Глава 22

Собравшись звонить Тому, я поднял трубку и набрал 9, чтобы выйти в город. Затем струхнул и набил номер Лизы, отчасти чтобы протянуть время, но еще и потому, что хотелось услышать ее голос. Она меня любит, что порой бывает весьма утомительно, хотя, с другой стороны, иногда приятно чувствовать: на свете есть хоть одна живая душа, на кого можно положиться и кто, возможно, не бросит в тяжелую минуту.

Я полагал, что беседа с ней поднимет настроение. Еще мне было любопытно, можно ли записать на магнитофон телефонный разговор.

После нескольких длинных гудков сработал автоответчик: "Сейчас меня нет дома и я не могу подойти к телефону, но если вы оставите свое

имя... " И все такое. После звукового сигнала я сказал, что это я — на тот случай, если она все же была дома, но не хотела отвечать на все звонки.

Но трубку все равно никто не снял.

Неожиданно у меня появилось очень нехорошее предчувствие.

Не то чтобы Лиза вообще не выходит из квартиры в ожидании моего звонка или появления. Но сейчас субботний вечер, а по субботам мы всегда встречались. Причем никогда ни о чем заранее не договаривались — просто я приезжал, и мы проводили время вместе. Шли куда-нибудь поужинать или в кино, а иногда просто оставались у нее: просматривали пару-другую фильмов по видеку и занимались любовью. Обычно я приходил около семи, а сейчас уже за девять. Так что она должна была быть дома.

Я заставил себя успокоиться.

Помогло, дальше некуда.

Во всяком случае, магнитофон ни хрена не записал. Вернее, записал только мой голос. Лизин же совсем не попал на пленку, хотя я и прижимал

магнитофон к трубке. Похоже, для этого нужно специальное оборудование.

По моим расчетам, универмаг «Таргет» в Калвер-Сити должен был еще работать. Там была секция электроники. Можно было проехаться и купить телефон со спикером или автоответчиком. Так я смог бы записать разговор с Томом. Но крайне неблагоразумно было бы появляться в людном месте в одежде Хиллари и с ее волосами, а ничего другого у меня не было.

Кроме того, смогу ли я сам подключить телефонные аппараты? Особой уверенности на этот счет у меня не было.

К тому же, если ты не безнадежно глухой, по звуку своего голоса на другом конце можно легко определить, включен ли спикер — это все равно что говорить с металлическим ведром на голове.

Понадобилась всего одна минута, чтобы обдумать все варианты. В итоге я решил отказаться от записи разговора с Томом.

Его номер я помню наизусть. Лучше, чем Лизы. Это потому, что он живет в том же старинном особняке, что и прежде, и их номер не менялся

уже пятнадцать лет.

Том поднял трубку после третьего гудка.

Ниже передаю нашу беседу. Не слово в слово, поскольку записать на магнитофон я не мог, но очень близко. У меня отличная память на то, что люди говорят, пусть это даже было несколько лет назад. А наша беседа состоялась только сегодня, около девяти вечера.

— Алло? — слышался голос Тома.

— Том, это я.

— Ну-ну.

— Наверное, ты разочарован, а?

— Мы на тебя рассчитывали, Си, — он меня так иногда называет. Сокращенно от Саймон, разумеется, но сейчас это прозвучало как тяжелый вздох.

— Ваша помощь мне бы совсем не помешала, — возразил я. — А вы все драпанули. А много ли может один, а?

— Они же дети, Си.

— Да, но я их не нашел.

— Дети, а ты позволил им уйти.

— Я ничего им не позволял. Ты говоришь так,

словно я сделал это специально. Боже! Я делал все, что мог...

— Они очевидцы.

— Знаю. Не надо мне об этом напоминать.

— Они могут все испортить.

— Знаю.

— А знаешь, что они убили Пескаря?

— Что?

— Да, Пескаря. Проломили ему череп.

— Ты шутишь.

— Мы нашли его в спальне пацана.

— Блин! — Пескарь был парнем ничего, но сказать, чтобы я особенно его любил, не могу. Впрочем, все равно неприятно было слышать о том, что его порешили. Это только осложняло мое положение.

— А ты позволил им уйти, — повторил Том, подтверждая мои последние догадки.

— И кто из них это сделал?

— А у кого была бейсбольная бита? — Как будто он сам не знал ответа. Даже если он сам не видел ее с ней, Митч и Кусок наверняка про-светили его.

— Девчонка, — буркнул я.

— Джоуди.

— Ты знаешь ее имя?

— Джоуди Фарго.

— Как ты узнал? В новостях ничего не...

— В новостях сплошная ложь. Девчонку зовут Джоуди Фарго, пацана — Эндрю Кларк. Это его сестричку принес Ковбой как раз перед тем, как началась вся эта херня.

— Херня-херовенька.

— Прекрати, если ты думаешь, что это смешно, ты сильно ошибаешься. И скоро в этом убедишься.

— Извини, — спохватился я.

— Джоуди не была их родственницей: просто подруга дочери Кларков, оставшаяся переночевать. В спальне мы нашли кое-что из ее вещей.

— Что именно?

— Одежду, сумочку. И водительское удостоверение.

— Водительское удостоверение?

— В прошлом месяце ей исполнилось шестнадцать.

— И там был ее домашний адрес?

— А ты как думаешь?

— Блин! Чего же ты тянешь?

— Все, что тебе полагается, ты получишь. —

Что Том подразумевал не только адрес, я догадался по его тону.

— Послушай, дай мне ее адрес, и я обо всем позабочусь. Сегодня же вечером.

— Да, ты у нас такой главный.

— Я ее пришью. Что, сомневаешься?

— Нет, для тебя же будет лучше.

— Ну и где же она?

— Дома, где же еще. В полной безопасности на Шэдоу-Глэн-Лэйн, 2840.

— Заметано.

— Знаешь, где это?

— Конечно. Прямо под Каслвью, так?

— Так.

— Я могу добраться туда за двадцать минут.

— Откуда ты звонишь?

Хороший вопрос. На сердце словно каблуком наступили.

— Ниоткуда, — произнес я. Прекрасный ответ.

— Скажи.

— А зачем тебе знать?

— У тебя же нет машины, так ведь? Попрошу кого-нибудь из ребят заехать за тобой.

— Нет необходимости. Хотя спасибо. Тачка у меня есть, и я могу добраться к дому девчонки своим ходом. Что-нибудь еще?

— Не хотелось бы, чтоб ты снова облажался.

— Не бойсь.

— Ты уж постарайся. Но, когда я упомянул о безопасности, это было не для красного словца. Если в ты видел ее охрану, подумал бы, что она президент, не иначе. Прах уже раз попробовал.

Мысль о том, что Прах стрелял в мою девчонку, заставила меня содрогнуться. Впрочем, видеть, ничего не вышло.

— И он промазал? Прах промазал?

— Промазал, да.

— Блин, — процедил я. Неслыханно, чтобы Лэрри Роудс промазал из своего спортивного «винчестера» 30-го калибра. Не зря его прозвали Прах. Все, в кого он стрелял, давно превратились в прах. Видимо, Джоуди стала первым исключе-

нием.

Не предзнаменование ли это?

Только чудо могло спасти кого-либо от Праха, а вот Джоуди осталась жива.

— С Прахом все в порядке?

— Он ушел, если ты это имеешь в виду. Так что тебе повезло.

Спрашивать почему, не хотелось.

Но Том все равно сказал.

— Если бы по твоей вине Праха сегодня убили, я бы ни за что не дал тебе еще один шанс.

Что ж, нет худа без добра.

— Спасибо, Том, я этого не забуду. Я позабочусь обо всем.

— Об обоих.

— Что?

— О Джоуди и о пацане, Энди.

— А где он?

— Как раз и узнаешь.

— Ты не знаешь или не хочешь мне говорить?

— Мы не знаем. Может, на пути в Аризону. Какой-то тип с аризонскими номерами увез его из дома девчонки.

— Она знает, куда его повезли? — заметил я.

— Скорее всего.

— Тогда нет проблем. Она мне расскажет.

— Ты знаешь, какая у тебя проблема, Си?

— Думаешь, она всего одна?

— Главная, черт возьми.

— И какая же? — не выдержал я.

— Ты думаешь, что всемогущий.

— Из "Отряда «Магнум», да? Второго фильма Грязнули Гарри.

— Пошел ты со своими фильмами.

— Спокойно, Том, не кипятись. Мы же с тобой были друзьями, когда еще динозавры бегали. Согласен, дал маху, но это первый раз. И, между прочим, даже не по своей вине, если хочешь знать правду. Черт, да мне просто крупно повезло, что я остался живой после того, как вы меня бросили прошлой ночью. Да, возможно, я и влез в дерьмо, но это еще не значит, что я в нем по уши. А ты разговариваешь со мной, как с никчемным засранцем. «Ты думаешь, что всемогущий». Плохого же ты обо мне мнения. Друг называется. — Я понимал, что начинал канючить

и впадать в патетику, но ничего не мог с собой поделать. — Да, может, я и упустил тех детей прошлой ночью, но хотелось бы посмотреть, что бы ты сделал на моем месте. Что бы любой из вас сделал.

— Хуже ни у кого бы не получилось.

— Да, как же. А никто из вас даже близко возле них не был.

— Того, что ты называешь близко, оказалось совсем недостаточно.

— Я о них позабочусь, не волнуйся.

— Как раз я и не волнуюсь, Си. Знаешь, кто волнуется? — Он кинул кому-то в сторону: — Подведи ее.

— Эй! — воскликнул я.

Внутри у меня оборвалось. Нельзя сказать, чтобы я этого не ожидал, но одно дело ожидание, а другое, когда ты сталкиваешься с реальностью.

— Это Саймон, — сказал кому-то Том.

Затем, должно быть, ткнул трубку в лицо Лизе.

— Саймон? — жалобно произнесла она.

— Это я, крошка.

— Чтоб тебя! — пронзительно завопила она. Потом еще что-то в этом же духе. Судя по голосу, она была перепугана до потери сознания.

— Успокойся, — сказал я.

— Чтоб ты сдох!

— Я на твоей стороне, киска.

— Неужели? Да что ты говоришь? Я их знаю. Я их всех знаю. Это все твои старые дружки, ублюдок! За что они делают это со мной?

— Что делают? — всполошился я.

Вместо ответа она запричитала:

— Скажи, пусть они меня отпустят!

— Я так и сделаю, — пообещал я. — Не волнуйся, я обо всем позабочусь.

— Мы ничего ей не сделаем, если... — ввернул Том.

— Похоже, вы уже ей что-то сделали.

— Самую малость. Но завтра вечером в десять мы займемся ею серьезно. Если к тому времени ты не подгонишь нам детишек. Ты привозишь нам Джоуди Фарго и Энди Кларка, а мы возвращаем тебе Лизу.

— Эй!

— Оба нужны нам живыми. Здесь, живые, завтра в десять вечера.

— Если они нужны тебе живыми, зачем ты тогда посылал Праха?..

— Хороший вопрос, Саймон. Ответ простой. Прах говорит, что девчонка — класс.

— А ты не знал?

— Откуда? Прошлой ночью мы что, могли ее разглядеть? Разве что только ты. Поэтому мы и не знали, что она такая цаца. Пока Прах не вернулся. В свою оптику он хорошенько ее разглядел. По правде говоря, это он предложил попробовать взять ее живьем.

Сказал, что грех было укладывать такую сладенькую киску с расстояния, когда можно разложить ее поближе.

— Он что, промазал нарочно?

— Ты думаешь, он признался бы?

— Вот блин!

— Похоже, он из-за нее теперь кипятком пишет. А за ним теперь и мы заинтересовались. Так что ты уж постарайся доставить ее живой, Си.

— Один?

— А что? Пескаря уже потеряли. Не хочу больше никем рисковать.

— Только мной.

— Какой догадливый.

— Станешь с вами.

— Так вот. Я даже облегчу тебе задачу и не буду настаивать, чтобы Энди ты тоже доставил живого. Конечно, Митч и Кусок расстроятся — ну и хрен с ними, надо же и о тебе подумать. Так что будет достаточно, если Энди ты просто прикончишь. Главное — привези нам Джоуди, и мы все забудем.

— Добавь еще пару деньков.

— Не могу. Все, что у тебя есть, — это завтра до десяти вечера. Не уложишься, мы начинаем развлекаться с Лизой.

В тот момент я чуть было не проговорился ему о кассетах, которые я весь день записывал. К счастью, меня что-то удержало.

— Вопросы, замечания, предложения?

— Я займусь, — буркнул я и повесил трубку.

И тут же я включил магнитофон и стал на-верстывать упущенное, наговаривая в него содер-

жание разговора с Томом. На это ушло минут пятнадцать, не меньше, но позволило мне успокоиться.

По крайней мере Том дает мне еще один шанс.

И даже немного опустил, позволив убить мальчишку, Энди. Конечно, если будет такая возможность, я и его возьму живым. Заработаю несколько очков у Митча и Куска. Но об этом теперь можно не беспокоиться. Если возникнут проблемы с его похищением, можно будет прихлопнуть его на расстоянии.

В конце концов, все, может, и образуется. Если я справлюсь с заданием, Лизу отпустят и ко мне снова все будут хорошо относиться. Может быть.

Так что я поступил благоразумно, промолчав о пленках. Они — динамит, которым я могу неосторожно подорвать за собой все мосты. Одного упоминания достаточно, чтобы отрезать мне дорогу назад. Тогда либо они, либо я.

А их намного больше.

Проблема еще в том, что я сам зверски хочу

Джоуди.

Но это одна проблема. Другая может заключаться в том, как к ней добраться, если, по словам Тома, «охрана у нее покруче, чем у президента».

Но и до парней из Белого дома добирались.

Впрочем, если я ее не возьму, могут быть осложнения. На Лизе они не остановятся. Сначала под винты попадут мои сестры, а затем и я.

Но я и сам хочу ее.

Том сказал, чтобы я доставил ее живьем, но не добавил, что она должна быть как новенькая. Так что, прежде чем сдать ее завтра вечером, я смогу, по существу, делать с ней почти все.

Ладно, хватит болтать — пора приниматься за дело.

Ага, кажется, я начинаю оживать.

Кто не спрятался, я не виноват.

Часть V

Потерявшийся в Индио

Глава 23

Телефон прозвонил трижды, прежде чем Джоуди успела к нему подбежать. Ей очень хотелось, чтобы этот звонок был от Роба. Последний раз они виделись в парке два дня назад, и она уже соскучилась. Но что она ему скажет? Не станет же она рассказывать об убийцах и всем прочем? Наверное, лучше воздержаться. Папе скорее всего не понравится, если она...

— Алло? — произнесла она в трубку.

— Это Вилсон Сполдинг. Мне надо поговорить с твоим отцом. — Куда только подевался апломб этого недомерка с претензиями. Голос дрожал от гнева или страха.

— Это Джоуди, мистер Сполдинг. Что-то случилось?

— Случилось, черт побери, ты угадала. А теперь позови к телефону отца.

— Что случилось?

— Делай, что тебе говорят, барышня.

— Папы нет дома.

— Не ври.

— И не собиралась, мистер Сполдинг. Папа вышел ненадолго. С Энди все в порядке?

— Хотелось бы мне это знать. Но я не верю, чтобы Джеко оставил тебя одну. Тебя ведь должны охранять. Здесь что-то не так...

— А я и не одна. Но что вы этим хотели сказать, что не знаете, в порядке Энди или нет? Как это не знаете? Как такое возможно?

— Он сбежал, вот как. Пропал, исчез. Пуф!

— Что?

— Засранец как сквозь землю провалился.

— Он пропал?

— Ты что, глухая?

Джоуди почувствовала, что сейчас сорвется. «Нет», — приказала она себе. Придурок просто повесит трубку, и я больше ничего не узнаю. — Папа захочет знать все подробности, —

едва сдерживаясь, произнесла она. — Мне нужно знать, чтобы я могла ему передать, мистер Сполдинг. Он очень на меня сердится, когда я что-нибудь путаю. — Чистейшая ложь, но Вилли никогда не сможет проверить. — Прошу вас.

— Когда он должен вернуться?

— В любую минуту. Но когда именно, сказать не могу. Может, еще час, а может, и нет.

— Через час меня здесь просто может не оказаться. Терпению моему, должен заметить, тоже есть предел. И я его уже почти достиг.

— Откуда вы звоните, мистер Сполдинг?

— Со станции «Тексако» в Индио.

— Индио?

— Да не в Индии, а в Индио.

«А я как сказала, недоносок?»

— Да-да, Индио.

— Городишко на федеральном шоссе № 10.

— Ага, это недалеко от соленого озера Солтон-Си. Мы там бывали. А вы звоните с заправочной станции «Тексако». И вы утверждаете, что Энди исчез.

— Здесь его точно нет, а это значит: пропал.

— Папа захочет знать, когда вы впервые заметили.

— Примерно двадцать минут назад.

— Около девяти?

— Минуту туда, минуту сюда. Я тут все ноги оттоптал, разыскивая его. Безрезультатно, как ты уже догадалась.

— Куда он пошел?

— Если бы я это знал, барышня, я бы его не потерял.

— Рассказывайте, — отрезала она, но тут же пожалела. — Извините, просто пытаюсь понять, что произошло.

— А что, не ясно?

— Мне нет, сэр.

— Мне пришлось остановиться, чтобы заправиться, — медленно и с расстановкой начал объяснять он, словно желал сделать свой рассказ понятным даже остолопу. — До этого момента Энди надувшись сидел на пассажирском сиденье.

«Надувшись. Да прошлой ночью вырезали всю его семью, гад ты этакий».

— Я остановился у бензоколонки самообслу-

живания. Ты следишь?

— Да, спасибо.

— Когда я вставлял пистолет в бак, Энди открыл дверь и попросил разрешения сходить в туалет. На очко, как он выразился. Я разрешил. Последний раз я видел его, когда он шел к зданию заправочной станции.

— Вы отпустили его одного?

— Конечно, он же не ребенок.

— Но ему всего лишь двенадцать.

— А то я не знаю. И, должен заметить, барышня, что мне вовсе не нравится твой тон.

— Извините, просто пытаюсь быть полезной.

— Ты клонишь к тому, что в сложившейся ситуации есть доля моей вины.

— Ничего подобного. На самом деле я просто хочу узнать побольше информации для папы, и все.

— Ладно, на этот раз верю.

— Вот и хорошо, спасибо. Когда вы поняли, что не все в порядке?

— Когда сам пошел в туалет. Это случилось после того, как я залил бензин и расплатился в

кассе. По правде говоря, не увидев его в туалете, я еще не всполошился — подумал, что он, наверное, вернулся к машине, пока я ходил платить. Только подойдя к машине, понял, что он действительно пропал.

— Вы искали его?

— Конечно.

— Звонили в полицию?

— А твой папа, что, не полиция? Вот почему я и звоню ему.

— Но папа ничего не может официально сделать в Индио. Вам необходимо позвонить в местную полицию, чтобы они начали поиски Энди.

— Спасибо, я получаю огромное удовольствие, когда меня поучают пятнадцатилетние дети.

— Шестнадцатилетние, — поправила Джоуди.

— Я не собираюсь впутывать в это дело местных ищеек. Энди не был похищен. Он просто сбежал.

— Откуда вы знаете, что его не похитили?

Вилли сразу не ответил. В трубку слышалось лишь его нервное дыхание. Потом слабый звук

автомобильного сигнала.

— Разве это не очевидно?

— Как это?

— Во-первых, он с самого начала не хотел от вас уезжать. Он вообще никуда не хотел со мной ехать. И как только ему представилась возможность, сбежал. Вероятно, попробует вернуться к вам автостопом. Я бы не исключал такой возможности.

«Весьма правдоподобно, — подумала Джоуди. Более того, даже почти наверняка. Сопляк паршивый», — вздохнула она.

— Тем более его необходимо как можно скорее найти. — Она умоляюще посмотрела в сторону Майлз. — Здесь рядом офицер полиции. Может, вам лучше переговорить с ней? — И передала трубку девушке.

Представившись, Майлз некоторое время слушала и кивала головой, прислонившись к кухонной стене. Впрочем, это продолжалось недолго.

— Мистер Сполдинг, после обнаружения пропажи Энди вам следовало немедленно позвонить

в полицию. Назовите мне, пожалуйста, свои номера. — Достав из нагрудного кармана авторучку, она записала номер в блокноте, лежавшем у телефона. — О'кей, мистер Сполдинг, сейчас я повешу трубку и сама позвоню в местное отделение полиции. Вы оставайтесь на месте. — Еще минуту она молчала, но затем глаза ее округлились и лицо покраснело. — Вы этого не сделаете. Вы взяли ребенка к себе, и, если сейчас уедете, вас привлекут к ответственности, я вам это обещаю. Понятно? — Она кивнула. — Очень хорошо. Не забывайте о моих словах. — И повесила трубку.

— Ты была великолепна! — восхищенно воскликнула Джоуди. — Это такой сморчок.

— Он дядя Энди? Ни за что не скажешь по голосу, что он любит мальчика.

— А я так и не думаю. Похоже, приехал за Энди только потому, что жена заставила.

Майлз сокрушенно покачала головой, затем сняла трубку и набрала номер справочной.

— Какие новости?

Оглянувшись, Джоуди увидела входящего в

столовую отца. Через секунду она уже была рядом.

— Энди исчез, — выпалила она, — только что звонил его дядя. Майлз связывается с полицией Индио.

Подавшись вперед, он заглянул через плечо дочери, очевидно, чтобы убедиться в том, что Майлз действительно на телефоне.

— Как это случилось?

Джоуди рассказала об остановке на заправочной станции и об одиночном походе Энди в туалет, пока дядя был занят заправкой машины.

— Из туалета он так и не вернулся, — закончила она.

— Когда это произошло?

— Около девяти.

Джек посмотрел на часы.

— Прекрасно. С такой форой... — и он покачал головой.

— Возможно, он попробует добраться сюда.

— Энди?

— Он с самого начала не хотел уезжать.

— Это если допустить, что его не выкрали.

От этих слов у Джоуди похолодело все внутри.

— Но ведь за ними никто отсюда не ехал. Ты же сам сказал, что за ними не было «хвоста».

— Мы так думали. Сейчас я сомневаюсь. В таких делах никогда нельзя быть уверенным на все сто процентов. Как бы там ни было, остается лишь высказывать предположения о том, что с ним могло случиться. Если Вилли думает, что он сбежал, может, так оно и есть.

— Я все же надеюсь на лучшее, — пробормотала Джоуди. — Но и в этом случае для него это чрезвычайно опасно, хотя...

— Намного лучше, чем если бы его похитили.

— А что, если он попытается доехать сюда на попутках и наткнется на какого-нибудь извращенца?

— Надеюсь, Энди не настолько глуп, чтобы лезть в первую попавшуюся машину.

— А как еще он сможет добраться сюда?

— Сержант? — вмешалась Майлз.

Ободряюще похлопав дочь по плечу, Джек зашагал в сторону кухни. Джоуди поплелась следом. Майлз уже успела повесить трубку.

— Джоуди обрисовала ситуацию, сэр?

— Да, в общих чертах.

— Я только что звонила в полицию Индио.

Оперативная группа уже выезжает на место. Кроме того, обещали сообщить приметы мальчика дорожной полиции.

— Каково ваше мнение обо всем этом, Майлз?

— На первый взгляд мальчишка исчез по собственной инициативе.

— Что вас наводит на такие мысли?

Прислонившись к стене, Майлз скрестила руки на груди и чуть наклонила вбок голову.

— Понимаете, сержант, из того, что я слышала о прошлой ночи, можно предположить, что он отчаянный парень. И еще эта невероятная эмоциональная травма. Подобный шок может настолько исказить перспективу, что один шаг до таких безумных поступков, как побег в неизвестность. Добавим сюда то, что, находясь здесь, с вами и вашей дочерью, он в какой-то мере почувствовал себя в безопасности и стал понемногу отходить. К тому же, как мне кажется, между ним и Джоуди установилась тесная связь. И, наконец, его

дядя — настоящий баран. Так что мальчишка не смог больше ждать и сбежал, как только представилась первая возможность.

— Все оно, конечно, так, — задумчиво произнес Джек.

— Я не исключаю других возможностей, но...

— Что ж, послушаем.

— Ну, его могли похитить наши вчерашние знакомые. Или он мог напороться на какого-нибудь ублюдка в туалете на заправке. И еще, хотя это и маловероятно, вот что. Я подумала, что о случившемся мы знаем только со слов Сполдинга, а он мог и соврать.

— О Боже! — пробормотала Джоуди.

— Вы намекаете, что он мог сам избавиться от Энди?

— Это всего лишь предположение. Неожданное прибавление в семье удовольствие не из дешевых.

— Ты думаешь, он убил Энди? — не удержалась Джоуди.

Майлз недовольно скривилась.

— Милая, я вовсе не это имела в виду. Похо-

же, мне вовсе не следовало поднимать этот вопрос. . .

— Почему же, — возразил Джек. — Он заслуживает внимания.

— Честное слово, мне кажется, что Энди скорее всего сбежал.

— Более чем вероятно, — согласился Джек.

— И что мы будем делать? — не унималась Джоуди. — Это ужасно. Ему, быть может. . . нужна помощь, или. . . Неужели мы будем сидеть сложа руки?

— Давайте поедem туда, — предложил Джек. Джоуди не могла поверить своим ушам.

— Ты не шутишь?

— Нет. Может, помощи от нас большой и не будет, но как знать? Все же лучше, чем торчать здесь.

— Это точно.

— Нам все равно пришлось бы уехать. Я только что разговаривал об этом с Брайаном. Похоже, из-за нашей небольшой «ловушки» убили двух невинных людей. Даже трех, если считать нерожденного ребенка.

Майлз поморщилась.

— Женщина была беременна?

— Похоже, наш стрелок сделал ей кесарево сечение по ускоренному методу и... — Взглянув на Джоуди, он осекся. — Мы не хотим больше никем рисковать. Охрана снимается, как только мы отъедем. Сначала я подумал о Биг-Беаре, но с учетом последних событий... Поедем для начала в Индио. Может, удастся разузнать что-нибудь об Энди.

— Мы бы могли помочь его искать, — оживилась Джоуди.

— Пакуй вещи на неделю, — распорядился Джек. — Если придется задержаться, будем действовать по обстоятельствам.

— Я бы хотела поехать с вами, сержант, — неожиданно вмешалась в разговор Майлз. — Естественно, в свое нерабочее время. Чтобы помочь обеспечить безопасность Джоуди.

Отец даже не нашелся что ответить от неожиданности.

— Вот здорово! — воскликнула Джоуди. — Ей можно, па?

— Ну, я...

— Мое дежурство почти закончилось, — продолжала Майлз, — и вам нужно только поговорить с Брайаном, чтобы он разрешил мне уйти чуть раньше. Потом я свободна до вечера понедельника. Что на это скажете, сержант?

— Ну же, папа, она нам может пригодиться, согласен? К тому же она такая красивая.

Отец вопросительно посмотрел на Майлз.

— Вы и вправду хотите?

— Так точно, сэр.

Когда он медленно выдвигал вперед свою огромную правую руку, уголки губ до предела выгнулись вверх.

— О'кей. — И, пожимая руку девушки, спросил: — Как ваше имя, офицер Майлз?

— Шарон.

— О'кей, Шарон. Приветствую вас на борту. Меня зовут Джек.

Глава 24

Джоуди оставили упаковываться. Она была взволнована и вместе с тем чего-то боялась. Словно перед дальней поездкой. Только по-другому. Все было совсем иначе. Где-то рядом рыскали убийцы, хотевшие ее смерти. И, может, они уже добрались до Энди.

Но так никто не думает, напомнила она себе.

А даже если и думают, они никогда тебе не скажут, возразил ей внутренний голос.

«Может, в эту самую секунду он уже мертв. Нет, — отрезала она. — Он убежал, вот как. Так думает и папа, и Шарон. Не стали бы они говорить лишь для того, чтобы скрыть от меня правду. Папа не стал бы мне врать. Думаю, и Шарон тоже. Она действительно едет с нами».

Едва папа успел договориться с Ником Брайаном о том, чтобы Шарон поехала с нами, как она выскочила из двери, пообещав через полчаса вернуться.

— Надо, чтобы мы были готовы тронуться в путь, как только она придет, — напомнил отец.

— Нет проблем.

Это было двадцать минут назад.

Теперь, стоя у своей кровати и пялясь на огромную матерчатую дорожную сумку, Джоуди судорожно вспоминала, не забыла ли она чего-нибудь.

«Недельный запас трусов и носков, — начала перечислять про себя она. — Затем бюстгалтеры, блузки, футболки, шорты, джинсы, свитера, купальник, мокасины, ночная сорочка, халат. Ни одной юбки или платья. Папе не очень понравится, если он узнает. Прикинусь дурочкой. К тому же едва ли он узнает, разве что черт занесет нас в приличный ресторан — или в церковь, прости Господи. Извини за это, Всевышний, я совсем не то хотела сказать. Впрочем, тебе ведь все равно, в чем я пойду в храм, правда? А, может, тебя и

вовсе нет. И за это тоже прости, Господи».

Она уже переоделась в тренировочные брюки, футболку и кроссовки. Это — в дорогу. Еще курточка и бейсболка. Похоже, одежды вполне достаточно.

В боковые карманы сумки рассовала несколько книжек, блокнот с ручкой, колоду игральные карт и миниатюрный фотоаппарат «Кодак» Туалетные принадлежности находились уже в сумке среди вещей. Туда же она засунула и Мяу-Мяу — своего плюшевого котенка, потрепанного и посеревшего от времени, с оторванным ухом.

Все же ее не покидало ощущение, что кое-что забыто. Но что?

Может, это только кажется.

Неожиданно она вспомнила о всех тех вещах, которые оставила в доме Ивлин. Может, именно их мне сейчас и недостает, подумала она. Старой милой сумочки и косметички, и всего, что в ней было. Новеньких кроссовок «рибок» и носков с осликом Иа.

Все пропало. Сгорело дотла.

"Это всего лишь вещи, — напомнила она се-

бе. — Нельзя их так серьезно воспринимать.

Но я по ним все равно скучаю. Они были моими, и...

Шарон должна появиться с минуты на минуту".

— Что же мне еще взять? — задумчиво пробубнила себе под нос Джоуди.

"Достаточно ли я взяла медикаментов?

Вероятно, нет. Хотя положила все, что удалось найти в аптечке. Для нормальной семьи хватило бы на год, надо полагать. А ей — только еще на одну полную перевязку. Впрочем, некоторые из ран вполне могли обождать день или два. Не будем раньше времени бить тревогу, — решила она. — Бинты можно купить в любом месте. Возможно, даже в Индио".

Застегнув «молнию», Джоуди сняла сумку с кровати. Затем надела бейсболку и в свободную руку взяла яркую нейлоновую куртку. Выключатель у двери пришлось гасить локтем. Все вокруг неожиданно погрузилось в темноту, и лишь из гаража в коридор падала узкая полоска света.

— Папа? — позвала она.

— Я здесь, золотце.

Джоуди понесла свои вещи на свет. Отец стоял у открытого багажника. На нем были синие джинсы, поверх футболки с Хоземитом Сэмом была накинута зеленая замшевая рубашка. Она была не застегнута и не заправлена, поэтому больше напоминала куртку.

— Все собрала? — поинтересовался он.

— Вроде как, — сообщила Джоуди, подавая сумку. В багажнике уже стоял чемодан, и сумка разместилась рядом.

— Тебе не нужно сходить в ванную или еще куда-нибудь?

— Не-а. Я уже полностью собралась. Я буду сидеть сзади?

Его фирменная улыбка расцвела во всей красе.

— Еще лучше — сзади на полу. По крайней мере, пока выедем из нашего района.

— О, какой ужас. Что, ожидается еще стрельба?

— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь еще остался поблизости, но... — Раздался звонок в

дверь. — Это, наверное, Шарон. Давай полезай в машину.

Как только отец вышел из гаража, Джоуди распахнула заднюю дверцу и забралась в машину. Посижу пока, решила она. Нет смысла валяться на полу дольше, чем необходимо. Рядом лежало старое одеяло, которое обычно путешествовало в багажнике. В него, похоже, было что-то аккуратно завернуто. Осторожно приподняв один край, Джоуди увидела цевье помпового пистолета-пулемета «моссберг».

— Небольшая огневая поддержка, — прошептала она.

Прошлым летом она сама из него стреляла. Спустя пару недель после того, как отец привез его из магазина, они ездили в заброшенный карьер со всем своим арсеналом. Тогда «моссбергом» отец в щепки разнес несколько деревянных чурбанов четыре на четыре и с дюжину банок изпод пепси. Джоуди даже сама раз попробовала. У него была такая сильная отдача, что она едва удержала его в руках. И хотя она и не осрамилась, одной попытки оказалось для нее вполне

достаточно.

Хватило и для мишени — увесистая деревянная чушка раскололась и разлетелась в стороны.

"Если папа берет его. . . "

И вдруг Джоуди вспомнила, что она забыла положить. Нет, не зубную щетку или дезодорант — «смит-вессон»: ее симпатичный миниатюрный восьмизарядный 22-миллиметровый полуавтоматический пистолет — подарок отца к Рождеству.

«Глупо не взять его с собой», — подумала она.

Открыв дверцу, Джоуди уже высунула из машины ноги, когда в гараж впереди отца вошла Шарон. Она даже не переоделась. Те же ковбойские ботинки, джинсы и рубашка из шотландки. Только добавилась полинявшая джинсовая курточка, доходившая до пояса. Она была не застегнута и не прикрывала кобуру на бедре. Казалось, даже при большом желании невозможно было соединить ее полы и застегнуть — по крайней мере на груди.

На голове у нее красовалась бейсболка

с черно-золотистой эмблемой Национальной стрелковой ассоциации. Козырек и яркие золотые плетеные шнурки делали Шарон похожей на контр-адмирала.

В одной руке у нее был матерчатый баул, похожий на сумку Джоуди, только не красный, а синий. В другой — ружейный чехол из тисненой кожи.

Следовавший за ней отец шел с пустыми руками.

Зная своего отца, Джоуди не сомневалась, что он немедленно предложил Шарон поднести ее вещи. Рыцарские манеры не умерли в нем, несмотря на повсеместное распространение феминизма. Значит, Шарон сама настояла на том, что понесет вещи.

— Точно вовремя, — похвалила Джоуди.

— Старалась долго не задерживаться. — И, обернувшись к Джеку, спросила: — Не возражаете, если я брошу винтовку на заднее сиденье?

— Если мы запрем его в багажнике, то пользы от него точно никакой не будет.

К этому времени Джоуди уже вылезла из ма-

шины. Сделав шаг в сторону, она пропустила Шарон.

— Папа, мне не надо взять свой двадцать второй? На тот случай, если нам придется разлучиться или еще что?

— Разумеется. Сбегай и принеси. И прихвати запасную обойму.

Джоуди побежала в дом. В спальне выдвинула ящик ночного столика и вынула оттуда свой пистолет. Заряженный, даже с патроном в патроннике — он был в полной боевой готовности, только поставлен на предохранитель. Прежде чем сунуть его в боковой карман куртки, Джоуди проверила предохранитель, чтобы убедиться, что красной точки не видно. Порывшись в ящике, извлекла еще одну обойму. Она была полной, таким образом, в запасе у нее было шестнадцать выстрелов.

«Никогда нельзя быть в этом уверенным», — напомнила себе Джоуди, доставая полную коробку 22-мм патронов. На пути из комнаты она сунула коробку и магазин в другой карман куртки.

Обычно практически невесомая куртка бол-

талась теперь отвисшими карманами из стороны в сторону при каждом шаге. Пистолет и амуниция ударяли по бедрам, а куртка тянула вниз за плечи.

— Думаю, нам пора ехать, — произнес отец, лишь только она переступила порог гаража. — Ты не забыла выключить свет в своей комнате?

— Конечно, нет.

Прикрыв дверь в дом, он запер ее на ключ. Затем проводил дочь взглядом до машины и погасил свет в гараже.

В салоне горел свет, и, садясь в машину, Джоуди увидела завернутый в одеяло «моссберг». Зачехленная винтовка стояла в дальнем углу за водительским сиденьем. Улыбнувшись Шарон, она захлопнула дверь и опустилась на четвереньки на пол.

— Как тебе там сзади? — поинтересовалась Шарон.

— Пол по крайней мере чистый. Более-менее.

Под весом отца автомобиль качнулся. Хлопнула дверь, и тьма опустилась на ее убежище. Послышался металлический скрежет поднимаю-

щихся ворот, затем взревел мотор.

— Как себя чувствуешь, чемпионка? — промолвил отец.

— Я? — удивилась Джоуди.

— Да, а кто же еще.

— Все о'кей.

— Не поднимай головы, пока не скажу.

— Хорошо.

— Я пока не буду включать фар. — По тону голоса Джоуди поняла, что на этот раз он обращался к Шарон.

— Правильное решение, — согласилась та.

Машина дала задний ход, и, заваливаясь вперед, Джоуди натолкнулась плечом и бедром на передние сиденья. Вектор сил изменился, когда они съехали с подъездной аллеи на улицу и отец включил переднюю передачу. Теперь Джоуди отшвырнуло к заднему сиденью.

— Пока все хорошо, — заметила Шарон.

— Вероятно, их сейчас нет поблизости, — поддержал разговор отец. — Но надо быть готовым ко всему, потому что никогда нельзя знать наверняка.

— Там сзади, наверное, Симмонс.

— Твой партнер?

— Ага. Славный парень. Но он обещал посигналить нам фарами.

— Должно быть, очень забывчивый.

— Нет, вот, посигналил, — вздохнула Шарон с облегчением. — Теперь повисит у нас на хвосте, пока не убедится, что за нами никто не увязался. Может, нам все же лучше включить фары?

— Гм, да-да.

Послышались два тихих щелчка центрального переключателя, а вслед за ними очередь более звонких сигналов поворота. Машина стала притормаживать, и Джоуди качнуло вперед. На повороте слегка подбросило, затем снова прижало к подушке сиденья.

— Как дела, Джоуди? — осведомилась Шарон.

— Чувствовать себя мишенью еще хуже.

— Потерпи еще несколько минут, — вставил отец.

— Только, пожалуйста, полегче на поворотах.

— Сейчас будет прямой участок.

— Хвала Всевышнему.

Наконец Джоуди смогла подняться. За окном она узнала пандус Лорел-Каньон. Они выезжали на скоростную магистраль Вентура.

— Все идет замечательно, — произнесла Шарон.

Обернувшись, Джоуди посмотрела в заднее стекло. Въездной пандус позади был пуст, если не считать одной машины.

— Это Симмонс? — спросила Джоуди.

— Да, он.

Отец прибавил скорости и влился в поток машин,двигающихся на восток.

— А вот и он.

Необозначенная полицейская машина пошла на обгон и, поравнявшись с ними, сбавила скорость. Водитель вытянул руку в их сторону. Джоуди в первую минуту показалось, что он нацеливает на отца пистолет, и все оборвалось внутри. Но вместо пистолета увидела поднятый кверху большой палец.

Отец показал ему свой, а Шарон подалась слегка вперед и помахала рукой. Затем машина

Симмонса рванулась вперед и потерялась вдали.

Неожиданно прорвало радио, но, прежде чем Джоуди успела угадать мелодию, звуки стихли.

— Любимая станция Джоуди, — кивнул отец, — «Ка-Кафония».

— Очень смешно, папа.

— Посмотрим, можно ли словить какую-нибудь песенку о ковбоях.

— Вам такие нравятся? — удивилась Шарон.

— Я думал, вам нравятся.

— С чего вы взяли?

— Сержантские лычки дуракам не нашивают, мэм. Шарон рассыпалась мелким смешком.

— А вы сами любите кантри?

— Считайте, что я всеядный.

— Тогда не буду возражать, — произнесла она, — если вы вернете «Ка-Кафонию».

— Нет, не надо, — вмешалась Джоуди, — я не настаиваю. Мне почти все нравится, кроме Вилли Нелсона.

— Тебе не нравится Вилли Нелсон?

— Это из-за его повязки, — улыбнулась девочка.

— Когда Джоуди было восемь, — начал отец, — ее стошнило в машине под песню «Я всегда думаю о тебе». С тех пор, всякий раз когда ей дурно, она вспоминает о нем, и наоборот. Это подлинная причина, по которой она его не выносит.

— Очень красиво, папа, рассказывать всем о том, как я меня вырвало.

— Я сама такая, — призналась Шарон. — Всякий раз, когда вижу покойника, отдаю весь ужин.

— Неужели всегда? — удивился отец.

— Нет, только когда на службе. На похоронах со мной обычно такого не бывает.

— Вашим партнерам, должно быть, очень нравится.

— Если не попадаю на них, они, как правило, относятся к этому спокойно.

Последняя фраза вызвала у отца гомерический хохот.

— Их это даже забавляет.

— А почему, наверное, из-за аромата, да?

— Боже, папа!

— Нет, со мной это случается, даже когда я

не слышу запаха.

— Наверное, достаточно представить, как они пахнут? — предположил отец.

— Да, может, и так, я никогда не задумывалась.

— О, Боже, — тяжело вздохнула Джоуди.

— Что? — спохватился отец, а Шарон обернулась.

— Я только что вспомнила. Прошлой ночью у Ивлин вокруг стоял запах дохлятины. Папа, помнишь крысу, которая сдохла за стеной? Такой же запах. Убийцы так пахли, во всяком случае, двое из них. У того жирного, который проткнул Ивлин, был именно такой запах, и еще у того маленького, который вошел в комнату Энди.

Даже в темноте Джоуди могла разглядеть гримасу отвращения на лице Шарон.

— Если ты не ошиблась насчет их штанов, то запах мог исходить от них.

— Не думаю. На вид они не были... гниющими.

— Гниющие штаны? — переспросила Шарон.

— Просто не верится, — удивился отец. — Уж

не хочешь ли ты сказать, что на нашем участке до сих пор не знают всех подробностей?

— Меня ввели в курс дела относительно убийств прошлой ночи, но...

— А вам известно, что Джоуди убила одного из тех выроdkов?

— Конечно.

— Так вот, по рассказам Джоуди и Энди, тот парень был в штанах из человеческой кожи, снятой с ягодиц и ног.

— Какая мерзость!

— Но они выглядели вполне нормально, — воскликнула Джоуди — То есть не в обычном смысле нормально, — поправилась она — Но вначале мы решили, что на нем вообще ничего не было, и только потом заметили. Во всяком случае, на вид кожа была самой обычной, и цвет нам не показался странным. Возможно, дело в каком-нибудь противогнилостном составе, но она не была коричневой, какой бывает выделанная кожа. И уж наверняка не было никаких признаков порчи. Я хочу сказать, не видно было ни слизи, ни зелени, ни плесени или...

Шарон повернула голову, прикрывая рукой рот. Внутри у нее сдавленно заклокотало, и она поспешно начала опускать окно. Едва то достаточно приоткрылось, как она сорвала с себя бейсболку и высунула голову наружу, подставляя ветру короткие волосы.

— Ой, извини. Я, похоже, переборщила, — пробормотала Джоуди, кладя руку ей на спину.

— Ничего, — с усилием переводя дыхание, проговорила та и, скосившись на Джека, добавила: — Мне просто захотелось глотнуть свежего воздуха. Уже все прошло.

Отец смерил ее взглядом.

— Давно в полиции?

— Шесть лет.

— И до сих пор такой слабый желудок?

— Как видишь, — огрызнулась она.

— Так можно полжизни проблевать.

— Папа, перестань. Ее ведь не вырвало.

— Правильно, меня не вырвало.

— И кто бы еще говорил. Помнишь, как ты заметил плесень на бутерброде, который уже наполовину съел и?..

— Ладно, ладно, — оборвал он дочь. — Никому это не интересно.

— Пусть тот, кого никогда не тошнит, первым вы. . .

— Прекрати сию же минуту, Джоуди.

— Вернемся к сути дела, — вмешалась Шарон, — значит, некоторые из взломщиков, проникших в дом Кларков прошлой ночью, воняли, какдохлые крысы, правильно я поняла?

— Совершенно верно, — подтвердила Джоуди. — И я убеждена, что запах исходил не от кожаных штанов. Потому что я даже не могу сказать, в чем был одет толстяк. Какой-то он весь косматый, словно в лохмотьях, но вонь такая же, как и от коротышки.

— Значит, ты считаешь, что дело не в одежде? — подытожила Шарон.

— Вот именно.

— Тогда чем мог быть вызван запах? — не сдавалась та, словно хотела доказать свою способность контролировать свои эмоции, несмотря на столь мерзкую тему.

— Не знаю, что и подумать. Ну разве что это

были зомби.

— Никакие это не зомби, — ввернул отец.

— Знаю, — обиженно фыркнула Джоуди. — Тогда почему у них такой запах?

— Узнаем, когда возьмем одного из них, — буркнул отец, и несколько секунд они ехали в полной тишине. — Сегодня в доме Цоллеров я ничего подобного не ощутил. Все как обычно. Ничего, что бы навело на воспоминания о разлагающемся трупе.

— Стрелок должен был быть одним из них, — задумчиво произнесла Шарон.

— Может, я просто ничего не уловил или запах успел улетучиться. Или вонь, на которую обратили внимание дети, появилась чисто случайно и, в общем, для них не характерна. Не исключено, что перед визитом к Кларкам они каким-то образом избавлялись от начавшего портиться трупа.

— Или они от него не избавились, — вставила Шарон, — и он был с ними. Может, специально его оставили.

— Зачем это им мог понадобиться труп?

— В качестве талисмана, например, — пред-

положила Шарон.

Отец рассмеялся.

— В полиции, наверное, все такие психи! — воскликнула Джоуди.

— Это сущая правда, — глухим голосом протянул отец.

— Эй, — подхватила Шарон, — а ты знал Психа Филана?

— Ты шутишь? Какой же он псих? Нет, он бы обиделся. Он был невменяемым. Ты слыхала о тех временах?..

И началось.

Бойцы вспоминали минувшие дни...

Джоуди заворуженно слушала легенды о Психе Филане, затем всякую всячину о неудачных арестах, об изумительных тупицах, о случаях чудесного спасения от неминуемой смерти, о шутках, объектами которых становились коллеги-полицейские, о встречах с разными чудаками, о необычных смертях, которые были ужасны, но вместе с тем и вызывали улыбку.

Но, чтобы хорошо все слышать, Джоуди пришлось сдвинуться на самый краешек сиденья,

сильно податься вперед и повиснуть на вытянутых руках, закинутых на передние сиденья. Так ей удавалось окунуть голову в самую гущу событий и не пропустить ни одного слова столь интересной беседы. Вскоре, однако, появилась боль в мышцах рук и стали неметь спина и затылок. Казалось, стали оживать и давать о себе знать все старые болячки: порезы, ссадины, царапины и синяки.

Наконец Джоуди не выдержала. Со стоном она отвалилась назад и удобно развалилась на сиденье. Потом захотелось прилечь.

— Па, ничего, если я положу автомат на пол?

— Конечно, только не стреляй из него.

— Одного раза мне хватило, — призналась она, доставая «моссберг» из-под одеяла и осторожно укладывая его на полу.

— Моя винтовка не мешает? — поинтересовалась Шарон, оборачиваясь.

— Нет, все нормально. Но это придется выложить. — Она сунула руки в карманы куртки и достала из одного пистолет, а из другого запасную обойму и пачку патронов.

Когда она раскладывала все это на полу рядом с автоматом, Шарон неожиданно спросила:

— Тебе нравится оружие?

— Как сказать.

— Она обожает свой маленький «смит-энд-вес-сон», — подмигнул отец.

— Что ты такое говоришь, па. Это всего лишь вещь. — Обращаясь к Шарон, она добавила: — Хотя я действительно получаю большое удовольствие от стрельбы из него. Я вообще люблю стрелять, но только не из таких огромных пушек. Бывает больно — а это мне не нравится.

— Да, понимаю, о чем ты, — улыбнулась та, — у меня дома «винчестер-магнум» модели «паркер-хэйл», 300-мм. И после каждого выстрела из него на плече остается безобразный синяк.

— Тогда зачем ты к нему вообще прикасаешься?

— Нравится.

— Ощущение силы, — вставил отец.

— Вот именно.

— Я сразу понял — в тебе есть что-то привлекательное, — добавил он.

Шарон залилась смехом.

— Я рада, что хоть что-нибудь.

— Может, и еще что-нибудь.

— О Боже.

— Нельзя ли потише, — вяло произнесла Джоуди и неожиданно для себя зевнула.

— Кто-то, кажется, засыпает, — нараспев протянула Шарон.

— Да, я немного полежу. — Поджав колени, Джоуди улеглась на сиденье. Просунув ноги под прислоненное к спинке ружье, она уперла их в дверцу.

— Удобно? — поинтересовалась Шарон.

— Ага.

Отец повернул голову.

— Па! Следи лучше за дорогой.

— О'кей, спи спокойно, милая.

Из-за сиденья показалась рука Шарон и изящно взмахнула в воздухе, сделав несколько легких поглаживающих движений сомкнутой кистью. словно ей желала спокойной ночи или махала на прощание маленькая робкая девочка.

Глава 25

Открыв глаза и обнаружив себя на заднем сиденье автомобиля, Джоуди не сразу сообразила, куда они едут, но затем вспомнила об исчезновении Энди и, несмотря на слабость, поднялась.

Вел машину отец. Шарон сидела рядом и смотрела в окно. По радио тихо звучала песня «Танец» в исполнении Гарта Брукса.

Шоссе было почти пустым, а вокруг простирались огромные пустыри, изредка перемежаемые одиночными строениями. Определенно это уже были не пригороды, но еще и не пустыня.

— Где мы?

— Подъезжаем к Кабазону, — ответил отец.

— Правда?

— Ты прилично покемарила.

— Мы как раз обсуждали, будить тебя или нет. Ты ведь не хотела бы пропустить динозавров, — вставила Шарон.

Она была права: проспять такое было просто непростительно.

— Они превосходны, — согласилась Джоуди.

— Вы возле них когда-нибудь останавливались?

— Ага, пару раз. Даже заходили в одного из них.

— А что, в них можно зайти? — изумилась Шарон.

— Да, я, правда, не знаю, как сейчас. Их закрыли, папа?

— Думаю, что да. Если не ошибаюсь, были случаи вандализма.

— Но мы туда заходили один раз, пять или шесть лет назад. В желудке апатозавра была небольшая сувенирная лавка. Там можно было купить раскраски с динозаврами, камешки и всякую всячину. Скорее похоже на свалку, и владелец был каким-то чудным.

— А по мне, это очень мило, — заметила Ша-

рон.

— Ага, так оно и было. Знаешь, какие чувства охватывают тебя, когда ты находишься глубоко внутри гигантского чудовища?

— Вон они, — прервал их отец.

Слева, недалеко от противоположной стороны шоссе, возвышались два огромных бетонных чудовища, ярко подсвеченных мощными прожекторами. Вид у них был такой, словно они забрели из пустыни и остановились в изумлении перед неизвестно откуда взявшейся стрелой магистрали. Горбатый и длинношей апатозавр выглядел кротким и смущенным. Казалось, он вот-вот развернется и засеменит назад в прерию. У тиранозавра с разинутой пастью и огромными зубами, напротив, вид был крайне свирепый — похоже, он готов был броситься на шоссе и крушить громадные трейлеры.

— Жуть, — пробормотала Шарон. — Вспоминаю, какое странное было у меня ощущение, когда я впервые их увидела. Просто не могла поверить своим глазам.

— Такое впечатление, словно они здесь хозя-

ева, — заметил отец.

— Да, — согласилась Джоуди, — но и одновременно будто они занесены откуда-то. Словно никак не могут понять, как здесь оказались. — Она повернула голову и проводила взглядом исчезающих вдали чудовищ.

«Энди тоже проезжал здесь в машине со своим дядей, — подумала она. — Заметил ли он динозавров? Конечно, как он мог пропустить такое. Он же мальчишка и наверняка бредит динозаврами и подобной чепухой. А может, к двенадцати они все это перерастают».

Джоуди попыталась вспомнить, были ли в его спальне прошлой ночью макеты динозавров. А может, картинки или книги.

Но, вспоминая спальню Энди, она видела перед глазами только медленно открывающуюся дверь и крадущуюся тень, чувствовала тяжело опускающуюся битую, видела ужасный пролом в черепе распластавшегося на полу мужчины в штанах из человеческой кожи, фонтан рвоты, извергаемый Энди с кровати.

«Боже, Энди, где ты?»

Всего несколько часов назад он был здесь. Как раз там, где мы сейчас, подумала она. Только, быть может, на другой полосе.

"Если только Вилли не придумал всю историю. Но это невозможно. Пусть он и выродок, но не убийца.

Все же несомненно одно, — подумала она, — Энди не мог его вынести и воспользовался первой же возможностью, чтобы сбежать.

Если только до него не добрались убийцы. Ехали за их машиной, пока она не остановилась, потом пошли за Энди в туалет. . . "

Но это было маловероятно. Зачем им было тратить время и преодолевать сто пятьдесят миль, затем ждать, пока те заедут на заправку, и похищать Энди из туалета? Было бы просто смешно.

"Это еще не значит, что так не могло быть.

Но так не было, — убеждала себя Джоуди. — Просто Энди увидел шанс кинуть дядюшку Вилли и не упустил его".

— Сколько еще до Индио? — произнесла она вслух.

— Миль тридцать пять — сорок, — ответил отец. — Где-то через полчаса будем на месте.

— Как все же хотелось бы надеяться, что с Энди все в порядке.

— Возможно, он уже объявился, — промолвила Шарон, оглянувшись через плечо.

— Боюсь, что его не найдут, если он сам этого не захочет.

— Я бы не делал столь категоричных заявлений, — возмутился отец.

— Он хитер не по годам, — заметила Джоуди, вспоминая, как он обманул и увел в сторону преследователей, пока она уговаривала старушку открыть дверь.

"Бедняжка, ее убили, потому что она нас впустила в дом. Если бы мы не появились у ее дверей... "

— Ну, — начал отец, — если Энди хочет вернуться в Лос-Анджелес, ему рано или поздно придется выйти из укрытия. А если ему удастся остановить попутную машину, его почти наверняка засечет дорожный патруль или местная полиция. Далеко он не уедет.

— А что будет, если его все же найдут? Ему придется жить со своим долбаным дядей?

— Не знаю, милая. Судя по всему, его долбаный дядя не особенно по нему скучает. Хотя кто его знает.

Возможно, поразмыслив над тем, как отнесется к этому его жена, он запоем совсем по-другому.

— Все же надеюсь, что он откажется от Энди.

— Ладно, давай не будем загадывать. Подумаем лучше о том, как его найти, о'кей?

— Как ты думаешь, где его искать? — подключилась Шарон. — После всего, что вам довелось пережить, у тебя должно было сложиться неплохое представление о том, как он ведет себя в экстремальных ситуациях.

— Да, конечно. Дайте подумать.

Джоуди устроилась поудобнее на сиденье, сложила руки на коленях и уставилась вперед. Сейчас она представляла себя на месте Энди. Вот Вилсон Сполдинг заруливает на заправочную станцию. Вот он выходит из машины. Она ждет, пока он всунет пистолет в горловину бака.

Затем она открывает дверь и говорит: «Я хочу в туалет, ладно?» Он отвечает что-нибудь вроде: «Ступай, только поскорее». Тогда она быстро идет в сторону туалета.

Вилли, кажется, сказал, что туалет был сбоку от заправки. Или за ней? Как бы там ни было, она идет к нему. Но не заходит внутрь. Убедившись, что никто за ней не наблюдает, она дает стрекача.

Смотря что там вокруг.

Можно было бы, отбежав от заправки, перебежать через дорогу, упасть и спрятаться в канаве или укрыться за чем-нибудь. Или пробежать еще несколько кварталов.

Или на заправке мог остановиться грузовик или что-нибудь в этом роде. Тогда можно было бы незаметно влезть в кузов и спрятаться там. И затем уехать на нем.

Это был бы лучший вариант. Особенно если бы он еще и ехал в нужном направлении. Хотя как можно было определить, куда он направляется? Когда забираешься в первый встречный грузовик, никогда не знаешь, куда тебя могут завезти.

— Он, должно быть, просто убежал, сам не зная куда, — поделилась своими соображениями Джоуди. — Не думаю, чтобы он был настолько глуп, чтобы влезать в какой-нибудь грузовик, не зная, куда тот едет.

— А мог он попросить кого-нибудь подвезти его? — допытывалась Шарон.

— Вряд ли. Во всяком случае, не на заправке. Он ведь еще ребенок. Его наверняка начали бы расспрашивать, почему он один, без взрослых, так что он бы испугался, что его передадут дяде.

— А как насчет того, чтобы попытаться остановить машину где-нибудь в стороне от заправки?

«Сделал бы он такое? — спросила себя Джоуди. — А я?»

— Думаю, это зависит от многих обстоятельств, — начала она. — Раньше, готова поручиться, он этого бы никогда не сделал. Я убеждена, что Ивлин никогда в жизни не стала бы голодовать на дороге. Мы часто говорили с ней на эту тему, и, по ее мнению, человек, набивающийся в попутчики, просто идиот, который сам просит,

чтобы его изнасиловали и убили. Это ей, надо полагать, внушили родители. А это означает, что и с Энди велись подобные беседы, поэтому трудно предположить, что он решился бы останавливать на шоссе машины. Но, с другой стороны... Вся семья мертва, а его занесло неизвестно куда, и ему надо сбежать от своего ненормального дяди. Так что, мне кажется, он может рискнуть. И ему, быть может, даже наплевать на то, насколько это опасно, понимаешь?

— Да, — добавил отец, — если предположить, что он не собирается навсегда остаться жить в Индию, то ему остается либо ловить попутку, либо идти пешком.

— Если бы он пошел пешком, — заметила Шарон, — его бы наверняка уже подобрали полицейские.

— Боже, сделай, чтобы это было так, — пробормотала Джоуди.

— А ты случайно не знаешь, сколько у него с собой денег? — спросила Шарон.

— У него?

— Да.

— Нет, не знаю. Наверное, совсем нет.

— Двадцатка, — отозвался отец.

— Откуда? — изумилась Джоуди.

— Я сам ему сунул. Мне показалось, что нехорошо отпускать парня без цента в кармане.

— Значит, у него есть средства, чтобы оплатить дорогу, — заключила Шарон.

— Боюсь, что так. Хотя за двадцатку в такси он далеко не уедет. Да и любой полицейский с крупицей здравого смысла первым делом проверит автобусную станцию. Если она там, конечно, есть. И если там ходят рейсовые автобусы. Впрочем, было бы хорошо, если бы он сел на автобус. По крайней мере, там бы он находился в достаточной безопасности.

— Но откуда ему знать, где автостанция? — заметила Джоуди. — Только спросить у кого-нибудь. Не думаю, чтобы он решился расспрашивать прохожих — ведь он опасается, что его поймают.

— С помощью двадцатки, — подключилась Шарон, — он мог бы уговорить кого-нибудь подвезти его.

— Но это ничем бы не отличалось от автостопа, — возразил отец.

— Все же есть небольшая разница, — не согласилась Джоуди, — я вполне могу допустить такое. Хотя в данном случае опасность ненамного меньше, но это не то же самое. Одно дело, когда ты просишь, совсем другое — когда у тебя есть чем заплатить, понимаешь? Конечно, на заправке он не рискнул бы этого сделать. Поэтому, мне кажется, он попытается уйти оттуда подальше. — Наступило молчание. И вдруг Джоуди пришла в голову неожиданная мысль. — А что, если его кто-то действительно подвез? Тогда сейчас он может быть уже в Лос-Анджелесе.

— Это возможно, — признал отец.

— Боже!

— А куда он пойдет в Лос-Анджелесе? — с тревогой в голосе произнесла Шарон.

— К нам.

— Ты уверена?

— На все сто процентов. Он совсем не хотел от нас уезжать. — Джоуди застонала от мысли, что Энди мог вернуться в пустой дом. Что он

будет делать? — Я начинаю жалеть о том, что мы уехали, — с досадой произнесла она.

— Но дома ты не находила бы себе места, — возразил отец. — Так мы, по крайней мере, хоть что-то делаем.

— Я знаю, но... за домом еще ведется наблюдение? Отец покачал головой.

— Сомневаюсь. Брайан был решительно настроен на то, чтобы дать своим людям передышку.

— Но ведь Энди ни за что не догадается, где мы.

— С ним все будет в порядке, — сказала Шарон. — Если ему удастся добраться к вашему дому среди ночи, то наверняка найдет способ забраться внутрь. А там он где-нибудь устроится и спокойно проведет остаток ночи.

— Как знать. Остается только надеяться.

Глава 26

Джоуди проснулась. Ей что-то слышалось.

Но, хотя она широко раскрыла глаза, тьма была кромешная.

Какое-то мгновение она думала, что снова в спальне Ивлин. Но спального мешка не было, и она лежала не на полу, а на настоящей кровати.

Затем вспомнила, что случилось у Ивлин.

Вспомнив все, она наконец поняла, где находится.

"Индио. Это мотель, как там его, ах да, «Приют странников». Как раз напротив заправочной станции «Тексако».

Но что ее разбудило?

Джоуди лежала на спине, уставившись в темный потолок, и напряженно вслушивалась в ти-

шину. Кроме шумного урчания кондиционера, ни звука. Обычно отец храпел, что всегда бесило ее, когда они останавливались в мотелях, но сегодня спал тихо.

Хоть за это спасибо, подумала она.

Но не померещилось же ей. И звук был достаточно громкий, иначе бы она не проснулась.

Может, хлопнула дверь, или кто-то крикнул, или...

Вероятно, какой-то пустяк.

«Прошлой ночью Ивлин услышала звук бьющегося стекла, а я пыталась ее убедить, что это пустяк».

Простыня, которой она укрывалась, неожиданно показалась ей тяжелой и душной, и Джоуди раскрылась. Стало легче. Еще лучше без ночной сорочки, но она не могла ее снять, потому что их с отцом поселили в одном номере. Что ж, по крайней мере, теперь хоть рукам и ногам прохладнее.

"Но то, что я слышала, наверняка не было звуком разбивающегося стекла.

Здесь мы в безопасности. За нами всю дорогу

не было ни одной машины, и никто не знает, где мы".

Джоуди завела руки за голову. Короткие волосы были влажными от пота. Она закрыла глаза.

И тут же резко вздрогнула от стука в дверь. Три отрывистых негромких удара.

«Может, не к нам. Но это наша дверь».

— Па! — задыхаясь от волнения, произнесла она. — Па! Кто-то за дверью!

Тишина.

Джоуди спустила ноги с кровати и, не обращая внимания на боль, поплелась в темноте к кровати отца.

«Может, это Шарон? — подумала она. — А что, если нет?»

Склонившись над кроватью, она протянула руку, но нащупала только откинутое одеяло и смятую простыню.

Ушел?

Пошатываясь, Джоуди приблизилась к стене и стала шарить по ней в поисках ночника. Наконец пальцы наткнулись на прохладный металли-

ческий отражатель. Через секунду она нашла выключатель и нажала на кнопку. Внезапный свет отбросил темноту в сторону. Джоуди застонала и зажмурилась.

Кровать отца оказалась пуста, как она и предполагала.

«Может, в ванной?»

— Джоуди? — послышалось снаружи. Голос был такой тихий, что она едва расслышала.

— Фух, папа, — с облегчением вздохнула она.

Ковыляя к двери, Джоуди представила себе, как он вышел и забыл прихватить с собой ключ.

Рассеянный.

Такого с ним почти никогда не случалось.

Джоуди невольно улыбнулась.

«Сейчас услышит все, что я о нем думаю».

— Хорошенькие дела, папа, — буркнула она, распахивая дверь настежь.

И тут же поняла, что совершила ошибку. Серьезную ошибку, как тогда, когда вышла во двор с тарелкой бифштексов, напрочь позабыв о предупреждении отца.

Следовало убедиться, что это он, прежде чем

открывать дверь.

«Подобная ошибка когда-нибудь будет стоить мне жизни», — подумала она.

На этот раз, слава Богу, все обошлось.

Нет, за дверью стоял не ее отец, но и не убийца.

— Энди!

Широко открыв рот от изумления, Джоуди подалась вперед и, схватив мальчика за обе руки, быстро затащила его в комнату. Затем высунулась из дверей еще раз и оглянулась по сторонам. Длинная терраса мотеля была пуста.

— Меня никто не видел, — выпалил Энди, — я был предельно осторожен.

Закрыв дверь и замкнув ее на ключ, Джоуди повернулась лицом к радостно улыбавшемуся мальчишке.

— Ах ты негодник! — воскликнула она.

— Я?

Но Джоуди уже душила его в объятиях.

Она прижала его к себе, к своему истерзанному бесчисленными порезами, царапинами и синяками телу с такой силой, что чуть не взвыла

от боли. «Должно быть, ему не лучше», — подумала она. Прошлая ночь оставила о себе болезненные воспоминания и на его теле.

"Вот и прекрасно, — подумала она. — Так ему и надо.

Но Энди не возражал. Уткнувшись лицом в ее шею, он медленно водил руками по ее спине, впрочем, не позволяя себе лишнего — его руки ни разу не опустились ниже пояса.

— Маленький ты мерзавец, — шептала Джоуди.

— Ты разве не рада меня видеть?

— Мне следовало бы... — она чуть не сказала «убить тебя», но вовремя спохватилась. — Тебя ожидают крупные неприятности.

— Ну и что?

Разомкнув объятия, Джоуди отстранила мальчишку. Его покрасневшее лицо было перепачкано грязью. Из-под расстегнутой и выпущенной красной рубашки, которой она в свое время его надела, выглядывали лоснящиеся от пота грудь и живот. Открывшиеся из-за потери нескольких повязок раны еще не затянулись, хо-

тя и не кровоточили.

Синие джинсовые шорты повисли на бедрах настолько низко, что обнажили бледную, не тронутую загаром кожу, и Джоуди покраснела, неожиданно вспомнив, что под ними не было нижнего белья.

Правое колено все еще было перевязано фиксирующей повязкой, ее носки и кроссовки тоже были на месте, хотя новенькие шнурки перепачкались так же, как и туфли.

— Ну и вид у тебя, — фыркнула Джоуди.

— Надо было думать об этом раньше, до того, как ты бросилась мне на шею.

Джоуди невольно опустила взгляд. Прежде безукоризненно чистая белая ночная сорочка теперь вся покрылась пятнами.

— Не беда, — проговорила она. — Главное сейчас — решить, что нам делать, прежде чем вернется отец. Ума не приложу, где он...

— Зашел в 238-й номер.

— Что? — воскликнула Джоуди. Ведь это же комната Шарон, мелькнуло у нее в голове.

— За несколько минут до того, как я постучал.

Да, нелегко же тебя разбудить.

— Он пошел в номер Шарон?

Энди пожал плечами.

— Не знаю, Шарон или не Шарон. Такая крупная девица. А когда я говорю крупная, то это действительно крупная. При теле, понимаешь?

— Прекрати!

— Стрижка у нее даже короче, чем у тебя. Как у парня. Но девчонка ух — то, что надо!

— Это Шарон. Остановилась в номере 238. Она — коп и приехала вместе с нами. Приятная девушка. Так ты говоришь, папа зашел к ней в номер?

— Ага, именно так я и сказал.

— И она его впустила?

— Конечно.

— И было похоже, что ждала его?

— Почему я знаю?

— А в чем она была?

— Вроде в халате. Таком синем с переливами и очень коротеньком.

— Боже!

Уголок верхней губы мальчика искривился.

— Это хорошо или плохо?

— Хорошо, — ответила Джоуди. — Даже прекрасно, по-моему.

— Ты думаешь, он пошел туда, чтобы ее «джиги-джиги»?

— Фу, Энди! — И Джоуди толкнула его в плечо.

— Похоже, он ее как раз сейчас и «джиги-джиги», — рассмеялся мальчишка.

Джоуди попыталась сдержать смех, но у нее ничего не получилось.

— У тебя одни гадости на уме. Прекрати немедленно, иначе я вышвырну тебя отсюда. Как я позабыла, каким ты бываешь несносным.

— Скучала небось?

— Мы подумали, что тебя могли похитить или даже убить. Как ты мог так поступить?

— Ненавижу этого родственничка. Есть что-нибудь попить?

— Только вода.

— Сойдет, — согласился он, и не успела Джоуди опомниться, как он уже был впереди. Шел он слегка прихрамывая, хотя и не очень. Очевидно,

за время их разлуки колено начало выздоравливать.

Джоуди поплелась за ним вокруг торцов кроватей к длинному умывальнику, расположенному возле ванной комнаты. Энди щелкнул выключателем, и над стойкой вспыхнул яркий неоновый свет.

В зеркале Энди показался ей таким маленьким, юным, грязным и беззащитным. Словно уличный бродяжка из романов Диккенса. Сама она выглядела намного взрослее, и... то, что ночная рубашка была ей мала, не было для нее секретом. Но, когда перед этим она подходила к зеркалу, чтобы почистить зубы и умыться, на ней сверху был халат. Сейчас же его не было, и отражение в зеркале ужаснуло ее: ночнушка была до неприличия короткой и тесной — настолько короткой, что выглядывала наложенная Шарон повязка, и такой обтягивающей, что подчеркивала все изгибы и неровности ее тела. Под натянутой материей просвечивали даже темные пятачки сосков.

«Чудесно, — пожурила она себя, заливаясь

пунцовой краской. — Вот уж Энди насмотрелся».

Оставив мальчика у раковины, Джоуди поспешила к своей дорожной сумке. Схватив халат, скинутый перед сном и валявшийся на сумке, она накинула его и перевязалась поясом.

— Ты в нем запаришься, — бросил Энди.

— Спасибо, обойдусь без твоих советов, — буркнула она, влезая в мокасины.

— Стреляй!

Услышав это слово, Джоуди хотела было рассказать о снайпере, стрелявшем в нее и убившем двоих людей (и ребенка — еще не успевшую родиться малютку).

Но Энди захочет посмотреть на рану.

Нет, лучше она расскажет обо всем в другой раз, когда будет одета, подумала она, наблюдая, как мальчик вновь склонился над краном. Сложив руки лодочкой, он набирал в них воду и жадно выпивал ее.

Наконец он закрутил кран и вытер рот полотенцем.

— Поесть ничего не будет?

Джоуди покачала головой.

— Как же скоро ты проголодался. Мы ведь ели в одно и то же время.

— Когда ты в бегах, расходуется масса энергии.

— Ой, Энди. Ты поставил на ноги всю полицию.

— А то я не знаю.

— У тебя не иначе как все шарики из головы выкатились, — с упреком произнесла Джоуди, опускаясь на еще не остывшую кровать отца. — Как ты смог сбежать от своего дяди?

Лицо мальчика расплылось в глупой улыбке.

— Легче не бывает.

— То есть?

— Хочешь знать, как я это сделал? — спросил он, усаживаясь на другом краю.

— А я знаю как. Притворился, что хочешь отлить, а когда подошел к очку, сделал ноги.

— Да? И куда же я их сделал?

— Не знаю, но...

— Не знаешь, потому что я никуда и не убегал. — Наклонившись вперед, он уперся локтями в колени и лукаво улыбнулся. — Я влез.

— Что?

— Влез на крышу заправочной станции.

— Шутишь?

— Понимаешь, сначала я действительно хотел убежать. Забежать куда-нибудь и спрятаться, лишь бы подальше с глаз этого гуся, а затем придумать что-нибудь, чтобы вернуться в Лос-Анджелес после того, как он перестанет меня искать. Ну, остановить попутку или купить билет на автобус. Но тут я увидел эту распахнутую дверь туалета, которая, казалось, сама просила, чтобы на нее взобрались.

— И ты влез на дверь?

— Конечно. Надо было только ухватиться за край и поставить колени на ручки. Потом стать на эти ручки и закинуть руки наверх и подтянуться на руках, помогая себе ногами. Ну и когда ты уже на двери, взобраться на крышу проще простого.

Джоуди изумленно покачала головой.

— И все это время ты находился на крыше?

— Ну да.

— И никто тебя не заметил?

— Понимаешь, на крыше что-то вроде парашута фута в два высотой. И если лечь и не высываться, с земли ничего не видно.

— Ух ты.

— Но я чуть в штаны не наложил, когда понаехало столько копов. Черт, никогда бы не подумал, что этот жучара Вилли вызовет полицию.

— Если быть точным, он этого и не делал, — пояснила Джоуди. — Он позвонил отцу, но папы не оказалось дома, и с ним говорила я. А потом передала трубку Шарон. Вилли хотел просто уехать, но...

— Я как раз на это и рассчитывал. Думал, он будет только рад, что отделался от меня, и повалит домой в темпе вальса.

— Так он наверняка и хотел сделать, — подтвердила Джоуди, — но Шарон заставила его остаться. Затем она подключила к делу местную полицию. Тебя искали все: полиция Индио, дорожная полиция, Вилли, мы...

— Знаю, знаю. Но никому и в голову не пришло заглянуть на крышу. Даже тебе.

— А ты меня видел?

— Конечно. Получилось так, что я услышал, как твой отец беседовал с Вилльчонком. Это уже после того, как я провел на крыше целую вечность — несколько часов. Разобрать слов, конечно, было невозможно, но у твоего отца очень своеобразный голос, и я его сразу узнал. Так что я выглянул и увидел вас обоих. Ты стояла прямо подо мной. Просто глазам не поверил.

— Почему же ты сразу не спустился, умник?

— Ага, как же. Чтобы Вилли увез меня с собой?

— Он уехал, как только мы сюда приехали.

— Правда?

— А ты что, не видел?

— Нет! А вдруг кто-нибудь поднял бы голову и увидел меня? Поэтому я только изредка выглядывал, да и то только краешком глаза. Даже не заметил этой женщины... как ее? Шарон?

— Но она все время была с нами.

— Не может быть.

— Ну, может, и отходила ненадолго. Ходила проверять туалет и вокруг.

— Нет, до того момента, как твой отец вошел

к ней в номер, я ее не видел.

— Ну и что, ты проследил, как мы поехали в мотель?

— Да, услышал, как завелась машина, и подумал, что это ваша. Так что пришлось рискнуть и выглянуть. Когда увидел, как вы отъезжаете, я решил, что все получилось, понимаешь? Потому что Вилли к тому времени уже смотался — его машины нигде не было. И все копы исчезли. Я чуть было не спрыгнул вниз и не бросился за вами вдогонку.

— Хорошо, что ты этого не сделал, а то мог бы покалечиться.

— Ага, с меня хватило и вчерашнего прыжка. Так вот, я не сводил глаз с вашей машины и увидел, куда поехали. Чуть не подпрыгнул от радости, когда вы подъехали к мотелю через дорогу. Для меня это было как чудо.

— Мы сделали так нарочно, на тот случай, если ты прятался где-то поблизости и увидел нас. Но я и подумать не могла, что ты так объявишься. И ты все время был на этой крыше? Мать честная! Прямо у нас под носом.

— Над носом.

— Я им говорила, что тебя не найдут, пока ты сам этого не захочешь, — с улыбкой произнесла Джоуди.

Но, когда Энди устрашающе зашевелил бровями, улыбка сошла с ее лица.

— Думаю, нам лучше предупредить папу и Шарон о твоём появлении.

— У-у-у-у! — зловеще оскалился Энди.

— Надо идти.

— Это не может подождать?

— Не думаю. Твоими поисками занимается уйма людей, и несправедливо напрасно отвлекать их от более важных дел, — сурово промолвила Джоуди, поднимаясь с кровати. — Идем.

Лицо Энди исказилось до неузнаваемости. Он сидел не двигаясь.

— Идем же.

— Меня будут ругать.

— Нет, не бойся. Они за тебя. Иначе зачем им было переться сюда среди ночи.

— Может, рассчитывают на повышение после моего ареста.

— Дурак. Пойдем.

Энди покачал головой.

Схватив за руку, Джоуди стащила мальчика с кровати.

— Ладно, ладно, иду. — Прекратив сопротивляться, он покорно поплелся с ней к двери. — Не надо меня держать, я не собираюсь никуда идти.

— Нет, собираешься. В номер 238. — Джоуди открыла дверь, и они вышли на террасу.

— Твоему папе это не понравится. Ты же знаешь, чем он сейчас занят?

— Чем?

— Он «джиги-джиги» крошку Шарон.

— Может, да, а может, и нет.

Пройдя мимо нескольких соседних номеров, они подошли к двери с табличкой 238. Задвинутые шторы были темными, и, судя по всему, свет в комнате был потушен.

«О-го-го», — подумала Джоуди и остановилась у двери.

— Лучше не надо, — шепнул Энди, — потом пожалеешь.

Сердце девочки бешено заколотилось, и по

телу пробежала нервная дрожь.

Это действительно может поставить всех в довольно неловкое положение.

«А что нам остается делать, ждать, пока они закончат?»

Но прежде чем она успела стукнуть в дверь второй раз, та неожиданно распахнулась и комната вмиг заполнилась светом.

Перед ними стоял ухмыляющийся отец.

Замшевой рубашки на нем не было, зато он был в джинсах, футболке и ботинках, и даже при кобуре.

«Многовато для любовных игр».

— С возвращением, Энди! — воскликнул он. — Рад, что ты заглянул к нам. Заходи, пожалуйста, — добавил он, посторонившись.

Джоуди и Энди вошли в номер и прикрыли дверь.

Всего в нескольких дюймах от двери стояло кресло. Должно быть, он сидел на нем до их появления за небольшим круглым столиком плечом к зашторенному окну. Посреди столика стояла бутылка с ирландским виски и стакан с

небольшим количеством янтарной жидкости на дне. Второго стакана на столе не было — его держала в руке Шарон. Она сидела, откинувшись в кресле и закинув ногу за ногу. Слегка сбившийся в сторону халат полуобнажил грудь и большую часть бедра.

— Эндрю Кларк, надо полагать, — произнесла Шарон, поднимая стакан, словно собираясь произнести тост. Затем она моргнула и сделала небольшой глоток.

Энди залился краской.

— Офицер полиции Шарон Майлз, — представил ее отец.

— Рад познакомиться, мэм, — буркнул смущенный мальчишка. Папа вернулся на свое место и поднял стакан.

— Устраивайтесь поудобнее, — сказал он, жестом указывая на огромную двуспальную кровать, одна половина которой выглядела так, словно на ней спали.

На ней и примостился Энди. Джоуди села на другую.

— Ну, и чем вы здесь занимались? — спро-

сила она, после того как отец отпил виски. — Выпивали в темноте?

— Совершенно верно, — подтвердил тот.

— И с большим удовольствием, — добавила Шарон.

— И все?

Уголок губ отца полез вверх.

— Сработало, не так ли? Не провел я тут и пяти минут, как Энди предстал перед твоей дверью.

— Откуда вы знаете? — От изумления Энди даже забыл закрыть рот.

— Наблюдал, — ответил отец, похлопывая рукой по шторе.

— К тому же, — вставила Шарон, — весь мотель, должно быть, проснулся, пока ты будил Джоуди.

— Вот черт, — пробормотал мальчишка.

— Он думал, что вы здесь. . . любовь крутите.

— Именно так он и должен был подумать, — заметила Шарон.

— О, мамочка, — сокрушенно произнес Энди, — я вроде как попал в ловушку.

— Что-то вроде этого, — согласился отец.

— Да, так оно и было, — подтвердила Шарон.

— Вы все это время знали, где я прятался, или?..

— Конечно же, нет, — сознался отец, — но, оценив все возможности...

— В чем нам очень помогла Джоуди, — продолжила Шарон.

— Мы пришли к выводу, что ты, по всей вероятности, прячешься где-нибудь поблизости. А если это так, то мог бы оказаться достаточно близко, чтобы нас заметить. Поэтому мы и остановились здесь и я оставил Джоуди одну.

— И ты, приятель, как бабочка, прилетел на свет, — подытожила Шарон, ставя пустой стакан на стол.

— Ну, и что теперь? — скривился Энди.

— Кроме меня, еще кто-нибудь голоден? — неожиданно спросила Шарон. — Здесь внизу есть парочка торговых автоматов со всякой вкуснятиной.

— Прекрасная мысль, — согласился отец. Допив свой виски, он поднялся. — Пойдемте, дети,

сами выберете себе, что вам нравится.

— Пойдемте все вместе.

— Но ты же не одета, — заметил отец.

— Отнюдь, — возразила она, поднимаясь с кресла и поправляя халат. — Все совершенно в рамках приличий. Никто, кроме меня, не знает, что под халатом совсем ничего нет.

— Совсем никто, — рассмеялся отец. — Ладно, идемте.

Часть VI

С вами опять Саймон

Глава 27

Догадайтесь, где я.

Сдаются?

В гостях у Джоуди.

Проблема только в том, что ее нет.

Вчера вечером я повесил трубку с одним желанием — поскорее прилететь сюда и обнять свою крошку. С одной стороны, выкрутиться из возникшей ситуации можно было, только притавив девчонку Тому и ребятам. Дело даже не в Лизе — речь шла о собственной шкуре. Впрочем, особых причин для спешки пока не было — до десяти вечера можно было не волноваться. Единственное, что подталкивало, — это мое нетерпение: хотелось ощутить ее в своих руках и побыть с ней наедине. Потому что я безумно же-

лал ее, хотел попробовать ее и ощутить, какова она на вкус.

Надо же, какая забота — предостерег, что у девчонки охрана лучше президентской.

Но я еще тогда решил, что Том преувеличил. Хотя какие-то меры безопасности наверняка приняты. Копы на каждом шагу.

Проще говоря, лобовая атака отпадала сама собой, напротив, ситуация требовала осторожности и смекалки.

И еще нужен был парик. Хотя волосы Хиллари были пока со мной, надевать их уже стало противно, потому что скальп, как говорится, начинал «протухать». Так что, отъехав пару миль от мотеля, я свернул в переулок и выбросил их в мусорный ящик возле какой-то трущобы.

Там я и переехал Билла-машиниста.

Как в самом деле звали этого бомжа, мне до одного места. А назвал его Биллом-машинистом потому, что он катил впереди себя по аллее целый состав магазинных тележек. На глаза он попался через несколько минут после того, как, избавившись от волос Хиллари, я наслаждался спо-

койной ездой по безлюдному переулку.

Ночные переулки всегда манили меня своей необычностью. Многие из них даже ночью довольно хорошо освещены, хотя, конечно, встречаются и темные места. Как правило, с обеих сторон над ними нависают дома, и от этого они всегда казались мне загадочными городскими каньонами. И, кроме случайных бродяг, там обычно ни души.

Если вы еще не заметили, бродяг в Лос-Анджелесе — аж из ушей прет.

И главное, еще обижаются, когда называешь их бомжами. Они, видите ли, «бездомные». Гребаные вонючие козлы — вот они кто. Проходу от них нет — попрошайки. Ни шагу ступить, чтобы какой-нибудь не увязался за тобой, — как зомби из триллера «Ночь живых мертвецов».

От одного их вида обезумеешь.

Так что, когда я увидел впереди неторопливо ковыляющего за своими тележками Билла-машиниста, у меня мурашки побежали по телу. Длинные седые волосы торчали во все стороны, но по пиджаку и брюкам я причислил его к муж-

скому полу.

Должно быть, он услышал приближение машины, поскольку, хотя и не оглянулся, все же повернул свой состав ближе к обочине, вправо, чтобы пропустить меня. У него было четыре вагона, и все набитые доверху хламом. По уличным меркам, надо полагать, это целое состояние. Вдумайтесь, весь его скарб размещался на целых четырех тележках.

Еще я где-то слышал, что они котируются по сто двадцать баксов, так что у него было около пятисот долларов чужой собственности, и он был не просто бомжом, но и вором в придачу.

Уже этих двух причин было вполне достаточно, чтобы убить недоноска. Впрочем, я сделал это вовсе не поэтому. Главное — мне хотелось посмотреть, как это произойдет.

Сейчас он ковылял у самого тротуара и слегка наклонился вперед, налегая всем своим весом на тележки, которые громыхали и дребезжали. Я утопил педаль акселератора и, когда с ним поравнялся, резко вывернул руль. Удар бампера подсек его, и он плюхнулся на капот, боднув ногами свой

первый вагон.

Отчасти мне еще хотелось взглянуть, как далеко разлетятся тележки.

Да, видели бы вы весь этот цирк!

Они оказались сцепленными, поэтому сначала покатались по прямой и лишь через несколько десятков метров свернули влево и перевернулись, протащившись еще немного юзом. К моменту полной остановки скарбом Билла-машиниста была усеяна вся проезжая часть.

А сам Билл стал пассажиром моего «яга». Он распластался на капоте, свесив с него ноги. И он был не мертв. Ни чуточки. Поскуливая, Билл взмахивал руками, как бабочка крылышками, пытаясь приподняться.

Меня беспокоило то, что шум крушения разбудит жильцов и кто-то может выглянуть в окно, поэтому решил отъехать подальше. Так мы с ним проехали два квартала — он так же упорно отбивался руками от плацкарта, очевидно, привыкши путешествовать в общем вагоне сидя, что со стороны выглядело довольно забавно.

Свернув в другой переулок, я остановился.

Возле мусорного ящика стояла коробка со старыми газетами, и сверху лежал городской выпуск «Лос-Анджелес таймс», из которого я вынул несколько страниц, потому что мне не хотелось прикасаться к Биллу. Накрыв его с одной стороны бумагой, я скинул его с капота.

Порыв ветра подхватил и понес страницы по темной улице.

Сев в машину, я отъехал немного назад, чтобы хорошенько разогнаться. Затем резко тронулся с места и переехал Билла. Оба левых колеса проехали по его голове.

Словно перескочил через «лежачего полисмена». Причем довольно крупного.

Но пора было заняться делом.

Из того переулка я выехал прямо на бульвар Пико. Машин на нем почти не было. Все было закрыто, если не считать нескольких бистро, мелких хозяйственных магазинчиков, баров и заправок. Но меня интересовали только витрины.

Наконец на глаза мне попался магазин с названием «Нюансы», в витрине которого было полно женских манекенов. Хотя он был уже за-

крыт, куколки купались в свету, демонстрируя прохожим свое нижнее белье. Подкатив к тротуару, я погасил фары.

Мимо проезжали автомобили, так что пришлось посидеть немного, наслаждаясь зрелищем.

На некоторых манекенах были супермини-пеньюарчики, на других — только бюстгалтеры и трусики — все либо из атласного, либо прозрачного материала, либо ажурное и в обтяжку. Покрой был самый что ни на есть откровенный. Например, на одном манекене был практически ничего не прикрывавший бюстгалтер. На другом — черный пояс с резинками и чулки-сеточка — высший класс.

И все были в париках — блондинки, брюнетки и рыжие. И десяток различных причесок.

Время от времени даже на такой главной «тусовке» случаются просветы в движении. Такого я и ждал. К счастью, всего минут пять. Не то чтобы машин совсем не было, но ближайшая из них была за несколько кварталов.

Выскочив из «Ягуара», я подбежал к огром-

ной стеклянной витрине справа от входа и ударил по стеклу стволом «кольта». Вся чертова штука рухнула или, по крайней мере, почти вся. Грохот и звон битого стекла могли бы разбудить мертвого, не говоря уж о сигнализации.

Как только стекло перестало сыпаться, я влез, сорвал с голов четырех манекенов парики и сунул под мышку.

Потом прыгнул на тротуар и пошел к машине. Ближайший автомобиль был еще за два квартала. Лишь бы не патрульная машина.

Швырнув парики на пассажирское сиденье, сел за руль, положил «кольт» в сумочку и поехал.

В конце квартала повернул направо и попал в жилой район. Проехав мимо нескольких домов, остановился и стал наблюдать в зеркало за Пико. Проехало несколько машин, но ни одна из них не свернула, так что я включил фары и поехал дальше.

Кружась по закоулкам, я примерял парики. Похоже, все были одного размера и чуть-чуть маловаты для моей головы. Впрочем, думаю, луч-

ше слишком тесный, чем слишком свободный. Тем более что сидели они вполне нормально, хотя я и чувствовал себя в них чуточку дискомфортно.

Впрочем, все же не так неудобно, как в скальпе Хиллари. Начнем с того, что они были сухими, а не липкими и скользкими.

Мой выбор остановился на светлой масти. Волосы были густые и всклокоченные — в стиле этакой взбалмошной секс-бомбы.

Как раз для Голливуда.

А именно туда я и направлялся.

Был субботний вечер, так что главные улицы были наводнены машинами, а на тротуарах — столпотворение, и я решил проехаться разок по бульвару Голливуд, главным образом, чтобы сориентироваться.

Этого было достаточно чтобы вскружить голову, будь я девчонкой.

Я, если помните, был в красном кабриолете. И вот он я, курсирую по бульвару — в ослепительно белом парике и голубом легком платье, положив обнаженную руку на дверцу. Сколько свиста,

восхищенных возгласов и взглядов. Многие открыто пялились, очевидно принимая меня за известную кинозвезду или проститутку. Не желая никого разочаровывать, я махал в ответ рукой и посылал воздушные поцелуи.

Так что примите к сведению, как женщина — я метеор.

Но меня ждала работа, так что вскоре пришлось распрощаться с почтенной публикой и свернуть на боковую улицу с особняками, многоквартирными домами и редкими прохожими. Некоторые выходили из гостей к своим машинам, другие, похоже, просто вышли прогуляться. Попадались любители спортивной ходьбы и бега трусцой. А некоторые выгуливали собак.

Последние делятся на две категории. Есть такие, которые выгуливают самих себя, а собак берут для охраны. Другие якобы выводят собак глотнуть свежего воздуха и для моциона — но на самом деле стремятся лишь к тому, чтобы их собака отнесла свое дерьмо подальше от дома и вывалила его на чужой территории.

Собака — лучший друг человека.

Лай с одного конца — дерьмо с другого.

Мне нравится убивать любых собак.

И, если хотите знать правду, я делаю это довольно часто. Конечно, это совсем не то, что убивать людей, но собаки меня раздражают, да и неплохая практика.

Когда дома с наступлением темноты я вдруг услышу собачий лай, то облачаюсь в свой черный «ночной камуфляж» и выхожу на охоту. Иногда это бродячие собаки, но чаще хозяйские — за забором во дворе. Я их никогда не стреляю, а вот почти все другие способы уже перепробовал. Пускал в них стрелы, протыкал копьями, метал отравленные дротики и бумеранги. Некоторых забил насмерть бейсбольной битой или камнями. Других придушил. Иногда использовал топоры, широкие разделочные ножи, которыми пользуются мясники, мачете. Резал и обычными ножами. Многих забил ногами и затоптал.

Так что о собаках могу говорить часами.

У меня с ними сложились особые отношения.

Так вот, в тот вечер собак выгуливали предостаточно, так что вопрос заключался лишь в том,

чтобы выбрать подходящую. Мне хотелось что-нибудь вроде карликового пуделя. Таковую, понимаете, неженку. Дамскую собачонку.

Но самое лучшее, что попало, была маленькая белая мальтийка с розовым бантиком на макушке. Она семенила на поводке, останавливаясь под каждым деревом и кустом. Такая прелестная маленькая штучка. Но ей, конечно, было очень далеко до своих хозяев.

Те были подходящей парой — стройные, под сорок, со стрижкой под морских пехотинцев. Один усатый, другой нет. Оба в желтовато-коричневых шортах с подкаченными штанинами и в сандалиях. На одном была рубашка а-ля «рыбачья сеть», сквозь ячейки которой проглядывала волосатая грудь. Другой был без рубашки, зато в соске торчало кольцо.

Разумеется, всего этого я не мог видеть из машины. Сначала мое внимание привлекла только мальтийка, выгуливаемая парочкой педиков. Получше их разглядеть мне удалось лишь тогда, когда, заехав за угол, я вылез из машины и пошел им навстречу.

Поравнявшись с собакой, я присел на корточки и преградил ей дорогу.

Видно, я ей сразу понравился, потому что она завиляла хвостом и принялась лизать мне руки.

— О, какая милашка, — произнес я, обворожительно улыбаясь «мальчишкам». — А как ее зовут?

Ответил тот, который был в рубашке.

— Генри Уодсворт Лонгфеллоу Третий.

— А, привет, Генри, — воскликнул я, почесывая собаке подбородок.

Парочка с подозрительным видом разглядывала меня.

Взяв собачонку на руки, я прижал ее к груди и стал нежно гладить.

— Меня зовут Саймона, — представился я ребятам.

Окольцованный скрестил руки на груди, вздул мускулы и повел бровью.

— Не рановато ли для Хэллоуина, приятель?

— Тебе что больше нравится, сюрпризы или угощения? — спросил другой и улыбнулся своему дружку. — Как ты думаешь?

— Почти наверняка прямой.

— Прямой, да, видать, с изгибом. Даже приличным уклоном.

— Фараон? — предположил Сосок с кольцом.

— О, я был бы без ума. Обожаю копов. Не тот случай.

— Да, уверен, что ты прав. Глаза не такие. У легавых такой удивительный взгляд — циничный и вместе с тем довольный.

— Веселые вы ребята, — заметил я.

Сосок опустил руки, но мышцы остались напряженными.

— Поставь Генри на место, — угрожающе произнес он. — Нам надо идти.

— Мы не хотим неприятностей, — добавил Рыбацкая Сеть.

— И я тоже. Я вам заплачу за Генри, — предложил я. Прижимая одной рукой собачку к себе, я потянулся к сумочке.

— Он не продается.

— Вы мне его дарите? Ух ты, большое спасибо!

Окольцованный завел руку за спину, и через

мгновение в ней что-то блеснуло. Оказалось, откидной нож. Щелчок, и выскочило тонкое лезвие.

— В этом нет никакой необходимости, — сказал я, оглядываясь по сторонам. Мы были одни.

— Опусть Генри немедленно, — прошипел Сосок.

А я ему свой «кольт». Ткнул этак под ребро и спустил курок. Вы в только слышали этот звук! Как гром небесный.

Сосок — в отлет. Шмякнулся об асфальт спиной и пошел юзом. Его дружок в сетке успел только изобразить на лице крайнее удивление и выпустить из рук поводок Генри, прежде чем я всадил ему пулю в грудь. Он повалился рядом.

Они лежали, растянувшись на тротуаре, и у Рыбака перед смертью хватило сил взять своего милого дружка за руку. Как трогательно.

Сунув пистолет в сумочку, я наклонился за кольцом. Не то чтобы оно мне было особо нужно. Просто очень захотелось это сделать, понимаете? Просунув в него палец, я потянул. Вы бы видели, как вытянулся сосок, прежде чем лопнула кожа и

кольцо выскочило.

Всегда надо хорошенько подумать, прежде чем что-то себе прокалывать.

Это был мой первый проколотый сосок. За свою жизнь я вырвал изрядное количество колец из ушей, несколько из ноздрей и даже одно из века. Не верите насчет века? А что вы скажете о парне с кольцом в соске? Теперь мне уже хочется найти себе девчонку с кольцом в том же месте. Или, еще лучше, в клиторе. В кино я такое видел, но в реальной жизни нет. Пока что.

Есть теперь к чему стремиться.

Итак, надев кольцо на один из своих пальцев, я побежал к машине. Где-то рядом уже кто-то кричал.

Не стоит, думаю, говорить, что меня не поймали.

Впрочем, с псиной возникла проблема. Еще когда я нес Генри к машине и когда швырял его на переднее сиденье, мне он показался каким-то вялым. Я уж было начал волноваться, что он сдох. От разрыва сердца, например.

Но вскоре он начал приходить в себя.

Должно быть, четвероногий хрен просто обомлел, когда я всадил по пуле его симпатиям-хозяевам.

Никогда не слышал, чтобы собаки теряли сознание. А вот случается. Можете мне поверить. Когда Генри окончательно оправился, мы уже были за пару кварталов от того места. Через минуту мимо пронеслась патрульная полицейская машина с включенной сиреной и мигалкой. Ни один из двух копов, сидящих спереди, не удостоил меня даже взглядом.

Убить и безнаказанно уйти — сущий пустяк.

Да, да — нет ничего проще.

Достаточно только убраться до появления легавых. И убивать только незнакомых. И не оставлять за собой обличительных улик, например, водительского удостоверения. Первое, второе и третье — основные заповеди убийцы.

Слишком упрощаю, да? Согласен.

Но знаете что? Все эти суперприбамбасы современной судебно-медицинской экспертизы, от которых все накладывают в штаны (включая моего бывшего корешка Тома), по большей части

практически бесполезны, если у копов нет подзреваемого, чтобы сличить полученные данные. А это означает, что они прежде всего должны знать, кто ты.

Следуйте моим правилам, и вы никогда не попадете за решетку.

Итак, собака оклемалась, и на хвосте не было копов, так что я мог спокойно продолжать свой путь к дому Джоуди на Каслвью. А это было в двадцати минутах езды от Голливуда.

Глава 28

Дом Джоуди находился на тихой улице с одноэтажными оштукатуренными снаружи домами, построенными, вероятно, в двадцатые-тридцатые годы. Впрочем, все они были довольно ухоженные, и квартал имел вполне respectable вид. Конечно, ему было весьма далеко до той respectability, в которой вырос я, но и на том спасибо.

Отсюда было мили три-четыре до Авалон-Хиллз, так что Джоуди, должно быть, ходила в одну школу с той богатенькой буратинкой. Иначе где бы они познакомились и как бы она оказалась в ее доме в ночь с пятницы на субботу. Точно как я сам ходил в одну школу с Томом и столько времени проводил в его особняке, несмотря на то,

что мы жили довольно далеко один от другого.

Это очень характерно для Лос-Анджелеса — ты не водишь дружбу с соседями. Если у тебя есть друзья, они живут на расстоянии пяти, или десяти — или, быть может, тридцати миль от твоего дома. Что, конечно, неплохо, если ты взрослый и у тебя есть машина. Когда же ты ребенок, это означает, что ты уйму времени проводишь в одиночестве.

Ладно, где я там остановился?

Ага.

Итак, проезжаю мимо дома Джоуди, причем даже не притормозив.

По правде говоря, я даже не был абсолютно уверен, какой из домов ее. Подъезжая, прочитал номер в начале квартала, а потом, когда выезжал из него. Так что я мог сказать, что проехал его.

Притормаживать, чтобы определить точный адрес, не стал, чтобы не вызвать подозрений. Главное было обнаружить следы присутствия фараонов.

По обе стороны улицы и на подъездных аллеях стояли автомобили, но ни один из них и

отдаленно не напоминал полицейский. Впрочем, никогда нельзя быть полностью уверенным.

Свернув на боковую улочку, я припарковал машину перед каким-то темным домом. И мы с Генри вышли прогуляться.

Генри оказался большим оригиналом. Он ступал по этой земле грациозно и надменно, слегка натягивая поводок, словно ничто вокруг, кроме его самого, его не интересовало, но всякий раз, когда задирал заднюю лапу под кустом или на дерево, он презрительно косился на меня. Причем так ни разу и не помочился — просто задирал лапу, кидал в мою сторону непристойный взгляд и горделиво продолжал свой путь.

Со всеми его остановками у меня было достаточно времени, чтобы как следует оглядеться.

Я заглянул почти во все машины, припаркованные на нашей стороне, чтобы убедиться, что в них никого нет. Особо надо было остерегаться фургонов и специализированных грузовичков, которые могли использоваться для наблюдения за домом Джоуди.

Пока никаких причин для беспокойства.

Дом Джоуди находился в самой середине квартала. Окна были темными, хотя крыльцо было освещено. Ни на подъездной аллее, ни на улице непосредственно перед домом ни одной машины. Из окон, похоже, тоже никто не выглядывал.

Впрочем, если установлено наблюдение, за мной уже давно следили, знал я это или нет.

Так вот — я оступился и упал Генри пришлось отскочить в сторону, иначе я раздавил бы его в лепешку. К несчастью, немного просчитался и ударился сильнее, чем рассчитывал. Конечно, мне хотелось, чтобы все выглядело как можно реалистичнее, но я вовсе не собирался разбивать колено об асфальт. Боль была адской, и я выпустил из рук поводок.

Знаете, какие ощущения, когда разбиваешь колено? Больно. Почти так же хреново, как и от пули в мозгах. Ну, это я, конечно, малость переборщил, но что это не сплошное удовольствие, так точно.

Так что я перекатился на спину и обхватил колено обеими руками.

Даже несмотря на невыносимую боль, какой-

то частицей своего сознания я даже обрадовался столь неудачному падению. Теперь у меня все должно было получиться. Если копы ведут наблюдение, то наверняка давно заметили шикарную блондинку с прелестной собачонкой. И, может, как раз в тот момент, когда они начали уже волноваться — ведь уже за полночь, а по большому счету во всем Лос-Анджелесе не сыщется места, где можно было бы чувствовать себя в полной безопасности, тем паче такой милой крошке, одной, да еще и посреди ночи, — значит, когда они начинают волноваться в таком вот ключе, прямо у них на глазах я спотыкаюсь и разбиваю колено. После чего сверкают мои обнаженные ножки и мелькают трусики, а я корчусь от боли на тротуаре.

А копы — это такие похотливые козлы.

Чувствуют себя не иначе как даром Божиим всему человечеству по части обеспечения его безопасности.

А тут нуждается в помощи такая аппетитная крошка. Другими словами, ни один нормальный коп ни за что не устоял бы.

Налетели бы на меня, как мухи на мед.

Но никто не спешил на помощь.

Когда я катался на спине, ко мне подбежал Генри и стал меня обнюхивать. Как мило с его стороны. Я был так тронут и подумал про себя: «Собака ничего».

Но затем это вонючее дерьмо цапнуло меня за щеку и понеслось прочь, волоча за собой поводок.

Убью гада, если доберусь. Выцарапаю глаза, отрежу лапы и сдеру с него шкуру живьем. Потом поджарю на гриле и съем.

Можно было бы пристрелить его тут же, но это было бы глупо. Хотя к этому моменту я был уже полностью уверен в том, что копов вокруг нет, все же выстрел из «кольта» лишил бы меня всякой надежды добраться до Джоуди.

Итак, теперь у меня еще и лицо в крови.

Долбанный цуцик прокусил кожу, можете такое представить?

И откуда столько крови?

Я сел и взялся за щеку. Так и подмывало доковылять до машины, поехать в мотель и забыть

о Джоуди. Дать полный отбой, понимаете? А поутру пуститься в бега в поисках какого-нибудь Богом забытого уголка. К черту Джоуди, к черту Лизу, к черту Тома с его шатией-братией.

Трудно думать о чем-то еще с разбитым коленом и прокушенной щекой.

Но, когда я уже поднимался на ноги, меня вдруг осенило. Стоп, так ведь паршивый пес дал мне именно то, в чем я так нуждался, — повод подойти к двери дома Джоуди.

Первоначально я рассчитывал на то, что после падения ко мне выскочит коп или даже несколько, и уже отсюда я и буду плясать — либо уболтаю их впустить меня в дом, либо пристрелю, затем забегу в дом и схвачу Джоуди. Потом, быть может, уеду на их же автомобиле.

Но фараоны так и не показались.

Это значило, что никто не видел ни моего падения, ни нападения на меня собаки.

Что, в свою очередь, говорило о том, что Джоуди и ее семью никто не охраняет.

Значит, оставалось лишь войти в дверь.

А кто сможет не открыть дверь перепачкан-

ной в крови женщине?

Никто, вот кто.

Никто и не открыл.

Пять минут я торчал на крыльце, нажимая на звонок. И он был исправный, потому что я слышал звон внутри. Но никто не вышел.

Или они так крепко спят, или просто притаились и прислушиваются.

А может, никого нет. После попытки Праха подстрелить девчонку они спокойно могли слиться отсюда. И это вполне естественная реакция: в тебя стреляют — ты сматываешься туда, где тебя невозможно отыскать.

Впрочем, это были только догадки, но уходить просто так я не собирался.

По обе стороны двери были стеклянные панели. Можно было разбить одну, просунуть руку и отомкнуть замок. Но этого я делать не стал. Не хотелось оставлять разбитое стекло там, где его любой мог увидеть.

Так что пришлось обходить дом. За ним оказался прелестный дворик с шезлонгами и большой мангал. Подходя к двери, я наступил на что-

то мягкое. Черт его знает, что оно было такое — слишком темно. Я даже не заметил битого стекла, пока не прошелся по нему. Несколько осколков я раздавил, другие отшвырнул ногой в сторону. Они со звоном стремительно неслись по бетону, прорезая тишину ночи. Залаяла собака, но это было где-то далеко, и голос был слишком груб для Генри.

Проходя по всему этому мусору, я понял, что здесь, должно быть, кто-то уронил тарелку, и те мягкие штуки, вероятно, были кусками какой-то еды.

Затем подошел к стеклянной двери, вернее, к алюминиевой раме без стекла.

Распахнув ее настежь, прижался к ней спиной и попробовал деревянную дверь. Всякие бывают люди. Иногда не запираются. Впрочем, ручка не поворачивалась. На вид дверь была прочная, и в ней наверняка был врезной замок, так что я решил не терять времени.

И влез в окно. Поскольку ни одно из окон с тыльной стороны дома не было открыто, я выбрал первое попавшееся. Подставил кресло — к

счастью, они были деревянные и поэтому достаточно прочными, чтобы меня выдержать (когда пытаешься встать на алюминиевый шезлонг, они, через один, гнутся и ломаются под тобой). Рамка с сеткой была прикреплена надежно, и я не смог ее оторвать, так что я ударил по ней рукояткой «кольта». Стекло за сеткой высыпалось.

Вновь слышался лай незнакомой собаки, но, кроме этого, больше ничего.

Выждав несколько минут, я начал орудовать пистолетом и практически порвал сетку. Окно было на шпингалетах, и, просунув руку, я отомкнул его с обеих сторон и поднял вверх. Затем снял туфлю и смел ею битое стекло с подоконника, после чего влез внутрь.

Под окном находилась кухонная мойка. Что ж, иногда мне приходилось преодолевать и не такие препятствия. Пришлось немного потрудиться и потратить какое-то время, но в конце концов я благополучно спустился на пол.

Затем пошел на экскурсию по дому. После всего сделанного шума я был на девяносто девять процентов уверен в том, что дом пуст. И

все же держал в руке пистолет, готовый к любым сюрпризам.

Заглянул во все комнаты. Так, бросил беглый взгляд, чтобы убедиться — я в доме один. Напоследок зашел в гараж, пристроенный к дому. В него можно войти через дверь в коридоре. Внутри были всевозможные инструменты и приборы, но машины не было. Ее место пустовало.

Что дало мне полное основание утверждать, что Джоуди и ее семья куда-то укатили.

Почувствовал облегчение, но вместе с тем и разочарование.

Зайдя в ванную комнату, я запер дверь и включил свет.

Да, было на что посмотреть.

Увидев себя в зеркале, я сначала не знал, смеяться или плакать. Парик съехал в сторону, а лицо — кровавое месиво. Последним я был обязан небольшим проколам на левой щеке возле скулы. Вся эта часть лица была в кровавых подтеках. Кровь даже стекла по челюсти на шею и перепачкала не только воротник моего платья, но и забрызгала бюстгальтер.

К счастью, к тому времени кровотечение прекратилось.

Позднее я обошел весь дом и вытер все кровавые отпечатки пальцев и пятна крови, которые удалось обнаружить.

Впрочем, едва ли все.

Рано или поздно я, наверное, подожгу дом, но нельзя же поджечь ни дворик, ни лужайку, ни тротуар, так что копы наверняка обнаружат мою кровь.

Большое спасибо тебе, Генри.

Не иначе он отомстил за всех своих гав-гав-братьев, которых я отправил к праотцам. Расплата, понимаете?

Ах, с каким же удовольствием я бы с ним по-квитался.

Впрочем, это уже не важно. А вот кровь. Без меня едва ли она пригодится легавым. А до меня они не доберутся. Так что копы меня меньше всего волновали.

Во всяком случае, в тот момент единственной заботой было привести себя в порядок. Поправив парик, я смыл кровь с лица и шеи, затем открыл

аптечку. Напрасная трата времени. Там не оказалось не то что антисептика или бинта, но даже марли или лейкопластыря. Неужели эти люди никогда не ранятся?

Пришлось удовольствоваться обрывком свернутой в тампон туалетной бумаги, которую приложил к ранке и приклеил кусочком цветной клейкой ленты, обнаруженной на письменном столе в спальне Джоуди.

Между прочим, это была именно ее спальня. Сколь бы до этого я ни сомневался в том, что попал в чужой дом, эта комната развеяла последние сомнения.

На полке были расставлены какие-то деревянные коряги, подписанные ее именем. Впрочем, ее имя было повсюду: на карандашах и наклейках, на миниатюрных игрушечных калифорнийских автомобильных номерах, не говоря уже о школьных работах, вставленных в скоросшиватель. Еще я нашел ее фотографии.

Несколько фотографий в рамках стояло на туалетной тумбочке и на письменном столе. На одной она была изображена со своей богатень-

кой подружкой. На вид им было тогда лет семь-восемь. Снимок был сделан в Диснейленде — они держались за руки с каким-то желтым медведем в красной футболке. Были еще фотографии, на которых была Джоуди со своими родителями. Женщина, которую я принял за ее мать, была лишь на тех фото, где Джоуди еще маленькая. Потом она, так сказать, выпала из кадра. Либо бросила папашу, либо померла. Так или иначе, но на последних снимках ее не было, и поэтому не было смысла искать ее наряды в доме. Судя по всему, Джоуди жила с отцом одна.

А вот и приятная неожиданность — папа у нее легавый. Тут у нее есть фотографии, где он в форме. На одной она еще совсем маленькая — сидит у него на коленях, а на голове — его фуражка, которая велика ей раз в сто.

Фараон!

Не перестаешь удивляться, какие странные сюрпризы преподносит жизнь.

Столько на свете хороших шестнадцатилетних девчонок, а меня угораздило запасть именно на дочку копа.

Да еще такого безобразного и свирепого сукиного сына.

И как это Джоуди получилась такой красивой, унаследовав половину хромосом этой гориллы? Поразительно.

Впрочем, сомнений быть не могло — она была его ребенком.

Возможно, именно его половина и огрела меня по голове той бейсбольной битой прошлой ночью.

Но я не ограничился рассматриванием семейных реликвий, а прошелся по гардеробу: обыскал ящики и шкаф. В последнем оказалось несколько пустых плечиков, а на полке, где она хранила бюстгальтеры и трусики, — много свободного места. Точнее, там осталось всего две пары трусиков и один бюстгальтер. В стоявшей рядом корзине для грязного белья тоже ничего не оказалось.

Неужели эти пустые плечики висели здесь просто так? Или она испытывает большой недостаток в нижнем белье?

Вряд ли.

Я не поленился сходить еще раз в гараж и заглянуть в стиральную машину и сушку. Единственное, что там нашел, так это пару джинсов в машине.

И начал складывать в уме.

Во-первых, ни Джоуди, ни ее старика нет. Во-вторых, нет и машины. В-третьих, похоже, пропала одежда Джоуди.

Если все сложить вместе, получается ответ. А именно: Джоуди и ее предок сложили вещички и слиняли.

Возможно, в надежде где-нибудь отлежаться. Неплохая мысль, когда на тебя охота.

Может, скоро я сам окажусь в подобном положении, если не доставлю Джоуди вовремя, к установленному крайнему сроку.

Слово-то какое точное — крайний.

Сейчас три ночи. В моей сумочке кассетник, и, к счастью, он не побился при падении. Впрочем, он начал тянуть ленту, и пришлось заменить батарейки. Запасные обнаружились в ящике кухонного стола вместе со всякой всячиной вроде веревок, клея. Батареек там оказалось около пя-

ти разновидностей.

Так или иначе, я уже успел наговорить в него кое-что, после того, как заглянул в стиральную машину и сушку.

Сейчас я лежу на диване в гостиной и чувствую себя дьявольски уставшим.

Надо немного вздремнуть, только не очень умно будет делать это здесь. Еще кому-то взбредет в голову зайти. В конце коридора комната для гостей. Тоже не большая радость.

А что, если в кровати Джоуди?

В ее собственной кровати. Уверен, мне это жутко понравится.

А может, даже увижу сладенький сон.

Глава 29

Это снова я.

Похоже, мысль о том, чтобы прикорнуть в кровати Джоуди, была не совсем удачной. Я никак не мог выкинуть девчонку из головы. Все вспоминалось, как она выглядела и что я испытывал прошлой ночью. Только и думал, как о том, что это ее кровать, как она ложилась в нее каждую ночь, и, может быть, иногда голой, и как моя кожа соприкасается с той же простыней, о которую терлось ее тело. У меня возникла эрекция, ныло в паху, и хотелось лезть на стену.

Еще грезил о том, что буду с ней делать, то воображал, как привяжу ее и как буду истязать, и какими способами буду ее трахать.

Но это как раз были самые приятные мысли

из тех, что пришли мне в голову этой ночью.

Были и другие. Тревожные. Я начал опасаться, что могу никогда не найти ее, представлял, что сделают с Лизой, если я облажаюсь, что затем будет с моими сестрами и, в конце концов, со мной самим.

Так что половину времени я провел, снедаемый похотью, а другую — терзаемый страхами. К тому же горело укушенное собакой место и голова раскалывалась от боли.

Так что ночи, казалось, не будет конца.

Уснул я ровно настолько, чтобы успеть увидеть один настоящий кошмар.

В нем я гнался за собакой, очень напоминавшей Генри — крохотным белым пушистым комочком с большим самомнением. Собственно, мне нужна была кость, которую она держала в зубах. Потому что это была моя кость. Вернее, мой напряженный член. Промежность была вся в крови, и чем быстрее я бежал, тем кровь сильнее хлестала.

Как только расстояние между нами увеличилось, Генри плюхался на зад и начинал грызть

мой член, а я орал благим матом: «Не порти его! Ты же его испортишь!»

Но затем он убежал куда-то далеко и потерялся из виду. Когда он снова попался мне на глаза, в зубах у него уже ничего не было, зато вся морда и лапы были перепачканы грязью. «Ты зарыл его!» — завопил я пуще прежнего. А Генри только вилял хвостом. Тогда я принялся умолять его показать, где он это сделал, а он ухмыльнулся, демонстративно повернулся и гордо повел меня за собой.

Привел на кладбище, после чего куда-то исчез, оставив меня одного на этом костяном цветнике, даже не намекнув, где похоронил мое мужское достоинство. И я начал искать. А у самого мурашки по телу. Кругом надгробия. Заросшие сорняками и неухоженные. Чахлые сухие деревья. Но самое неприятное — это привидения, шнырявшие между могилами, сновавшие туда-сюда, хоронившиеся за перекошенными памятниками. Кто они такие — ума не приложу, может, зомби?

Помню только, что испугался, как бы они не набросились на меня.

Наконец я вроде нашел место, где почва на вид была рыхлой и темной, и начал рыть, разгребая землю пальцами. Это действительно оказалась свежезасыпанная яма. И очень скоро я нашел то, что искал.

По крайней мере, так подумал.

Ухватившись, я стал тянуть.

Но мой член оказался прикрепленным к чему-то.

Неожиданно земля разверзлась, и рядом уже сидело облепленное грязью тело. Грязь начала отваливаться комьями, и я подумал, что это, должно быть, явился за моей душой Сосок с кольцом. Но это был не он.

Это была Джоуди. Она была нагой и ухмылялась, я все еще держал в руке ее член.

— Отсоси, милый, — шепнула она.

Я был просто шокирован тем, что у нее оказался мужской член. Как так, она такая красивая и у нее такие чудные груди, в общем, каких свет не видывал, а тут я нахожу ее в могиле, и она поднимается из праха с мужским инструментом. Престранно как-то, черт побери.

Но еще удивительнее то, что меня все это возбуждает. Я никогда не делал никаких таких извращенных штучек, понимаете? Это для Митча и Куска, а не для меня. Но я говорю себе, что это не мужик, а Джоуди. И берусь за дело. Открываю рот и припадаю губами к ее палке, но ни с того ни с сего член становится стальным и холодным. По ощущению во рту я понимаю, что это ствол пистолета.

— Это не твой конец, — говорю я.

— Да, это твой, — слышу в ответ.

Какой находчивый, мелькнуло в голове, даже во сне каламбурю.

Но затем раздается выстрел, и я мигом просыпаюсь — пока пуля не успела долететь до мозгов и убить.

Очень плохое предзнаменование, когда убивают во сне.

Одно утешение — вовремя проснулся.

С раскалывающейся головой и воспаленным лицом. В комнате серо и прохладно. В туалет иду с пистолетом. Глотнув пару таблеток аспирина, захожу на кухню и ставлю варить кофе. На мне

никакой одежды, еще и колотит. Замечали, как усиливается головная боль при ознобе?

Под душем боль немного спадает. Ничего так не помогает согреться поутру и расслабиться, как горячий душ. Правда, от воды стало жечь лицо в месте укуса, но в остальном было великолепно.

Когда ты под душем, то не слышно ничего, что на самом деле происходит вокруг. Зато кажется, что слышишь бог весть что. Например, телефонные звонки, шаги и голоса. И если не возьмешь себя в руки, то это тебя может достать.

Но это же вносит изюминку в процесс принятия душа.

Надо лишь не терять чувства реальности и убедить себя в том, что ты ничего не слышишь. Ведь, если разобраться, вероятность того, что кто-нибудь появится в доме в шесть утра, ничтожно мала.

После душа я накинул на себя махровый халат, который нашел в шкафу Джека. Между прочим, Джек — это имя отца Джоуди. Джек Фарго. Его имя написано на журнальных подписных бирках, на счетах, валявшихся на кухне, в других

местах.

Парик всегда со мной, хотя я его и не надеваю. Просто хочется иметь его при себе на всякий случай. Но натягивать его, тем более с такой головной болью, не было никакого настроения. Одеваться тоже не хотелось. Хотя бы потому, что было еще слишком рано возиться с бюстгалтером Хиллари. К тому же, несмотря на возбуждение, в которое меня приводил мой вид в нем, все же в нем я чувствовал себя как в упряжке. Может, от того, что он мне был маловат. Примерю тот, что я видел в ящике у Джоуди. Но это позднее.

Пока что просто сижу в гостиной. Диван удобный, и халат Джека такой уютный. А первая чашечка кофе просто великолепна.

Пришло время второй. Одну секундочку.

О'кей, я уже вернулся. Жизнь прекрасна, черт побери.

Может, состряпать какой-нибудь завтрак?

Нет, это подождет. Совсем не хочется двигаться.

Но рано или поздно придется. Надо что-то

придумать, как найти Джоуди и Энди. А может, они сами объявятся и избавят меня от этой неприятной обязанности.

Черт побери, да до десяти вечера еще уйма времени.

А сейчас хотелось бы поведать еще кое-что о своих кровавых приключениях с Томом и компанией.

Я уже говорил о Хестер Ладдгэйт и о том, как мы убили двух велосипедистов по пути в Орегон. Кажется, я не останавливался подробно на том, как мы убили тогда девчонку и что мы с ней до этого сделали. Впрочем, это пустая трата времени. Еще о многом предстоит рассказать, так что я не буду распыляться. Скажу только, что мы провели тогда несколько веселых часов и оставили девчонку в таком состоянии, что она едва ли смогла бы поделиться с кем-нибудь своими воспоминаниями.

После этого Рядовой и Клемент были у нас на крючке. Так вчетвером мы проехали в общей сложности две недели и убили еще троих, что в сумме составило пять. Один из них был парнем,

ехавшим автостопом до Портланда. Затем были еще две девчонки, у которых закончился бензин за десять километров до ближайшего городка. Какие дурехи! Да они были просто слишком глупы, чтобы жить. Там, правда, не на что было смотреть, но определенное удовольствие мы все же получили.

Когда Ковбой и Пескарь... Боже, неужели он уже мертв? Так сказал Том, но в это трудно поверить. И его убила Джоуди. Что ж, вполне могу это представить. Я имею в виду, как она его убивает. Меня она слегка задела битой, а на голове шишка, и боль с тех пор не унимается. По правде говоря, боль накатывает волнами. Но скорее всего появилась она именно с той ночи, когда она меня огрела. А если она действительно вложила всю силу в удар, то не удивительно, что замочила Пескаря.

Да, дела. Так на чем я остановился? Ах, да. Мы вернулись из поездки и рассказали тем двоим, Ковбою и Пескарю, что мы сделали. Они до жути взбеленились. Вели себя так, словно их обманули и обокрали. Все твердили: «Черт возь-

ми!», «Блин!», «Это нечестно!», «Как вы могли такое сделать без нас?»

И тогда Том сказал: «Какие проблемы Давайте сейчас поедem и убьем кого-нибудь. Все вместе».

Он сказал это, когда у нас было что-то вроде вечеринки, на которую мы собрались у него дома. Это было на следующей неделе после нашего возвращения из путешествия, и нам всем разрешили остаться у него на ночь. Мы тогда сидели в его комнате для игр, пили пиво и что-то грызли.

После того как Том сказал эти слова насчет поехать и кого-нибудь убить, я чуть не задохнулся от волнения. Ковбой тоже весь покраснел и стал ловить ртом воздух. А наш Пескарик стал тереть губы. Рядовой же только бормотал: «Ребята, ребята, ребята», а Клемент мотал головой и глупо ухмылялся.

В общем, мы все загорелись.

— Полоумные, — покачал головой Том.

— И гордимся этим! — воскликнул Рядовой.

— А они дали обет? — поинтересовался Пескарь. Сначала я даже не понял, о чем речь. Но

Том понял, и он был готов. Мы все взялись за руки и произнесли клятву, точно такую же, как и после захоронения Хестер. Единственная разница состояла в том, что теперь нас было шестеро.

Когда мы закончили, Том повел нас в свой гараж.

Гараж находился немного в стороне от дома. Это огромное здание с шестью воротами, где места было достаточно по крайней мере для такого же количества машин. Еще там пара обычных дверей и несколько окон. Сейчас сквозь них ничего не видно, но в тот вечер, о котором я веду речь, они еще были прозрачными. Это потом мы их покрасили черной краской.

В отличие от дома в гараже не было кондиционеров. К тому же он был закрыт весь день, поэтому в нем было жарко и душно. Других машин, кроме «Мерседеса», не было. Зато было много разного мусора — инструмента и садового инвентаря, всего такого. Но гараж был настолько просторный, что казалось, будто все эти вещи совсем не занимают никакого места. Впечатление складывалось такое, словно попал в ангар.

В гараже Том приказал нам раздеться. Вам может показаться, что мы только и делаем, что раздеваемся, да? Что ж, кровопролитие штука грязная, а кому хочется попасться в забрызганной кровью одежде.

Когда мы разделись, Том вручил всем нам черные парашютные костюмы, черные носки и черные ботинки. Странно, но всем все оказалось впору. Том узнал наши размеры самостоятельно, ничего ни у кого не спрашивая. В ответ на мой удивленный вопрос он только загадочно улыбнулся.

Вид в костюмах у нас был просто великолепный. Словно мы были членами парашютного клуба, не иначе. Но в них было чертовски жарко, особенно пока мы находились в гараже.

После того как мы все облачились в форму, Том отвел нас в угол гаража, где лежало много разных инструментов, и сказал: «Вооружайтесь, ребята». И мы начали выбирать себе инструменты посмертоноснее: молотки, отвертки, щипцы, садовые ножницы, серп, бензопилу, топор. Прихватили также несколько лопат и кирку, никто

даже не поинтересовался, в качестве оружия или как шанцевый инструмент для захоронения тела.

Загрузив все это в багажник, мы забрались в машину — кто на передние сиденья, а кто — на задние. Было немножко тесновато. Том открыл ворота с помощью дистанционного пульта. (Только ворота отсека для «Мерседеса» были оборудованы автоматическим открывающим механизмом.) И мы тронулись в путь.

Отряд из шестерых ночных охотников за добычей.

Я думал, план состоял в том, чтобы поездить вокруг, пока не подвернется что-нибудь приличное. Например, одинокая девушка в каком-нибудь более-менее пустынном месте. Вы, наверное, удивитесь, как это просто. Но у Тома было совсем иное на уме.

Он подвез нас к дому, стоящему всего в какой-то миле от того места, где я в то время жил.

К дому Дениз Деннисон.

Пескарь тоже узнал это место. Он даже рот открыл от неожиданности.

— Ты шутишь, — прошептал он.

— Ты же ее хочешь, я не ошибся?

— Да, конечно. Но... ты же сказал, что мы убьем кого-нибудь.

— Это я в общем.

— Дениз?

— Это для тебя единственная возможность до нее дотронуться. Другой такой у тебя никогда не будет, — рассмеялся Ковбой.

— Мы сделаем намного больше, чем просто к ней прикоснемся, — заметил Том.

Как оказалось, это он еще очень сдержанно высказался.

На то, чтобы проникнуть в дом, нам понадобилось всего пятнадцать минут, причем мы сделали это очень тихо. Фонарики мы с собой не прихватили, поэтому пришлось каждый раз включать свет, когда входили в комнаты.

С родителями у нас не возникло никаких проблем. Их порешили, прежде чем они успели вскочить с постели. И сделали это быстро, без каких-либо выкрутасов. Теперь мы уже так никогда не поступаем — растягиваем удовольствие, с тем чтобы насладиться всеми оттенками их удивле-

ния, ужаса и боли, и всего, что только можно. Но в ту ночь в доме Дениз были новички.

К расправе с ее папочкой и мамочкой приложили руки все, и вшестером мы справились с ними секунды за две. Шмяк, шмяк — и от них остались лишь две кучи мерзкого кровавого меса.

Мы знали, что у Дениз два младших брата, но следующая по коридору комната была ее. Дверь была открыта. Мы вошли и щелкнули выключателем.

Зажглась лампа рядом с ее кроватью. Несмотря на яркий свет, Дениз не проснулась, потому что лежала на боку спиной к лампе. В комнате работал кондиционер, поэтому она была укрыта простыней по самые плечи.

Пескарь тихонько подкрался к изножию кровати и осторожно стянул с нее простыню.

О Боже!

На ней была белая ночная сорочка, но она почти ничего не прикрывала, а что и было прикрыто, то все равно было видно, потому что материя была практически прозрачной.

Так мы некоторое время стояли и наблюдали за спящей Дениз.

Это не передать словами. Никогда не забуду то, как она выглядела и что я тогда чувствовал. Мне хотелось ее трахнуть, когда мы еще учились в школе. Да и не мне одному. А сейчас она была в нашей власти.

Это был, мягко говоря, волшебный момент. Даже, точнее, пять волшебных минут.

Затем Том опустился на колени рядом с кроватью. В руках у него был секатор, напоминавший огромные ножницы. Схватив Дениз одной рукой за волосы, он нажал ей на горло раскрытыми половинками секатора.

И она наконец проснулась.

И у нее глаза полезли из орбит.

— Цыц, — приказал Том.

— Папа! — закричала она.

Том стиснул секатор, и лезвия разрезали кожу. Пошла кровь. От боли она ойкнула, но больше не кричала.

Тут мы услышали голоса и топот. Это были ее братья, и они спешили ей на помощь. И Дениз

получила неожиданную отсрочку. Том и Пескарь остались присмотреть за ней, остальные бросились в коридор наперехват братьев.

Они были близнецами, светловолосые и загорелые, лет по девять. На вид — копия Дениз, только в мужском исполнении и, конечно, моложе. Очень красивые. (Это я для тех, кто интересуется мальчиками.) На обоих были пижамные брюки, висевшие на них довольно низко, и оба были без рубашек. Митч и Кусок все бы отдали за таких мальчуганов, но они присоединятся к нашей компании еще не скоро.

Один из близнецов бросился на нас, размахивая перочинным ножиком, в руках у другого была бейсбольная бита.

Какая смелая нынче молодежь.

Куда только подевалась их смелость, когда Ковбой завел бензопилу.

Тогда они завопили, развернулись и побежали в противоположную сторону. Мы — за ними. Они даже не успели выбежать из коридора, когда одного из них настигла пила Ковбоя. Я в то время был рядом с пацаном, догоняя его брата,

и кровь хлестнула меня по лицу, словно мокрой тряпкой. На какое-то мгновение я даже перестал видеть, куда лечу. Но тут я наткнулся на спину преследуемого мною мальчишки и вонзил в него отвертку. Мы оба завалились на пол. Он кричал и молотил руками подо мной, а я все колол и колол его. Тогда подбежал Клемент и проломил ему череп молотком.

Во что превратился после этого коридор, это надо было видеть. Такой беспорядок...

Близнецы остались лежать, где мы их завалили. Теперь, когда они нам уже не могли помешать, мы думали только о том, чтобы поскорее вернуться к нашей Дениз.

Она все еще лежала в постели, а Том держал ее за волосы, приставив секатор к горлу. Но теперь она лежала на спине, и над ней склонился Пескарь, стаскивая с нее остатки изодранной ночной рубашки. Дениз совсем не двигалась, только всхлипывала и хватала ртом воздух.

Между нами был Пескарь, и, пока он не разделался с ночнушкой и не отошел в сторону, она нас не видела. Затем подняла голову. Было,

должно быть, больно прижимать шею к острым лезвиям секатора, но это ее не остановило, и она посмотрела на нас.

Вид всей этой крови, похоже, вызвал у нее помешательство.

Или, может, это был вид окровавленной бензопилы.

В общем, она обезумела. Ее никто не держал, так что она схватила Тома за руку и отвела секатор от своего горла. Ей даже удалось развернуть его и ткнуть им Тома в живот. Секатор вошел довольно глубоко, так что у Тома остались два четвертьдюймовых шрама. Том завопил и свалился с кровати.

Но Дениз больше ничего не успела, потому что мы вчетвером на нее навалились и прижали за руки и ноги к матрасу. Она только выкручивалась и извивалась. Так случилось, что Пескарь оказался свободен. Он и пошел первым. Скинув парашютный костюм, он, так сказать, взошел на борт. Для него, должно быть, наступил момент осуществления заветной мечты. Конечно, мы все были от нее без ума, но Пескарь ею просто бре-

дил. Многие годы. Возможно, тогда ему казалось, что он умер и вознесся на небо.

Ха-ха-ха. Теперь он действительно мертв, спасибо Джоуди, хотя голову даю на отсечение, на небеса не попал.

Даже если он был бы настоящим святым всю свою жизнь, то, что он делал с Дениз те пятнадцать минут, которые мы ее держали, обеспечило ему билет прямиком в ад, это я вам говорю.

Практически мы не подгоняли Пескаря и не мешали ему, полагая, что он так долго ждал этого случая. К тому же наблюдение за ними обоими возбуждало до крайности.

Когда Пескарь с нее слез, она была еще жива, но держать ее уже не нужно было.

Вторым пошел Рядовой, затем Клемент. Следующим был Ковбой, который в определенном смысле блеснул оригинальностью — не говоря уже о хорошем вкусе, — вылизав ее подчистую, перед тем как приступить к делу. Потом подошла моя очередь. К тому времени вид у Дениз уже был не ахти. Но, в определенном смысле, так было даже лучше. Главным образом теперь

я вспоминаю лишь, какой она была скользкой.

Последним был Том. Живот, куда она его ткнула, прилично кровоточил, но Том улыбался. Когда он начал, Дениз была еще жива. В руках у Тома был секатор. У нее еще хватило бы сил кричать, но мы заткнули ей рот куском ночной сорочки, так что ничего почти не было слышно. Когда Том кончил, Дениз надо было уже собирать по кусочкам.

После этого мы быстренько приняли душ, так как не хотели выходить из дома в крови. Там же мы вымыли и свои инструменты. Затем оделись и снесли все в машину.

Наконец мы все уже сидели в машине, кроме Тома.

— Я вернусь через минуту, — сказал он, и нам пришлось подождать, пока он сходит в дом. Отсутствовал он гораздо дольше минуты. В конце концов он вышел, сел в машину и завел двигатель.

Но не отъезжал.

— Чего мы ждем? — поинтересовался я.

— Сейчас увидишь.

И я действительно увидел.

Оранжевый свет за шторами гостиной. Свет, который мерцал, дрожал и становился ярче.

— Прекрасная мысль, — согласился я.

— Кремировать уродов, — добавил Ковбой.

— Скорее это относится к месту преступления, — пояснил Том.

Затем мы вернулись к нему домой.

Глава 30

Да, времени я убил немало, рассказывая все это.

Если останавливаться на деталях, то мой рассказ тянулся бы целую вечность. Или, по крайней мере, дольше, чем я мог себе позволить.

Головная боль утихла — должно быть, аспирин наконец возымел действие. Еще я успел приготовить себе яичницу с беконом, после того как поведал о наших забавах и развлечениях в доме Дениз. А там мы повеселились на славу, не правда ли?

Возможно, мне не стоило вдаваться в такие подробности. Боюсь, что у меня не хватит времени рассказать обо всем остальном.

Но наш рейд на дом Дениз заслуживает внимания уже потому, что такое мы делали впер-

вые. Это стало чем-то вроде вехи в истории нашей небольшой компании, потому что это было намного грандиознее, ужаснее и волнительнее, чем просто убийство первого встречного на улице. Как качественный скачок в совершенно новое измерение истязания плоти.

Впрочем, и в средствах информации это получило такую же оценку.

«Резня по-мэнсоновски» — окрестили наши подвиги репортеры.

О том же, кто мог совершить эти зверства, газетчики и телевизионщики даже не высказывали догадок.

Мне кажется, мать Тома догадывалась о том, кто мог стоять за всем этим, но опасаться, что она настучит, нам было нечего.

Мы стали пай-мальчиками и начали учебу в университетах. Том передумал отправляться в Вилламетт, так как не хотел отрываться от «общества». Вместо этого он поступил в Пеппердайн. Ковбой, Рядовой и я пошли в Калифорнийский университет, Пескарь — в Американский колледж, а Клемент — в Иезуитский колледж

Лойолы в Мэримаунте.

Возможно, мы и не были ангелами, но и ту-пицами нас тоже нельзя было назвать. Конечно, иногда мы дурачились и косили под придурков, но это исключительно ради удовольствия. Под всей этой оболочкой мы были достаточно неглупыми, чтобы поступить в довольно приличные заведения.

В течение следующих нескольких месяцев мы иногда собирались вместе, но не для смертоубийственных вылазок.

В ноябре я поддался искушению и прикончил студентку на одной из автомобильных стоянок университета. После изнасилования я задушил ее электрическим шнуром. (Без лишнего шума и практически без крови!) Конечно, это не идет ни в какое сравнение с налетом на дом и расправой с целой семьей, но все же лучше, чем ничего.

Разумеется, мы все понимали, что нельзя нападать на дома очень часто — такого рода преступления получали слишком большую огласку.

Но в начале января мы решили, что прошло достаточно времени. К тому же у нас наступили

зимние каникулы, а Том за это время успел завербовать еще троих новых членов. У него просто был талант подыскивать ребят отчаянных и с подходящими инстинктами.

Иногда я удивляюсь Тому. Возможно, у него шестое чувство, особое чутье на подобные вещи или какая-то внутренняя притягательная сила. Убийцы-маньяки почти всегда одиночки. Быть может, потому, что не так уж много вокруг парней с нужным сочетанием необходимых компонентов для выпечки этого особого вишневого пирога, если вы понимаете, о чем я. Иногда можно услышать о работающих в паре, но это крайне редко. Мы же начинали вчетвером и выросли аж до двенадцати.

Неслыханное дело, насколько мне известно.

Так что, думаю, мы — «творцы истории». Это придает мне особую важность, как одному из основоположников, а также как летописцу.

Кроме того, я участвовал во всех совместных акциях. (Не говоря уже о том, что давно открыл и личный счет.)

Таким образом, я один из немногих, кому из-

вестно все.

Так что зовите меня Босуэллом банды «краллов».

Но лучше вернуться к рассказу. Я немного отклонился, упомянув новых членов.

Это были Лоренс Роудс по кличке Прах, Билл Петерсон и Фрэнк Остин по кличке Техасец. Прах еще с нами, а вот двое почили в бозе.

О том, что случилось с Биллом Петерсоном, я уже рассказывал.

Техасца смерть настигла, когда он в третий раз совершал с нами налет на дом. Это было в Рино, штат Невада. (Мы выехали на гастроли, не желая, так сказать, затапывать свою лужайку больше, чем было необходимо.) Когда мы вломились, хозяйка сидела на унитазе в туалете. Она всех нас застала врасплох, но убила именно Техасца. Вскочила ему на спину и раз десять воткнула ему в шею маникюрные ножницы. Один из ударов вскрыл сонную артерию.

Техасец был нашим первым членом гомосексуальной ориентации. Впрочем, когда это обнаружилось, мы уже все его любили, так что это

стало неважно. К тому же он ни к кому из нас не приставал. Свои чувства он приберегал для мальчиков, которые попадались нам во время рейдов. Что оказалось очень кстати. Пока мы занимались кисками, он уделял трогательное внимание сильному полу.

Еще до своей смерти он привел к нам Митча и Куска. Они вроде бы парни ничего. Даже мне нравились, правда, до той ночи, когда оказались столь бесполезными в погоне за Джоуди и Энди. В довершение ко всему эти задницы меня подставили.

В моей книге они все большие задницы. Вся шайка-лейка.

Они все меня бросили. А теперь еще окрысились на меня из-за этого дела с детьми. И это те, кого я считал своими друзьями.

Наверное, надеются, что я не уложусь в срок, и тогда они смогут покуражиться над Лизой.

Для достоверности замечу, что Лиза совершенно не в курсе наших небольших проделок. Она знает, что я раз в месяц встречаюсь с ребятами и иногда остаюсь ночевать в гостях, но она

всегда считала, что мы собираемся у Тома поиграть в покер и напиться. Что ей, между прочим, тоже не нравилось, и она все время пыталась вытащить меня из компании.

Пару недель назад мы обручились, и на первую субботу сентября за Днем труда назначена свадьба. Ковбой должен был быть моим шафером. Он даже обещал мне устроить мальчишник в женском общежитии — все спланировать заранее, как полагается, нагрянуть по-серьезному и взять здание под контроль, а затем выбрать себе самых привлекательных крошек и хорошенько поразвлечься.

Я возразил, что слишком большой риск.

— Так ведь женишься всего раз в жизни, — заметил он.

Думаю, мы действительно могли такое учудить. Черт, а наверняка вошло бы в историю. Но теперь, полагаю, все пошло прахом. Если мне и удастся спасти Лизу, между нами все будет кончено. Как, впрочем, и между мной и моими бывшими корешками. По-любому. Даже если они простят мне мою промашку, я не смогу простить

им то, как они на меня наехали.

Как бы там ни было, но я пока не представляю, как добраться до Джоуди в установленный срок.

Раньше я убеждал себя, что она может в любую минуту войти в дверь, но это маловероятно. Слишком пусты ящики. Похоже, она набрала достаточно одежды на неделю, а то и на две. Так не делают, когда собираются вернуться на следующее утро.

Боже, как хотелось бы забыть о Лизе и назначенном сроке, обо всем этом дерьме и просто сидеть и рассказывать. За всю свою жизнь я так много не говорил, как в последние пару дней. Это просто здорово. Говорить об этом — то же, что вновь переживать. Я все снова вижу, осязаю, чувствую вкус и запах. Как это волнует!

Чего мне действительно хочется, так это пересказать всю историю подробно. Может, получится целая книга. Назовем ее "Невероятные «Краллы». Йаа! Нет, ужасное название. А как насчет «Культовые убийства на сексуальной почве»? Это уже лучше.

Может, займусь этим на досуге, если удастся выбраться из этой истории живым.

И все же, как бы мне ни хотелось еще посидеть и погрузиться во все это по-настоящему, но... А как было бы здорово. Да и прогнало бы прочь все дерьмо из головы.

Но на то оно и дерьмо, чтобы не лезть из головы.

Другими словами, надо сделать несколько звонков. Начну с Тома. Может, если ему все объяснить, он даст мне поблажку. Я уверен, что смогу добраться до Джоуди, но мне нужно время. Неделя, например.

Он даст мне неделю? Как же. Дудки.

Даже если упасть на колени и умолять, не прибавит и лишней минуты к назначенному сроку.

Ладно, забудем об этом. Я не стану валяться у него в ногах.

Но я сделаю вот что. Позвоню своим сестрам. Если у меня ничего не получится сегодня вечером, они могут стать следующими жертвами Тома и моих бывших дружков.

Да, забавная ситуация.

Как объяснить сестренкам, что ты повздорил со своими приятелями и теперь эти твои бывшие друзья могут прийти к ним, чтобы истязать, насиловать и резать их самих, их мужей и детей, так что им лучше уехать куда-нибудь на несколько дней или на месяц, а может, и на всю оставшуюся жизнь?

Неприятный разговор, да?

Не удивлюсь, если мне даже не поверят.

Они на девять и одиннадцать лет меня старше, так что никогда меня толком и не знали. Да их почти и не было дома, когда я сошелся с Томом и ребятами. Наверное, в их глазах я порядочный, спокойный мальчик, и чертовски сложно будет их теперь убедить в том, что я замешан в таких делах, которые могут закончиться для них плачевно.

Может, стоит немного повременить с этими звонками? Посмотреть, как будут развиваться события? Если бы мне только удалось захватить Джоуди. . .

Нет. Так долго ждать нельзя. Не такая уж бе-

да, если я потеряю Лизу — нет, я не хочу сказать, что мне не хочется ее спасти. Но одно дело она, а другое — семья, понимаете? К тому же я даже не уверен, что действительно хотел на ней жениться. Но я не могу позволить бывшим друзьям расправиться со своими сестрами.

Ладно. Решено. Звоню.

Начну с Доры. С ней я всегда лучше ладил, чем с Сэнди. Сэнди такая всезнайка.

О Боже, как же не хочется это делать.

Но никуда не денешься.

Думаю, надо взять магнитофон, чтобы записать для потомства эти никчемные разговоры.

Телефон на кухне.

А тут еще эти рези в животе.

Што нас не убиват, то нас укреплят. Яволь!

Оказывается, я не помню номеров телефонов своих сестер. Разве это не ужасно?

Так, а какой там номер справочной?

Кажется, пять, пять, пять?

О, а это что такое?

Батюшки! Здесь в блокноте какие-то цифры, и очень подозрительные. Похоже, начинаются с

междугороднего кода.

А что, если в них разгадка тайны местонахождения Джоуди?

Хрен чего выйдет, Ватсон.

Эники-беники-ели-вареники...

Это были последние цифры номера.

Кто ведает, что зло в себе таит...

«Атас!»

Для тех, кто меня слушает, скажу. Я повесил трубку. Догадайтесь, кто ответил на другом конце?

Полиция. Полиция Индио. То есть города Индио, штат Калифорния.

Угомонись, сердечко. Ух... Не жми, очко. Вы замечали, когда вас разбирает страх, как весь низ живота оживает и начинает свербеть, и такое ощущение, словно кишки закручиваются вокруг тебя?

Примерно так я себя чувствую.

Удовольствие ниже среднего, когда ты делаешь безобидный звонок, а парень на другом конце отвечает, что он диспетчер департамента полиции.

А другой номер тогда чей? ФБР?

Полагаю, самое время выпить чашечку кофе и дать себе пару минут передышки перед следующим звонком.

О'кей, мои физиологические функции, кажется, постепенно приходят в норму.

Вопрос. Что делает номер копов из Индио в блокноте возле телефона на кухне Джоуди?

Ответ. Кто-то недавно им звонил.

Можно перезвонить и сказать, что я из полиции Лос-Анджелеса, симпровизировать и посмотреть, что получится, узнать. Отлетная мысль. Нет, не получится.

Небольшой совет начинающим преступникам: никогда не связывайтесь с легавыми, избегайте их.

Если я позвоню и попытаюсь шутки шутить, фараон на другом конце начнет подыгрывать, а тем временем кинет какой-нибудь прикольный закидон, типа отслеживания звонка. (Например, когда набираешь 911, твой звонок автоматически отслеживается. Им даже не надо тянуть время и держать связь с тобой, как это показывают в ки-

но. Бах, и компьютер выдает им адрес, откуда ты звонишь. Чудеса современной технологии.)

Попробую другой номер.

Если и он полицейский, просто ничего не скажу и повешу трубку.

Поехали.

Голос, который вы сейчас услышите, принадлежит вашему покорному слуге.

«Да, Фрэнк. Это капитан Дьюк Иствуд, лос-анджелесский департамент полиции. . . Вы механик или?.. А, понимаю. Один из наших офицеров дал нам ваш номер, указав, что может поехать в вашу сторону. Его зовут Фарго. . . Угу. . . О, это очень хорошая новость. Превосходно! Мы всегда надеялись, что все так и получится. У ребенка, которого действительно похитили, практически нет шансов, понимаете?.. Правильно, или их все же находят. В неглубоких могилах. Ужасно. Бог свидетель, сколько я перевидал такого на своем веку. Но на сей раз наши молитвы были услышаны, Фрэнк. Меня только удивляет, почему Фарго до сих пор нам ничего не доложил. В котором часу объявился мальчишка?.. Ага. . . Удивитель-

но, просто удивительно. Так, а вы не знаете, они уже возвращаются сюда с мальчиком?.. Неужели? Почему вы так думаете?.. Вы видите? Из своего окна? Это одна из наших черно-белых?.. Нет, у нас нет необозначенных синих “Фордов”. Это, должно быть, его личный автомобиль. Как название мотеля?.. Ага. Я позвоню ему туда. Фрэнк, хочу поблагодарить вас за помощь. Вы оказались очень полезны. Желаю вам спокойного дежурства. Пока».

Нет, вы верите?

Я лично нет!

Ба-ба-ба!

Что теперь? Соображай поскорее Они пока в каком-то мотеле под названием «Приют странника» напротив заправочной станции — старина Фрэнк видит машину Фарго на стоянке.

Сейчас восемь тридцать.

Слава Богу, что я поднялся ни свет ни заря. И вдвойне слава, что не завяз в своих рассказнях о наших приключениях.

О'кей, о'кей, о'кей.

Надо спешить в Индио.

И будем надеяться, что они захотят выпасться.

Есть идея!

Номер Ковбоя-то я помню.

Ну же, ну же, ответь. Окажись дома!

Йо! Ковбой!.. Да не слишком хорошо, если по правде. Но гораздо лучше, чем пять минут назад. Послушай, я все знаю насчет Лизы и всего прочего... Да знаю, знаю... Нет, все в порядке... Да, мы еще друзья. А сейчас послушай. Мне известно, где дети. Я сейчас за ними поеду. Хочешь со мной?.. Ха! Я так и знал. Так вот, слушай внимательно. Предок девчонки — легавый, и она сейчас с ним. Их трое: фараон, Джоуди и Энди... Да, конечно, красotka. Даже почище. Прах очень сдержанно высказался. Подожди, пока сам увидишь... Да, такая задумка. Взять ее живьем, а пацана порешить на месте... Да знаю, только мне начхать, чего те двое хотят. Послушай, давай возьмем с собой Праха. По-моему, он положил глаз на девчонку, да и такой снайпер, как он, может нам очень пригодиться — на случай, если понадобится уложить ее предка или кого-

нибудь еще с большого расстояния. Так что позвони ему, ладно? Но только ему. И скажи, что это между нами троими. Нам не нужно, чтобы какой-нибудь олух нас забыканил. . . Скажи, если он вздумает выкинуть какую-нибудь штучку, то он — в пролете. Я один знаю, где они, а он от девчонки кипятком писает, так что пусть соглашается. . . Нет, поедem на твоей тачке, так что залей бак и будь наготове. Нам надо торопиться, а то они ускользнут. Через пятнадцать минут я буду у тебя.

Часть VII

Расчетный час

Глава 31

Джоуди проснулась в залитой солнцем комнате и, перевернувшись на бок, увидела на другой кровати Энди. Тот лежал к ней спиной, отвернув голову и сунув руки под подушку, его наготу прикрывала лишь спустившаяся до пояса простыня. Джоуди вспомнила, что спать он ложился в ее халате, который теперь валялся на полу. Да и простыня на ягодицах и ляжках лежала чересчур ровно.

Судя по всему, под ней не было ничего, кроме самого Энди.

«Следовало бы либо смутиться, либо возмутиться», — подумала она. Но в номере было действительно жарко, и нельзя было винить мальчишку за излишнюю раскованность. Будь она од-

на, тоже бы разделась.

«Хорошо, что не последовала его примеру», — подумала Джоуди, заметив, как далеко сползла ее собственная простыня — ниже пояса.

И все равно было довольно душновато. Наверное, Энди сейчас хорошо. По крайней мере, его ничем не накрытому торсу.

Как приятно видеть его здесь. Не бояться, что он потерялся, или его похитили, или убили. Вот он, жив и здоров и мирно сопит у тебя под боком.

На фоне белых простыней его загар выглядел таким темным. Цвета морского песка в тени. Такой загар бывает у детей в середине лета после ежедневных купаний в бассейне, стрижки газонов и беготни по солнцу без рубашки. Но такой загар ровный и чистый, а у него сплошь и рядом лиловые синяки, потертости, струпья, ссадины и порезы, на вид почти свежие.

Словно после неудачного падения с велосипеда, к тому же сопровождаемого кувирками.

"Но он действительно катился с горы, — напомнила себе Джоуди. — Как, впрочем, и я сама.

Да, но я себя уже вполне нормально чув-

ствую", — обнаружила вдруг она.

Оставаясь на боку, Джоуди слегка изогнулась и напрягла мышцы. Тело немного ныло, и ощущалась определенная скованность, но сильных болей не было.

Пока все отлично.

Она приподнялась на локте. Нет, далеко не все в порядке. Особенно шея. Но после того, как она села и выпрямилась, стало гораздо легче.

Джоуди не прочь была бы увидеть за столиком у окна папу и Шарон — там, где они сидели, когда она и Энди ложились в кровати около трех ночи. Но там стояла лишь чуть-чуть недопитая бутылка виски. И еще несколько пластиковых стаканчиков, пустые банки из-под шипучки и диетической коки и пару распечатанных, но недоеденных пакетиков чипсов.

Остатки трапезы.

Джоуди вспомнила, как они все вывалили на улицу к торговым автоматам. Поднялся довольно свежий ветер, и Шарон пришлось сражаться со своим халатом, который все норовил распахнуться. Папа все время отворачивался, Энди же,

напротив, глядел в оба и даже нарочно пятился в самые критические моменты.

"Маленький негодник, — подумала она, — окидывая его взглядом. — Похоже, еще спит. Не думаю, чтобы ему удалось увидеть то, что ему не положено было видеть, но вовсе не потому, что он не хотел. О, да он и не старался. По крайней мере, не по-настоящему. Просто обезьянничал, чтобы произвести на меня впечатление. Неужели он поэтому себя так вел? — не унимался внутренний голос. — Кто знает? Может, втюрился в Шарон?

Или, может быть, видит в ней материнское начало, или... Едва ли. Тогда бы он не говорил, что папа ее «джиги-джиги».

Но где она? И где отец?"

Не сводя глаз с Энди, Джоуди медленно слезла с кровати, прижимая к себе простыню. Его лицо все еще было повернуто в другую сторону. Поскольку его дыхания не было слышно из-за шума кондиционера (гудеть-то он гудит, да вот не похоже, чтоб работал), Джоуди вовсе не была уверена в том, что Энди действительно спит. Может в

любой момент повернуться с широко открытыми глазами.

Но он не шелохнулся, даже когда она выскользнула из-под простыни, опустила босые ноги на пол и встала. Ночная рубашка расправилась, но недостаточно. Джоуди обеими руками ухватилась за подол и потянула вниз. Дотянув до середины бедер, она разжала пальцы. Подол стал снова подниматься вверх, но остановился как раз вовремя.

«Пустяк, — подумала она. — В конце концов, кому какое дело?»

Со стороны захламленного столика через небольшой просвет в сдвинутых шторах в комнату светило солнце. За окном был виден кусочек чугунного ограждения террасы, а за ним пяточок стоянки, несколько чахлых деревьев, дорога и заправочная станция «Тексако», где Энди совершил свой побег от дядюшки Вилли.

Представив Энди на крыше заправки, Джоуди улыбнулась.

Отсюда сверху его могли увидеть. Но он, должно быть, все время лежал. К тому же тогда

было уже темно, да и заправка довольно далеко отсюда.

Джоуди подалась вперед и уперлась бедрами в край столика. Тот покачнулся, и она не решилась сильнее налечь на него. К тому же из этого положения уже можно было дотянуться до штор. Раздвинув их пошире, Джоуди увидела на террасе справа человека. Похоже, он стоял прямо перед дверью рядом с перилами.

На нем были синие джинсы и футболка.

Вероятно, слишком жарко для замшевой рубашки.

Наплечной кобуры не было, и «браунинг» был засунут сзади за пояс джинсов.

Даже не видя лица, стоявшего можно было принять за настоящего бандита: бычья шея, широкие плечи и мускулистые руки.

Но Шарон он, кажется, нравится.

Они оба, похоже, нравятся друг другу.

Но девушки на террасе рядом с ним не было.

Сколько он уже тут стоит?

И зачем здесь вообще находится?

Видно, есть причины. Кто знает? Должны

быть.

Джоуди отпустила шторы, и те вернулись в прежнее положение. Выпрямившись, Джоуди обернулась.

Энди лежал, закрыв голову подушкой.

— Доброе утро, — поздоровалась она.

Энди только сильнее прижал к себе подушку.

— Тебе нездоровится?

— Отстань, — послышался тихий приглушенный голос.

Джоуди присела на край кровати. Матрац под ней слегка просел. Она подпрыгнула на нем несколько раз, чтобы встряхнуть и развеселить мальчишку.

— Прекрати, — буркнул тот из-под подушки. Джоуди перестала. Тут она заметила, что ее бедро касалось его бока, и ощутила жар тела через простыню. Приятное чувство, но не волнующее, как случалось иногда, когда они с Робом касались друг друга. Приятное в каком-то уютном и домашнем смысле.

— В чем дело? — поинтересовалась она.

— Ни в чем.

На бугорках позвоночника чуть ниже загривка пробивались тоненькие золотистые волоски. Джоуди провела по ним кончиком пальца. Она едва их ощутила. Энди заерзал.

— Что ты делаешь? — недовольно буркнул он.

— Ничего.

— Прекрати.

— Ладно. — Она наклонилась и подула. Струя ее дыхания пригнула тонюсенькие волоски и качнула миниатюрную волну по загривку.

Энди взмахнул рукой, желая шлепнуть Джоуди по руке, но промахнулся и стал потирать загривок.

Джоуди сдернула с его головы подушку.

— Эй!

Она плюхнула подушку себе на колени и прижала рукой.

— Отдай! — тихо произнес он, переворачиваясь на бок.

— Ни за что, Хозе. И выкинь эту блажь из головы... — Она осеклась, увидев красные заплаканные глаза.

Энди не кинулся отнимать подушку, а отки-

нулся на спину и укрылся с головой простыней.

— Оставь меня в покое.

— Не могу.

— Джоу-уди.

— Ну мы же друзья.

— Зна-аа-аю.

Джоуди протянула к нему руку. Под весом ее кисти натянутая простыня просела и легла на его тело. Джоуди стала нежно гладить его по груди.

— Простой ночью ты был молодцом, — шепнула она. — Ведь был же?

— Угу.

— Что случилось?

— Не знаю. Это когда я думаю о них.

Рука Джоуди скользнула по его груди. Под подбородком она зажала простыню между пальцами и потянула. Энди не сопротивлялся. Простыня сползла, обнажив его лицо, шею и плечи. Он громко и влажно чихнул. Затем моргнул, и из уголков глаз выкатились две огромных слезы.

— Слезы в уши затекут, — пошутила она.

— Ну и пусть.

Перенеся руку через его лицо, Джоуди смах-

нула соленую струйку с левого виска. Затем склонилась ниже, чуть повернула его голову и промокнула другую слезу губами.

— Боже, Джоуди, — прошептал он.

Поцеловав его в уголок глаза, Джоуди выпрямилась. Энди поднял голову и посмотрел поверх кровати.

— Где твой папа и Шарон?

— Папа сторожит на террасе, а насчет Шарон не знаю.

Мальчишка вновь уронил голову на матрац и чихнул. Затем поднес простыню к лицу и вытер глаза. После этого вынул руки из-под нее, опустил их по швам, прижав простыню к животу.

— Сейчас лучше? — поинтересовалась Джоуди.

— Да, немного. Поцелуй меня.

— А я что только что сделала?

— Я имею в виду по-настоящему, в губы.

— О, да, конечно.

— Пожалуйста.

— Ты, наверное, шутишь.

— Ладно, — надулся он, отворачиваясь, — из-

вини.

— Понимаешь, ты еще слишком маленький, чтобы целоваться с девочками.

— Мне почти тринадцать.

— Я как раз это и хотела сказать. Ты для этого еще слишком мал.

— Мама меня часто целовала.

У Джоуди стал ком в горле и на глаза навернулись слезы. Очертания повернувшегося к ней лица мальчика стали расплывчатыми. Положив руку ему на грудь, Джоуди медленно наклонилась и поцеловала его в губы.

Но, как только она начала подниматься, Энди застонал, словно ему стало больно, и она решила немножко затянуть поцелуй. «Только бы неожиданно не вошел в дверь отец, а то наверняка неправильно нас поймет. Мы не шуры-муры. Это совсем другое».

Джоуди подумала о своей правой груди, которой она прижалась к обнаженному мальчишке. Так получилось еще в самом начале поцелуя, но ей было так жаль Энди, что тогда она совсем не обратила на это никакого внимания.

Теперь вспомнила о ней, потому что почувствовала небольшую боль. Она даже знала, что болело под грудью, где она стесала кожу, когда перелезала через забор в пятницу ночью. Но удивляло то, что ее сознание никак не воспротивилось тому, что она так откровенно прижалась к Энди грудью.

"Кошмар. Да я бы никогда не позволила Робу и... "

«Но это же совсем другое, — возразила она внутреннему голосу. — Это абсолютно невинно».

Абсолютно. Тогда почему она неожиданно так покраснела, что, казалось, лицо вот-вот вспыхнет пламенем?

И она решительно начала подниматься. Когда их губы разъединились, Энди шепнул: «Нет, еще немножко» — и обхватил ее рукой.

Ее грудь теперь висела в воздухе, достаточно высоко, чтобы не лежать на его теле, хотя сосок все еще слегка давил через рубашку на его грудь.

— Отпусти, — шепнула она.

— Еще чуточку, — жалобно попросил он.

— Папа может войти, и если он подумает, что

мы занимаемся глупостями, пиши пропало. Ты ведь хочешь поехать к нам и жить с нами?

У Энди глаза округлились от изумления.

— Да. А ты думаешь, мне можно?

— Будет нельзя, если папе покажется, что ты хочешь меня. . . «джиги-джиги», как ты любишь выражаться.

На этот раз пришел черед краснеть Энди.

— О чем, между прочим, не может быть и речи, — строго сказала она. — А теперь отпусти.

Энди убрал руку, и Джоуди выпрямилась. Когда она начала поворачиваться, мальчишка подогнул колени. Получилось что-то вроде небольшой палатки, прикрывавшей его ниже пояса.

Джоуди бросила испуганный взгляд на окно. Слава Богу, никто не подглядывал.

Прижимая подушку Энди к бедрам, Джоуди встала и стала пятиться от кровати.

— Где мой халат? — спросила она, вступая в туфли.

— А мне что надевать?

— Что ты с ним сделал?

— Он здесь. — Энди перекатился на другую

сторону кровати, извиваясь, продвинулся к краю матраца и опустил руку. Затем взмахнул рукой, и из-под кровати вспорхнул в воздух халат. В нужный момент Энди разжал руку, и халат полетел в ее сторону, трепеща и планируя вниз.

А Джоуди бросила ему в лицо подушку.

В его смеющееся лицо.

И поймала халат.

— Спасибо, — поблагодарила она.

— И тебе спасибо.

Отвернувшись от мальчика, Джоуди накинула на плечи халат и стала искать рукава. И лишь после того, как были надежно запахнуты полы и затянут пояс, она снова повернулась к нему лицом.

— Чао, бамбино, — произнесла она, игриво пригрозив пальчиком.

— Куда ты? — с отчаянием в глазах вымолвил Энди.

— В ту комнату, где лежат все мои вещи. Пока можешь одеться. В мое отсутствие. Надевай все вчерашнее.

— А что, если от меня будет скверный за-

пах? — спросил он, поморщив нос.

— Что значит если?

— Ха-ха-ха, очень смешно.

— Может, мы тебе что-нибудь купим. Я переговорю с папой.

— Ладно.

— Ладно, пока.

Энди неожиданно сник.

— Эй, я ведь иду не за тридевять земель, а только в соседний номер. Через десять минут вернусь.

— Ладно. Только поторопись.

— Обещаю. — Она открыла дверь, и колючий зной с ослепительным солнцем накрыли ее как взрывной волной — Батюшки! — ахнула она и, скривившись, шагнула на террасу. — Как здесь ужасно.

— Свежий и чистый воздух пустыни, — расплылся в улыбке отец, демонстративно вдыхая полной грудью.

— Можешь забрать его весь себе. — Джоуди повернулась и прислонилась спиной к перилам. Теперь, по крайней мере, хоть солнце не слепило.

На отце были солнцезащитные очки, которые делали его похожим на патрульного мотоциклиста.

— Ты здесь уже долго? — спросила она.

— Достаточно долго.

— Что это значит?

— Это значит, что я чувствую — меня пора сменять. Дежурство — дело женское.

— А была ли в этом необходимость?

— Поскольку никто не появился, думаю, что нет. Пока. Хотя ничего нельзя знать наверняка. Никогда. Когда ты меньше всего ожидаешь, неприятность подкрадывается и хватает тебя за... глотку.

— За что?

— Не притворяйся, ты прекрасно меня слышала. За глотку.

— Ага, — засмеялась Джоуди. — Кстати, а где Шарон? В нашем номере?

— Была там.

— А где теперь?

Он поднял руку и указал пальцем куда-то вдаль. Джоуди повернула голову.

— Видишь грязную дорогу, уходящую за горизонт за заправкой?

— Угу.

— Последний раз, когда я видел Шарон, она направлялась на север. Это было полчаса назад.

— И что она там делает?

— Бежит.

— Бежит? Ты хочешь сказать, упражняется?

— "Надо поддерживать тело в хорошей форме". Так она мне сказала. Я возразил, что по мне, так оно у нее и так в отличной форме, но это ее не остановило.

— Я не то что бегать, не хочу и просто стоять на такой жаре. Она что, чокнутая?

— Чокнутая — это не совсем подходящее для нее слово, дорогая.

— Да? И какое же слово для нее подходящее?

— Ну, феноменальная.

— И что это означает?

— Посмотри в словаре.

— Что означает слово, я прекрасно знаю. Что ты этим хочешь сказать?

— Она удивительный экземпляр.

— Экземпляр?

— Женщины, полицейского, личности.

— Боже, па.

— Ты же сама спросила.

— Ну и?

— Энди еще не встал?

— Пытаешься сменить тему?

— Надеюсь, щуренок не скидывал во сне простыню.

— Нет, не скидывал. Сейчас он должен одеваться. Правда, у него есть только то, что я дала ему вчера.

— После завтрака мы ему что-нибудь купим.

— Завтрак. Рада, что ты наконец о нем вспомнил, потому что я умираю от голода.

— Как ты можешь такое говорить, когда всего несколько часов назад у тебя чуть щеки не полопались?

— Чипсы и прочая ерунда не в счет.

— Ну, будем надеяться, что ты будешь умирать от голода не очень быстро, потому что лишь Богу известно, когда вернется Шарон. А ей на-

верняка еще захочется принять душ.

— Ты думаешь, она сильно потеет?

— Признаюсь тебе как на духу, дорогая, — меня самого мучит этот вопрос. Но придется подождать. А там увидим.

— А пока что я могла бы одеться.

— Можешь не торопиться. У меня такое предчувствие, что Шарон мы еще не скоро увидим.

Глава 32

И Джоуди поспешила в другой номер. После уличной жары здесь было прохладно и замечательно. Шторы были распахнуты настежь, и пришлось их задвинуть.

В мягком сумраке, в который погрузилась комната, Джоуди увидела халат Шарон, брошенный в ногах кровати отца. Той кровати, которая, во всяком случае, до появления Энди прошлой ночью в номере 238, была его. Должно быть, Шарон зашла сюда прикорнуть на пару часов, пока отец стоял на страже. И занесла свою дорожную сумку, которая теперь стояла на полу между кроватями. Там же находилась и ее зачехленная винтовка.

Джоуди оглядела комнату в поисках каких-

либо следов присутствия отца в комнате вместе с Шарон.

Ничего.

"А что ты ожидала увидеть? Плавки на полу? Было бы просто смешно.

Я желаю папе счастья, — сказала она себе. — А Шарон само совершенство. Было бы великолепно, если бы они сошлись.

Да, но тебя беспокоит, что они уже могли это сделать.

Вовсе нет. Это не мое дело. К тому же это еще не случилось. Это невозможно, потому что они встретились только вчера вечером".

Джоуди швырнула свой халат на кровать, которая до внезапного появления Энди была ее, и стянула с себя ночную рубашку.

Оставшись в одних мокалинах, она отошла немного от торца кровати, чтобы поймать свое отражение в зеркале над умывальником.

— Какой ужас! — пробормотала она.

В тусклом свете волосы выглядели сальными, а повязки — грязными. Некоторые и вовсе болтались. Во многих местах кожа имела такой

вид, словно она неделю не мылась, хотя Джоуди понимала, что это не грязь. Темные пятна были синяками и ссадинами, и их невозможно было отмыть.

И все же ей захотелось принять душ.

«А почему бы и нет?»

Энди ведь мылся. Он принял душ в номере 238, после того как всыпал в себя тонну всяких «доритос» и «читос», залив все банкой шипучки из корнеплодов. Из душа он появился обвязанный вокруг пояса полотенцем, которое оказалось маловатым, и ему пришлось рукой придерживать его края. Тогда-то и отдала Джоуди ему свой халат.

И, прежде чем выходить, он поснимал все свои повязки, включая и эластичный бандаж с колена. Но последний ему еще был нужен, и Шарон перевязала ему колено, пока он сидел на конце кровати.

Расставание с повязками, похоже, не принесло Энди никакого вреда.

Правда, сразу после душа он выглядел каким-то ободренным, но с утра она видела его торс

и не заметила ни одной сочащейся раны. И на простынях не видно было ни капли крови.

— Посмотрим, что из этого получится, — буркнула она, отыскивая в сумке шампунь.

Затем зашла в ванную и прикрыла дверь. Ставя шампунь на край ванны, она заметила в мыльнице небольшой нераспечатанный кусочек мыла «Айвори». Потом сняла махровую салфетку с проволочной вешалки, попутно убедившись, что сможет достать из ванны одно из полотенец, висевшее там же. Накинув салфетку на кран смесителя, Джоуди расстелила на полу резиновый коврик.

Затем присела на унитаз. Справляя нужду, она скинула мокасины и посмотрела на свои подошвы. Пластыри отклеились еще прошлой ночью, и она достала их из носков, когда готовилась ко сну. Тогда ей было лень наклеивать новые. Тем более что на вид ступни выглядели вполне нормально. Как будто все порезы и царапины затянулись. Для пущей убедительности она прощупала большинство из них пальцем. Чувствительно, но почти безболезненно.

Что послужило добрым предзнаменованием и в отношении прочих ее ран.

Джоуди вновь обула мокасины, подошла к ванной, присела и открутила воду. Отрегулировав температуру, задвинула целлофановую занавеску и включила наконец душ. Когда из него хлынула вода, она скинула мокасины и стала в ванну.

Горячий ливень был приятен.

Главным образом.

Потому что некоторые раны жгло.

А рану от пули на ноге у самого паха словно поливали кипятком.

Поначалу она напряглась и скривилась, но через несколько секунд боль утихла настолько, что «царапина» под разбухшей повязкой ощущалась всего лишь как свежий волдырь от солнечного ожога.

И Джоуди вздохнула с облегчением.

"Но ведь это было самое тяжелое мое ранение. А каково тому, у кого настоящие раны? — подумала она. — Папа знает. Его даже можно назвать специалистом в этой области.

Не говоря уже о маме. — И Джоуди тяжело

вздохнула. — Не хочу об этом думать...

Или Ивлин, коли на то пошло. Спроси ее о том, что чувствуешь, когда тебя протыкают насквозь копьем".

— Боже! — пробормотала она. — Надо переключиться на что-то другое.

И, взяв в руку мыло, принялась срывать с него обертку.

«Надо вспомнить что-нибудь приятное, что не имеет никакого отношения ко всему этому. О Робе, например».

Она увидела его у своего дома на подъездной аллее в первый выходной после окончания занятий. Она тогда мыла папину машину, и никого рядом не было, а тут неожиданно подошел он и напугал ее.

— Помощь нужна? — весело спросил он.

— Конечно, но ты намокнешь.

Он только улыбнулся в ответ. Такая удивительная улыбка. Бесшабашная и вместе с тем немного озорная.

— От нескольких капель воды еще никто не умирал, — произнес он, подходя ближе и стяги-

вая на ходу рубашку. Джоуди еще ни разу не видела его без нее. Он был такой загорелый и сильный, его кожа такой гладкой, что она брызнула на него водой из шланга. От воды кожа залоснилась.

Джоуди скомкала мыльную обертку и положила ее на угол ванны.

«Нам теперь хорошо, не так ли?»

Подставив струе спину, она начала намыливаться.

Вспомнив, как тогда вздрогнул и взвизгнул Роб, она улыбнулась. Вода в шланге была жутко холодной. Она поняла это лишь тогда, когда Роб выхватил у нее из рук шланг и направил на нее. Она даже не успела далеко отбежать, и ледяная струя окатила ей спину.

Поверх белого купальника на ней тогда была старая просторная папина рубашка, которая тут же приклеилась к спине. От ее верещания залаяли все собаки в округе. Но самую большую ошибку она сделала потом, когда повернулась. Она выставила перед собой руки в надежде защититься от ледяного потока, но Роб направил

струю ниже, и, словно по волшебству, та нашла открытый участок под единственной застегнутой пуговицей отцовской рубашки и хлестнула по голому животу.

«Как раз в том месте, куда укололо копье».

Пока правая рука Джоуди скользила с мылом по ягодицам, левая двинулась к ране от копья. Живот был скользкий от мыла. Она нащупала пупок и повязку под ним, которая превратилась в мокрую тряпку.

Взглянув на нее, Джоуди отложила в сторону мыло, промыла под водой правую руку и стала отдирать пластырь. Тот свободно отделился от кожи. Посредине марлевого тампона красовалось коричневое пятно.

Сама рана выглядела как темная прорезь на красноватой бляшке размером с десятицентовик.

Покраснение незначительное, успокоила она себя.

И ранка не кровоточила.

Свернув повязку комком, Джоуди положила ее поверх обертки.

Без нее она почувствовала себя лучше.

«Тем более какой в мокрых повязках прок».

И Джоуди поснимала все, кроме одной — марлевый лоскуток на огнестрельной ране, решив пока что ее не трогать.

От пластыря на коже остались клейкие следы, и она начала оттирать их мыльной салфеткой. Затем она еще раз полностью намылилась и налила шампунь на волосы, после чего стояла под водой и ополаскивалась, пока не закрипели волосы и не осталось ни одного липкого места.

Наконец она закрутила воду и, отодвинув занавеску в самый конец, шагнула из ванной на коврик, сдернув с вешалки полотенце.

Оно было не намного больше салфетки и вдобавок потрепанное.

У Энди, похоже, было поновее, позавидовала она. Такого же размера, но, по крайней мере, не просвечивалось.

После того как она вытерла волосы, оно было уже насквозь мокрым. На вешалке висело еще одно, но его нужно было оставить для Шарон.

Полотенце было настолько маленьким, что вытираться двумя руками не получалось, так что

Джоуди обмотала его вокруг одной руки, и получилось что-то вроде огромной варежки. Это напомнило ей, как она вытирала насухо папину машину старой замшевой тряпкой в тот день, когда к ней подошел Роб.

С тем днем были связаны самые теплые воспоминания. Это было уютное и безопасное место, куда можно было мысленно уйти от всех невзгод.

Ей вспомнилось, как она стояла у переднего колеса, улегшись на капот, чтобы дотянуться как можно дальше своей замшевой тряпкой, и плотно прижавшись бедрами к переднему крылу. Металл был такой горячий, что она чувствовала это даже через мокрую рубашку. Она думала, что Роб в это время вытирал багажник, но внезапно его голова вынырнула из-за капота с противоположной стороны с возгласом: «Бууу!» Джоуди лишь слегка вздрогнула.

— Неужели ты ничуть не испугалась? — удивился он.

— Должна тебя огорчить.

— Черт! — с досадой произнес он, затем скрестил руки на капоте и положил подбородок на

правое запястье. Его лицо было всего в ярде от ее лица и чуточку ниже.

— Не возражаешь, если я просто на тебя посмотрю? — тихо спросил он, не отводя глаз.

— Не возражаю, — так же тихо ответила она, неожиданно почувствовав сухость во рту.

Она тогда осталась лежать на капоте, водя по нему замшевой тряпкой. Роб смотрел на нее, а она на него.

И уже после того, как раскаленный металл стал абсолютно сух, она еще долго водила по нему тряпкой.

"С тех пор машину ни разу не мыли, — вспомнила она. — Надо будет пригласить Боба, когда вернемся домой.

Только когда это будет.

Но ведь не может же так продолжаться вечно, — успокоила она себя. — Ну, может, неделю, в крайнем случае, две. У папы отпуск всего две недели, так что нам в любом случае придется вернуться до его окончания.

А когда мы вернемся, приглашу Роба. Скажу, что машина перепачкалась. Может, позвоню

и подожду, пока он придет, сама не буду начинать. На этот раз надену тот же купальник, только не стану натягивать эту ужасную папину рубашку.

Да, да, да, как же".

Она уже слышала его удивленный вопрос: «Боже, Джоуди, что с тобой приключилось?»

Обтершись спереди, она слегка наклонилась и стала себя изучать.

Купальник, конечно, кое-что прикроет, но не много. По крайней мере, этого будет совсем недостаточно.

«Через месяц совсем ничего не будет видно», — определила она.

«Если ты столько проживешь», — возразил внутренний голос.

«Как вы любезны», — возмутилась она.

"А как ты думаешь? Уже дважды ты только чудом спасалась. И они, похоже, не отстанут от тебя, пока. . . " — не унимался противный голос.

Джоуди скривилась от боли, когда полотенце хлестнуло по спине. Она нарочно так сильно перекинула его через плечо, но вовсе не ожидала,

что будет так больно.

«Однако сработало, — сказала она себе. — Прогнало прочь дурацкие мысли».

Заведя другую руку за спину, Джоуди нащупала болтавшийся конец полотенца и стала растирать им спину, хотя это было крайне неудобно.

Опускаясь ниже по спине, она встретила несколько чувствительных мест, но ни одно из них сильно не болело.

Наконец она решила, что суше с таким полотенцем уже не станет, и, перекинув его через плечо, стала осматривать ванную в поисках брошенных пластырей, повязок и обертки из-под мыла. Собрав все это, она пошла к мусорному ведру, стоявшему в углу.

Когда разжимала руку, чтобы выбросить мусор, на дне блеснула разорванная обертка из фольги.

Через мгновение ее уже не было видно под кучей пластырей, марли и бумаги.

У Джоуди что-то кольнуло в груди, ноги стали ватными, а желудок словно перетянуло узлом. В голове загудело, и зазвенело в ушах.

Они все-таки делали это! Теперь уже не могло быть никаких сомнений.

"Не следует это так воспринимать, — сказала она себе. — Надо радоваться. Папе кто-то нужен, и Шарон подходит ему больше других.

Не удивительно, что он назвал ее «феноменальной» — он был с ней в постели.

Он ее «джиги-джиги».

Трахал ее".

Джоуди вдруг стало дурно. Опустив крышку унитаза, она присела на нее, скрючилась и обхватила живот руками.

"Это же глупо, — пыталась она успокоить себя. — Разве не этого я сама хотела?

Но они даже не знают друг друга.

Они никогда не видели один другого до прошлого вечера, когда в меня стреляли.

Сколько прошло с тех пор времени?

А сколько сейчас времени. Десять утра? А они встретились вчера около восьми вечера. А потом папа снова вышел.

О Боже, папа, как ты мог? Все уши мне прожужжал о том, что я должна ждать, пока мне

не встретится настоящий парень, тот, которого я по-настоящему люблю, и даже тогда не позволять себе с ним ничего лишнего, по крайней мере, до восемнадцати лет (а еще лучше, до двадцати восьми), и лишь после того, как я буду встречаться с ним не менее одного года и заставляю его сделать анализ крови, и...

А папа делает это с совершенно незнакомой женщиной.

А что, если Шарон инфицирована вирусом СПИДа?

Папа не настолько глуп, чтобы сделать нечто подобное.

Во всяком случае, так казалось раньше".

После всех его высказываний на этот счет она даже представить себе не могла, что у него мог оказаться презерватив.

— Не думай, что тебя спасет презерватив, — сказал он ей однажды после того, как они посмотрели передачу Мэйджика Джонсона о безопасном сексе. — Не верь ни единому слову из всего этого, дорогая. Если парень, с которым ты встречаешься, инфицирован, то использова-

ние презерватива столь же безопасно, как игра в русскую рулетку. Один шанс из шести, что он либо лопнет, либо spadet внутри тебя. В этом случае беременность — самая маленькая из неприятностей, которые тебя ожидают. Один из шести, дорогая.

"Как после таких проповедей он сам мог поступить так неосмотрительно?

Может, просто не смог устоять. Шарон крутилась перед ним в одном халате и все время с ним флиртовала.

Вероятно, и презерватив ее. Наверное, из дому не выходит, не прихватив с собой дюжины, так, на всякий случай, если повезет встретить сексуально озабоченного мужика и затянуть его в постель.

Сучка.

А папа сейчас, быть может, считай что мертвый, и все из-за нее".

Джоуди смахнула ресницами пот с глаз, затем стянула с плеча полотенце и вытерла лицо.

Неожиданно она поняла, что вся покрылась испариной. Более того, пот катился с нее ручьем,

и его струйки вызывали неприятное щекотание. Даже крышка унитаза стала скользкой.

Тяжело вздохнув, Джоуди поднялась на ноги, обула мокасины, подскочила к двери и распахнула ее настежь. Словно веером, ее овеяло прохладой, и она почувствовала себя лучше, потому что пот сразу застыл.

— О, — слышалось где-то рядом.

Девочка в испуге прижала к поясу полотенце и прикрыла рукой груди.

— Прошу прощения, — прозвучал голос Шарон. Только теперь Джоуди ее заметила. — Мне надо было предупредить, что я зашла.

Шарон лежала на дальней кровати. Она не сочла нужным убрать халат и даже положила на него ногу. Туфли и носки валялись на полу у двери, а на ней еще оставались шорты и футболка. Лежала она на спине, опустив руки вдоль туловища и согнув колени.

Джоуди ничего не ответила. У нее было странное ощущение — словно ее раздувает и она вот-вот взорвется.

— Ты уже справилась? — поинтересовалась

Шарон. — Если нет. . . Я особо никуда не тороплюсь. Правда, слышала, что ты сильно проголодалась.

— Я уже закончила, — буркнула та в ответ, едва слыша свой собственный голос за звоном в ушах.

Шарон села, опустила босые ноги на пол и стянула с себя футболку. На ней был плотный огромный бюстгальтер, резко контрастировавший своей белизной с ее кожей.

— Жарче, чем под знойным ветром на улице, — заметила она, поднимаясь на ноги. Затем сжала футболку в комок и вытерла ею лицо. — Но физические упражнения нужны. Особенно после нашего вчерашнего кутежа, — Шарон выдавила из себя жалкую улыбку. — Остальное в туалете, — добавила она, подбирая с кровати халат. Неся его на вытянутой руке, очевидно, чтобы не коснуться им своего потного тела, она приблизилась к девочке.

Джоуди стояла как вкопанная прямо перед дверью в ванную комнату.

Шарон остановилась перед ней.

— В чем дело, дорогая?

— Не говори мне «дорогая».

Шарон нахмурилась.

— Что такое? Что-то не так?

— Я знаю, что ты сделала.

Уголок губ Шарон изогнулся вверх, и это напомнило Джоуди ухмылку отца, только без характерного для него выражения удивления — ничего, кроме смущения и озабоченности, на лице ее собеседницы не читалось.

— Что именно, Джоуди? — спросила она. — Я делаю многое.

— В этом я не сомневаюсь.

Неожиданно губы Шарон вытянулись в прямую линию, и от глаз остались маленькие щелки.

— Прекрати говорить загадками и расскажи, что тебя беспокоит.

— Ты сама прекрасно знаешь, черт побери. Отбросив халат в сторону, Шарон схватила девочку за плечи. Но ни сжимать, ни трясти не стала.

— Хорошо, Джоуди. Расскажи мне. Прямо

сейчас.

— Ты его трахнула.

Пальцы Шарон импульсивно сжались, но тут же, похоже, она овладела собой и отпустила девчонку. Руки безжизненно опустились вниз. Появившееся в ее глазах выражение заставило Джоуди отвернуться. Ей показалось, что такие глаза могли вывернуть ее наизнанку.

— Ага, понимаю. Я его трахнула. У нас тут только два «его», так кем был этот несчастный?

— Сама знаешь.

— А ты все равно скажи.

— Папа.

— Не угадала.

— Энди? Ты!.. Да ему только двенадцать лет. Боже, какая же ты извращенная стерва! Да неужели тебе мужиков не хватает?

Шарон только покачала головой. Нельзя сказать, чтобы она была очень обижена, но вид у нее был безусловно мрачный.

— Что ж, рада слышать, что у нас нет серьезных проблем.

— И это ты считаешь...

— Я никого не трахала — как ты крайне деликатно только что выразилась. В последнее время, по крайней мере. И даже немного раньше последнего времени. И уж точно не твоего отца или Энди. Боже, Джоуди, я, может быть, и не такая чистая, как свежий сугроб, но и не прыгаю в кровать с первым встречным, и уж тем более не совращаю малолетних. Что это тебе взбрело в голову заподозрить меня в чем-то подобном?

— А я... нашла вещественные доказательства в мусорном ведре.

— Рыться в мусорных ведрах — это твое любимое занятие?

— Нет! Я выбрасывала свои повязки и... и увидела это.

— Что ты увидела?

— Обертку. Обертку из-под презерватива.

Шарон прищурилась, и губы вытянулись тонким тугим шнурком.

— Понятно, — проговорила она, качая головой. Обойдя вокруг девочки, она вошла в ванную ком-цату.

— Зайди-ка.

Джоуди поплелась следом и увидела, как та присела на корточки возле мусорного ведра и сунула туда руку. Порывшись несколько секунд, Шарон встала, обернулась и протянула девочке злополучную обертку.

— Что здесь написано?

Джоуди тупо уставилась на кусочек фольги.

— Боже! — буркнула она.

— Опять неправильно. Здесь написано «алка-зет-цер». Мне стало плохо от выпивки и всех тех чипсов с нашего вчерашнего позднего ужина.

— Так... ты не...

— Конечно же, нет. Боже, Джоуди, да неужели ты думаешь, что твой отец оставил бы тебя и Энди без защиты, чтобы вскочить ко мне в кровать для минутного удовольствия? Я уж не стану говорить ни о чем другом.

— Ну...

— Да он в жизни не сделает ничего подобного. А знаешь, что на самом деле было? После того как вы вырубились, он провел меня сюда и поцеловал у двери.

— Тебе не обязательно это...

— Мы поцеловались, и это было очень приятно, но я не пригласила его войти, и он сам не стал настаивать, а вернулся к вашему номеру и стал на балконе перед дверью, где и простоял остаток ночи. Даже не позволил себя сменить. Сказал, что сон сохраняет женскую привлекательность.

— Привлекательность?

— Да, именно. Мне очень понравилось, как он это сказал.

— Да, действительно.

— Твой папа такой деликатный.

— Да, я знаю. Боже, Шарон, мне так стыдно. Прости меня.

Шарон присела и подняла с пола халат.

— Просто никогда больше не делай поспешных выводов обо мне, ладно?

— Какая же я дуреха.

— Не оговаривай себя, Джоуди. А сейчас, будь добра, посторонись с дороги, мне надо принять душ. — Она легонько стиснула ступившей в сторону девочке руку. — И не волнуйся, я ничего не скажу твоему отцу.

— Спасибо.

В двери ванной комнаты Шарон обернулась.

— Мы друзья? — насупившись, спросила она.

— Железно.

— Заметано.

Глава 33

На террасе отца уже не было, но Джоуди увидела его, когда проходила мимо окна номера 238. Он сидел за столиком, в том кресле, которое занимала прошлой ночью Шарон, и его почти не было видно за шторой.

Она постучала. Дверь открыл Энди. Он был одет, и даже волосы были причесаны, хотя и выглядели еще мокрыми.

— Заждались? — спросила она.

— Ага. Почему так долго? — поинтересовался он, закрывая за ней дверь.

— Дела, — отрезала она и загадочно улыбнулась. Отодвинув другое кресло от стола, Джоуди села. Энди опустился на край кровати, в которой она спала. В ногах другой кровати стоял «мосс-

берг» отца. — Откуда он здесь взялся?

— Все время здесь был, — ответил отец.

— Мне казалось, что ты оставил его в машине.

— Там бы он был нам ни к чему.

"А где же мой «смит-вессон»? — спохватилась она, но тут же вспомнила, как сунула его под переднее сиденье машины, как только они въехали на автозаправку вчера вечером. — Наверное, все еще там. Как и запасная обойма и пачка патронов. Если только папа или Шарон не забрали все это из машины.

Спросить?"

Но это означало бы напроситься на очередную лекцию по обращению с огнестрельным оружием.

Поэтому решила воздержаться. Пистолет наверняка еще там, где его оставили.

"А если нет? Если кто-то влез ночью в машину и украл его?... "

Вряд ли. Машина была прямо под их окнами на стоянке, и ее хорошо было видно с террасы, где всю ночь стоял на страже отец.

«В любом случае мне не следовало его там оставлять, — пожурела она себя. — Крайне глупый поступок. Слишком много крайне глупых поступков я совершаю в последнее время. Может, потому, что меня все время пытаются убить?»

— Так, и чем мы теперь займемся? — прервала она свои размышления.

— Теперь, когда ты уже с нами, — проговорил отец, — мы ждем Шарон.

— Ну, думаю, она уже приняла душ, потому что я, когда шла к вам, слышала, как она закрутила воду.

— Ты уже упаковала вещи в дорогу? — поинтересовался отец.

— Давно. Мы уезжаем или сперва позавтракаем?

— Расчетный час в мотеле только в полдень, так что у нас в запасе еще полтора часа. Полагаю, что можно оставить все в номерах и поехать куда-нибудь поесть. Загрузиться можно будет после возвращения. Затем, кому понадобится, может сходить куда следует, и тронемся в путь.

— В путь, это куда? — любопытствовала

Джоуди. Отец заговорщически улыбнулся Энди.

— Мы как раз об этом и говорили, когда ты вошла.

— В Феникс мы не едем! — воскликнул Энди.

— Ну и слава Богу.

— Но Сполдингу мне рано или поздно позвонить придется, — вставил отец.

— С этим можно не торопиться, — предложил мальчик.

— Его уведомили о том, что ты нашелся, — и этого пока достаточно. Мне нужно будет переговорить кое с кем и узнать наши права, прежде чем обсуждать этот вопрос с ним. А пока что считай себя частью нашей семьи.

— А я могу выбрать, какой именно частью? — расплылся в улыбке мальчишка.

— Домашнего любимца, — вставила Джоуди.

— Ха-ха-ха! А Шарон тоже часть этой семьи? — спросил он.

— Думаю, что да, — пожал плечами отец.

Прищурившись, Энди потер подбородок, подражая древнему мудрецу, поглаживающему бороду.

— Предположим, что Шарон — моя жена. Тогда вы оба могли бы быть нашими детьми.

— Убирайся отсюда! — вскипела Джоуди.

Папа только покачал головой, и на губах появилась его фирменная ухмылка.

— Как тебе это нравится? — не унимался мальчишка. «По крайней мере не горюет и не плачет», — заметила про себя Джоуди.

— Надо спросить у Шарон, — вынес свой приговор отец.

— Может, в ее огромном сердце найдется уголок, — выпалила Джоуди, — для несносных ничтожеств.

— Тогда бы ей понравилась ты.

— А вот и нет.

— Дети, дети, давайте жить дружно.

В этот момент на террасе появилась Шарон. Проходя мимо, она заглянула в окно и подняла в приветствии руку.

— А вот и женушка пожаловала, — подхватился Энди и вприпрыжку поскакал открывать дверь. — Дорогая, мы тебя уже жаждались.

— Что с ним такое? — вопросительно глядя

то на Джоуди, то на Джека, спросила Шарон.

— Он в тебя втюрился, — объяснила Джоуди. Энди покраснел как рак.

— Неправда. Я просто шутил. Вот как!

— Тут нечего стыдиться, приятель. Парни передо мной штабелями укладываются, — улыбнулась Шарон.

Джоуди немного повернула голову, чтобы посмотреть на отца. Лицо у него было почти такое же красное, как и у Энди.

— Ты сегодня утром прекрасно выглядишь, — донеслось с его стороны. Вроде самый банальный комплимент, но у Джоуди не было ни малейших сомнений, что он шел от чистого сердца. И в нем было гораздо больше, чем воспринималось на слух.

— Спасибо, — поблагодарила Шарон, кокетливо склонив голову набок.

Она выглядела свежей и спокойной, готовой к новым приключениям. Несколько верхних пуговиц белой блузки с короткими рукавами, эполетами и клапанами над карманами были расстегнуты. Сама блузка казалась немного велико-

ватой. Она не была заправлена и отвесно свисала с груди, прикрывая на несколько дюймов желтовато-коричневые, с широкими штанинами, но очень короткие шорты. Их отвороты, кольцом охватывавшие бедра, и свободный край блузки почти встречались.

Ноги у нее были смуглые и стройные, но вместе с тем мускулистые.

Белые носки были натянуты до самых лодыжек, а низкие кроссовки «бритиш найтс» выглядели совсем новенькими и сияли ослепительной белизной.

На плече висела коричневая кожаная сумочка.

"Интересно, а пистолет у нее в сумочке? — подумала Джоуди. — Наверное, там. Хотя блузка не подоткнута, и она вполне могла сунуть его за пояс. Либо спереди, либо сзади.

За такой блузкой не то что пистолет, связку ручных гранат можно спрятать, и то не будет вздуваться.

Джоуди перевела взгляд с отца на Энди. Оба как замороженные следили за Шарон — а та даже

ничего не делала Просто стояла, выставив вперед ногу, так, что получалось, вроде как на одной ноге, оттягивая правой рукой ремешок сумочки, а левой... может, они уставились так на нее потому, что ремешок перетянул ее правую грудь.

«Ах, мужчины».

— Ну и, — раздался голос Шарон, — каковы наши планы? Мы съезжаем, или едем завтракать, или?..

— Думаю, надо сначала поесть, — отозвался отец. — Выписывают только в полдень, так что у нас еще предостаточно времени.

— Звучит неплохо.

— Тут недалеко по дороге есть «Денниз».

Джоуди так и ждала, что он затем скажет: «Пройдемся пешком. Это не так далеко, и небольшой моцион будет нам только на пользу», поэтому решила его опередить.

— Мы ведь поедem на машине, правда? У меня такие ободренные ноги, а у Энди еще не зажило колено. Тем более что я только что из душа, и совсем не хочется быть потной и вонючей, — выпалила она на одном дыхании.

— Какие проблемы, — воскликнул отец, — ехать так ехать.

Пока он заворачивал свою пушку в старое одеяло, Шарон открыла дверь и выглянула наружу.

Как только Джоуди оказалась на заднем сиденье раскалившейся машины, она наклонилась и сунула руку под сиденье Шарон. Коврик был весь в песке.

— Что ты делаешь? — удивился Энди.

Пальцы нащупали пистолет.

— Ничего, — Джоуди оставила его на месте и выпрямилась.

Папа выруливал со стоянки.

— Поскольку мы на колесах, наши возможности теперь не ограничиваются «Деннизом». Что скажете, если проведем небольшую разведку местности в поисках какой-нибудь достопримечательности?

— Началось, — протянула Джоуди.

— В «Деннизе» можно поесть в любое время, — оправдывался отец, выезжая на улицу.

— Знаю, знаю.

— Может, нам удастся найти «Макдональдс»? — предположил Энди.

— Размечтался, — ехидно произнесла Джоуди, — тебе и Шарон надо распрощаться со всеми приличными и надежными заведениями общественного питания, к которым вы привыкли и которые полюбили. Сейчас вас везет Конг Фарго.

Отец рассмеялся.

— Его жизнь — постоянный поиск кулинарных приключений.

— Мы же путешествуем, — оправдывался тот, — так зачем нам та же еда, которую можно съесть, отойдя за несколько кварталов от дома?

— Я полностью согласна, — вставила Шарон, — и дело даже не в самой еде. Так мы сможем ощутить местный колорит.

— И местных микробов, — добавил Энди.

Джоуди рассмеялась и толкнула его локтем.

— Комедианты, — пробормотал отец.

— Прощай все знакомое и безопасное, — с сожалением бросила Джоуди, когда они проезжали мимо ресторанчика «Денниз».

В течение последующих нескольких минут

Джоуди сумела убедиться в том, что Шарон даже больше подходила отцу, чем она подозревала, потому что та не только полностью игнорировала все хорошо зарекомендовавшие себя по всей стране торговые марки ресторанов, но даже не пожелала остановиться в местных заведениях, которые на вид были более-менее нормальными. «А, эта забегаловка наводит тоску», или «Слишком банально», или «Ну и обстановка здесь», — только и слышалось спереди.

— Вы здесь сейчас поедите, — добавлял обычно в таких случаях отец, — а завтра даже ничего не вспомните.

— Мы сейчас умрем с голода, — жаловался Энди.

— Не-а, — успокаивала его Джоуди, — потерпи минутку, сейчас они найдут какой-нибудь темный и грязный притон с затхлым до живописности духом.

Но первым его заметила она сама.

— Тпру.

Название было незамысловатым: «Кактус Кэйтс».

— Верный глаз, верный глаз, — произнес отец. Это был комплимент, который он обычно приберегал на тот случай, когда у Джоуди получался не слишком плохой удар в бейсболе.

— А какая шикарная вывеска, — подхватила Шарон.

Подвешенный над дверью кафе плакат изображал шестифутовый кактус сагуаро и напоминал худого зеленого человека с поднятыми руками. Хотя никто не удосужился нарисовать кактусу лицо, зато на макушке его красовалось лихо заломленное набекрень сомбреро. Судя по виду, вывеска была вырезана из фанеры и уже давно нуждалась в покраске.

Папа тем временем подрулил к тротуару напротив «Кактуса Кэйтс».

— Мы действительно будем здесь кушать? — изумился Энди.

— Бьюсь об заклад, ты сейчас жалеешь, что не остался на крыше заправки, — закивала головой Джоуди.

— Если здесь будет так плохо, — попытался успокоить его отец, — поищем другое место.

— Не тешь себя надеждами, Энди. Такими плохими они почти никогда не бывают.

Отец тем временем уже вынул ключ из замка зажигания.

— Может, не надо? — нахмурилась Шарон. — Если дети действительно не хотят заглянуть в такое место. . .

— Джоуди просто нравится слушать свое нытье. А от посещения подобных заведений она получает истинное удовольствие. Правда, милая?

Шарон повернулась к девочке. Та только пожала плечами.

— Это делает жизнь вроде как интереснее. Все равно как наткнуться глазом на острый су-чок.

— Ну а ты? — спросила Шарон мальчишку.

— Я не знаю. Мы всегда ели у «Макдональдса», или «Бергер Кинга», или. . .

— А здесь не желаешь попробовать?

— Наверное. А почему бы и нет?

— Была не была, — воскликнула Джоуди, — где наша не пропадала!

— Вот это я и хотела услышать, — обрадова-

лась Шарон. — Вперед, возьмем их за жабры.

Антураж «Кактуса» напоминал скорее музей Дикого Запада: стены были увешаны колесами кибиток, ржавыми фонарями, клеймами, пейзажами хибар в заброшенных пустынных уголках и на отвесных утесах, пожелтевшими фотографиями в рамках. Кого здесь только не было: Джесс Джеймс, Сидящий Бизон, Джеронимо, Кастер, Буффало Билл, Дикое Стадо, Уйятт Ирп и, конечно же, папин любимчик — непревзойденный стрелок Джеймс Батлер Хиккок.

У отца даже глаза загорелись, когда он ступил за порог.

Шарон же просто пришла в восторг, когда обнаружилось, что можно заказать на завтрак кукурузные лепешки — буррито — с яйцом и перченой копченой колбасой — чоризо.

Изучая меню, Энди проямлил: «О'кей», когда наткнулся в нем на гренки из булки с изюмом и корицей.

Джоуди же больше всего в «Кактусе» понравилась официантка — высокая блондинка в возрасте между двадцатью и тридцатью годами, —

с важным видом подошедшая к их столику и беспрестанно жевавшая резинку.

Судя по пластиковой карточке, приколотой над левой грудью, ее звали Бэсс.

«Вот уж что здесь живописное, так это Бэсс», — подумала Джоуди.

На ней были сапоги-чулки из змеиной кожи, достигавшие почти до колен, синие джинсы в обтяжку, пояс с огромной пряжкой, изображавшей вставшую на дыбы лошадь, и лиловая футболка, окаймленная белой бахромой по глубокому вырезу на груди. Оба рукава футболки были закатаны настолько высоко, что полностью обнажали руки. Левая рука была гладкой и чистой, тогда как на правой красовалась накладка в виде пронзенного стрелой сердца с надписью: «Рождена, чтобы разбивать сердца и укрощать мустангов». Из мочек ушей свисали крохотные серебряные томагавки.

После того, как она принесла им кофе и горячий шоколад, Шарон, дождавшись, пока та выйдет из зоны слышимости, восторженно произнесла: — Клевый прикид.

— Тебе бы он здорово подошел, — поддержал ее отец. — Хотя можно было бы обойтись и без татуировки.

— Уже поздно.

Энди даже подался вперед.

— А что у тебя?

— Твои шансы это когда-нибудь узнать, приятель, практически равны нулю, — улыбнулась Шарон.

— А где они? — не унимался мальчишка.

— Не они, а она. Но это неважно. Пей свой шоколад. Энди и Джоуди принялись за свои напитки, прокладывая языком туннели к густой горячей шоколадной массе в горках нежных взбитых сливок.

Вскоре Бэсс вернулась, чтобы принять у них заказы.

— А что тебе, красавчик? — сказала она, потрепав мальчишку за плечо.

Энди зарделся как маков цвет.

Может, от прикосновения официантки, а может, оттого, что она назвала его красавчиком.

«Почему она его так назвала? — недоумевала

Джоуди. — Просто для красного словца?»

Энди, слегка заикаясь, заказал гренки из булки с изюмом и корицей и несколько разрезанных вдоль сарделек.

Джоуди это показалось вполне приемлемым, и она сделала тот же заказ.

Шарон заказала «чоризо» и «буррито» с яйцом.

— А что принести тебе, сахарок? — обратилась Бэсс с улыбкой к отцу.

— Я тоже попробую эти «буррито». Возможно, придется пожалеть, но... — пожал он плечами.

— Да ты просто будешь от них в отлете. И обольешься слюной. У нас лучшие «чоризо» на пять округов. Но это такой жгучий пинок в зад, что глаза на лоб лезут, поэтому тебе не стоит запивать их кофе. Тут нужен напиток, способный потушить огонь. Например, пепси.

Так что все остановили свой выбор на пепси.

— Ну и как она для местного колорита? — спросила Джоуди, когда Бэсс направилась на кухню.

— Какая милашка, — восхищенно проговорил Энди.

— Пинок в зад? — насупила бровь Шарон.

— Может, в этом смысле она немного и перембарщивает, — заметил отец, — но все же приятно общаться с официанткой, говорящей на чистом американском языке.

— Фу, какой ты, па. Настоящий расист.

— Это ты в самую точку. — Сделав глоток кофе, он отставил чашечку в сторону. — Хочу посмотреть фотографии и реликвии. Кто-нибудь со мной?

— Я бы тоже посмотрела поближе, — поддержала его Шарон, и они оба встали из-за стола. Отец направился напрямик к фотографии Дикого Билла, Шарон не отставала от него ни на шаг.

— Твой отец республиканец? — поинтересовался Энди.

— Нет, твердолобый фашист.

— Ты хочешь сказать, нацист?

— Да, — засмеялась Джоуди, — только еще хуже.

— Эти нацисты делали абажуры из кожи. Из

самой настоящей человеческой кожи. Ты этого не знала? Я видел эту ужасную книгу. Приносил в школу один мальчик. И там были все эти фотографии. Такие страшные, что кажутся ненастоящими.

— По твоему тону не скажешь, что они тебе не понравились.

Энди пожал плечами.

— Ну, конечно, в определенном смысле они были ужасными. Но при этом и классными. На некоторых — много женщин, выстроившихся в очередь в газовую камеру. Нацисты их обманули, сказав, что те идут принимать душ, только душевая на самом деле была гигантской газовой камерой. Во всяком случае, ни на одной из них не было ни клочка одежды. Я хочу сказать, что все было видно.

— А тебе как раз такое нравится.

Энди снова пожал плечами.

— Многие из них были такими толстыми и безобразными, но...

— Боже, Энди.

— Ладно, молчу. Но на другой фотографии

был абажур. На первый взгляд абажур как абажур, вполне нормальный. Но на нем была чья-то татуировка. Какая-то птица, орел, что ли. И все выглядело так, словно она летела к луне или солнцу, но на самом деле это был мужской сосок.

— Прекрати, а то меня вырвет.

— Да, но, с другой стороны, это даже круто.

— Совсем нет. — Джоуди с удивлением смотрела на него. Совсем недавно зверски убили его родителей и сестру. Как он мог говорить о таких вещах, как абажуры из человеческой кожи и обнаженные женщины, выстроившиеся в очередь смерти, тем более с таким наслаждением?

И разве он забыл того мертвого парня на полу в его спальне, на котором были штаны из человеческой кожи?

И почему он так возбуждается от фотографии с абажуром?

Нет, это какое-то безумие.

«Может, это своего рода защитная реакция в форме отрицания? — подумала Джоуди. — Или в форме компенсации или что-то еще? Один из тех психологических вывихов, которые случаются с

людьми, в голове которых все смешалось».

— Как бы мне хотелось взглянуть на эту татуировку, — прошептал Энди.

— Давай не будем больше об этом абажуре, о'кей?

— Да не ту, — обиделся он. — Я о татуировке Шарон. Готов поклясться, она у нее на одной из сисек.

Джоуди сильно ткнула его в бок локтем.

— Эй! Прекрати эти разговоры о сиськах.

Она увидела, как глаза Энди опустились на ее собственные.

— Хватит!

— О'кей, о'кей! Успокойся.

— Тем более что она может быть совсем в другом месте. Например, на задугу.

— Я бы там никогда не решился сделать, — нахмурился мальчишка.

— Я лично нигде не собираюсь делать татуировки.

— Может, она у нее на пипке.

— На чем?

— Ну, на пипке. Сама знаешь.

— Нет, не знаю.

— Там, внизу, — и он показал на лоно Джоуди. Джоуди шлепнула его по руке.

— Ой, больно!

— Будешь знать. Тебе надо рот вымыть с мылом.

— Драться необязательно.

— А тебе необязательно тыкать куда ни попадя пальцем. Боже, а если кто-нибудь увидел?

— Никто на нас не смотрит.

— Как бы тебе понравилось, если бы я начала показывать пальцем на твой «сам-знаешь-что»?

— На мой пипик? — расплылся в улыбке Энди.

— Тс-с! Это общественное место. Прекрати сию же минуту!

— Ладно. — Он подвинулся вплотную к Джоуди и зашептал ей на ухо: — Пипик-пипик-пипик-пипик.

— Идиот.

— Пипка-пипка-пипка-пипка.

— Что с тобой, ты превращаешься в пятилетнего?

Но Энди понесло.

— Пипка и пипик сидели на ели, и тэ-эр-а-ха-эл-и-с-ь две недели, сначала кончил. . .

Джоуди зажала ему рот ладонью.

— Заткнись! Это вовсе не смешно.

Энди быстро закивал головой, словно хотел убедить ее в обратном.

— А мы сейчас спросим у Шарон, что она об этом думает, — произнесла Джоуди. Улыбаясь, она опустила руку.

Улыбка сошла с лица Энди, и его глаза стали шнырять по кафе в поисках Шарон. Наконец он нашел ее. Та стояла возле Джека, и оба разглядывали ночной пейзаж пустыни.

— Мне кажется, ее очень интересуют, — добавила Джоуди, — твои теории относительно местонахождения ее татуировки.

— Беги рассказывай.

— Я так и сделаю.

— А вот и не отважишься.

Джоуди ухмыльнулась. По каким-то едва уловимым признакам она поняла, что улыбка должна была получиться на редкость злорадной.

— Шарон, надо полагать, уж точно знает, что

такое пипка, как ты думаешь? Ведь она работает в полиции, так что слышала, наверное, обо всем на свете. Но даю голову на отсечение, это не самое любимое ее слово.

Лицо Энди неожиданно исказилось.

— Ты ведь ей ничего не скажешь, правда?

— Это пойдет тебе впрок.

Глаза мальчика испуганно забегали.

— Перестань, Джоуди. Ты ведь не расскажешь, правда?

— Назови хоть одну причину, почему бы мне этого не сделать.

— Ну, не знаю. Потому, что мы друзья?

Когда он это произнес, у Джоуди встал ком в горле. Этого она никак не ожидала. Он разозлил ее, но она только начала получать удовольствие, дразня его. А тут неожиданно оказалось, что еще чуть-чуть, и она расплачется. Это было для нее полной неожиданностью.

— Да, — тихо произнесла она, — мы... — Но дальше она договорить не смогла и только протянула руку и хлопнула его по ноге.

— Ты мой самый лучший друг в мире, — за-

шептал Энди.

Джоуди сглотнула подкативший ком.

— Помолчи, ладно?

— Обещаю, я никогда больше не буду говорить ни «пипка», ни «пипик».

— Ни «трахаться», — пробормотала Джоуди. И ужаснулась своим словам.

— Я не говорил «трахаться», — запротестовал мальчишка.

— Но ты назвал по буквам. Это одно и то же.

— Хорошо, я никогда...

— Эй, несут завтрак. Хватит уже этих грязных словечек.

К ним направлялась Бэсс с огромным подносом, нагруженным тарелками и стаканами с пепси.

— У тебя прелестная наколочка на руке, — сказал Энди официантке, ставившей поднос на складной сервировочный столик.

— Большое спасибо, красавчик.

— А у тебя есть другие?

— А то.

— Я могу посмотреть?

Джоуди тяжело вздохнула.

Бэсс залилась лающим смехом.

— Твой братец хоть и мал, да, видать, не промах, да? — И улыбнулась Энди.

— Да. — Лицо Джоуди горело. — Не промах-то не промах, да только часто промахивается.

Тем временем вернулись отец и Шарон, но остановились поодаль, ожидая, пока Бэсс накроет. Затем они заняли свои места.

— Что интересного произошло за время нашего отсутствия? — поинтересовался отец.

Энди испуганно покосился на Джоуди.

— Совсем ничего, — ответила та. — А как прошла экскурсия?

— Неплохо.

— Вам тоже не мешало бы посмотреть перед уходом, — вмешалась Шарон. — Есть очень-таки милые вещицы.

— Уверен, тебе понравится индианка из племени апачи, — обратился отец к Энди, — ее фото внизу в дальнем углу кафе возле туалета.

— Почему она должна понравиться Энди? — поинтересовалась Джоуди. — Она что, голая?

— Нет, безносая.

— Вид у нее ужасный, — добавила Шарон.

— Усечение шнобеля — древнее наказание женщин апачи за супружескую неверность.

— Эти апачи, похоже, были большими шутниками, — заметила Шарон.

— Почему ты полагаешь, что Энди найдет это забавным? Ты что, стал психиатром? — обратилась Джоуди к отцу, не дожидаясь, пока тот нахохочется.

Отец только пожал плечами.

— Такое обычно нравится всем мальчишкам.

— Предостережение мне: никогда не выходить замуж, — произнесла Шарон, прежде чем отправить в рот очередную порцию «буррито» на вилке.

— Нацисты делали абажуры из кожи, — сказал Энди, подвигаясь к ней ближе. — Из человеческой кожи.

— Я так рада, что ты поделился с нами своими знаниями, Эндрю.

— Он такой неотесанный, — добавила Джоуди.

— Мужчины этим отличаются, — начала Шарон. — Но у них есть и другие качества, которые компенсируют этот недостаток. По крайней мере, у некоторых из них. И я не уверена, есть ли они у Энди.

Энди покраснел и рассмеялся, словно ему сказали большой комплимент.

Джоуди толкнула его локтем.

— Это было оскорбление, придурок.

— Джоуди! Следи за своим языком, — возмутился отец.

— За языком? Я? Да ты бы слышал, что...

— Превосходные гренки, — прервал ее Энди. — Думаю, это все благодаря булке с корицей.

Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу.

«Я чуть было не наябедничала на него», — досадовала она.

И она была признательна мальчишке за то, что он вовремя ее остановил.

Взяв в руки нож и вилку, Джоуди начала резать на кусочки свою гренку.

— Чем мы займемся после завтрака?

— Думаю, вернемся в мотель и выпишемся, — ответил отец.

— Может, сначала поищем магазин? Энди нужна какая-нибудь одежда.

Отец взглянул на часы.

— Посмотрим, сколько останется времени, когда будем уходить отсюда.

Часть VIII

С вами снова Саймон

Глава 34

Поехали? Прошлый раз я соскочил, как только повесил трубку после разговора с Ковбоем. С тех пор много чего случилось. Много крови было пролито. Сейчас у меня наконец выпала свободная минутка, чтобы поговорить об этом. Так что поехали.

После того разговора я пулей понесся к Ковбою, мы загрузились в его «Кадиллак», заехали к Праху и уже от него взяли курс на Индио.

И добрались довольно быстро.

Впрочем, все же недостаточно быстро.

Когда мы были на месте, я попросил Ковбоя заехать на заправочную станцию «Тексако», тем более что нам нужен был бензин. Так что, когда он подрулил к колонкам самообслуживания,

я вылез из машины и пошел заправлять бак.

Пока качался бензин, у меня была прекрасная возможность изучить стоянку у мотеля «Приют странника» через дорогу. Тот придурок, Фрэнк, сказал по телефону, что видит машину Фарго — синий «Форд».

Но там, на парковочной стоянке, почти все места были свободны. Только пара фургонов, джип и три служебные машины. И ни одной синей.

Ничего удивительного, если учесть, что было почти одиннадцать, а одиннадцать — час выписки в большинстве мотелей. Так что все уже в дороге, включая и клан Фарго.

Значит, мы разминулись.

На душе словно кошки скребли.

Но надо было закончить заправляться, и я стоял возле бака.

Между прочим, я все еще Саймона. На мне парик с каштановыми волосами, поскольку платиновый, который я надевал прошлой ночью, показался слишком броским для светлого времени суток, а мне не хотелось привлекать к себе особо-

го внимания. В своем новом парике я выглядел женственно, но не криливо.

Поскольку я проснулся с ужасным лицом (помните, что этот сукин сын Генри сделал мне прошлой ночью?), мы остановились в Дезерт-Хот-Спрингс, и я послал Ковбоя в аптеку за пластырями и макияжем. Марафетился я в пути. Чтобы прикрыть следы укусов на щеке, достаточно оказалось одного большого пластыря (к счастью для меня, этот гребаный Генри был не доберманом), а с помощью косметики замаскировал синяки.

Покидая дом Джоуди, я снял окровавленное летнее платье и надел одну из футболок девчонки. Большинство из них были похожи на сувениры, привезенные из летних экскурсий или поездок в Диснейленд, но мне все же удалось найти одну розовую без каких-либо картинок или надписей. Затем я обнаружил белую плиссированную юбку.

Костюм мне был очень к лицу. Я выглядел свежо и невинно и намного моложе двадцати четырех своего настоящего возраста.

Даже Ковбой отдал должное моему виду.

От дома Джоуди я добрался к нему за пятнадцать минут. Открыв дверь, он застонал: «Одушечка». Затем сгреб меня в охапку, оторвал от пола и стиснул своей лапой мне грудь через футболку. Ковбой весил около трехсот пятидесяти фунтов, и хотя это в основном жир, но он иногда качался, и мышц у него хватало. Мне, можно сказать, крупно повезло, что в бюстгальтере не оказалось настоящего буфера, иначе бы от него осталось одно мокрое место.

— Вот черт! — выругался он, заметив, что тискает туалетную бумагу. — Что случилось с девушкой моей мечты?

— Она дожидается нас в Индио, — успокоил его я. — И может от нас уйти, если не пошевелим поршнями. Так что опускай меня, и поехали.

В течение всей поездки он дурачился, притворяясь, что флиртует со мной, и лазил под юбку. Хотя я далеко не уверен, что это были только шутки. Мне кажется, что он вроде как надеялся или желал, чтобы я каким-то образом превратился в девчонку и выглядел такой, каким был в тот

момент. Иногда ведь бывает: смотришь кино, которое уже видел, а его финал тебе не понравился, и ты все еще надеешься и очень хочешь, чтобы все обернулось по-другому. Если по-настоящему увлечешься, можно почти убедить себя в том, что такое обязательно произойдет. И, наверное, он почти убедил себя, что я превращусь в женщину.

Честно говоря, думаю, что у него даже капнуло с конца.

Как, должно быть, чудно быть девчонкой и иметь такую власть над парнями.

Время от времени мне приходилось его одергивать и пару раз даже сбрасывать его руку.

Прах сидел на заднем сиденье и большую часть времени глазел в окно, так что не заметил нашей возни. А если и заметил, проигнорировал. Он был из тех, кто никогда не тратит время на подобную ерунду. Все в этом вшивом мире он воспринимал всерьез. В сущности, он был настоящим параноиком. Одним из этих чокнутых борцов за выживание. Считал, что очень скоро наступит конец мира или, по крайней мере, «ци-

визации, какой мы ее знаем». Чуть ли не на следующей неделе, понимаете? И все готовился к этому.

У него даже где-то было свое бомбоубежище. Он часто о нем рассказывал, но никогда и никому не называл места. Рассчитывал укрыться там и пережить глобальную термоядерную катастрофу.

Даже с нетерпением ожидал ее.

По его словам, катастрофа была уже на подходе. И Прах постепенно терял терпение.

А как он огорчился, когда два года назад развалился Советский Союз. В жизни не видел такого отчаяния. Какой пролет для бедняжки Праха! Это, считай, напрочь лишило его всякой надежды когда-нибудь узреть атомный гриб, и у него началась жуткая депрессия.

Но затем в прошлом году в Лос-Анджелесе были эти беспорядки на расовой почве, и надежды Праха возродились. Пусть ему никогда не суждено насладиться массированными взаимными атомными бомбардировками, но, за неимением лучшего, расовая война показалась ему почти столь же привлекательной. И он связал все свои

надежды с нею.

Теперь он дожидался бунта чернокожих с тем же энтузиазмом, с каким когда-то надеялся на атомную войну.

Мне кажется, что он мечтал об отражении атак из своего тайного бункера — облачившись в бронежилет «кевлар», железную каску и маскировочный костюм и вооружившись до зубов, косить свинцом орды безумствующих дикарей.

Смеющимся или улыбающимся я видел его лишь тогда, когда ему удавалось кого-нибудь уложить.

Да, этот Прах был потенциальным пациентом для дурдома. Но это был настоящий ас с винтовкой, которая лежала теперь на заднем сиденье рядом с ним.

Ладно, так на чем я остановился?

«Тексако». Правильно. Заправка. Я в своем чудном парике и шмотках Джоуди, и все такое. Рядом заправлялись еще несколько человек, и в мою сторону взглянула пара парней, но кадрить меня никто не стал. Может, потому, что в машине сидели Ковбой и Прах.

Из-за нашего опоздания меня даже начало немного мутить.

Может, если бы я не связался с этим переодеванием, или если бы Ковбой не тискал меня столько на крыльце, или если бы мы не останавливались у этой аптеки, чтобы купить пластырь, и прочее, или... Черт, да они могли уехать так рано, что все это до одного места.

Что сделано, то сделано. Правильно?

Главное теперь, как сыграть с тем, что у тебя на руках.

А расклад такой: я сказал Ковбою и Праху, что знаю, где можно захватить девчонку. И, конечно, сказал, что она в Индио. Но ни слова ни о каком мотеле, ни о том, в какой машине они едут.

Я утаил это, просто чтобы избежать ненужного риска, понимаете? И совсем не собирался накалывать ребят.

Но неожиданно мне пришлось это сделать.

Не мог же я просто признаться, что мы явились слишком поздно и упустили Джоуди. Ковбой мог бы воспринять это вполне нормально,

а вот Прах в данном смысле был совершенно непредсказуем. Очень темпераментный парень. Мог взбелениться и пришить меня.

Пистолет щелкнул, я повесил его на крючок, завинтил крышку и пошел расплачиваться.

В Лос-Анджелесе, прежде чем заправляться, надо заплатить. Это потому, что там тьма недоносков, которые уедут, не заплатив, если им только позволить. Первый признак настоящего цивилизованного места, это когда ты сначала заправляешься, а потом платишь деньги.

Так вот, я заплатил, вернулся к машине и сел на переднее сиденье.

— Поехали, — скомандовал я и показал Ковбою, куда, словно действительно знал какое-нибудь место.

Время от времени он интересовался, куда мы все-таки направляемся, на что я неизменно отвечал: «Увидишь». Словно это было большим секретом.

Секретом, — это точно. Даже меня в него не посвятили.

Прах не промолвил ни слова и все выгляды-

вал в окно.

Мы проезжали через деловые кварталы, где было множество магазинов и ресторанов, и я приглядывался к пассажирам встречных машин и к пешеходам.

Джоуди среди них, разумеется, не было. И, думаете, я сильно удивился?

Синих машин было море. Я автоматически заглядывал в них, но совсем не надеялся увидеть в них Джоуди.

По правде говоря, я вовсе не ее искал.

Мне нужна была более-менее близкая копия. Кто-нибудь примерно ее возраста и телосложения с золотистыми волосами и аккуратной короткой стрижкой. Кого-нибудь, кто мог бы сойти за нее.

Ковбой и краешком глаза ее никогда не видел. Свой единственный шанс он упустил еще тогда, когда девчонка прошмыгнула мимо двери спальни в ночь на субботу. В тот момент Ковбой выпендривался, обернувшись спиной к двери.

Надуть его будет проще простого.

Сложнее будет с Прахом. Тот неплохо рас-

смотрел ее в оптический прицел — настолько хорошо, что заметил, какая она сногшибательная красotka, и передал Тому, что надо взять ее живьем, чтобы позабавиться.

Впрочем, может, его все-таки удастся провести. Может, у него сложилось лишь общее представление о Джоуди-красавице, а ее он на самом деле не разглядел.

Гнилой шанс.

Если мне не удастся подыскать ну очень хорошую копию, Прах наверняка допрет, в чем дело.

Девчонки вокруг были: ехали на задних сиденьях автомобилей, шли по тротуарам со своими родителями или друзьями, заходили в магазины. Встретилось даже несколько велосипедисток. Но с ними вечно было что-то не так. Если подходящий возраст, то либо слишком толстые, либо волосы были не того цвета, либо в очках, либо вообще страшнее смерти.

— Ты уверен, что знаешь, куда ехать? — спросил Ковбой после продолжительной паузы.

— Уже почти приехали, — бросил я.

Надежда рождает вечность.

— Здесь поверни налево.

Ковбой повернул.

— На следующем перекрестке направо, — командовал я через пару кварталов.

Теперь мы проезжали по жилому району со старыми отштукатуренными снаружи домами, стоявшими по обе стороны дороги. Палило солнце, и на улице почти никого не было. Наверное, слишком жарко. Хотя в машине Ковбоя нам было нормально — кондиционер крутился на всю катушку.

— Так, на следующем углу налево, — произнес я.

Ковбой повернул. Впереди начинались пустыри. Пару передвижных домиков и еще несколько обычных, разбросанных на большой площади развалюх. Судя по открывшемуся пейзажу, мы доехали до самой окраины и вот-вот должны были попасть в пустыню.

— Что ты пытаешься отмочить? — прорезался голос у Праха.

— Ничего.

— Так где же она, твою мать? Не знаешь, да?

Ты что, решил нам устроить экскурсию?

— Видишь впереди дом с пикапом?

Он стоял справа примерно в ста ярдах впереди. У дороги висел ржавый почтовый ящик. Пикап выглядел новеньким — сорок лет назад. Сейчас все окна были выбиты и ни одного колеса. Дом смотрелся не намного лучше, чем грузовичок, но, по крайней мере, окна были целы.

— И ты мне будешь рассказывать, что она здесь? — угрюмо брякнул Прах. Судя по тону, заставить его поверить в это будет весьма непросто.

— Я не вешаю тебе лапшу на уши, — поспешил заверить его я, — сам увидишь. — И, повернувшись к Ковбою, сказал: — Остановись у ящика.

— Ты уверен? — произнес он и бросил на меня такой взгляд, словно я сошел с ума.

— Увереннее быть не может. Адрес дал мне старый приятель, который, между прочим, лейтенант департамента полиции Лос-Анджелеса и отвечает за защиту свидетелей.

Лицо Ковбоя отобразило удивление, а может, даже и восхищение.

— Гонишь, какой там еще лейтенант?.. — подозрительно зыркнул Прах.

— Это одна из их конспиративных квартир. Подождите здесь. Я пойду первым. Им сообщили, что приедет женщина из Общества защиты детей, то есть я.

На том я выскочил из машины и пошел к дому. Пот катил с меня градом. И не только от жары. Я спиной чувствовал направленные на меня взгляды Ковбоя и Праха, и мотор мой работал вразнос.

Кто мог оказаться в доме, у меня не было ни малейшего понятия.

Хотя кого там точно не было, я знал наверняка — Джоуди.

По внешним признакам дом выглядел необитаемым. Кроме бесполезного пикапа, машин вокруг не было. Да и вообще не было никаких следов того, что кто-нибудь занимал этот клочок собственности или, по крайней мере, следил за его состоянием. Во дворе, кроме пыли, потрескавшейся земли, камней и нескольких хилых кустиков, ничего не было. От запыленных на-

ружных стен дома во многих местах отвалились огромные пласты краски. Окна были настолько грязными, что через них ничего не было видно.

Возле входной двери я остановился. Она была заперта, и изнутри не доносилось ни звука.

Постучав пару раз, я отошел от двери и посмотрел по сторонам.

Справа, на довольно большом расстоянии, на блоках стоял старый передвижной домик. Хотя на вид он был вполне обитаем, машины рядом не было, и я решил, что его обитатели куда-то намылились. Сегодня было воскресенье, так что они вполне могли отправиться в церковь.

Слева начинались пустыри, а дома на другой стороне улицы выглядели почти такими же заброшенными, как и этот.

Но, куда бы я ни бросил взгляд, нигде не заметил никого, кто бы за мной наблюдал. Если, конечно, не считать Ковбоя и Праха в машине.

Так что это место было ничем не хуже других.

И я вновь повернулся лицом к двери, но в тот момент, когда я уже занес руку, чтобы еще раз постучать, дверь отворилась.

Чего я вовсе не ожидал.

И внутри все перевернулось.

Но мне опять повезло. Дверь открыл парень, а я знал, как привлекательно выглядел.

Но мне повезло еще больше — передо мной стоял подросток.

Пятнадцати— или шестнадцатилетний, с несколько туповатым выражением из-за армейской стрижки и выступающих передних зубов. Рубашки на нем не было — только полинявшие синие джинсы. Он был довольно загорелым, но кожа была какая-то рыхлая и шелушилась.

Определенно я не рассчитывал найти ничего подобного в таком месте.

Я вообще полагал, что дом пуст. Ну разве что какая-нибудь изможденная старая карга или грязный бородатый отшельник в засаленной спецовке.

Этот мальчуган был довольно приятным сюрпризом.

И, несомненно, еще большим сюрпризом был для него я.

Он удивленно смотрел на меня и моргал гла-

зами.

— Доброе утро. Меня зовут Саймона, — поздоровался я.

— Привет.

— Кажется, я и мои друзья заблудились.

— А? — Он склонился в сторону посмотреть на улицу.

— Мой муж и зять, — пояснил я, — мужчины бывают такие глупые.

Он хихикнул. Что больше походило на фыркание.

— Ты не можешь мне объяснить, как выехать назад на федеральное шоссе?

— Куда? — напряженно сощурился он в какой-то прострации.

— На большую федеральную... а, впрочем, может, мне лучше спросить у мамы или папы?

— Ма на работе. Ну, в этом супермаркете «Сэйфвэйв», знаете?

— А папа дома?

— Не-а, умер.

— Извини.

— А, он был дерьмом. Спросите любого.

— Ты не против, если я зайду на минутку и воспользуюсь твоим туалетом? — улыбнулся я.

У него покраснело лицо и отвисла челюсть.

— Мне крайне неловко об этом просить, но ситуация чрезвычайная. Мы уже очень долго ищем дорогу, а те чурбаны просто вылезли из машины и помочились под какой-то кактус. Вам, мужчинам, в этом отношении так повезло. — И я бросил томный и откровенный взгляд в сторону его ширинки.

Откашлявшись, он потер тыльной стороной руки губы.

— Думаю, если вам надо в... вы, конечно, можете... — И, пожав плечами, он шагнул назад. — Входите.

И я вошел.

Повторяя бессмертное выражение Бэтт Дэвис: «Какой бардак!»

Если в только это — а то еще и жарче, чем в аду, и вонь умопомрачительная.

Когда закрылась дверь, стало практически темно. Через грязное окошко и шторы просачивался лишь желтоватый мутный свет.

— Твоя мама оставляет тебя одного? — спросил я, опустив сумочку на пол.

— Угу.

— Ну и жарища.

— Угу.

Затем я содрал с себя футболку и остался в юбке и лифчике. При таком хреновом освещении едва ли он сможет определить, что я — переодевшийся мужчина.

— Теперь намного лучше.

— Угу.

— Как тебя зовут? — поинтересовался я.

— Генри, — слышалось за дверью.

Как ту долбаную шавку.

Когда я вышел, то застал его на прежнем месте. Он был на пару дюймов выше меня. Положив руки ему на грудь, я начал ее гладить. Его тело было скользким, и дыхание сильно участилось. Интересно, отчего.

— Разве вы не... не хотели в... — вздох произнес он.

— Ты такой красивый, Генри.

Мои руки забегали вверх и вниз. Я даже по-

щупал его член через джинсы. Он был такой огромный. Забавно, как сильны мои женские чары.

Затем я прижался к нему, надеясь, что он не догадается, что в бюстгальтере только бумага.

Но он уже трепетал от волнения.

И даже более того.

Обвив меня руками, он пыхтел и терся об меня.

— У меня была знакомая собака по имени Генри, — промолвил я, поцеловав его за ухом.

Он ничего не ответил, но задрал мою юбку и полез руками в трусики.

— Ты не кусаешься, Генри?

— Не-а, — промычал он в ответ.

— Зато я кусаюсь.

И укусил.

Ам, прямо за шею.

Как только рот был полон, я моментально пригнул его в сторону и оттолкнул, чтобы не попасть под струю крови. Он пошатнулся и, налетев на стену, рухнул на колени. Послышались стоны и всхлипывания.

Прожевывая, я наблюдал за ним.

Ему бы в художественные критики — у него прекрасный вкус.

Не став дожидаться, пока он отойдет в лучший мир, я бросился на поиски кухни.

Огромные леденящие кровь мясоразделочные ножи, конечно, смотрятся впечатляюще в руках психопатов, преследующих своих жертв в кино, и я далек от того, чтобы отрицать их полезность в отдельных случаях. Да я и сам немало с ними позабавился. Но сейчас нужен был аккуратненький маленький ножичек, который легко можно было бы спрятать.

И нашел очень острый резак.

Кухня находилась в глубине дома. На окнах не было штор, так что освещение было вполне сносным. Грудь и лифчик были забрызганы кровью, зато на юбке было всего несколько пятнышек.

Надо было помыть руки.

Раковина завалена грязной посудой — очевидно, Генри со своей мамочкой не отличались чистоплотностью.

Отмыв руки, я скинул юбку и накинул ее на

спинку кухонного стула. На столе валялась стопка газет. Оторвав от одной страницы кусочек, я свернул из него чехол для ножа. Выбегая из кухни, я сунул лезвие в чехол и просунул нож за резинку бюстгальтера.

Генри все еще сидел, привалившись к стене.

Я позаимствовал у него немного крови — ему она уже была ни к чему, а мне еще могла пригодиться. Обмазывая кровью грудь, живот и ноги, старался как можно меньше пачкать лифчик и трусики. Они мне еще были нужны, и чем меньше на них будет крови, тем лучше.

Покончив с этим, я вытащил у него из джинсов пояс.

На диване, где, по всей видимости, спал Генри, валялась подушка. Я вытряхнул ее из наволочки.

С ремнем и наволочкой я пошел на выход.

Кстати, о нервах — тогда я чуть не наделал в штаны.

Но к страху примешивалась и изрядная доля возбуждения.

Нахлобучив наволочку на голову, я накинул

вокруг шеи ремень и затянул его ровно настолько, чтобы стянулся низ наволочки. Затем закинул свободный конец ремня за спину.

Теперь я уже не был Саймоной.

Я стал Джоуди Фарго, раздетой до нижнего белья и взятой живьем Саймоном с наволочкой на голове, чтобы не видела, куда ее ведут, и ремнем на шее, чтобы не могла убежать — но она убегает или пытается это сделать.

Когда я открыл дверь, внутри наволочки порозовело от солнца. Пошатываясь, я вывалился на порог, взмахнул руками и резко отпрянул назад, словно воображаемый Саймон дернул за другой конец ремня.

Комедия, да?

Задумка была такая: крутнуть им короткое кино и заставить поверить в то, что Джоуди здесь и я уже с ней развлекаюсь. Тогда они наверняка захотят присоединиться — ни за что своего не упустят.

И оказался прав.

Когда влетел Прах, на моей голове уже не было наволочки, зато был нож в руках. Успев

сделать лишь два широких шага, он попытался остановиться, а затем быстро попятился назад, чтобы увернуться.

Но его подвели излишнее рвение и непростительная беспечность.

Несомненно, от подобного параноика можно было бы ожидать большей осторожности. Но, возможно, он полагал, что бронежилет защитит его, как волшебный талисман. Или, быть может, девчонка настолько прикипела к его сердцу, что он начисто позабыл о всякой осмотрительности.

Удар свернутой наволочкой в лицо оказался таким сильным, что голова его отскочила назад. Через мгновение мой нож уже был у него под подбородком. Я воткнул его в трахею, резко провернул и выдернул, и тут же полоснул им по боковой части шеи, одновременно отталкивая Праха в сторону.

Когда на пороге возник старина Ковбой, его приятель уже испускал последнее дыхание, раскорячившись на полу. Я стоял за дверью, спиной к стене.

Но еще раньше Ковбоя появился его револь-

вер «смит-вессон магнум». На это я не рассчитывал.

Прозвучал выстрел, но пуля улетела куда-то далеко в сторону. Ковбой даже не понял, где я нахожусь, пока не было слишком поздно, а выстрелил лишь потому, что дернул пальцем курок, когда я отбил револьвер в сторону и всадил ему нож в правый глаз.

После этого он выронил свою пушку, схватился за глаз и упал на колени.

От удара ногой в висок Ковбой перекувырнулся, а я присел над ним, просунул руку и перерезал горло.

Глава 35

Ух, какое утро!

И какой кавардак! На меня стоило посмотреть. Что я и сделал в зеркале ванной комнаты. Вид был такой, словно я проиграл схватку за добычу на пиру каннибалов.

Так что пришлось влезать в ванну под душ. Не снимая ни парика, ни лифчика, ни трусиков или туфель — все это нуждалось в хорошей стирке. Незадача вышла только с набивкой лифчика — бумага превратилась в хлипкую жижу, так что пришлось его все же скинуть, чтобы выскрести всю эту дрянь. Дерьмо это тут же забило трубу, и вода начала подниматься.

Ладно, ничего страшного.

Хорошенько намылив тело, парик и белье,

я смыл мыло горячей водой, потом открутил холодную и постоял несколько минут, чтобы остыть, и только после этого вылез из ванны.

Не поверите, но чистого полотенца нигде не оказалось.

Да, с мамашей Генри повезло.

Войдя в единственную спальню, которая была ее, я вытерся чистой футболкой, обнаруженной в ящике.

Футболка была колоссальных размеров.

Мамочка, очевидно, свиноматка.

Полотенце из ее футболки получилось неплохое, но я понял, что не смогу воспользоваться ни одной вещью из ее гардероба.

Впрочем, особого желания наряжаться в ее шмотки у меня все равно не было, и я пошел искать уже полюбившуюся розовую тенниску Джоуди. Но она оказалась вся в крови, поскольку я оставил ее в прихожей, когда раздевался для Генри. Промашка вышла, потому что именно там Генри, Прах и Ковбой залили все своей кровью.

Белой плиссированной юбке Джоуди повезло больше, потому что она находилась в другой ком-

нате, а не там, где я учинил расправу. Я снял ее с кухонного стула и надел. Впрочем, нужен был еще какой-нибудь верх. Не мог же я выйти на улицу в юбке и лифчике.

Одежда Генри находилась в углу, в картонных коробках. Сверху они были залиты кровью, но внутри вещи не пострадали. Там я нашел что-то вроде гавайской рубашки — атласной с яркими розовыми фламинго, голубым морем и зелеными пальмами. Она была мне великовата, но это не так уж и плохо, потому что, оставленная на выпуск, прикрывала пятнышки крови на юбке.

Затем я вновь подошел к зеркалу. Парик был еще влажным, но в остальном выглядел нормально. Ни пластыря, ни макияжа больше не было, так что лицо безобразили следы от собачьих зубов. Этим я решил заняться позднее — в машине. Надо было теперь позаботиться о груди. На этот раз я решил вместо бумаги использовать носки.

В общем, привлекательности я почти не потерял.

Вид у меня был как у беспечной красотки, ко-

торая провела весь день на пляже, а теперь направлялась на всюнощную гавайскую вечеринку — луауа.

Вернувшись в мамашину спальню, я достал из ящика несколько носков и набил ими лифчик. Затем подобрал с пола футболку, которой вытирался после душа. Она нужна была, чтобы обтереть кровь с револьвера Ковбоя. Вытерши заодно и свою сумочку, я открыл ее и сунул туда револьвер. На лодыжке Прах всегда носил кобурку с двухзарядным «дерринджером» сорок пятого калибра. Его я тоже положил в сумочку. Там же очутился и тесак. Никогда не знаешь заранее, что тебе может пригодиться.

Доставая бумажники Праха и Ковбоя и обыскивая их карманы, я снова перепачкал руки. Ключей у Ковбоя не оказалось, так что они, наверное, остались в машине. Вытерши руки футболкой, я бросил бумажники в сумочку.

Чем дольше времени уйдет у фараонов на опознание трупов, тем лучше.

Поджог в данном случае был не самым лучшим решением. Вообще мне нравится поджигать

— это идеальный способ уничтожения улики. Но, если не будет пожара, тела скорее всего еще долго не обнаружат. А это именно то, что мне надо. Поэтому я решил на этот раз воздержаться.

На кухне снова вымыл руки и еще раз разделся до нижнего белья. Плохо, что не додумался до этого раньше, перед душем. Повесив рубашку и юбку на стул, чтобы не перепачкать, я нашел большой разделочный нож (какие предпочитают маньяки в кино). На плите стояла сковорода с длинной ручкой, в которой несколько дней назад жарили бекон. Дно было покрыто слоем застывшего и посеревшего жира.

Со сковородкой и ножом я отправился в прихожую.

Деревянный пол как нельзя лучше подходил для разделки. Вытянув руку Ковбоя, я отсек крайнюю фалангу большого пальца и бросил ее на сковородку. Она еле слышно шлепнулась на дно. Тогда я протер сковородку футболкой.

Это для улучшения качества звучания.

Теперь остальные пальчики при падении издавали изящный и мелодичный звон: пинк-понк,

пинк-понк.

Между «вдыханием аромата роз» и пустой тратой времени очень трудно провести различие. Мне достаточно было обрезать пальцы Ковбою и Праху. Возиться с Генри было излишне, хотя занятие это мне было по душе. Но я все же отсек ему большие пальцы — просто ради удовольствия, и на этом ограничился.

Копы могут использовать для опознания и отпечатки ладоней, так что содрал с них кожу. Генри на этот раз я не трогал.

Чтобы перестраховаться против визуального опознания, дополнительно освежевал лица Ковбоя и Праха.

Вся кожа отправилась прямо в сковородку.

Вернувшись на кухню, я поставил сковородку на прежнее место и зажег конфорку. Затем подошел к раковине и вымыл руки. Никакой чистой тряпки под рукой не оказалось, а бегать по дому уже надоело, так что я просто встряхнул несколько раз руками и оделся.

К этому времени на сковородке уже вовсю шипело, потрескивало и взрывалось. Лоскуты ко-

жи потемнели и наполовину ужарились. Я перевернул их вилкой на другую сторону. Обрубки пальцев стали похожи на маленькие плотные сосиски. Они красиво подрумянились, только ногти странно загнулись, а некоторые даже отвалились.

Вы замечали, как ерзают и вздрагивают сосиски, как раз перед тем, как подходит время их снимать? Иногда они даже переворачиваются сами по себе.

Эти кусочки мертвечины вели себя точно так же.

Непременно расскажу об этом Джоуди. Ей это должно понравиться уже потому, что здесь и пальчик Праха, спускавший курок, и пальчики Ковбоя, сжимавшие копье, которое пронзило ее маленькую подружку, сестричку Энди, как там ее звали, шишку-пышку.

Джоуди, конечно, этого не знает, но я позабочусь, чтобы узнала.

Через какое-то время я наколол на вилку один пальчик. Выбрал без ногтя (а кому понравится жевать ногти?), затем подул на него несколько раз и попробовал. Дерьмо, должен вам сказать.

Может, надо было посолить и поперчить, а еще лучше, — приправить соевым соусом? Все равно одни кости. Боюсь, не могу порекомендовать вам это блюдо.

Все же я не выключал конфорку, пока содержимое сковородки не потемнело и не покрылось хрустящей корочкой. После этого я слил лишний жир на грязную посуду в раковине и стал искать кулек. В буфете у мамочки нашлась целая кипа коричневых бумажных пакетов из супермаркета. Распечатав один из них, я высыпал в него шкварки.

Подошло время уезжать.

Прихватив сумочку и бакалейный набор, я вышел на улицу.

Дорога к машине стоила мне нервов — среди белого дня, а в доме — три трупа.

Но никто мне не встретился. Ни шумные соседи, ни копы. Вообще никого.

В последнюю минуту меня объял панический ужас. Что, если Ковбой запер ключи в машине? С ним такое случалось прежде. Пару раз на моей памяти. Еще у него часто кончался бензин в до-

роге. Бывало, я спрашивал, не отлучался ли он куда-нибудь, например, в буфет, когда раздавали мозги. Но он был не глуп. Просто рассеян.

Сейчас он стал им в первоначальном смысле этого слова — рассеянным по отдельным частям.

Оказалось, ключи благополучно торчат в замке зажигания и двери открыты.

Сев за руль, я положил сумочку на соседнее сиденье. Чуть было не поставил туда же пакет, но вовремя заметил проступившие на бумаге темные коричневые пятна жира, похожие на те, которые появляются от жареной картошки или лука, купленных в какой-нибудь забегаловке. Не хотелось портить обивку чужой машины, и я опустил пакет на пол.

Затем тронулся.

Как приятно было снова оказаться в автомобиле и просто ехать без всякой цели по дороге под прохладным ветерком кондиционера.

Через пару кварталов я заметил у обочины жалкую старую серую собачонку. Едва удержался, чтобы не переехать ее — это было одно из моих любимых занятий. Но у меня было благо-

душное настроение, так что я притормозил возле нее, открыл пассажирское окно и выбросил в него пакет.

Отъезжая, посмотрел в зеркало. Пес уже разорвал кулек и, опустив морду, набросился на жаркое.

Сегодня ему подфартило.

Избавившись таким образом от улик, я переключил на какое-то время свое внимание на поиск замены Джоуди, но вскоре сообразил, что она мне больше не нужна.

То есть не нужна до вечера.

Устранение Ковбоя и Праха несколько изменило расклад.

Приятная новость состояла в том, что у Тома сегодня вечером не будет никого, кто бы точно знал, как выглядит Джоуди. Будут Митч и Кусок. Хотя они и находились к ней ближе, чем кто-либо, кроме меня, но было темно и видели они ее в лучшем случае со спины. После смерти Праха для меня не составит большого труда сделать подставку.

Плохая новость заключалась в том, что мне

все равно какую. Может быть, при определенном везении мне и удастся повернуть это дело и выбраться оттуда с Лизой живыми. Но рано или поздно они догадаются. Откроется, что я подсунил им фальшивую Джоуди, и они вычислят, кто убил Ковбоя и Праха. И за все придется расплачиваться.

Меня выследят и прикончат как пить дать.

Если их не опередить.

Вот именно.

Представляю себе: врываюсь туда, а в руках по пистолету, и поливаю их градом свинца.

Самоубийство.

Забудь об этом.

Гм. Если в моем активе будет элемент неожиданности... в конце концов, как просто все оказалось с Генри, Прахом и Ковбоем.

Кто туда может прийти?

Том, разумеется. Вероятно, все будет происходить в его гараже, куда мы привозили большую часть мертвецов в последние несколько лет. Случалось доставлять туда и живых. Лиза наверняка там.

Насколько мне известны их повадки, ее должны были подвесить за руки к балке. Такое мы делали и раньше. Кто попадал к нам живым, иногда мог висеть в таком положении пару недель, а мы наносили визиты, когда появлялось желание развлечься.

Странно представлять на их месте Лизу.

Должно быть, висит там уже со вчерашнего дня, так что у них было достаточно времени на нее. Когда вчера вечером я разговаривал с ней по телефону, чувствовалось, что она сильно расстроена. Судя по голосу, над ней покуражились и, быть может, облапали, но ничего серьезного.

Но за то время, пожалуй, дошло и до истязаний и изнасилования. Я был в этом абсолютно уверен.

И меня это просто бесило.

Словно украли мою машину, чтобы покататься, а потом нарочно врезались на ней в стену, понимаете?

И это те, кто выдавал себя за моих друзей.

Друзья не делают такого дерьма.

Признаюсь, меня возбуждают мысли о том,

как Лиза, голая и потная, висит в гараже Тома. А ребята налетают на нее. Двое разводят высоко вверх ноги, а два других — трахают ее: один спереди, другой — сзади. Вижу, как она корчится и вздрагивает. Даже слышу: скрип балки под потолком, сопенье и стоны своих дружков, рев и хныканье Лизы. И много-много влажных, хлюпающих звуков.

Зря они это делают с ней.

С кем-нибудь другим, но не с Лизой. Во всяком случае, не без моего согласия.

Хотят меня наказать, ублюдки.

Но с каким удовольствием. Уверен, они во сне видели, как я однажды лажанусь и дам им повод протянуть к ней лапы. Выдающейся личностью Лизу, конечно, не назовешь, но тело у нее — высший класс.

После них таким оно уже не будет.

Даже если мне удастся ее спасти, у нее, вероятно, останутся шрамы. Это если они не увлеклись и не ампутировали ей чего-нибудь.

Если ее покалечат, зачем она мне будет нужна? Но тогда это уже не будет иметь большого

значения, потому что меня убьют при первой же возможности.

Так что лучше попробовать убить их раньше.

Это не настолько невозможно, как может показаться на первый взгляд.

Там будут: Том, Митч и Кусок. Это три. Пескарь четвертый. Нет, погоди. Пескарь мертв. Джоуди проломила ему череп бейсбольной битой. По крайней мере, так сказал Том.

Разумеется, приходится верить ему на слово.

Зачем ему врать? Может, для того, чтобы я не ждал Пескаря и... Следовало спросить об этом Ковбоя. Ах, да. Пескарь должен быть мертвым, если хорошенько подумать. Он ушел за новой добычей и не вернулся.

Значит, три: Том, Митч и Кусок. Плюс Клемент Кэлхун и... и кто еще?

Боже праведный! Когда-то нас было двенадцать! Двенадцать! Конечно, это было еще до того, как отправились к праотцам Техасец, Дэйл, Рядовой и Билл.

В том доме в ночь на субботу нас было восемь. С тех пор Пескарь, Ковбой и Прах отпали,

а я уже больше вроде как и не принадлежу к банде. Так что их остается только четверо.

Если взять по пистолету в каждую руку. . .

Нет. Один против четырех — чрезвычайно хлипкие шансы.

Знаю!

Сделаю так: зайду с Джоуди — или девчонкой, которую приведу вместо нее, так что все будет выглядеть так, словно я выполняю условия договора. Кроме того, ее можно будет держать перед собой и использовать как щит.

Черт! И почему я не стащил с Праха бронешилет? Это было бы решение — войти туда с «кевларом» под рубашкой.

Блин!

Чтобы вернуться к тому дому, где остался Прах, понадобится сейчас не меньше часа. Надо было пошевелить немного мозгами и оценить ситуацию в целом, а не разглагольствовать перед магнитофоном. Блин, Это как. . . наркотик. Весь гребаный мир может идти прахом, а я запущу пленку, чтобы вставить свои никому не нужные комментарии.

Блин!

Я даже не дотерпел до шоссе — вытащил эту чертову штукотину из сумки и...

Блин!

Ладно, ладно. Успокойся.

Сделанного не воротишь, так ведь? Как вода под мостом. Вернуться за жилетом Праха уже не получится. Собственно, время на это, может, еще и было, но, кто знает, тела могли уже обнаружить. Забудем об этом.

К тому же что пользы в пуленепробиваемом жилете? Сильно он помог Праху?

Тем более вряд ли меня завтра будет ждать у Тома засада с пулеметами. У Митча будет его сабля, у Куска — топор, у Клемента — молоток и опасная бритва, у Тома — длинный охотничий нож. Конечно, под рукой будет и огнестрельное оружие — в гараже настоящий арсенал. Но его используют только в чрезвычайных обстоятельствах, так что едва ли они возьмут меня на мушкетера, если я буду тянуть за собой молоденькую милушку и все будет выглядеть так, словно я играю по их правилам.

Проблема в том, что предстояло еще найти эту милашку.

Должно быть не слишком сложно. Теперь, когда Прах выпал из кадра, уже не надо было искать двойника.

Ладно, не будем больше об этом. Время летит, и неизвестно, будет ли оно еще у меня до истечения назначенного мне срока, так что воспользуюсь случаем, чтобы продолжить повествование об истории нашей небольшой банды.

На чем я прошлый раз остановился?

Не знаю. Рассказывал я о том, как мы были в гостях у Дениз Деннисон? То был наш первый налет на дом и... ага, обо всем этом уже было.

А о том, что было после Дениз?

Боже, вы бы только видели ее!

Где я был?

Обстановка в Лос-Анджелесе накалилась, так что мы поехали аж...

Ладно, это не важно.

Не могу сосредоточиться.

Это из-за машины, которую я только что обогнал. Девчонка на заднем сиденье — вылитая

Джоуди. Ну, может, и не точная копия, но довольно близко — очень близко. Примерно того же возраста, милая мордашка, очень короткие светлые волосы.

К этому автомобилю я подкрадывался уже довольно давно. Белый «Ниссан-Сентра». Он двигался всего лишь чуть медленнее меня, но мне не хотелось висеть у него на хвосте, и в конце концов я перестроился в левый ряд и прибавил скорости. Предполагалось совершить обгон, затем вернуться в более «медленный» ряд.

Именно когда мы поравнялись, я и заметил девчонку на заднем сиденье.

Именно когда я пытаюсь продолжить историю нашей банды, на глаза мне неожиданно попадает точно такая девчонка, какую мне надо.

К хренам собачьим историю.

Теперь я сбавил скорость и еду на той же, что и «Сентра», которая футах в пятидесяти позади.

На передних сиденьях мужчина и женщина. По всей видимости, ее родители. Хотя кто знает, в наши-то времена? Все так запутано и перекручено.

Впрочем, кто они или что они, особого значения не имеет.

Если они и не родители, большие дела?

Лишь бы не какие-нибудь переодетые морские пехотинцы, или ниндзя, или еще что-нибудь в этом роде.

Кажется, кроме девчонки, на заднем сиденье никого.

Так что их всего трое.

Грех пропустить такую девчоночку Она просто должна быть моей. Вопрос лишь в том, как это сделать.

Их «Ниссан» достаточно близко, и, если я резко нажму на тормоз, они, вероятно, въедут мне в зад. Может, так и сделать? Им просто придется остановиться, иначе это будет выглядеть как побег с места происшествия, а это грозит водителю крупными неприятностями.

Но это рискованно. Мой «Кадиллак» намного крупнее их драндулета, и вряд ли я пострадаю. Но никогда нельзя знать, что может случиться. Неизвестно, каким может получиться удар, если они догонят меня так, что обе машины не будут

подлежать восстановлению?

Маловероятно, но все же возможно.

Или водитель той машины не справится с управлением, может, его занесет, или машина перевернется, или его выкинет на встречную полосу под какой-нибудь грузовик? Естественно, я подгадаю момент, когда других машин рядом не будет. Но все одно они могут разбиться и загореться.

Так что лучше забыть об инсценировке аварии.

Девчонка мне нужна живой.

Другая мысль. Можно отстать и сесть им на хвост. Рано или поздно им придется свернуть с шоссе. Можно подождать, пока они сделают остановку, и затем придумать безопасный способ похищения.

Паршивая идея.

Они могут ехать без остановки целый день. А потом остановятся в каком-нибудь людном месте.

А этот участок шоссе подходит как нельзя лучше. Движение небольшое, и встречаются

огромные куски, когда по обе стороны только пустыня.

Есть еще одна задумка.

Уеду немного вперед, затем съеду на обочину и останавлиюсь. Сделаю вид, будто какая-то поломка.

Я ведь женщина, помните? К тому же не дурнушка.

Посмотрим, есть ли еще на свете настоящие мужчины, готовые помочь попавшей в беду девушке.

Глава 36

Йа! Какой прилив энергии!

Гениально! Просто гениально!

Вот так так! Дайте перевести дыхание. Пришлось потрудиться.

Подождите, сейчас все услышите...

Что там сзади происходит?

Отлично... отлично. Похоже... оторвался чисто... Ага. Вот за этим поворотом и... Ага. Теперь их машины уже не видно... Можно действовать.

Дела!

Придется выключить на минуту, чтобы перевести дыхание.

Вот и все, я снова с вами. Сейчас расскажу все по порядку. Сработало лучше некуда. Все бы-

ло, как я уже говорил: прибавив газу, я вырвался вперед. Пока между нами увеличивалось расстояние, я вынул «смит-вессон» из сумочки и сунул его за пояс юбки спереди. Оказалось не самым удачным местом. Во-первых, нельзя было достаточно далеко просунуть ствол. Дуло уперлось в член, и я с ужасом представил, как эта хреновина выстреливает. Худо-бедно, но в конце концов после нескольких попыток мне все же удалось просунуть ствол между бедром и мошонкой. Мужчины не созданы для ношения такого оружия спереди.

Между прочим, с «дерринджером» абсолютно не было бы никаких проблем. Но он был всего двухзарядным, а мне хотелось иметь большую огневую мощь.

К тому времени, когда я наконец пристроил «кольт», как мне того хотелось, я уже намного обогнал «Сентру». Времени на то, чтобы остановиться и вылезти из машины до появления «Ниссана», было предостаточно.

Когда перед вами кто-нибудь съезжает на обочину, вы всегда на него посмотрите. Так что я

знал, что их взгляды были прикованы ко мне. Я планировал быстро выскочить и открыть капот, чтобы выглядело так, словно у меня проблемы с двигателем.

Но, когда я выходил из машины, мимо пронёсся один из этих огромных восьмиосных трейлеров. Должно быть, он только что обогнал «Сентру», потому что раньше я его не замечал. Грузовик окатил меня сильной воздушной волной, и мне пришлось придержать парик, иначе бы он улетел. Струя горячего воздуха хлестнула настолько сильно, что расстегнулись пара нижних пуговиц рубашки, и она вылезла из юбки. Беда не большая, если бы не показался заткнутый за пояс револьвер.

Чтобы прикрыть его, я согнулся и схватился руками за живот.

И как раз в этот момент мимо проехала «Сентра».

На ней горели стоп-сигналы. Но только одну секунду. Когда они погасли, я понял, что парень и не собирался останавливаться. Он притормозил лишь в качестве меры предосторожности и

сейчас был готов добавить скорости.

Это спонтанное движение по одергиванию рубашки вниз и навело меня на мысль.

Я резко дернулся и согнулся в три погибели, словно от ужасной боли в животе. Сделав пару неуверенных шагов, я упал на колени возле переднего колеса.

Оказывается, дух рыцарства еще жив.

Парень, должно быть, следил за мной в зеркало. И едва мои колени коснулись земли, как стоп-сигналы вновь загорелись. Съехав с шоссе, он стал сдавать в мою сторону задом, поднимая колесами облака пыли с обочины.

Через заднее стекло я увидел лицо своего славного спасителя. Оно было очень озабоченное.

Спешу похвалиться, что сегодняшнее падение было исполнено гораздо профессиональнее вчерашнего. На этот раз я не разбил колено. И, к счастью, поблизости не оказалось собак, которые могли покусать лицо. Вдали показались другие легковушки и грузовики, но мне не хотелось, чтобы они останавливались, так что я поднялся

на ноги и заковылял вперед. И хотя я все еще сутулился и держался за живот, но это уже выглядело не так трагично.

Разумеется, одну руку я держал под рубашкой.

За несколько ярдов передо мной «Сентра» остановилась. Пошатываясь, я вошел в туннель между машинами и медленно опустился задом на свой капот. Попытался улыбнуться своему сладенькому, выглядывавшему в заднее стекло. Но предполагалось, что мне больно, так что улыбка получилась чудесной гримасой боли.

О, я был хорош.

Но не только хорош, но еще и везунчик. Вместо одного взрослого мне на помощь из машины поспешило сразу двое. Пара очень добрых самаритян. Либо это, либо парень пошел за мной, потому что положил на меня глаз, а его подружка побоялась оставить его одного.

Они выглядели как поистине динамичный дуэт: обоим за тридцать, изящные, подтянутые и загорелые, в солнцезащитных очках, теннисках, белых шортах, белых коротких носках и спортив-

ных полуботинках. Возможно, они направлялись через пустыню к далекому океану, чтобы денек походить на яхте.

— С вами все в порядке? — спросил дядечка, остановившись за пару шагов до меня.

— Разумеется, с ней не все в порядке, — возмутилась тетечка.

Очевидно, жена. Никто, кроме жены — ну, может еще по-настоящему самонадеянная невеста, — не разговаривает с мужчиной так, словно он недоумок.

— Живот? — участливо осведомилась она, нежно положив руку мне на плечо.

Обнажив зубы, я закивал головой.

И стал прислушиваться Сзади к нам приближалось по дороге что-то огромное.

— Должно быть, жутко прихватило, — произнес дядечка. Практически он почти кричал Из-за дорожного шума не слышно было даже собственных мыслей. — Что-то съели? — поинтересовался он.

Мимо с ревом пронеслась огромная фура, за ней шла другая.

— Мне... мне кажется, у меня выкидыш, — прокричал я.

— О Боже, дорогая! — вскрикнула женщина, сочувственно пожимая мою руку. — Какой у вас срок?

— Шесть недель.

Мимо проревела еще одна фура, обдавая нас волной горячего воздуха.

Внезапно я скорчился от боли.

— Джерри! Ее надо отвезти в больницу!

— И где же мы найдем больницу?

— Найдем, не переживай.

И они подхватили меня и быстро понесли к задней дверце своей «Сентры».

— Вам нужно взять что-нибудь из своей машины? — спросил Генри, открывая дверцу.

Покачав головой, я закрипел зубами.

— Ключи от машины при вас?

— Да! — завопил я.

Сидевшая на заднем сиденье девчонка быстро отодвинулась в сторону, освобождая мне место. Я почти что ввалился, и Джерри захлопнул дверь.

Радости моей не было предела.

Да я и надеяться не мог, что меня пригласят в машину.

Полагал, что придется убить их тут же на обочине среди бела дня.

Джерри с женой сели вперед. Муж был прямо передо мной. Вытянув ремень безопасности, он защелкнул пряжку.

— И какие планы? — поинтересовалась девчонка.

— Женщине нужно в больницу, — заявила ее мать, протягивая руку к ремню безопасности.

— Значит, мы возем ее?.. — Она запнулась на полуслове, увидев высунувшийся из юбки «кольт».

Молниеносно я дважды выстрелил в спинку сиденья Джерри. Едва он успел обвиснуть в ремнях безопасности, мамаша начала поворачиваться, чтобы посмотреть, что происходит. Я завалялся в сторону, упав плечом на колени девчонке, приставил дуло к спинке сиденья мамули и дважды спустил курок.

Девчонка словно с цепи сорвалась: стала виз-

жать и молотить меня кулаками. Отстранившись, я выпрямился и ударил ее головой об окно. Стекло треснуло, но не разбилось, а девчонка вырубилась и обмякла.

Из-за кондиционера были закрыты все окна, и в салоне стало так дымно, словно все пассажиры выкурили по сигаре. Что касается меня, то запах пороха намного лучше запаха сигар. Он мне даже нравится. Но я опасался, что проезжающие мимо могут обеспокоиться, увидев столько дыма, поэтому открыл окно для проветривания.

Затем я сунул «кольт» за пояс юбки. На этот раз сзади, и там для него было более подходящее место.

Наклонившись вперед, я осмотрел Джерри и его жену. Ремни безопасности держали их на месте, но оба немного накренились в сторону. Они все еще были живы и издавали какие-то звуки, когда я усаживал их ровнее, но не сопротивлялись.

Хотелось, чтобы они выглядели нормально. Именно поэтому я стрелял им в спины, хотя гораздо веселее было бы пустить им пули в голову.

На торпеде лежала свернутая карта, но, чтобы до нее дотянуться, пришлось почти что влезть на переднее сиденье. Ухватив карту, я задержался на минуту в таком положении, чтобы оценить их состояние. Джерри и его жена со стороны выглядели отлично, почти отлично, по крайней мере, если не смотреть ниже верхней части груди. Потому что ниже вышли пули и там творилось черт знает что.

Развернув огромную карту Калифорнии, я положил ее на руль перед Джерри. Так все проезжающие будут думать, что они заблудились и съехали с дороги, чтобы сориентироваться.

Хотя там, куда они сейчас направлялись, никакая карта им не поможет.

Пару минут я наблюдал за ними. Никто из них не шелохнулся. Казалось, они были без сознания и, вероятно, очень скоро умрут.

Девчонка все еще лежала без чувств, привалившись к двери. С закрытыми глазами и приоткрытым ртом. Вид у нее был ничего.

Конечно, ее личику было очень далеко до лица Джоуди, но оно не было безобразным — самое

обычное и довольно симпатичное. Телосложение примерно такое же, как и у Джоуди, но, быть может, фунтов на десять она была тяжелее. Грудь и ягодицы у нее были крупнее. На ней была красная кофточка с короткими рукавами и джинсовые кюлоты.

Кюлоты. И почему никто не носит больше юбок?

Девчонки, должно быть, действительно боятся, что ребята будут совать руки... Я, наверное, повторяюсь? Похоже, уже высказал свою теорию о современной женской паранойе, выражающейся в факте ношения одежды с преградой между ногами.

Повторяться у меня нет времени.

Как бы там ни было, но я не полез руками в кюлоты.

Вместо этого я расстегнул среднюю пуговицу ее кофточки и просунул туда руку. На ней был бюстгальтер, но из тех, который почти не ощущаешь, словно его вовсе нет. И я действительно почувствовал ее.

Но, как гласит древняя пословица, делу вре-

мя, потехе час.

Во всяком случае, здесь было не самое подходящее место для любовных игр — не говоря уже ничего о двух телах впереди, мимо все время проносились машины. Так что я оставил ее в покое.

Выбравшись из «Сентры», я побрел к своей машине и открыл багажник, после чего подошел к двери Джерри, сделав вид, будто разговариваю с ним. Пришлось немного подождать, но наконец дорога в обе стороны была пуста. Вот тогда-то я и бросился стремглав к двери девчонки, рывком распахнул ее, выволок девчонку из машины, поднял на руки и перенес в «Кадиллак». Бросив ее в багажник, я моментально захлопнул крышку, и у меня еще осталось время. Успел еще сходить к «Сентре» и закрыть дверь и после этого вернуться к своей машине, прежде чем мимо пронеслась очередная группа легковушек и грузовиков.

Просто, да?

Кому просто, а кому и нет.

Как говорят по телеку: «Не пробуйте повторить это дома».

Групповое убийство — дело не для дилетантов. Это может оказаться крайне вредным для здоровья ввиду возможного лишения свободы, физических травм вследствие энергичных действий жертв или энтузиазма полиции, а в редких случаях привести к смерти в результате случайного попадания пули или казни.

Эй, может, федеральному правительству имеет смысл снабдить все выпускаемое огнестрельное оружие таким предостережением: «Использование этого оружия может быть чрезвычайно опасным» — и так далее, примерно как я уже говорил. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что подобным предупреждением не мешало бы снабдить также и ножи. А еще топоры, стрелы, бензопилы, молотки, бейсбольные биты, целлофановые кульки, веревки, автомобили. . .

Ух.

Эй, да у меня в багажнике красotka, а я развлекаюсь игрой в слова, когда можно было бы развлечься с ней.

Прекрасная мысль.

Может, свернуть на первом же съезде с шоссе и поискать укромное местечко, где можно было бы уединиться?

— Скажи: Привет.

В ответ только стоны, подумать только.

Сейчас я веду свой репортаж с заднего сиденья своей машины. Работает двигатель, и на полную включен кондиционер, так что в салоне хорошо и прохладно. Прохладно и уютно.

Вокруг ни души.

— Только ты да я, детка, — снова обращаюсь я к ней.

Никакой реакции.

А должна была скакать от радости, что наконец достали из багажника.

Там-то было не сладко. А она провела там примерно с час.

Решив сделать привал, я съехал с магистрали и какое-то время петлял, пока не наскочил на какую-то едва заметную грунтовую дорогу, ведущую в никуда. Но и с нее я съехал и сдал задним ходом за валуны, чтобы, даже если кому и взбрет в голову проехать здесь, нас не было видно.

Немного беспокоят только вертолеты.

Впрочем, мы довольно далеко отъехали от того места, где я бросил «Сентру», и здесь нас никто не должен был искать.

Просто замечательно, что место нашлось так скоро. Если бы моей подружке пришлось еще дольше остаться в запертом багажнике, она бы... могла окочуриться от этой жары и недостатка воздуха.

Когда я опускал ее в багажник, она была без сознания. Но позднее она очнулась. Потом, в мертвой тишине пустыни, вдали от всего этого дорожного шума, я слышал, как она кричала.

Но я был единственным слушателем.

Надо позаботиться о том, чтобы она не выкинула ничего подобного, когда мы приедем в Лос-Анджелес. Чего доброго заорет где-нибудь на светофоре или в другом неподходящем месте.

Крики прекратились несколько минут назад.

Когда я выволакивал ее из багажника, она была нема и пребывала вроде как в прострации. В этом состоянии она до сих пор. Не то чтобы без сознания, но как бы где-то парит. Словно она

в каком-то трансе. Может, у нее ступор в результате перенесенной психологической травмы?

— Это так, красавица? Или ты пытаешься прокрутить мне динамо? Думаешь, тебя спасет, если прикинешься невменяемой?

Слышите? Это я шлепаю ее по лицу.

Руку я сильно не прикладываю. Не хочу, чтобы лицо опухло и девчонка потеряла свою привлекательность.

Моргнула, и только.

Похоже, глубокий обморок.

Надеюсь, удастся вывести ее из этого состояния. Потому что не будет и половины того удовольствия, если она останется в полусознании, понимаете? Я хочу, чтобы она реагировала: дергалась, вздрагивала, подсакивала, плакала, молила и даже немного дралась. В противном случае это совсем не то.

— Не так ли? Эй? Как тебя зовут?

Мне нужно освободить руки, так что я поставлю магнитофон на пол. Меня еще слышно? Надеюсь, что да. Но, если и не слышите, беда не большая. Перед тем как доставать ее из багажни-

ка, я вставил новую кассету. На той, что вынул, еще было место, но захотелось чистую, чтобы не пришлось отрываться от своих занятий и менять кассету. Каждая рассчитана на час. Так что у нас будет достаточно времени. В конце концов, я просто не могу делать с ней все, что пожелаю, потому что нужно привезти ее к ребятам живой.

Здесь, на заднем сиденье, нам не понадобится никакого огнестрельного оружия. Так что сначала перекладываю вперед винтовку Праха. Потом «кольт». Нож и «дерринджер» в моей сумочке, а она еще там на полу. Теперь рядом не осталось ничего, чем бы она могла воспользоваться против меня — в том случае, если она притворяется.

Разумеется, может, придется отбиваться, если появятся неожиданные гости.

Хотя мы никого и не ждем. Ведь мы у черта на куличках.

Я положил ее поперек сиденья, опустив руки вдоль туловища. У нее такой вид, словно она дремлет.

Сейчас я расстегиваю кофточку. М-да.

— Как тебя зовут, дорогая?

Распахиваю кофточку. Ух ты ж! Прозрачный бюстгальтер. Бледно-голубой. Сомнительное достоинство. Сиськи выглядят какими-то синюшными.

Но его нетрудно сорвать.

Теперь они уже не голубые. Кремовые и гладкие, невероятно гладкие. Соски твердые и торчащие.

И знаете что? Мои трусы неожиданно становятся мне слишком тесны.

А, так-то лучше.

Наконец на воле, наконец на воле!

Свою симпатичную белую юбочку тоже снимаю. Не хотелось бы ее перепачкать.

Бросаю все это на переднее сиденье. Подальше от неприятностей.

Теперь я разувая ее и снимаю носки. С одной стороны, без них ей будет лучше. А с другой стороны — то, что она босая, даст мне преимущество, если каким-то образом она вырвется и попыбует убежать. Дело в том, что земля здесь раскаленная, как печь, не говоря уже о бесчисленных острых камнях и колючих кустарниках,

кактусах и иной дряни.

Носки мокрые, хоть выкручивай.

О'кей, теперь очередь за кюлотами. Если бы на ней была юбка, можно было бы просто задрать ее вверх. А эти кюлоты только усложняют жизнь. Создают дополнительные проблемы. Слава Богу, хоть без пояса.

Расстегиваем пуговку. «Молнию» опускаем вниз.

Ого, тяжелее, чем я думал. Надо приложить немалую силу, чтобы вытащить кюлоты из-под нее. Ух! Ах! Догадайтесь, что снялось вместе с кюлотами. Трусики! Они сползли с ее ягодиц, но потом выпали из кюлот и застряли на бедрах.

Они такие же голубые, как и лифчик.

Кюлоты стянуты. Но, думаю, неплохо бы взглянуть, как она смотрится в трусиках. Натягиваю их на место. Вот так. Прозрачные, как я и думал. Волос совсем немного. К тому же какие-то прилизанные. Напоминает то, как выглядит голова в натянутом нейлоновом чулке.

Из-за голубого тона впечатление такое, словно ее давалке не хватает кислорода.

Погодите.

Слышали это? Скорее всего нет. Это я срываю трусики.

Без них вид у нее намного лучше.

Глухой стук — это свалилась на пол ее пятка. Левая нога. Правая еще на сиденье, но левая — свисает в сторону.

Следующий звук, который вы слышите, это звук моих губ.

Не голоса, а именно губ, если поняли намек.

Ням-ням-ням.

— Ааааа! Оооо! Да! Сильнее, ну!

Часть IX

Стрелковые навыки

Глава 37

— А что, если поломается машина? — спросил Энди. «Вопрос интересный», — подумала Джоуди. Они съехали с шоссе десять минут назад и сейчас тряслись по пыльной грунтовой дороге в глубь бесконечной пустыни.

— Думаю, мы умрем, — уныло произнесла она.

— Машина не поломается, — заверил их отец. — А если такое и случится, мы пошлем офицера Майлз. Она сбегает и приведет к нам спасателей.

— Совершенно верно, — подыграла Шарон, — я буду идти на восток до самого Блайта.

— А это далеко? — поморщил нос Энди.

— Не больше сорока миль, — вставил отец, —

птичьего полета.

— Очень смешно, — фыркнула Джоуди.

— Вы ведь хотели пострелять, так ведь? — примирительно произнес он. — Ничего не попишешь.

— Знаю, знаю. Но там же будет такая жара. Мы просто изжаримся.

— Да ну, сейчас как бабахнем! — заметила Шарон. Джоуди наклонилась вперед и, просунув руку между сиденьями, легонько ткнула Шарон кулаком в плечо.

— Эй!

— Горячий за каламбур, — сообщила Джоуди.

— Что?

— Старая семейная традиция, — пояснила девочка. — Штрафной удар за употребление черного юмора. Который ты сейчас и получила.

— Предупреждать надо, — потерла якобы ушибленное место Шарон.

— Прости, — извинился отец. — Я об этом совсем забыл. На самом деле это обычай, который чаще нарушается, чем соблюдается.

— Отныне я уж точно буду его придерживать-

ся, — Шарон улыбнулась через плечо Джоуди. — Так что лучше берегись.

— О, я вся дрожу.

Шарон рассмеялась.

— Девчонки, девчонки, — сокрушенно покачал головой отец, — почему нельзя жить дружно?

Это замечание еще больше развеселило Шарон. Правая рука отца отпустила руль и опустилась вниз между сиденьями — в самый низ, возможно, так, чтобы Джоуди не заметила. Но та заметила. Она увидела, как отец схватил Шарон за бок над поясом. За то же самое место, за которое он иногда норовил ухватить Джоуди, чтобы пощекотать.

Шарон завизжала и стала отталкивать его руку локтем.

«Точно так же, как и я».

Энди вопросительно взглянул на Джоуди.

— Только прикоснись, — бросила она, — и я отхвачу тебе руку.

Только он воспринял это как приглашение или вызов. Фыркнув от смеха, он повернулся и

потянул к ней руку. Хотя она и приготовилась к отпору, но чуть было не попала впросак, потому что ожидала, что мальчишка попытается пощекотать ее за бок или ущипнуть за бедро. Но вместо этого его рука потянулась прямо к правой груди.

Только в каком-то дюйме от цели ей удалось перехватить руку. Поймала за большой палец.

Мальчишка взвизгнул, когда она вывернула палец назад.

— Сдаюсь, — запричитал он, прерывисто дыша. — Сдаюсь, сдаюсь.

— Я что, сильно похожа на того, кого можно разжалобить?

— Ой!

Не ослабляя захвата, Джоуди опустила руку ему на ногу. Непонятно было, то ли он смеялся, то ли плакал.

— Будешь себя хорошо вести? — торжествующе зашипела она.

— Да!

Отец оглянулся.

— Просто решаем свои проблемы, — объяс-

нила она ему.

— Она тебя обижает, Энди?

— Нет. Ай!

Теперь уже и Шарон к ним обернулась, чтобы посмотреть, в чем дело.

— Не обижай его, — приказал отец.

— Я не обижаю.

— Ай!

— Это приятная боль, — заметила Шарон.

И они оба прыснули со смеху. Джоуди не поняла, почему. Энди тоже растерялся, но его смущение превратилось в облегчение, когда Джоуди отпустила палец.

— Огромное спасибо, — пробормотал он, глядя на палец, которым описывал круги, словно тренировался перед состязанием по автостопу. — Не остался без сосиски.

Джоуди чуть было не стукнула его снова, но передумала. Во-первых, вряд ли Энди осознавал двусмысленность употребленного выражения. Во-вторых, привлечение внимания к слову «сиська» могло насторожить отца и привести его на мысль о том, что возня на заднем сиде-

ные была каким-то образом связана с ее грудью. А этого ей вовсе не хотелось. Кроме того, Энди был уже достаточно наказан, и любая новая попытка в этом же духе могла закончиться для них ссорой.

Впереди Шарон и отец уже почти успокоились. Теперь они лишь улыбались друг другу, качали головами и делали глубокие вдохи.

Только теперь Джоуди заметила, что машина остановилась, но, сколько они уже стояли, было непонятно.

— Приехали? — поинтересовалась она.

— Я просто остановился из-за всей этой...

— По-моему, здесь неплохо, — вмешалась Шарон. — Не видно никаких строений. Да и посторонних транспортных средств нет. Вон тот пригорок можно использовать, чтобы установить там мишени.

— Да, — согласился отец, — вполне подходящее место.

Энди перестал крутить пальцем и поднял голову.

— Означает ли это, что мы должны выйти из

машины?

Отец заглушил двигатель, и вместе с ним умер кондиционер.

— Свежий воздух! — воскликнула Шарон, распахивая дверь.

Раскаленный жар ворвался в салон.

— Боже! — застонала Джоуди. Было хуже, чем она предполагала.

После того как мальчишка вылез из машины, Джоуди опустилась на колени и сунула руку под переднее пассажирское сиденье. Там она нашла свой «смит-вессон» двадцать второго калибра, запасную обойму и пачку патронов. Когда она поднималась, отец открыл дверь и достал из машины свой «моссберг» и винтовку Шарон.

Там же, на сиденье, Джоуди проверила пистолет и убедилась, что он поставлен на предохранитель. Затем переложила все в левую руку и сдвинулась на край сиденья. Перед тем как выйти из машины, Джоуди поправила козырек своей бейсболки. До этого он торчал вверх, теперь она опустила его ниже, чтобы защитить глаза от слепящего солнца.

Когда они ездили завтракать в «Кактус», бейсболку она не брала, но как надела после выписки из мотеля, так больше не снимала. Даже ходила в ней по различным магазинам, в которых они побывали перед выездом из Индио, чтобы купить новую одежду для Энди, бутерброды и содовую для всей компании и все необходимое для стрельбы. Обычно отец заставлял ее снимать бейсболку, когда они ходили за покупками. «Нельзя заходить в помещения в головном уборе, — поучал он ее. — Разве что в ковбойской шляпе». Сегодня же он ничего не сказал. И Джоуди была уверена, что он не сделает ей замечание, что ей сойдет с рук, и было даже приятно дразнить его. Ведь он просто не мог и заикнуться. Потому что все это время на голове Шарон гордо восседала бейсболка с черно-золотистой эмблемой Национальной стрелковой ассоциации.

Когда Джоуди шагнула из машины, солнце буквально навалилось на нее. Жара физически давила на плечи.

— На предохранителе? — строго спросил отец.

— Да, конечно, — она театрально закатила

глаза. Они подошли к багажнику. Отец открыл его, опустил руку и извлек пакет, который они вынесли из оружейного магазина. Казалось, он вот-вот расползется по швам от такого количества боеприпасов.

— Пойду расставляю банки, — кинула им Шарон, уходя прочь с пакетом пустых банок в руке. Не меньше дюжины, подумала Джоуди. Дополнительно к пустой посуде, оставшейся после ночного застолья, которую они извлекли из мусорного ведра мотельного номера, они прихватили с собой еще и банки из-под содовой, которую пили на стоянке возле оружейной лавки перед самым выездом из Индио.

Оба, и отец и Энди, провожали Шарон взглядами.

— Эй, — возмутилась Джоуди.

— Просто хотел убедиться, что мишени будут расставлены на правильном расстоянии, — попытался оправдаться отец.

— Да, конечно.

— Вон там можно несколько, — крикнул он словно в подтверждение своих слов.

Улыбнувшись через плечо, Шарон кивнула и достала из пакета банку. Затем опустилась на корточки и поставила ее на землю. Бедняги, пожалуй, надеялись, что она нагнется и они полюбуются ее облаченной в шорты задницей. Но она присела так, что нижний конец рубахи все закрыл.

У отца пропал всякий интерес, и он повернулся к машине, чтобы закрыть багажник. Энди помог ему расстелить на крышке багажника одеяло. Когда это было сделано, Джоуди положила на одеяло свой пистолет. Затем отец выставил боеприпасы: четыре пачки по пятьдесят штук в каждой девятимиллиметровых пистолетных патронов для себя и для Шарон и одну большую коробку, вмещавшую несколько пачек — в общей сложности пятьсот патронов 22-го калибра для пистолета Джоуди. И еще пять длинных плоских обернутых целлофаном коробок по двадцать патронов 223-го калибра для винтовки Шарон. И две коробки по двадцать пять штук в каждой гильз 12-го калибра с дробью.

— Теперь не хватает только войны, — язви-

тельно заметила Джоуди.

— Вы действительно собираетесь все это выстрелять? — изумился Энди.

— Дай Бог, одну десятую, — возразил отец. — Мы не собираемся печься на такой жаре более часа.

— Зачем тогда было столько покупать?

— Вопрос интересный, — вставила Джоуди. Ответ она знала заранее.

— Слишком много боеприпасов никогда не бывает, — объяснил отец. — Это как деньги.

— Это поднимает голову гидра международного милитаризма, — продекларировала Джоуди.

Отец рассмеялся и шлепнул ее по заднице.

Потом все повернули головы. Шарон уже расставляла последние банки ярдах в пятидесяти от них.

Отец поднял свой короткоствольный черный пистолет.

— Поставь одну на голову! — крикнул он вдаль.

— Ты что, па, — буркнула Джоуди.

Шарон повернулась к ним лицом и аккуратно поставила банку на макушку бейсболки. Затем отставила ногу в сторону, перенесла на нее вес тела и согнула другую в колене. Обе руки она подняла, ладонями вверх.

«Словно ассистент циркового фокусника, — подумала Джоуди, — девушка, в которую кидают ножи или у которой выбивают изо рта сигару бичом. Не хватает только трико с блестками».

— Он ведь не собирается делать это по-настоящему? — спросил Энди у своей подруги.

— Конечно, собираюсь, — невозмутимо произнес отец.

— Чего же ты медлишь? — прокричала Шарон.

Отец послунил указательный палец и поднял его над головой, словно определял направление ветра.

— Так-так, — возмутилась Джоуди, — замечательный пример вы оба подаете Энди.

— Не говоря уже о том, что пистолет не заряжен, я даже ни разу не прицелился.

— Знаю. Но паясничать тоже не следовало.

— Ты права. — И, обернувшись к Шарон, крикнул: — Может, позднее.

— Слабак! — крикнула та в ответ. Затем сняла банку с головы, повесила на ветку какого-то чахлого куста и взяла курс к машине.

— Ты ведь знаешь, что я никогда бы не решился на такой трюк. Во всяком случае, не из пистолета, — улыбнулся он Джоуди.

— Никакой здравомыслящий человек не сделал бы это ни с каким оружием, — рассмеялась в ответ на эти слова Шарон.

— Так Майк Финк убил своего злейшего врага, — напомнил отец.

— Майк Финк, король Миссисипи?

— Вот именно, парень-шлюпка. Это было пари в таверне. Он должен был сшибить выстрелом пивную кружку с ромом с головы парня, но как бы невзначай взял ниже и всадил тому пулю между глаз.

— Ловкий трюк, — заметила Шарон. — Вроде как несчастный случай.

— Все же недостаточно ловкий. Все тут же поняли, в чем дело, и дружки покойника сделали

в Финке несколько дырок.

— Папа — кладезь бесполезной информации, — пояснила Джоуди.

— Бесполезной информации не бывает, — возразил тот.

— Знаю, знаю.

— Посмотрим, что там у тебя, — обратился он к Шарон.

Расстегнув застежку кожаного футляра, она извлекла винтовку.

— "Рюгер мини-14", — сообщила она, передавая винтовку отцу.

— О, да она просто красавица. Очень напоминает старушку «М-1».

— Очень похожа, — согласилась Шарон, — только другой калибр, разумеется.

— Мне нравится, что ствол из нержавеющей стали, — вставила Джоуди. — Да и все эти деревянные детали. Дерево — это класс. Весь этот черный пластик, который встречаешь на каждом шагу, он такой. . . Не знаю, как сказать, холодный и футуристский, что ли.

— Это поэтому ты ненавидишь мой «мосс-

берг»? — спросил отец.

— Вовсе не ненавижу. Просто не могу стрелять из него.

— Тебе надо попробовать выстрелить из нее, — обратилась к ней Шарон. — Самые приятные ощущения.

— Неплохая мысль, — поддержал отец, — надо каждому из нас попробовать все. Тогда, если мы таки попадем в какую-нибудь переделку, за плечами у нас будет хотя бы беглое знакомство с каждым видом оружия.

— Ты когда-нибудь стрелял? — спросил он у Энди.

— Да у меня не было даже игрушечного пробкового ружья. Родители не разрешали. У них были другие убеждения.

«Пожалуйста, папа, — мысленно попросила его Джоуди. — Осторожнее. Не забывай, что они мертвы».

— Многие люди против огнестрельного оружия, — заметил отец. По мягкому тону его голоса Джоуди поняла, что ее волнения напрасны. — Но оно само по себе не плохое и не хорошее, Эн-

ди. Это всего лишь инструмент, и все зависит от того, как им пользоваться. И если пользоваться правильно, можно получить большое удовольствие.

— И ты скоро сам в этом убедишься, — добавила Шарон.

— Его еще можно использовать для самообороны и для защиты тех, кто тебе не безразличен, — продолжал отец. — А мне не нужно тебе рассказывать, сколько на свете недобрых людей.

Прикусив нижнюю губу, Энди едва заметно кивал головой.

— Стрелять в людей можно только тогда, — объяснял отец, — когда они представляют реальную угрозу. Но даже в этом случае к оружию следует прибегать лишь в том случае, если нет других безопасных способов остановить такого человека. И всегда стреляй на поражение.

— Разве я не должен сначала попытаться его ранить, в ногу или руку, например? — нахмурился Энди.

— Никогда, — отрезала Шарон.

— Джоуди?

— Что?

— Ты ему скажи.

Девочка тяжело вздохнула.

— Всегда стреляй на поражение.

— Объясни почему, — попросил отец.

— Потому что, если будешь стрелять в руку или ногу, можешь промахнуться. И даже если попадешь, пуля все равно иногда может его убить. В людей стреляют для того, чтобы остановить их до того, как они успеют сделать больше вреда. А чтобы это удалось, необходимо вывести их из строя. И единственный верный способ это сделать — убить их.

— И как ты будешь это делать? — спросил ее отец. Девочка ухмыльнулась Шарон.

— В этом мне должна помочь эта, ну, как ее, стрелковая подготовка. Только уже становится поздно.

Шарон понимающе кивнула.

— Тогда перейдем к стрельбе. Энди, смысл сводится к следующему: если приходится в кого-нибудь стрелять, ты должен выпустить как можно больше пуль в грудь и сделать это как можно

скорее. Разряди всю обойму. Если ты хороший стрелок, забудь о груди и стреляй в голову. — Она улыбнулась Джеку. — Конец инструктажа?

— Для начала очень неплохо, — похвалил тот. — Пусть начнет с двадцать второго.

— Пока что рано, — возразила Шарон.

— Что? — изумился отец.

— Полагаю, прежде надо выяснить, действительно ли Энди хочет научиться стрелять. Он вырос в семье, где были категорически против огнестрельного оружия, и, если у него есть моральные возражения, мы не имеем права его принуждать...

— Ты права, — согласился отец. — Мне самому следовало об этом подумать. Что ты сам скажешь на это, Энди?

— Я хочу стрелять.

— Ты уверен? — переспросила Шарон. — Быть может, твои родители этого не хотели бы...

— Может, мне удалось бы их спасти, если бы у меня был пистолет, — проговорил мальчишка. — Их и Ивлин. — Подбородок у него задрожал.

Его глаза были спрятаны за новыми солнце-

защитными очками, но Джоуди знала, что в них были слезы.

Шарон шагнула к нему, прежде чем поняла, что у нее в руках винтовка. На лице у нее появилось беспомощное выражение.

— Все будет хорошо, — прошептала Джоуди, обнимая за плечи плачущего мальчишку.

Тот попытался оттолкнуть ее, но Джоуди сильнее прижала его к себе. Очки ударились о ее шею и упали.

— Все хорошо, — повторила она.

— Отпусти меня. Я хочу стрелять.

— Нельзя стрелять, когда плачешь.

— Я не плачу.

— Так, значит, это твой пот капает на мою рубашку.

— Проклятье!

— Все когда-нибудь плачут, — сказал ему отец. — А у тебя больше причин, чем у многих других.

— Если ты когда-нибудь прекратишь, — добавила Шарон, — мы сделаем из тебя настоящую Анни Окли.

Энди не то всхлипнул, не то рассмеялся, и через промокшую рубашку Джоуди обдало струей горячего воздуха.

Глава 38

Отец взял в руку маленький блестящий «смит-вессон». Энди потянулся к нему, но услышал в ответ: «Не торопись, партнер».

— Лекция продолжается, — пробормотала Джоуди.

— Я не возражаю, — пожал плечами мальчишка. Он еще раз протер глаза и надел очки.

— Это полуавтоматический тип пистолета, — начал объяснять отец. — А это означает, что тебе не нужно каждый раз взводить курок. После первого выстрела он взводится автоматически, и так далее, пока не выстрелишь всю обойму. Поэтому и называется полуавтоматическим. Полностью автоматическое оружие стреляет, пока ты держишь курок нажатым.

— И оно строжайше запрещено законом, — подчеркнула Шарон. — Владение таким оружием без надлежащим образом оформленного разрешения причисляется к тягчайшим преступлениям в федеральном законодательстве.

— А это означает, — не вытерпела Джоуди, — что оно разрешено только преступникам.

— Неплохо, — улыбнулся отец.

Джоуди довольно опустила голову.

— Вернемся к уроку. — Он демонстративно поднял двадцать второй. — Немножко о терминах. Многие называют это оружие автоматическим или сокращенно авто, но это неверно. Но правильнее было бы сказать «полуавтоматическое». Мы оставляем первую часть этого сложного слова, чтобы легче было запомнить и произнести.

— Легче, но это не точно, — вставила Шарон.

— Но почти все так говорят, — возразил отец. — О'кей, как у автоматического, так и у полуавтоматического оружия есть две опасные зоны. Одна — это боковое отверстие вот здесь. — Он постучал по нему кончиком пальца. — Почти од-

новременно с выстрелом выбрасывается гильза. Она вылетает отсюда. Гильза латунная и выскакивает очень горячая. Поэтому не следует стоять справа на близком расстоянии от того, кто стреляет, потому что эти штуковины могут легко попасть в лицо.

— Разве такое может серьезно поранить? — со скептическим выражением лица спросил Энди.

— Может выбить глаз, — вставила Джоуди, подражая тону старой бабки.

— Просто не снимай очков, — посоветовала Шарон. — Гильзы от двадцать второго в худшем случае могут лишь обжечь щеку. Но более крупнокалиберные могут доставить больше неприятностей и даже порезать.

— Вылетающая гильза, безусловно, не смертельна, — добавил отец. — Но все разумные люди стараются избегать боли. Так что держись подальше от отверстия выброса гильзы. Если стреляют из револьвера, подобные волнения излишни. Револьверы не выплевывают стреляных гильз.

— Понятно.

— Но это не имеет значения, — вставила Джоуди, — поскольку у нас нет револьверов.

— Но сказать об этом все равно следует, — возразила Шарон.

— Премного благодарен, — поклонился ей отец. — Так вот, другая опасная зона — перед дулом.

— Эй, па. Неужели это и так не очевидно?

— Известны случаи и вашего небрежного отношения к этому вопросу, барышня.

— Моего?

— Дело вот в чем, Энди. Вроде всем прекрасно известно, насколько опасно дуло. Оттуда вылетают пули. Но многие люди об этом, похоже, забывают, когда никуда не целятся и не готовы стрелять. Но следует всегда следить за тем, куда направлен ствол — когда ты идешь с оружием, когда ты просто держишь его в руках без какой-либо цели и особенно когда перезаряжаешь. — Он повернул голову к Джоуди. — Внимательно слушаешь?

— Да, отец.

— Всегда надо предполагать, что в патронни-

ке боевой патрон и он может вылететь в самый неподходящий момент.

— И поэтому, — вмешалась Шарон, — прежде всего убедись в том, что в патроннике нет патрона, когда он там тебе не нужен.

— Главное правило состоит в том... Джоуди?

— Никогда не наводи оружие на того, в кого не собираешься стрелять.

— Замечательно.

— Ему и вправду удалось втемашить все это тебе в голову, — улыбнулась ей Шарон.

— Скажи ей почему, — попросил отец.

— Безопасный стрелок — это счастливый... — Внезапно ей показалось совершенно неуместным шутить по этому поводу. — Папа хочет, чтобы я могла защитить себя и случайно не поранилась по незнанию. Это как в свое время он заставлял меня учиться плавать.

Голова отца медленно задвигалась вверх и вниз.

— Это так, — прошептал он.

Все замолчали.

Слышно было только легкое дуновение ветер-

ка, писк, стрекотание и жужжание насекомых и щебетание какой-то пичуги.

Тишину нарушил шелест пластикового пакета из оружейной лавки. Рука Шарон появилась оттуда с горстью небольших целлофановых свертков. Внутри этих пакетиков было по паре ярко-оранжевых пенопластовых беруш.

Шарон дала каждому по пакету.

— Будет шумновато, — пояснила она Энди.

Все разорвали свои пакетики и заткнули уши.

Затем Джек глубоко вдохнул и подал пистолет Энди.

— Держи, приятель. Он заряжен. У Джоуди он всегда с патроном в патроннике и с выставленным предохранителем. Знаю, что это довольно опасно, но пистолет для нее — это прежде всего средство самообороны. Если понадобится стрелять, может не оказаться времени возиться с заряданием. И ты должен держать его заряженным, чтобы выстрелить из него как можно скорее. Вопросы будут?

— Пока что нет. Можно попробовать?

— Да. — Отец отдал пистолет Энди, затем на-

правил его руку так, чтобы дуло глядело в общем направлении банок из-под содовой. — Это предохранитель. Сдвигай его вниз большим пальцем. Вот так. Когда увидишь такую красную точку, знай, что предохранитель снят и ты готов к стрельбе.

— Можно стрелять?

— Сначала убедись, что все находятся с обратной стороны от дула.

Энди оглянулся по сторонам.

— Да, они там.

— Прекрасно. А теперь нацель на одну из банок.

— Возьми одну из ближних, — предложила Шарон. — Такой пистолет для небольших расстояний.

— Верно, — признал отец. — А сейчас сделай несколько выстрелов и посмотри, куда они лягут.

Пистолет слегка подпрыгнул, и Джоуди услышала через беруши глухое «бам!». Столбик пыли поднялся от земли в ярде за банками.

«Бам!». Ближе. Позади и чуть правее.

«Бам!», «бам!», «бам!». Два промаха, но за-

тем банка подпрыгнула высоко в воздух, несколько раз перевернулась и упала по крайней мере в футе от того места, где стояла.

— Есть! — воскликнул Энди, мотая головой из стороны в сторону. Такой широкой улыбки на его лице Джоуди еще никогда не видела. — Видали? Получилось! Попал!

Джоуди показала ему большой палец.

— Хороший выстрел! — крикнула Шарон.

— Если удалось раз, значит, сможешь повторить, — добавил отец. — Теперь попробуй взять мишень на мушку. Наведи пистолет так, чтобы мушка находилась по центру выреза задней планки и все три белые точки образовывали прямую линию. Затем сделай так, чтобы цель села на кончик мушки.

Со следующим выстрелом Энди не торопился. Когда же он наконец выстрелил, пуля сбила пыль в ярде до банки. Следующий выстрел тоже был мимо, но достаточно близко, чтобы от сотрясения земли банка качнулась.

— Кажется, у меня лучше получается, если не целиться, — произнес мальчишка.

— Во всем нужна практика, — сказал ему отец. «Бам!»

Банка кувыркнулась в воздухе.

«Кра-бум!»

Внезапный взрыв, резкий, громкий и, несмотря на беруши, пронизывающий, заставил Джоуди вздрогнуть.

Банка взлетела в воздух, как поданный с руки мяч. Закручиваясь, переворачиваясь, поблескивая и стремительно уменьшаясь, она приземлилась футах в сорока или пятидесяти от того места, где стояла.

Шарон опустила винтовку.

— Класс, — произнес, улыбаясь ей, отец.

Энди смотрел на нее в изумлении, широко открыв рот.

— В этом разница, — сказала Шарон, — между двадцать вторым и двести двадцать третьим.

— Боже правый, черт лукавый, — пробормотал Энди. — А можно мне попробовать?

— Всем можно, — ответила Шарон.

— Но позднее, — вмешался отец. — Хочу, чтобы ты потренировался еще с двадцать вторым,

пока не освоишься. Выстрели еще примерно раз сто. Джоуди, почему бы тебе не пострелять с ним по очереди? Заодно покажешь, как менять обойму, перезаряжать и все прочее, что необходимо знать.

— Слышал? — обратилась та к Энди. — Я — главная.

— Какая радость!

— Знаю, знаю. Итак, сейчас пистолет пустой. Ты это можешь определить по тому, что ползунки остаются на месте после выстрела. Но все равно поставь на предохранитель. Так надо делать всегда, когда не стреляешь.

Энди передвинул рычажок вверх, так что он прикрыл красную точку на боковой поверхности пистолета.

— Хорошо, — заметила Джоуди. — Теперь моя очередь. — Она вынула из кармана шорт запасную обойму. — Дай-ка.

— Можно сейчас снова я? Если разрешишь, потом будешь стрелять два раза подряд.

Джоуди задумалась. Потом вспомнила выражение его лица после первого удачного попада-

ния.

— Ладно. Ты выстреливаешь две обоймы, затем я две. Так и будем. Так, давай пистолет. Покажу, как перезаряжать.

Энди протянул пистолет.

— Ага, прекрасно, — фыркнула Джоуди, — хотел выстрелить мне в живот?

— Извини, — поморщился от замечания Энди.

— Вот от такой тупости и гибнут люди. — Джоуди заметила, что отец за ними наблюдает. — Правильно, па?

— Верно. Рад, что ты обращаешь на это внимание. — И он переключил внимание на Шарон.

Шарон стояла чуть поодаль от машины, но достаточно близко, чтобы дотянуться до коробки с боеприпасами, стоящей на багажнике. Она вынимала оттуда длинные заостренные патроны и вжимала их большим пальцем в бананообразную обойму, сверкавшую хромом на солнце.

— Ух ты ж, — пробормотала Джоуди. — Ты только посмотри.

Энди послушался.

— Мать честная.

Джоуди взяла у него из руки пистолет. Следя за тем, чтобы он ни на кого не был направлен, она нажала кнопку фиксатора обоймы. Изящная черная обойма выскользнула из рукоятки на ладонь. — Наши лишь чуточку меньше, чем ее.

— Ты шутишь.

— Еще немного, и папа переведет меня на тридцать восьмой. Он считает, что мне нужно больше останавливающей силы. Сколько я ни пыталась его переубедить, но...

— Зачем же его отговаривать? Разве плохо иметь пистолет более крупного калибра?

— Да, но мне нравится этот, и я не хочу его менять. — Вставив полную обойму в пистолет, Джоуди защелкнула ее толчком ладони. — Смотри на меня, а не на нее. Потому что следующий раз я заставляю это делать тебя.

— Я и смотрю.

— О'кей. Ты должен убедиться, что обойма полностью вошла и зафиксировалась на месте. Затем ты толкаешь эту штучку-дрычку, и ползунки выталкивают и досылают в патронник верхний патрон. Смотри. — Она показала. — Теперь

он заряжен и готов к стрельбе.

— Только на предохранителе, — добавил Энди, принимая пистолет у нее из рук.

— Правильно. Начинаешь усваивать.

Джоуди заметила, что отец стоял теперь ближе к Шарон. Они тихо о чем-то переговаривались, тогда как Шарон продолжала набивать обойму.

— Можно выходить на огневую позицию? — спросила она у отца.

— Валяйте, — ответил тот.

— Моей банки нет, — пожаловался Энди.

— Выбери другую, — посоветовала Джоуди. — Любую из четырех ближних.

— Стоять надо как-то по-особенному?

— Как тебе удобно. Лично я предпочитаю позу ткачихи.

— Что?

— Ничего. Расставь ноги и слегка согни в коленях, так чтобы стойка была твердой и устойчивой. Затем вытягивай руку и стреляй. Если хочешь по-настоящему хорошо прицелиться, можно использовать левую руку в качестве своеобраз-

разной подставки для правой, в которой держишь пистолет.

— Вот так?

— Ну да.

— Пли! — И он нажал на курок. Одна из банок подскочила вверх и отлетела назад. — Ура!

— Замечательно!

— Жаль, что не могу сделать так, чтобы она действительно улетела.

— Главное — попасть, а не то, как далеко отлетает.

— Да, но из этой пукалки даже не убьешь.

— Убить из нее можно с таким же успехом, как и из пушки Шарон.

— Да, да, конечно. Ежедневно и дважды в воскресенье. — Он снова выстрелил, но на этот раз промазал.

— Я не шучу. Я где-то читала, что профессиональные убийцы используют пистолеты двадцать второго калибра. Например, ими пользуются секретные израильские спецслужбы, которые ведут борьбу с террористами. На близком расстоянии двадцать второй не хуже других. К тому же это

достаточно тихое оружие и, если поставить глушитель, почти беззвучное.

Энди выстрелил еще раз и попал в банку так, что она перевернулась, но не подскочила. Затем посмотрел на Джоуди.

— У тебя есть глушитель к нему?

— Их нельзя ставить. Запрещены законом.

— По телевизору их всегда показывают.

— Да, и по телевизору всегда ставят глушители на револьверы. Телевизионщики ни черта не смыслят в огнестрельном оружии. Вечно все путают. После сегодняшнего дня ты будешь замечать всю нелепицу, что бы ни смотрел.

— Правда?

— Конечно. Скоро сам убедишься. Ага.

Энди выстрелил и промахнулся.

— Это из-за тебя.

— Шарон сейчас будет стрелять.

Энди повернул голову в ее сторону.

— Необязательно останавливаться, — напомнила ему Джоуди. — Я все еще жду своей очереди, если ты не забыл.

— Не хочу пропустить, как будет стрелять

Шарон.

Шарон посмотрела на них.

— Стреляй. Я подожду, пока ты отстреляешься.

Энди разрядил пистолет четырьмя быстрыми нажатиями на курок. От первого выстрела банка волчком отлетела назад. Следующие три были мимо, но все легли всего в нескольких дюймах от цели.

— Черт! — ругнулся он.

— Совсем неплохо, — возразила Джоуди. — Если бы вместо банки из-под пепси был преступник, все пули попали бы ему в грудь.

— Правда? — расцвел он. — Ура! Да, ты права.

— У всех в ушах затычки? — крикнула Шарон. — О'кей. Видите вон там торчащую сухую корягу? Там, перед бугром.

Джоуди отыскала ее глазами. Не очень крупная цель и на приличном расстоянии от самых дальних банок, установленных Шарон. Как ей показалось, высотой она была не более фута и ненамного толще ее руки. Похоже, это был пенек

небольшого усохшего деревца.

— Ты видишь? — спросил у нее Энди.

— Да, а ты?

— Кажется, да.

— Хорошо, — произнесла Шарон. — Поехали.

Ух, разнесу!

Отступив на несколько шагов в сторону, отец скомандовал:

— Пли!

Грохот выстрелов сотряс воздух.

Казалось, она стреляет так быстро, что даже не отпускает курок.

Под шквалом пуль коричневый пенек вздрагивал, и от него во все стороны разлетались щепки. Каждая пуля откалывала кусок от пенька, затем неслась дальше, взрывала пригорок и выбрасывала в воздух облачко пыли.

Отец смотрел не на цель. Он не сводил глаз с Шарон.

Джоуди взглянула на Энди: тот тоже смотрел на Шарон.

Зрелище было потрясающее: бейсболка повернута козырьком назад, винтовка вздрагивает

при каждом выстреле и выбрасывает латунные блестяшки всякий раз, когда из дула вырывается огонь и белый дым. Шарон всем телом гасит отдачу, которая сотрясает ее резкими жесткими толчками, отчего вибрируют бедра, хотя Джоуди знала, что ноги у Шарон стоят так же крепко, как стволы дерева.

У нее действительно потрясный вид, подумала Джоуди. Не удивительно, что ребята пьются на нее, как пара недоумков. Наверное, хотели бы находиться по другую сторону, чтобы видеть, что творится с ее грудями.

Стрельба прекратилась. Наступившая тишина показалась мертвой. Опустив винтовку, Шарон, прищурившись, стала всматриваться в даль.

— Мы будем называть тебя Рэмбо, — восхищенно произнес отец.

— Кажется, я прилично его изрешетила.

— Да от него и следа не осталось! — воскликнул Энди. Голос у него был возбужденный. — Можно мне попробовать?

— Может, позднее, — осадила его Шарон. — Сейчас тебе надо потренироваться с пистолетом.

— Шаг за шагом, — добавил отец.

— Но мне хочется что-нибудь разнести.

— Мы сотворили чудовище, — покачала головой Джоуди.

Глава 39

Выйдя из таксофона на заправочной станции «Арко» на окраине Блайза, Джек сел за руль и надел ремень безопасности.

— Ничего, — проронил он, взглянув на Шарон.

— Совсем ничего?

— Ты дозвонился к Нику? — донесся сзади голос Джоуди.

— Да. Застал его дома. Передавал тебе привет.

— Неужели никаких зацепок? — недоумевала Шарон.

— Проверяют компоненты зажигательной бомбы, оставленной снайпером в доме Цоллеров. Но, кажется, это тупик. Майонезная банка, на-

полненная газом, с одним из тех таймеров, которые можно купить для включения освещения на время отсутствия. Самые обычные предметы. Шанс зацепиться и определить место покупки практически равен нулю. Нашли несколько отпечатков обуви. Снайпер вступил в кровь и разнес ее по дому. Его рост примерно шесть футов и два дюйма.

— Шесть и два и еще лысый, — отозвалась Джоуди.

— Да-да, — подтвердил Энди, — они все были лысые.

Отец кивнул головой.

— Если снайпер один из тех, кто был в вашем доме. . .

— Но ведь он должен быть одним из них, разве не так? — не сдавалась Джоуди. — Иначе зачем он пытался меня убить?

— Он почти наверняка один из них, — согласилась Шарон.

— Но стопроцентной гарантии быть не может, — возразил отец.

— И нет уверенности, что он везде ходит лы-

сым, — добавила Шарон.

— Да-да, — поддержал ее Энди. — Может, весь день он ходит в парике и снимает его только тогда, когда с другими такими же бандитами идет резать людей.

— Как бы там ни было, — продолжал отец, — но обувь, по крайней мере, позволяет довольно точно определить его рост. Но на нем были прогулочная разновидность кроссовок «найкс», которые можно купить в любом магазинчике в округе, так что вычислить по ним парня практически невозможно.

— Если мы все же доберемся до него и обнаружим эти кроссовки... — подняла брови Шарон.

— Да, если мы его найдем, то он будет наш. — Отец завел машину, но перед тем как включать передачу, взглянул через плечо на Энди, а затем на Джоуди.

— Не проглядите какой-нибудь приличный мотель, — сказал он. Затем стал выруливать с заправочной станции.

Свернув направо на дорогу, он скользнул

взглядом по Шарон.

— Обнаружены еще некоторые физиологические жидкости, понимаешь?

— О? — Удивление сменилось на отвращение. — Понимаю.

— Даже на основании одного этого мы наверняка добьемся осуждения, но...

— Нет ни малейшего представления о том, кто он такой?

— Ни единого.

— А свидетели?

— Никто ничего не видел. На момент покушения большинство соседей были на пикнике во дворе одного из домов в этом квартале. Представь себе — жертвы тоже были приглашены.

— Ты шутишь? — не поверила Шарон.

— За несколько дней до вечеринки они отослали открытку с вежливым отказом, сославшись на ранее полученное приглашение в другое место. Но, насколько известно, подобного приглашения не существовало. У тех, кто устраивал эту вечеринку, есть немецкая овчарка, которая имеет привычку на всех прыгать и всех облизы-

вать, а соседям хорошо известно, что та женщина — которую убили — терпеть не могла собак. Вечеринка началась в три дня, так что если бы они пошли...

— О, вот беда, — произнес Энди.

— Их не было бы дома, когда появился снайпер.

— Женщина была беременна, — заметила Шарон. — И ее нельзя винить в том, что она не пожелала стать игрушкой для чьей-то невоспитанной собаки.

— Это просто ирония судьбы.

— Да, — согласилась Шарон. — Старушка ирония, сила, правящая миром.

— Что?

— Ирония. Сила...

— Мне ненавистна сама мысль об этом.

— Мне тоже, но я никак не могу от нее отделаться.

— О чем они разговаривают? — прошептал Энди.

— Об иронии. Ну, будто Бог все время пакостничает.

— Если все, кроме собаконенавистников, были на этой злополучной вечеринке, — продолжала Шарон, — как случилось, что ублюдок не проник в один из пустых домов?

— Может, он не знал, кто дома, а кого нет, — предположил отец. — Все надо было сделать очень быстро — во всяком случае, это касается выбора дома. Когда же он проник в дом, в его распоряжении было много времени. Есть основания считать, что он был... с этой женщиной... по крайней мере пару часов после того, как он влез в дом.

— И все это время она была жива? — ужаснулась Шарон.

— Может, не все.

— Полагаю, никто не слышал ее криков по той же причине, что никто не видел и не слышал...

— Он заткнул ей кое-чем рот.

Что-то было в тоне отца, с которым он это произнес. И что-то было во взгляде, которым Шарон на него посмотрела.

— Что это было? — оживился Энди. — Что он использовал для кляпа?

Отец покачал головой, а Шарон повернула назад голову.

— Это не имеет значения, — сурово промолвила она.

— Так-так, должно быть, что-то очень мерзкое.

— Смени тему, — приказала ему Джоуди.

— А ты знаешь?

— Не знаю и знать не хочу.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — предложил отец.

Энди скривился и опустил назад на сиденье.

— Ты не спрашивал у Ника ничего о... о том, узнали ли что-нибудь о тех, кто был в доме Энди в ночь на субботу?

— В этом смысле ты и Энди пока что наши лучшие источники. Ничего нового не обнаружено. Практически у нас нет ничего, с чего бы можно было начать.

— И что мы теперь будем делать? — спросила Джоуди. — Всю жизнь ездить по мотелям?

— Это не будет продолжаться вечно, — возра-

зил отец. — Скоро должно появиться что-нибудь, что сдвинет дело с мертвой точки.

— А мне начинает нравиться! — воскликнул Энди.

— А что, если этого не случится? — не унималась Джоуди. — Сдвиг. А что, если никогда не вычислят виновных?

— Давай вернемся к заботам сегодняшнего дня, хорошо?

— Кстати, о самом актуальном, — вступила в разговор Шарон, бросив на Джека то ли раздраженный, то ли разочарованный взгляд. — Ты попросил Ника продлить мои выходные?

Отец утвердительно кивнул.

— Они не согласны. Людей сильно не хватает. . .

— Проклятье.

— Что происходит? — испугался Энди.

Шарон хмуро посмотрела на него через плечо.

— Боюсь, нам завтра придется расстаться.

— Нет!

— Ей надо возвращаться на работу, — пояс-

нила Джоуди.

— Нет, она должна остаться с нами!

— Мне бы очень хотелось, — начала Шарон. — Но, послушай. Уезжать мне надо только завтра после обеда. Так что не будем пока что об этом волноваться. Зато оставшееся время следует использовать по полной программе. Что на это скажешь?

Вид у Энди был такой, словно он готов был вот-вот зареветь.

— Как ты доберешься назад? — поинтересовалась Джоуди.

— Возьму напрокат машину. Надеюсь, в этом городке есть прокатный пункт.

— А я надеюсь, что нет, — вскричал Энди. — Надеюсь, что у тебя не будет никакой возможности вернуться без нас.

— Спасибо, приятель.

— Я тоже хочу, чтобы ты осталась с нами, — призналась Джоуди, — но я не хочу, чтобы тебя уволили с работы.

Отец посмотрел на Шарон.

— Смотри за дорогой, па.

Внимание Джека снова обратилось на дорогу.

— Не огорчайтесь, — сказал он. — Никто не хочет, чтобы Шарон возвращалась без всех нас. Но у нее есть работа, и... потом, может, за это время дело существенно прояснится, и завтра мы сможем все вернуться домой.

— Дохлый номер, — пробормотал Энди.

— Никогда не знаешь, — возразила Джоуди.

— Было бы замечательно, — вмешалась Шарон. — Но не будем витать в облаках. Давайте просто получше проведем сегодняшний вечер, а о завтрашнем дне будем думать завтра.

— По крайней мере, ты можешь позвонить Нику и завтра, па. До того, как Шарон пойдет брать напрокат машину. Хотя бы затем, чтобы убедиться, что нам по-прежнему необходимо прятаться.

— Считай, что я уже это сделал. Так или иначе мне придется звонить ему ежедневно, пока все это не кончится.

— Поскорее бы найти мотель, — сказала Джоуди. — Чувствую, что уже не могу терпеть.

— Следовало сходить на заправочной стан-

ции, — заметил отец.

— Спасибо, не надо. Туалеты на заправках — это такая мерзость. Лучше потерплю до мотеля.

— Надо обязательно выбрать с бассейном, — предложила Шарон. — С тех пор как мы выехали из Индио, я только и мечтаю о том, чтобы нырнуть в хороший прохладный бассейн.

— Наверное, бассейны есть во всех, — предположил отец.

— Мне кажется, нам надо искать такой, где еще будет кабельное телевидение, — вставил Энди.

— Если будем так долго ездить, — пробормотала Джоуди, — меня просто разорвет. Боюсь, вам это не понравится.

Часть X

С вами снова Саймон

Глава 40

Ладно, ладно. Если эта сучка его сломала, ставлю ее пожалеть о своем рождении.

О! Гадом буду, если она уже не жалеет!

— Проба, проба — раз, два. Проба, проба — раз, два.

Ура, браво! Работает. Так как она съездила меня этой хреновиной по башке, я уж подумал, что наверняка разбила его. Ан нет. Приятная новость. А неприятный момент в том, что сместились батарейки, пока она меня колошматила, так что магнитофон отключился и не записал всех наших забав и развлечений. А получилась бы весьма любопытная запись, если понимаете, что я имею в виду.

Что ж, вам не повезло.

А я вот ничего не пропустил. Потому что никуда не уходил.

Первое, что случилось, — она трижды прилично огрела меня магнитофоном по голове. Это когда вы слышите мои крики. Должно быть, после третьего удара магнитофон вырубился.

Прежде чем она успела причинить мне более существенный вред, я перехватил ее руку. Другой рукой я ее так ущипнул, что она заверещала и выпустила из рук магнитофон.

Она была потрясающа.

Вся потная, скользкая и горячая. От яростного сопротивления груди ее прыгали из стороны в сторону, она извивалась и выскальзывала из-под меня, и наши тела терлись друг о друга.

Самое приятное в этом было то, как вылезали из орбит ее глаза всякий раз, когда я делал ей по-настоящему больно. Нет, пожалуй, все же не это... лучшие моменты наступили тогда, когда у нее начались приступы боли, и от них она стискивала и хватала меня своими внутренними мышцами.

Это было просто чудо.

Все это время я называл ее Джоуди.

Она ни разу не возразила.

А что? Может, ее действительно звали Джоуди. Впрочем, сомневаюсь. Слишком большое совпадение. Хотя можно спросить, когда буду доставать ее из багажника. Сказать она, правда, наверняка уже не сможет, но хоть кивнет, да или нет.

Так или иначе, но от того, что я ее так называл, мне было приятнее. Главным образом я делал это тогда, когда не видел ее лица, и тогда ничто не мешало мне представлять себе, что подо мной именно Джоуди. Иногда получалось, иногда нет.

Но что срабатывало во всех случаях, так это то, что я повторял себе, что Джоуди будет подо мной вот так же — настоящая Джоуди, — и скоро. Может, через день или два, может, через неделю. И с настоящей будет точно так же, только лучше.

Но ей придется поднапрячься, чтобы превзойти эту девчонку. Потому что по десятибалльной шкале эта потянула на девятку.

Хо-хо! Вспомнилась наша старая шкала удо-

вольствий. Чуть было не забыл о ней. Какое-то время мы оценивали все наши убийства по этой шкале, но потом как-то неожиданно прекратили без особой причины.

При оценке учитывался целый ряд показателей, но главным образом внешность жертвы и то, какой она была на ощупь, как реагировала на истязания и изнасилование, и так далее. (Существовала и шкала для оценки мальчиков. Ее ввели педики из нашей группы. Они называли ее шкала педовольствия.)

Как сейчас припоминаю, придумали мы ее однажды вечером в гараже Тома. Это было примерно через неделю после нашего визита к Дениз Деннисон и ее семье. Кто-то — кажется, Пескарь — сказал, что по десятибалльной шкале удовольствия Дениз заслужила пятнадцать баллов. Мы все тогда над ним издевались. Я хочу сказать, что, если шкала от одного до десяти, нельзя ставить оценку больше десяти, если ты не безмозглый кретин.

Но случилось так, что однажды мы сами отступили от этого правила и выставили двена-

дцать баллов. Это потому, что мы все согласились, что она была намного лучше других. Правда, она была старше, чем многие из наших жертв, но она стояла особняком. Отчасти это объяснялось ее неординарной внешностью, но главное было все же ее поведение — ужас и стыд, невероятная чувствительность к боли и то, как, несмотря ни на что, она, казалось, наслаждалась каждой минутой секса. Она умоляла нас не делать ей больно, но всегда страстно желала, чтобы мы ее трахали. Меньше, чем тремя за раз, она не довольствовалась. Это было настолько невероятно, что мы продержали ее живой в гараже примерно два месяца, прежде чем убили. Это был рекордный срок. Позднее мы содрали с нее всю кожу.

Вычистили и выделали.

Том первый выбирал, что нравилось. И, разумеется, лучшие части взял себе.

Но и мне достались неплохие. Все получили хоть что-то — сувениры на долгую память.

Собираясь в «препараторской» на холостяцкие вечеринки, мы шили из ее шкуры все, что желали. Не буду рассказывать, что у кого полу-

чилось. Во-первых, времени у меня не так много. А во-вторых, вас может стошнить. Не хотелось бы портить вам аппетит. Но сам я сделал изящную небольшую мини-юбку, которую назвал юбчонка-конни, в честь Конни Бэкстер, любезно предоставившей материал.

Вот, пожалуй, и все, что я хотел сказать о Конни, нашей единственной и непревзойденной чемпионке.

Несправедливо было бы сказать, что она заработала двенадцать баллов потому, что была матерью Тома. Это означало бы умаление ее достоинств. Свои двенадцать она заслужила самостоятельно.

Дайте подумать. Это было примерно два года назад.

С тех пор никто не поднимался до двенадцати, и вскоре после Конни мы вроде как забыли о шкале удовольствий.

Может, Джоуди тоже заработает двенадцать. Или поднимется еще выше.

Черт, а может, будет огромным разочарованием. В своем воображении я вознес ее так вы-

соко. . . Но в ней что-то есть. Что-то. И это всего после нескольких секунд с ней на траве в пятницу ночью — и потом у стены. И после ночи в ее кровати. И от ее одежды.

И это нечто большее, чем просто внешность. У нее есть. . . порода. Свежесть. Может, отчасти это еще связано с тем, как мужественно она себя вела, когда мы на нее охотились.

Как бы там ни было, но я не могу дождаться, когда она вернется оттуда, куда уехала.

Конечно, придется подождать.

Боже, нельзя даже придумать какой-нибудь хороший план ее захвата, когда не знаешь, где она.

Просто надеешься, что она скоро вернется.

Должен признать, что само предвкушение нашей встречи таит в себе массу удовольствия. Всякий раз, когда я представляю себе, как это будет, у меня возникает такая продолжительная эрекция.

Но, судя по всем признакам, Джоуди, похоже, и не собирается возвращаться. А мне надо немного прийти в себя.

Конечно, я вздремнул после того, как закончил с девчонкой. Сон мне был крайне необходим. Настолько, что я фактически отключился прямо на заднем сиденье своего автомобиля, даже не успев слезть с нее. Очень неосмотрительно. Но я так измотался, что плевать на все хотел. Куда могла деться девчонка, которую я так крепко прижал. Тем более я решил, что в таком состоянии она была уже безобидной. Тревожило только то, что кто-нибудь мог забрести сюда и найти нас, но, впрочем, не настолько, чтобы прогнать сон.

И я вырубился.

Насколько мне известно, никто не подходил и не заглядывал в машину, пока я был невосприимчив ко всему окружающему миру.

Если девчонка и просыпалась, то оказалась достаточно умна, или испугана, или ранена, чтобы вести себя хорошо. А ведь могла бы выцарапать мне глаза или прокусить шею, как я сделал с Генри в Индио. Много чего могла бы мне сделать.

Но я проснулся не в худшей форме, чем был,

когда закончил с ней.

Разве что я был неприятно удивлен, когда сел и увидел, как низко опустилось солнце. Часы на приборной панели показывали семь тридцать пять.

Замечательно, да? Очень жаль, что не поспал немного дольше.

Я вот о чем: а что, если бы я поспал еще пару часов? Как оказалось, я приехал сюда с запасом времени. Хватило, чтобы посидеть в машине, повозиться с магнитофоном и привести его в рабочее состояние, и еще много осталось, чтобы поиграть в «кошки-мышки» со своим прошлым И еще осталось время.

Время ожидания и тревог.

Но что, если бы я проспал дольше в пустыне? Что, если бы я проснулся, когда не осталось бы времени, чтобы поспеть к установленному сроку?

Все равно бы приехал?

Я хочу сказать, что примерно к десяти тридцати Лиза была бы уже в таком состоянии, что ее невозможно было бы спасти. (Если и не мертвой, то настолько изуродованной, что не стоила

бы затраченного времени.) Так зачем было рисковать?

Так вот, помнится, я уже говорил, что сегодня вечером речь на самом деле пойдет не о том, чтобы спасти Лизу. Больше это касается моего собственного выживания. Если я не устраню Тома и других, я, считай, уже покойник.

И вот я здесь.

Припарковался у обочины примерно в пятидесяти футах от ворот в усадьбу Тома. Не хочу возбуждать его подозрения, так что в мои планы входит подождать ну, может быть, до без пятидесяти и только потом подъехать к воротам.

А это будет примерно минут через десять.

Многое чего о нашей банде я так и не успел рассказать. Во-первых, можно было бы привести поименный список всех жертв. Я ведь знаю большинство их имен, но... очень жаль. На это уже нет времени.

Что бы я еще мог сделать, так это наговаривать в магнитофон, пока сюда ехал. Дорога была длинной, и у меня была бы возможность рассказать о многом. Но беда в том, что я думал, эта

сучка разбила маг. И только уже здесь, когда надо было убить время, взглянул на него и увидел, что просто отошли батарейки.

Пока у меня еще есть несколько свободных минут, хочу рассказать, что я делал с девчонкой после пробуждения. Это когда мы еще были в пустыне, и я только заметил, как было поздно.

Я был в таком цейтноте, что не стал возиться с ее одеванием. Тем более что никого рядом не было. Просто выволок ее из машины. Мы оба были в чем мать родила. Она спала. Спала или была без сознания, не знаю.

Вытащив из машины, я бросил ее на землю. На нее надо было посмотреть. Распластанная на земле, она смотрелась великолепно. Солнечный свет имел тот чудный красноватый оттенок, от которого ее волосы искрились золотом, а кожа приобретала мягкий рыжеватый румянец.

Она была просто обворожительной.

Мне не хотелось в этом признаваться, но такого великолепия, быть может, мне не суждено будет больше никогда увидеть. И, возможно, поэтому я и хочу сейчас немного поговорить об

этом.

В жизни есть место для великой и волшебной красоты.

И когда один из таких моментов случается, хочется насладиться им сполна. Не хочется его пропустить или отнестись к нему легкомысленно. Потому что они приходят нечасто. И однажды один из них станет твоим последним.

Боже!

Внезапно мной овладело ужасное предчувствие сегодняшней собственной смерти в гараже Тома.

Если это произойдет, у меня больше никогда не будет возможности... Думаете, это будет большой удачей для Джоуди Фарго, да?

Впрочем, мое время на исходе.

Так вот что я сделал после того, как сбросил девчонку на землю — достал из багажника винтовку Праха. Затем встал над ней, поставив ноги практически на линии ее груди, взял винтовку за ствол, занес ее над головой и опустил на ее челюсть.

Опуская, я крикнул: «Вперед!»

Ложа приклада попала в челюсть сбоку, именно там, где и предполагалось.

Челюсть не вылетела, но прилично ушла в сторону.

Вот блин, времени совсем не осталось.

Я мог бы сразу же после этого просто засунуть ее в багажник, но, как я уже говорил, она была так хороша, а я не из тех, кто упускает столь редко встречающиеся в жизни моменты великолепия, так что я опустил рядом и еще раз трахнул ее. Челюсть начала опухать, еще когда я махал девчонку. И вот тогда я и швырнул ее в багажник. Затем оделся и взял курс к дому Тома.

Челюсть я ей сломал для того, чтобы она не могла ничего рассказать Тому и остальным. Чего я действительно сильно не хотел, так это чтобы она начала отрицать, что она Джоуди, когда мы туда войдем.

О Господи! Пора.

Поехали.

Если мне не удастся... Блин, у меня были большие планы на эти пленки. Все они здесь, в машине. Может, их следовало оставить на моей

квартире или отправить их кому-нибудь по почте. . . Не знаю. Все равно уже поздно.

Я подъезжаю к воротам. Там очень хорошее освещение и телекамера. Монитор в гараже, там же и кнопка, которую нажмут, чтобы впустить меня.

Я открою окно и положу это на колени. До тех пор пока. . .

«Привет, парни. Вовремя, да? Джоуди у меня в багажнике. Еще живая и брыкается, как вы и хотели. А пацана я убил. Все прошло замечательно!»

О'кей, ворота начинают открываться.

Едем.

Необязательно было заезжать внутрь.

Но я это делаю. Я имею в виду, что с этого момента назад дороги нет.

Должно быть, я фанатик. Это безумный поступок. Самоубийство.

В духе Гарри Купера.

Я о Купере в фильме «По ком звонит колокол», если вы не догадываетесь, там, где он остается, чтобы прикрыть отступление — хотя и пре-

красно знает, что останется там навсегда.

«Я делаю это для тебя, Мария. Ступай, я тебя догоню».

Догонит, черта с два. Подохнет и пойдет на корм муравьям.

Вон там в стороне, в глубине парка, место, где мы убили Хестер Ладдгейт.

Жаль, что не смогу ничего сделать с этими лентами.

Нет, почему же.

Просто оставлю их в машине, когда мы пойдем в гараж. Кто-нибудь их найдет. Тот, кто переживет грядущий эпос «Перестрелка в гараже Тома».

Сценарий, режиссура и постановка великого Саймона Квёрта с его личным участием!

Если эти пленки обнаружит не тот человек, они никогда не увидят свет. Похоже, мне просто необходимо остаться в живых или, по крайней мере, сделать так, чтобы ни Том, ни кто-либо другой из них не остался.

Если удастся спасти Лизу...

Если ты слышишь это, Лиза, я хочу, чтобы ты

позаботилась о том, чтобы эти пленки не уничтожили. Я завещаю их тебе. Отнеси их к адвокату, что ли. Фараонам следует их послушать, но они чего-то стоят, так что позаботься, чтобы за тобой сохранились на них все права. Ты ведь заслужила что-нибудь за ту неприятность, в которую из-за меня попала. Может, адвокат сведет тебя с литературным агентом или кем-нибудь в этом роде. Может, они смогут сделать из этого книгу или фильм, и мои подвиги будут увековечены.

О'кей, здесь я остаиваюсь. До особняка и гаража Тома отсюда рукой подать. Я их уже вижу. Везде темно, как и должно быть.

Парни, вероятно, ждут меня в гараже.

Разве что Том выслал Митча и Куска наружу, чтобы те взяли меня на мушку — или напали на меня из засады.

О Боже!

Вот так.

Сейчас выберусь из машины и вытащу из багажника Джоуди — или кто там она. Мой живой щит.

Боже!

Четверо против одного.

Равные шансы, если ты Терминатор.

А, ладно. Если я воткну, считайте, что я сделал то, что должен был сделать, и не отступил.

Скоро я вам еще кое-что расскажу.

А может, и нет.

«Адъёз, амигос».

Куда деваются все эти туалеты, когда у тебя нужда?

Часть XI

Дом, милый дом

Глава 41

Джоуди беспокойно металась в постели, время от времени постанывая. Хотя она прекрасно помнила, что легла всего сорок пять минут назад, казалось, прошли долгие часы.

А надеялась, что уснет моментально. Ведь была такая уставшая — как выжатый лимон, — а тут не какой-то вшивый мотель с шумным кондиционером и жесткой подушкой. Это был ее дом.

В открытое окно врывались знакомые, мирные звуки. А вместе с ними легкий ветерок, не то чтобы такой уж прохладный, но тем не менее заставивший ее сесть и потянуться к ногам за простыней. Но если укрыться, будет жарко. Нет, достаточно и ночной рубашки, надо только принять более удобное положение.

Может, если бы она так не перекручивалась, становясь тесной и раздражая незажившие болячки, нарушая кровообращение. . .

Джоуди вновь села и начала одергивать и расправлять сорочку. Справившись, она прилегла и положила руки под голову. Задняя часть ночной рубашки подкатилась к пояснице, полностью обнажив ягодичы, а передний край остановился лишь чуть ниже пупка.

Вот так совсем неплохо.

Но это не годится. Хотя бы потому, что в комнате для гостей Энди. Вряд ли он встанет среди ночи и прокрадется в ее комнату подсматривать.

«Хотя он довольно непредсказуем».

Упершись пятками в матрац, Джоуди приподняла зад, оттянула сорочку на несколько дюймов вниз и опустилась.

Так лучше.

Не так прохладно и удобно, но, по крайней мере, не так остро чувствуется обнаженность и уязвимость.

Это не из-за Энди она не спала, поняла Джоуди. Это из-за Него.

"Он был здесь. Прямо в моей комнате. Все разглядывал, рылся в ящиках, изучал мои личные вещи, трогал руками. Спал в моей кровати, словно в искаженной больным воображением версии «Белоснежки».

И даже брал мою одежду и надевал ее!

Одному Богу известно, что еще".

У нее было такое чувство, будто отец что-то недоговаривает. И многое. Как бы ей хотелось самой послушать те записи.

— Благодарю судьбу, что ты не обязана это делать, — сказал ей отец. — Не хочу, чтобы ты их когда-нибудь слышала. Это и тебя касается, Энди.

— А как насчет меня? — поинтересовалась Шарон.

— На твоем месте я бы сам не стал этого делать. Лучше бы и мне их не слышать, но тут у меня фактически не было выбора. Боже, я знал, что вокруг множество больных, злых людей, но... эти — настоящие монстры. Слава Богу, все они мертвы.

Но Джоуди все же чертовски хотелось послу-

шать пленки. Папа с Ником Райеном тогда полдня просидели в участке. Хотя никто ничего не говорил, по всей видимости, тот ненормальный успел надиктовать часов пять или шесть записей.

Вернувшись домой, отец передал их содержание в очень кратком изложении.

Ему удалось втиснуть всю историю в рамки одного часа, так, чтобы Шарон успела услышать ее до начала своей смены.

Закрыв глаза, Джоуди представила его за кухонным столом. Он сидел верхом на развернутом стуле, налегши на спинку и сложив поверх нее скрещенные руки. Большая часть истории была рассказана тихим и ровным, почти скучным голосом. Но к концу завернутый вверх уголок губ стал время от времени подергиваться.

Тик начался, когда он рассказывал, как Саймон выбил челюсть девочке прикладом винтовки.

— Он это сделал, чтобы Карен не смогла никому сказать, что ее звали не (тик) Джоуди. После этого он положил ее в багажник и отвез к Тому. Там он перестал записывать свою историю

на пленку. Бросив магнитофон и пленки в бардачок «Кадиллака», он, по всей видимости (тик), вытащил Карен из багажника, и они направились в гараж.

Ему хотелось, чтобы все выглядело так, словно выполняются все их требования, но в то же время он был вооружен до зубов. У него были армейский «кольт» 45-го калибра, к тому же двухзарядный «дерринджер» того же калибра и револьвер «смит-вессон магнум» 357-го. Об этом оружии он рассказывает на пленках, и его сегодня утром достали из-под обломков.

Есть основания полагать, что, входя в гараж, он держал Карен перед собой. Говорил, что хочет использовать (тик) ее в качестве щита. Но что-то, видно, пошло не так. Ей как-то удалось освободиться. А может, он сам отпустил ее, чтобы освободить руки для стрельбы. Или она неожиданно сделала что-то такое, чего он не ожидал, и смогла вырваться. А может, это случилось уже после того, как его ранили в перестрелке. Если она выкарабкается, то, наверное, расскажет о происшедшем подробнее. Во всяком случае, то,

что видела.

Потом, похоже, началась бойня, и Карен ранили в спину (тик) из сорок пятого, вероятно, стрелял Саймон. Она (тик) упала на подъездной аллее на довольно приличном расстоянии от гаража и поэтому (тик) не сгорела со всеми остальными.

Для освещения гаража они использовали свечи и керосиновые лампы. Наверное, для создания необходимой обстановки. Это и явилось причиной пожара. Считается, что в одну из ламп попала шальная пуля.

— Когда прибыла пожарная команда, гараж был объят пламенем, и никого нельзя было послать внутрь, пока не погасили огонь. К тому времени все уже были мертвы. Внутри нашли подвешенную на цепях к балке (тик) женщину. Скорее всего это была Лиза. Была ли она еще жива к моменту появления Саймона... — Он пожал плечами. — Так или иначе, но ему не удалось ее спасти.

Одному Богу известно, что там происходило. Но ясно одно — Саймон не успел уложить всех

до того, как его схватили. Началась рукопашная схватка, и его прилично изрубили саблей. Его тело нашли под двумя другими — они сплелись в единый клубок и обуглились. Рядом нашли трупы еще двоих. Похоже, Саймон убил тех двоих, после чего на него накинута та, другая пара, которую обнаружили в одной с ним куче. Если в это время Карен еще была в гараже, быть может, она сможет поведать нам что-нибудь о финальных (тик) сценах. Дополнительные сведения мы получим также после вскрытия Саймона и остальных.

После этих слов Шарон отодвинула назад стул и встала.

— Мне пора отчаливать. Может, ты сообщишь мне еще кое-какие подробности...

— Ты вернешься сюда после окончания смены? — спросил тогда отец.

Несколько секунд они пристально смотрели друг другу в глаза.

— А ты этого хочешь?

— Да, конечно, хочу.

Шарон глубоко вздохнула и насупила брови.

— А вы, сержант, отдаете себе отчет, в какое время это, по всей вероятности, произойдет?

— Наверное, мне лучше дать тебе запасной ключ от дома.

И они вместе вышли из кухни.

Когда они вышли, Джоуди перевела взгляд на Энди, ожидая от него неприличных взглядов или непристойных шуток в адрес своего отца и Шарон. Но мальчишка словно застыл на стуле и только хмурился.

Вскоре отец вернулся и сел на место.

— Думаю, самое время подумать об обеде. Ты любишь пиццу, Энди?

— А?

— Пиццу.

— Давай не будем торопить события, — прервала их разговор Джоуди. — Я хочу, чтобы ты рассказал нам, что еще он говорил на пленке. Там должно было быть гораздо больше, чем ты нам передал. Вы ведь полдня их прослушивали.

— Я считаю, что упомянул все, что вам необходимо знать.

— А я хочу знать все, что он сказал.

— Нет, не хочешь. А теперь давай сменим тему и...

— Но он был в нашем доме, па. В моей спальне. В моей одежде.

— Знаю. И понимаю, как это, должно быть, тебе неприятно.

— Он сумасшедший К тому же извращенец.

— Знаю, милая, знаю. Послушай, если ты не можешь спать сегодня в своей спальне, постели на диване.

— Диван бугристый.

— Знаю, но...

— Я хочу спать в своей кровати Несправедливо, чтобы он отнимал ее у меня... лишал меня моей спальни. — Еще произнося эти слова, она поняла, как эгоистично и мелочно они звучали. Канючит о какой-то спальне, когда Саймон и эта ужасная банда вырезали всю семью Энди, погубили столько народу, что невозможно и представить... — Все нормально, — поправились она. — Просто надо привыкнуть к мысли и...

— Может, есть смысл отправиться всем вместе в твою комнату и сделать там генеральную

уборку. . .

— Мы уже все там убрали, пока ты слушал кассеты, — пояснила она. — Убрали во всем доме, ты разве не заметил?

— Не совсем.

Впервые за долгое время улыбка вернулась на лицо Джоуди.

— Вот бы Шарон обрадовалась, услышав, что ты даже не заметил. А она из кожи лезла вон.

— Я тоже помогал, — отозвался Энди.

— Эти лаборанты оставили все в большем беспорядке, чем. . . тот.

— Саймон.

— Да. Он. — Ей не надо было напоминать его имя. Похоже, она его теперь никогда не забудет. Но ей не хотелось произносить его вслух. — Во всяком случае, — продолжала она, — они везде насыпали дактилоскопического порошка.

— Скажи мне вот что, Джек. Зачем им нужно было искать здесь его отпечатки, если он мертв? — моргая, словно спросонья, спросил Энди.

— Потому что предстоит серьезное расследо-

вание... всех преступлений. Даже его проникновения в ваш дом. И нужно знать все о нем и его друзьях. Нужно точно установить, кто в чем участвовал, что делал и когда.

— Разве ты не говорил, что он назвал имена всех остальных? — наседал Энди.

— Это так, но он мог кого-то и не упомянуть. Или мог назвать имена людей, которые не входили в банду.

— Чтобы у них были неприятности? — предположил мальчик.

— По многим причинам. Насколько нам известно, половина из того, что он наговорил на пленку, может оказаться ложью.

— Только половина?

— То, что многое из сказанного им правда, не вызывает сомнений. Это совпадает с тем, что нам известно о... например, событиях в доме Энди в пятницу ночью. И о Хиллари Западон и ее муже. О бездомном бродяге, которого он сбил в переулке в субботу вечером. И двоих мужчинах, которых застрелил в Голливуде, когда ему понадобилась собака. О его... посещении наше-

го дома. Также о том, что он сделал с родителями Карен. — Он снова пожал плечами. — У нас нет подтверждения о его тройном убийстве в Индио, но, возможно, это просто дело времени. Может быть, этот парень — Генри — жил один и выдумал историю о том, что его мать на работе, которую рассказал Саймону. Если это так, то их тела найдут еще очень не скоро.

— Если уж на то пошло, дети, у нас нет никаких оснований вообще подозревать его во лжи. Поэтому каждое слово на пленках вполне может оказаться правдой. Но есть огромные пробелы, и их все нужно заполнить, чтобы получить полную картину преступлений этой банды.

Джоуди ерзала на кровати.

"Меня совсем не интересуют остальные. Я хочу знать только об этом извращенце, который побывал здесь. Что он говорил и что делал. Что было такого, о чем узнал отец из этих записей. Должно быть, что-то страшное, иначе бы он нам рассказал.

Но сейчас все в порядке, — успокаивала она себя. — Он мертв. Они все мертвы. Они не могут

больше причинить боль ни мне, ни кому-нибудь другому. И даже не имеет значения, что Саймон находился вот здесь, в моей комнате, рылся в моих вещах и спал на моей кровати. Мы все хорошенько прибрали. И я не надену ничего, к чему он мог прикоснуться, не пропустив предварительно через стиральную машину К тому же Шарон уже поменяла постельное белье".

От этого воспоминания Джоуди почему-то вся съежилась.

Что-то странное было связано с простынями.

В то время она была настолько расстроена и озабочена, что даже не заметила этой странности. Суть была в том, что возникло ощущение, что где-то в доме мог притаиться чужой, убийца.

Когда отец отпер входную дверь и только шагнул в гостиную, в руке у него оказался «браунинг».

— Гости, — шепнул он тогда.

«Продолжение следует», — подумала в тот момент Джоуди.

А какое она почувствовала облегчение, когда решила, что все уже позади.

Тот выпуск новостей они услышали по автомобильному приемнику, когда ехали завтракать. Загадочный пожар в районе Голливуд-Хиллз в особняке некоего Томаса Бэкстера. В гараже обнаружено шесть обгоревших трупов. Единственная уцелевшая, нагая девочка-подросток со следами тяжких телесных повреждений и сексуального насилия, найдена во дворе недалеко от гаража с пулей в спине. Высказываются подозрения, что этот случай может быть связан с пожарами в жилых домах и исчезновением людей, случившимися в пятницу ночью на Авалон-Хиллз в Лос-Анджелесе.

После этого никто в машине больше не интересовался поиском самого яркого и живописного ресторана в Блайзе. Они остановились в «Бёргер-Кинге», и отец бросился к таксофону.

К столику он вернулся с удовлетворением на лице.

— Ник говорит, все кончено, ребята. На подробностях он не останавливался, но сказал, что, по всей видимости, погибшие в гараже... были именно теми, кто убил твоих родных, Энди. Мож-

но ехать домой.

Но в доме кто-то уже побывал до них.

Кто-то завтракал в гостиной и оставил на журнальном столике грязную тарелку с чашкой и столовые приборы.

Присев, Шарон обследовала остатки трапезы.

— Думаю, день или два назад, — произнесла она. Но почему-то сделала это шепотом.

— Если здесь кто-нибудь есть, — также шепотом промолвил отец, — мы его найдем.

И начался поиск. С пистолетами в руках.

В ее спальню Шарон вошла первой. Она вошла с пистолетом на изготовку, а отец, Джоуди и Энди остались в коридоре.

Оттуда она вышла со свернутыми в комок простынями в руках. Выражение лица у нее было мрачное, может, немного брезгливое.

— Он здесь был, он ушел. Начинаем уборку, да?

Схожу брошу их в стиральную машинку. На них осталась его кровь.

— Он ложился в мою постель? — вырвалось у Джоуди.

— Ты знаешь, где стиральная машина? — спросил отец у Шарон.

— В гараже, верно?

— Верно.

И он остался стоять на месте — они все остались стоять, — пока Шарон относил простыни в гараж.

После ее возвращения обход дома продолжился и вскоре завершился.

Затем отец позвонил Нику Райену и сообщил о факте проникновения в дом.

Затем прибыли следователи. Обменявшись с ними несколькими фразами, отец уехал в участок, чтобы выяснить, что было у Ника на убийц.

Позднее, когда все следователи покинули их дом, Джоуди и Энди помогали Шарон наводить порядок. И снова первой в ее спальню вошла Шарон. И первое, что она сделала, — застелила кровать чистыми простынями.

«Что же случилось с моими простынями, черт возьми? Кровь — это вещественная улика. Почему это Шарон бросила простыни с уликами в стиральную машинку, а не оставила их на кро-

вати для лаборантов? Разве что она подвинулась на чистоте. Но отец ее не остановил. Наверняка была причина. Иначе он ни за что на свете не допустил бы такого уничтожения улики».

Внезапно Джоуди поняла, почему они так сделали. Со стоном она перекатилась на бок и схватилась за живот.

Кровь на простынях ублюдок действительно мог оставить, как утверждала Шарон. Но это было не все. Не могло этим ограничиться. Он должен был оставить и другие пятна.

Джоуди скорчилась, внутри все жгло.

"Можно ли так забеременеть?

Не будь идиоткой.

Тем более что эти простыни чистые.

Но Шарон не сменила подстилку на матрасе. Что, если это прошло через простыню? Тогда это все еще было подо мной в подстилке.

Глупости, — успокаивала она себя. — Между мной и этим чистая простыня.

Если они думают, что я собираюсь спать на этой кровати после того, как этот дегенеративный мясник облил все вокруг спермой, пусть себе

думают", — возмутилась она.

Быстро передвинувшись к краю кровати, Джоуди опустила ноги на пол и встала.

Глава 42

Стащив верхнюю простыню с кровати, Джоуди скомкала ее и прижала к груди. Затем взяла подушку и прокралась на цыпочках к двери.

В коридоре было темно.

Джоуди медленно пошла. Босые ноги беззвучно ступали по ковру. Через несколько шагов стала видна дверь в спальню отца. Она была распахнута. Отец ушел к себе вскоре после нее и Энди, так что теперь, вероятно, уже спал.

Не страшно, если не спит и все слышит, подумала она. В конце концов, просто скажу, что решила перелечь на диван. Ведь он с самого начала это предложил.

Поравнявшись с открытой дверью, Джоуди услышала раскаты храпа.

Превосходно. Не надо ничего объяснять.

Но, крадучись мимо его спальни, Джоуди все же почему-то надеялась, что он проснется. Хотя она была рада избежать расспросов, в глубине души было неприятно, что отец спит. Словно куда-то ушел и бросил ее.

Теперь она была абсолютно уверена в том, что и Энди спит.

"Вроде как их и вовсе здесь нет.

Глупо, — возразила она сама себе. — Им и положено спать. Для чего тогда ночь? Не их вина, что я такая издерганная и у меня бессонница".

Вскоре она добрела до гостиной и остановилась на пороге, изучая обстановку. Тусклый свет, просачивавшийся сквозь гардины — блеклая молочно-серая смесь уличного освещения со светом луны, — едва обозначал очертания кресел, тумбочек, дивана и журнального столика.

Все казалось черным.

Черным или почти черным.

"Что, если я подойду к дивану, а на нем кто-то лежит?

Прекрати, — приказала она себе. — На диване

никого нет. Во всем доме нет никого, кроме меня, Энди и папы".

— А насчет их я даже не совсем уверена, — прошептала Джоуди.

"Интересно, кто мог меня услышать, — неожиданно мелькнуло в голове. — Может, тот, кто растянулся на диване? Или тот, кто сидит в папином кресле?"

Глупости, — упрекнула она себя. — Я ведь уже не маленькая девочка, чтобы нагонять на себя страху подобной чепухой. Никого здесь нет".

Но, чтобы лишний раз убедиться, она перехватила повыше сверток и освободила правую руку. Затем шагнула к столу, протянула руку и включила лампу.

Яркий свет резанул по глазам.

Щурясь, она обошла всю комнату по кругу. Дважды.

«Видишь? Что я тебе говорила? Никого нет».

Когда она выключила лампу и зашла в проход между диваном и столиком, под босой ногой что-то хрустнуло. Что-то маленькое и хрупкое, вроде хлебной корки.

"Здесь он ел!

А я здесь собираюсь спать?

Не смогу. Никак. — И она отошла от дивана, наморщив нос. — Скверно, подумала она. И что теперь, обходить стороной все те места, куда ступала его нога? Только те, о которых я знаю наверняка".

Безумие.

"Нет, не безумие! Он был грязным дегенератом и головорезом! Не говоря уже о том, что кончил на мою кровать. Кто знает, где еще он мог...

Интересно, и где же ты собираешься спать?"

Что-то остановило ее. Может, неожиданно громкий стук сердца?

"Успокойся наконец, — приказала она себе. — Это несправедливо! Он испортил все! Мою кровать Диван. Весь дом, черт побери! Никогда уже не будет как прежде. Никогда здесь не будет ни чисто, ни безопасно, ни... "

— Прекрати, — пробормотала она. Неприятно было слышать собственный голос в тишине, но она решила, что все равно будет с собой раз-

говаривать. — О'кей? Просто успокойся. Все прекрасно. А сейчас подумай. Где можно лечь спать? Где его не было?

В машине.

«Нет, в машине я спать не буду, — решила она. — Должно быть еще какое-нибудь место. Ну же, где?»

Следы его присутствия были обнаружены лаборантами здесь, в гостиной, на кухне, в ванной комнате, в спальне отца, в ее собственной и даже в гараже.

«Никуда не денешься, — подумала она, — он побывал везде».

Только в комнате для гостей все осталось на своих местах, по крайней мере на первый взгляд. Разумеется, это еще ничего не доказывало, а означало лишь то, что он ничего не переставлял и ничего не брал оттуда, и не перевернул комнату вверх дном.

"Очень жаль, что там Энди.

Впрочем, кто сказал, что кровать в комнате для гостей чем-то лучше моей? Кому известно, где этот ублюдок?..

Роликовая кровать!

Да!"

И Джоуди направилась к комнате для гостей, окрыленная удачным решением проблемы подходящего места для сна. Эта низкая кровать на роликах стояла под большой кроватью и была прикрыта свисавшим почти до пола покрывалом, поэтому ее совсем не было видно.

«Этот грязный негодяй никак не мог ее осквернить. Да!»

Теперь она уже с радостью слушала храп отца, остановившись на секунду недалеко от его открытой двери.

«Сложновато будет объяснить, почему я крадусь в комнату Энди посреди ночи».

Отойдя от двери, Джоуди заглянула в ванную комнату, раздумывая, стоит ли заходить. Нет, можно потерпеть.

«Нет, лучше не откладывать», — подсказал ей другой голос.

И она проскользнула внутрь, тихонько прикрыв за собой дверь. Раковина подсвечивалась слабым ночничком, и можно было не вклю-

чать освещение. Положив простыню и подушку на полку, Джоуди задрала рубашку и села на унитаз.

"Хорошо, что зашла, — похвалила она себя через несколько секунд. — Наверное, это от пепси.

Когда подошло время сливать унитаз, она задумалась. Шум мог разбудить отца. Можно просто опустить крышку. . .

Если папа услышит его, то будет знать, почему я шатаюсь по дому. Йо-хо-хо! Подумает, что я уже возвращаюсь к себе, и не заподозрит неладного!"

Улыбаясь своей находчивости, Джоуди спустила воду. Затем взяла подушку и простыню, вышла из ванной комнаты и смело зашагала по коридору к своей спальне.

Однако у двери спальни остановилась, вдруг вспомнив, что не обратила внимание, храпел ли отец, когда она выходила из туалета.

«Уже не важно», — сказала она себе.

Войдя к себе, она нащупала дверную ручку и потянула дверь на себя.

Но полностью прикрывать не стала — это могло вызвать подозрения. Но и оставлять ее открытой настежь ей тоже не хотелось. К тому же позднее должна была прийти Шарон. Она или отец могли случайно заглянуть и увидеть пустую кровать.

Оставив дверь слегка приоткрытой, Джоуди направилась к комнате для гостей. Шла медленно, перекатываясь с пятки на носок, хотя иногда это было довольно болезненно из-за полученных в пятницу повреждений.

Каждые несколько шагов она останавливалась и прислушивалась.

В доме было очень тихо.

Самыми громкими звуками были ее дыхание и стук сердца.

В этом конце коридора было ужасно темно.

Хотя ей редко доводилось вставать среди ночи, она не помнила, чтобы здесь было так темно раньше.

«Должно быть, закрыта дверь комнаты для гостей», — подумала она.

Обычно ее оставляли открытой, и в коридор

попадал через ее окна свет с улицы. Теперь, когда дверь была закрыта и в коридор к тому же не проникал свет из гаража, Джоуди совершенно ничего перед собой не видела.

Она попробовала закрыть глаза.

Никакой разницы.

«Удивительно», — подумала она и вновь их открыла.

Мрак.

Она остановилась и сделала несколько мелких шажков вправо, пока рука не наткнулась на стену.

"Идти недалеко, — успокаивала она себя. — Не следует пугаться небольшой темноты.

Эта совсем не небольшая... "

— Пустяки, — сказала она сама себе. — Просто обернись и снова сможешь видеть.

Она обернулась.

И действительно увидела свет. Тусклый, но все же значительно лучше, чем ничего. Светильник ванной комнаты давал очень приличный свет, если учесть, что в нем была такая крошечная лампочка и что он был подвешен так далеко

от...

... от двери...

... которая закрывалась, сжимая свет...

... сжимая до тонкой полоски...

... погасив совсем.

— О Господи, — прошептала Джоуди.

Она попятилась, держась рукой за стену, пока пальцы не наткнулись на деревянный выступ.

Дверной косяк.

Еще шаг, и она оказалась у двери комнаты для гостей. Переложив простыню и подушку в правую руку, она взялась левой за дверную ручку.

Но поворачивать не стала.

Тяжело дыша, она напряженно вглядывалась в темноту коридора.

"Это не игра воображения, — сказала она себе. Дверь действительно закрылась.

Может, отец закрыл? Может, он сейчас там?

Наверняка так.

Он проснулся. Вероятно, я сама его разбудила, когда спускала воду. И решил пойти отлить, коль скоро все равно не спал.

А как иначе?"

В конце коридора появилась и стала медленно утолщаться тонкая полоска бледно-желтого света.

Джоуди повернула ручку, толкнула плечом дверь и шмыгнула в комнату, быстро притворив за собой дверь, но не дав ей хлопнуть. Навалившись на нее с обратной стороны, она стала ловить ртом воздух.

«Там, в туалете, отец, — сказала она себе. — Ну а если нет?»

Джоуди всматривалась в темноту, пытаясь отыскать Энди. Шторы, которые обычно оставляли распахнутыми, были задвинуты. Просачивающегося света хватало ровно настолько, чтобы можно было различить смутные размытые очертания. Стоящая под окном кровать была едва заметна. Но Энди она не могла разглядеть, как ни силилась. Наконец, затаив на несколько секунд дыхание, она услышала, как он дышит.

"А что, если это не Энди?

Что, если Энди мертв, а на его месте этот грязный — Саймон — притворяется спящим?

Ублюдок не может быть ни здесь, ни в туале-

те, — сказала она себе. — Особенно, если учесть, что он МЕРТВ. Это наверняка Энди.

Проверь. Включи свет.

Но, если она включит свет, яркую полосу света под дверью будет видно из коридора.

И Саймон увидит ее".

Ледяной холод сковал все внутри.

Все это неожиданно до боли напомнило ночь пятницы. А в ту ночь, когда я вышла из комнаты с Энди, все уже были мертвы.

Там отец, прямо напротив туалета.

— Нет, только не это, — пробормотала она.

Бросив подушку и простыню на пол, Джоуди резко обернулась, рванула на себя дверь и выскочила в коридор. Ничего. Мрак. Все выглядело нормально. Вдалеке неясный, как туман, отблеск светильника. Комната отца темна.

Джоуди быстро побежала по коридору, стараясь как можно меньше шуметь. Так быстро, что ее обдало ветерком, а рубашку прижало к бедрам и животу.

«Пока все хорошо», — подумала она.

Вскочив в свою спальню, Джоуди зажгла

свет. Жмурясь от яркого света, ей показалось, что она увидела безволосого полуголого психа, бросающегося на нее с охотничьим ножом.

Но этого не случилось.

Резко выдвинув ящик ночной тумбочки, Джоуди схватила свой «смит-вессон».

По пути к двери сняла его с предохранителя. Затем пробежала по коридору к комнате отца. Остановившись у двери, она стала прислушиваться.

И услышала протяжный раскат храпа.

«Слава Богу!»

Скользнув в комнату, она привалилась к стене и локтем нажала на выключатель.

Никто не стоял над кроватью отца, занеся руку в смертельном ударе.

Более того, в комнате, кроме нее самой и отца, никого не было.

Он лежал на спине в своей любимой голубой пижаме, подложив руки под голову. Простыни сверху не было. Рубашка пижамы была расстегнута и распахнута.

Вместо храпа слышался стон.

Погасив свет, Джоуди выскользнула из комнаты.

Она пересекла коридор и уже собиралась заглянуть в ванную комнату, когда дверь снова начала закрываться.

И закрывалась очень медленно, перекрывая бледный свет ночника.

«О, Боже мой!»

Сердце словно сорвалось в глубокую пропасть.

Но это не остановило ее.

Джоуди вытянула перед собой дрожавшую левую руку. Дверь легонько ударила по ней.

С отцом они часто стреляли в доски, и опыт подсказывал, что ее двадцать второй калибр прошьет эту дверь насквозь.

«Не стреляй, пока не увидишь, кто там», — предостерег внутренний голос.

Джоуди ждала сильного толчка.

Несколько мгновений дверь легонько напирала на руку. Затем немного отошла, на миг замерла и стала двигаться в обратную сторону.

«Что за?..»

И она толкнула дверь ладошкой.

Та начала открываться.

Очень тихо и не встречая никакого сопротивления.

Джоуди хлопнула рукой по выключателю и вскочила в ванную комнату, готовая в любую секунду стрелять.

Упершись в дальнюю стенку, дверь остановилась, так что никто не мог за ней прятаться.

Со своего места Джоуди могла видеть ванну. Там тоже никого не было.

Неожиданное движение в стороне заставило ее вздрогнуть.

Охнув, она резко повернула голову в том направлении.

И увидела, как от открытого окна отходят раздуваемые ветром бледно-желтые шторы.

Ветер.

Сквозняк, а не маньяк все это время играл дверьми.

Чтобы проверить, она наполовину прикрыла дверь. Почувствовав спиной теплое дуновение, шагнула в сторону. Мгновение спустя дверь на-

чала медленно закрываться, пока не ударилась о косяк.

«Злая шутка».

Но она была слишком потрясена, чтобы рассмеяться.

«Кстати о паранойе, — подумала она. — В любое другое время я бы сразу догадалась, в чем дело».

Вечером, после возвращения из пиццерии, она принимала душ, и в ванной комнате скопилось много пара. И, как обычно, открыла окно, чтобы впустить свежего воздуха.

И оно так и осталось открытым.

Чтобы окончательно развеять все сомнения, Джоуди подошла к окну и проверила сетку. Все было на месте, как и полагалось.

«Такая глупейшая ложная тревога».

И она большим пальцем сдвинула предохранитель на пистолете вверх, прикрывая красную точку.

Затем подошла к раковине.

Из зеркала на нее смотрела измученная и немного ошалевшая девчонка, вся в испарине.

Короткие волосы беспорядочно перепутались, и влажные локоны прилипли ко лбу и вискам. Полубезумный и озадаченный взгляд. Под глазами полумесяцы блестящих крапинок. На верхней губе усы из сверкающих капелек. Широкий ворот рубашки сполз на правое плечо.

Надо было взять меньший размер, подумала она.

Рубашка была куплена в магазине в Индио, когда они подбирали одежду для Энди. Самая обычная. Ни героев из мультфильмов, ни надписей. Джоуди купила ее потому, что не захотела тогда, в субботу вечером, посылать отца снимать ее ночнушку с Пухом с веревки, и пришлось взять в поездку старую белую рубашку. Но та оказалась не очень приличной: слишком тесной, слишком короткой и слишком тонкой. Эта же доставала почти до колен и была розовой, так что не просвечивала.

Единственным слабым местом оказался ворот, подумала она. Великоват.

Джоуди перевела взгляд на обнаженное плечо.

«Роб уж точно не отказался бы взглянуть на меня в чем-нибудь подобном».

Она повела плечом. Ворот скользнул ниже по руке, и показалась правая грудь.

"С ума сошел бы.

Как знать? — подумала она. — Может, в один день... или год.

Позвоню ему завтра. Спрошу, не хочет ли он помочь мне помыть машину. И выйду к нему в купальнике...

О да, как же. Можешь не сомневаться, вид твоих синяков и струпьев приведет его просто в экстаз.

Все равно позвоню. Может, он придет, и мы займемся чем-нибудь другим. С лицом у меня все в порядке. А рубашку пока придется не снимать"

И она измученно улыбнулась своему отражению.

Боже, сколько времени прошло. Должно быть, гадает, куда я могла надеяться. Надеюсь, скучал по мне так же сильно, как и я по...

Неожиданно она поняла, что на самом деле особенно по нему и не тосковала.

"Нет, — строго сказала она себе, — скучала. И думала о нем часто. Ну и что, если не томилась и не чахла. Просто было о чем думать.

В том числе и об Энди.

Маленькая заноза в заднице"

Переложив пистолет в левую руку, Джоуди открыла холодную воду, склонилась над умывальником и правой рукой стала подносить воду ко рту.

И пока она пила, все ее мысли были заняты мальчишкой.

"Он наверняка проснется и начнет приставать.

Ну и пусть, все равно она ляжет на ту роликовую кровать. Даже если придется связать этого нахаленка, или. . . Прелестно. Значит, связать? Все его родные убиты, и у него никого нет, кроме меня. Но он наверняка отколет какой-нибудь номер. Захочет, чтобы я его обняла или еще чего. А если и обниму его, не умру же от этого. Хотя бы ненадолго, пока он не начнет меня лапать".

Она вспомнила, как обнимала его вчера утром в мотеле, пока он плакал.

Было действительно приятно. Утешать его, зная, как он в тебе нуждается, и даже чувствовать, как он от этого немного возбуждается.

Конечно же, она вовсе не стремилась его возбудить. Просто так складывались обстоятельства: на кровати, он прикрыт только простыней, я в одной ночной рубашке, потом еще его общее состояние.

Сегодня все это может повториться, но, кроме того, мы будем в темной комнате, и гораздо меньше вероятности, что кто-нибудь может неожиданно войти.

Боже!

Джоуди закрыла кран. Она стояла так, что в зеркале было видно все, что было под отвисшей рубашкой.

"Если я нагнусь, чтобы вытащить из-под его кровати свою, а Энди будет смотреть сверху... Просто притворюсь, что не замечаю, куда он смотрит.

Очень мило, Джоуди. Зачем играть в игры? Просто скинь ее, и черт с ней".

Скорчив рожу в зеркале, Джоуди выпрями-

лась.

Глубоко вздохнула. "Откуда этот озноб? Нет, — покачала она головой. — Как я вообще могла подумать о том, чтобы заниматься таким с Энди? Но ведь он тебе не брат, и ты это знаешь.

Да, знаю. Но, кроме того, что ему только двенадцать, он еще и страшный зануда. А часто просто невыносим. Тогда почему бы мне хотеть заводить с ним шашни?

Может, ты в него влюбилась?

Нет. Нет, только не это".

Джоуди так себе сказала. Но и сама не была уверена, что поверила этому.

Впрочем, неожиданно она уверилась в другом: она не вернется в комнату для гостей сегодня.

Но придется, поняла она, там моя простыня и подушка.

Ладно. Но только для этого. Просто войду и заберу свои вещи. Может, Энди даже не проснется. Затем я тихонько выскользну и найду какое-нибудь другое место, чтобы поспать. Может, у себя в спальне на полу. Можно достать спальный

мешок из шкафа. . .

«Да? Ты брала его к Ивлин. И он сгорел».

Джоуди пожалела, что вспомнила об этом.

«Просто постелю на полу», — решила она.

Она открыла дверь ванной комнаты.

Стоявший в коридоре человек ухмыльнулся ей.

Она не успела шелохнуться.

Не успела не только выстрелить, но и снять пистолет с предохранителя.

Не успела даже вскрикнуть.

Глава 43

Джоуди успела только увидеть его.

Мужчину примерно ее роста, с макушкой, поросшей короткой щетиной, со сверкающими от бликования глазами на лице, которое напоминало женское и было бы очень красивым, если бы одна его сторона не была так изуродована синяками и свежими ранами.

Впечатление было такое, что он нагой.

Еще до того, как это мимолетное впечатление успело запечатлеться в ее сознании, Джоуди хотела позвать на помощь и выстрелить.

Но она не успела ни того, ни другого, потому что получила сильный удар в живот, который согнул ее пополам.

Опускаясь на колени, она увидела на нем

мини-юбку. Она была почти одного цвета с его телом. На поясе в чехле болтался охотничий нож, а на ногах были белые носки и синие теннисные туфли.

Он наступил ей на левую руку, прижав к полу пистолет вместе с пальцами. От дикой боли отвалилась челюсть, но дыхание перехватило, и не было сил закричать.

Присев рядом, он схватил ее за волосы и вздернул вверх голову.

— Привет, Джоуди, — шепнул он. — Я — Саймон, помнишь меня?

Она даже не попыталась ответить — ей никак не удавалось набрать в легкие воздух.

Но поняла, кто перед ней.

— Мы с тобой чудесно проведем время, — шепотом добавил он.

Убрав ногу с ее руки, он выбил носком пистолет из пульсирующих от боли пальцев. Затем встал, поднимая ее за волосы.

Повернувшись на каблуках, он протащил ее через коридор и спиной втолкнул в комнату отца.

— Па! — захлебываясь от слез, вскрикнула

она.

Вспыхнул свет, и она увидела вытянутую руку Саймона и лежащий на выключателе ствол пистолета, который стал опускаться дугой в ее сторону.

Затем он отпихнул ее.

Отлетая в сторону и падая, она успела заметить, что он целился куда-то над ее головой.

Бам-бам-бам-бам! Бам-бам!

Среди грохота выстрелов она услышала крики отца.

Затем ударилась об пол — задом, затем спиной, затем головой.

Саймон стоял у ее ног и больше не стрелял. Из дула клубился белый дым Ползунок пистолета сдвинулся до упора.

«Кончились патроны?»

Могло быть еще два. Энди последним набивал обойму. Должно быть, остановился на шести.

«Он выстрелил в отца шесть раз, о Боже, о Господи, нет!»

Саймон бросил пистолет и вытащил из чехла нож.

— Уноси готовенького, кто на новенького?

«Новенького? Он имеет в виду меня или Энди? Может, об Энди не знает?»

Саймон взмахнул над ней ножом.

— Вставай.

Поднимаясь на ноги, она обернулась посмотреть на отца. Тот лежал без движения на матрасе, разметав в стороны руки и ноги. Пижамная рубашка распахнута, всюду кровь.

— Нет!

Сделав пируэт, Джоуди бросилась на Саймона.

Навстречу торчавшему ножу.

Но ей было наплевать.

Она ждала, что нож глубоко войдет в живот, и прокручивала в голове возможные ощущения.

В последний момент она чуть пригнулась и врезалась в него плечом. Саймон хрюкнул и, вылетев через двери, с грохотом рухнул в коридоре на пол, а Джоуди на него. От удара встряхнуло, но она не почувствовала ни ужасной отвратительной боли, ни погруженного в какую-либо часть тела лезвия.

Лежа под ней, Саймон хихикал от удовольствия.

— Я знал, что ты будешь такой, — фыркнул от смеха он. — Бесподобно. Настоящий боец. Обожаю таких.

Джоуди попробовала отпихнуть его, но он обхватил ее рукой и сильно прижал к себе. Когда она попыталась брыкнуться, то обнаружила, что нога зажата между его ног.

Затем она почувствовала натяжение вдоль левого бедра, и послышался звук распарываемой ткани.

«Так вот где его нож. Где Энди? Давай, давай, можешь изрезать эту тряпку на ленточки, ублюдок».

— ЭНДИ! ЭНДИ! БЕГИ!

— Заткнись!

— ВЫБЕГАЙ ИЗ ДОМА! ОН ЗДЕСЬ! ЗДЕСЬ! ЙААА!

— Заткнись, или я тебя снова порежу. — Саймон перевернулся на бок и отшвырнул ее в сторону. Затем быстро подхватился и стремглав понесся по коридору по направлению к комнате для

гостей.

"Откуда он знает?.. "

— ОН БЕЖИТ К ТЕБЕ! — кричала изо всех сил Джоуди. — ПРЫГАЙ ИЗ ОКНА! СКОРЕЕ!

Саймон зарычал на нее через плечо.

Джоуди приподнялась на локте и взглянула на себя, чтобы оценить свое состояние.

Света было много — с обеих сторон в коридор были открыты двери.

Сбоку ночная рубашка была распорота почти до подмышки. Нож Саймона вошел в бедро чуть ниже пояса. Кровь из полудюймовой раны текла в обе стороны — в пах и по ягодице.

Собрав все свои силы, Джоуди стала подниматься и, когда Саймон ногой распахнул дверь в комнату для гостей, была уже на коленях.

Спустя мгновение и та часть коридора залилась светом.

— Ах ты маленькое дерьмо, — услышала она голос Саймона.

Не сводя глаз с дверей комнаты для гостей, Джоуди поднялась на ноги.

«Я могла бы убежать!»

Но вместо этого она бросилась к комнате для гостей, сама удивляясь своей прыти. Левая нога, обнажавшаяся при каждом шаге, выглядела на удивление здоровой и неестественно гладкой, но боль из колотой раны пронзала от пятки до затылка.

"Насколько будет больнее, если он начнет резать меня по-настоящему?

Если?

Скорее когда.

Так и что?"

Когда она уже подбегала к двери злополучной комнаты, ее чуть не сшиб с ног выскочивший навстречу Саймон.

И он не был забрызган кровью.

Схватив Джоуди за рубашку, он с силой отшвырнул ее к стене.

— Ловко, — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Но это тебе не поможет.

— Он убежал?

— Не имеет значения. У меня есть ты. Ты — моя. — Саймон дернул ее на себя. Закрутив рубашку жгутом, он быстро потащил ее по коридору.

дору. Джоуди споткнулась и завалилась на бок. Хотя Саймон был не крупнее ее, он казался намного сильнее, и его, похоже, вовсе не волновали ее попытки сопротивления.

В спальне отца он бросил ее на пол.

Затем подошел к кровати, схватил отца за руку и потянул в сторону.

— Не трогай! — закричала Джоуди, встав на четвереньки.

Отец скатился с матраца и грохнулся на пол.

— Ах ты грязный гребаный ублюдок.

— Вот это по мне. Норов. Задай мне жару, милая. Джоуди начала отползать назад.

Тогда она увидела, что у Саймона была эрекция. Его член торчал прямо, задрал перед мини-юбки, — ужасно большой и толстый, с поблескивающим разрезом на головке.

"Он собирается воткнуть это в меня.

Эту огромную, ужасную дрянь".

— Копы, — задыхаясь, произнесла она. — Они будут здесь через минуту.

— О, я в этом сильно сомневаюсь. Уверен, у меня по крайней мере будет минут десять. И это

только после звонка Энди. Но сначала ему нужно найти телефон, который работает. Думаешь, его кто-нибудь впустит в дом? У нас будет уйма времени.

Саймон зажал нож в зубах, чтобы освободить руки, подскочил к Джоуди, схватил за плечи и поднял. Развернув в воздухе, он понес ее назад и швырнул на кровать.

Подпрыгнув на матрасе, Джоуди скользнула по теплой и липкой от крови отца простыне.

Саймон вынул нож изо рта и опустился на колени у торца кровати. Подавшись вперед, он схватил ее за лодыжки и потянул к себе, раздвигая ноги. Встав между ними на колени, потянул вниз замок застежки сбоку своей юбки. Затем бросил юбку на пол. На нем все еще висел кожаный пояс с чехлом для ножа.

Затем Саймон заполз ей между колен, отбросил болтавшийся перед рубашки в сторону, склонился и вновь принялся его резать.

Джоуди очень хотелось услышать завывание сирен.

Но ночь была мертва.

Только собственное неровное сердцебиение и тяжелое дыхание, да шелест ножа Саймона, распарывающего ткань у нее под рукой. Затем послышался мелкий смешок и вспышка боли, от которой Джоуди взбрыкнула и взвизгнула.

Удар ножа в подмышку.

— Тебе понравилось? — прошептал он.

— Козел траханый, — задыхаясь от боли, выдавила из себя Джоуди.

— Не-ет. Это ты сейчас будешь траханая. — Прекратив резать, он взял нож в зубы, схватил ворот двумя руками и рванул. Перед разорвался надвое. Затем он спустил рубашку с плеч и стащил до колен. Дальше мешало его собственное тело, и он начал отползать, пока не оказался за ее ступнями.

Теперь он был на самом краю матраса.

Джоуди приподняла голову и увидела, как Саймон стянул превратившуюся в лохмотья ночнушку и отшвырнул ее в сторону.

Тогда она расставила ноги, подняла колени и, приподнявшись на пятках над матрацем, сместилась на несколько дюймов ближе к изголовью

кровати.

Как ей ни хотелось отодвинуться еще дальше, она удержалась.

Доставая изо рта нож, Саймон ухмыльнулся.

— И куда же мы убегаем? — произнес он и пополз к ней.

— Отстань от меня, — выпалила Джоуди.

— Ты такая красивая. Нам будет так хорошо.

Джоуди еще больше поджала колени и раздвинула ноги.

Саймон как замороженный уставился именно туда, куда нужно. Он застонал, облизал губы и стал клониться к ней.

— О, это даже лучше, чем...

Джоуди резко выкинула вперед ноги. Удар пришелся ему в плечи. Тявкнув, он завалился назад и исчез за кроватью. Послышались грохот и стоны.

Джоуди быстро перекатилась вправо, на ту сторону кровати, где не было отца. Даже спасая свою жизнь, она не хотела на него наступить. Ей не хотелось и видеть его, залитого кровью и мертвого.

Опустив ноги на пол, она встала и увидела лежавшего на спине за торцом кровати Саймона. Он опирался на локти и пристально смотрел на нее, разинув рот. В правой руке был нож.

— С чего ты хочешь начать, крошка? — Он встряхнул лезвием. — Это — или это? — И он подмахнул бедрами.

«Я не смогу пройти мимо!»

Тогда ей показалось, что она услышала голос отца: «Не падай духом, детка. Попробуй. Рискини».

И она попробовала. Бросилась вперед. Разбегаясь вдоль кровати, она скрипела зубами от боли старых и новых ран и набирала скорость, не сводя глаз с удивленного лица Саймона.

Удивленного и радостного.

Чтобы перехватить ее, он откатился в сторону.

Джоуди высоко подпрыгнула.

Нож воткнулся в ногу сзади, под сгиб колена.

Джоуди вскрикнула. При приземлении левая нога подвернулась, и, грохнувшись на пол, она какое-то время еще ползла по нему, обдирая кожу

о коврик.

«Надо выдернуть нож!»

Изогнувшись, она завела назад руку, чтобы вытащить его из раны, но пальцы нащупали лишь глубокий свежий разрез.

Когда Джоуди повернула голову, она увидела ползущего к ней Саймона. Нож был у него в руке.

— ЗАМРИ! ЕСЛИ ХОТЬ ПАЛЬЦЕМ ПОШЕЛОХНЕШЬ, ТЫ ТРУП!

Энди!

Подняв голову, Джоуди увидела его в дверях всего в нескольких футах перед собой. На нем была бледно-голубая пижама, которую отец купил ему в Индио. В руках он держал ее пистолет, нацеленный ей за спину.

"Все же не выскочил в окно.

Должно быть, где-то спрятался.

Не смог убежать и отдать меня этому ублюдку.

Пришел мне на помощь".

«Смит-вессон» в руке Энди был тем же пистолетом, из которого Саймон стрелял в отца.

Саймон бросил его — почти на том же месте,

где сейчас стоял Энди, — потому что кончились патроны.

Но его ползунок был впереди, словно он был заряжен и взведен.

Рука Энди напряглась.

— Я сказал, замри!.. И я не шучу. Сейчас выстрелю!

— Только не из этого. Не получится.

— Ты уверен?

— Стрельни в сторону.

— Хочешь, чтобы я напрасно тратил патроны, — покачал головой Энди.

— Да нету у тебя никаких патронов! — воскликнул Саймон. — А голую Джоуди ты когда-нибудь видел? Посмотри на нее. Взгляни, какие чудные ножки. — Его руки стиснули ее лодыжки. — Хотел бы с ней?..

Энди смотрел, округлив глаза и разинув рот.

Повернув голову, Джоуди увидела, как стоявший на коленях Саймон припал к ее левой ноге и поцеловал в икру. После поцелуя он начал слизывать с ноги кровь. Он продвигался все выше и выше, выскакивающий изо рта язык короткими

мазками скользил по ее коже. Какой склизкий. Такое ощущение, наверное, от ползущей улитки. Или слизняка. Пиявка, кровосос.

Дойдя до сгиба колена, он присосался к разрезу.

Джоуди вздрогнула и, повернув голову, взглянула на Энди.

Казалось, мальчишку приковали к месту.

— Не позволяй ему! — выпалила Джоуди. — Стреляй в него!

«Верно! Стреляй в него из пустого пистолета».

— Тебе ведь тоже хотелось бы это сделать, не так ли? — произнес Саймон тихим певучим голосом. — Посмотри, какая славненькая попочка. Ммм.

Джоуди почувствовала, как он поцеловал сначала одну ягодицу, затем другую. Затем язык его скользнул между ними.

— Бога ради, Энди!

Пижаменные штаны Энди оттопыривались.

— Не позволяй ему, пожалуйста.

— Стой, — произнес Энди. Но голос, тихий и

монотонный, звучал малоубедительно. — Лучше прекратите, мистер.

Саймон укусил ее за правую ягодицу.

Боль была странно знакомой. Словно она вновь катилась под откос. Такая, от которой, несмотря ни на что, хотелось захихикать. К горлу подступил комок, и глаза затуманились от слез. Джоуди опустила голову и заплакала.

Зубы Саймона легли на другую ягодицу.

Бам!

Она вздрогнула. Зубы Саймона разжались, так и не укусив.

Джоуди смахнула слезы ресницами и подняла голову. Пистолет Энди был направлен на Саймона. Она повернула голову назад.

Саймон, стоявший на коленях у нее между ног, выпрямил верхнюю часть туловища. Руки его лежали по швам, нож торчал в чехле, свисавшем с пояса. В глазах — удивление, лицо окровавленное — кончик носа, губы и щеки. Кровь даже капала с подбородка.

"Он попал ему в рот!

Погоди, — подумала она. — Нет. В рот ему

нельзя было попасть. Во рту была моя ягодица. Тогда куда?.. Никуда, вот куда.

Если бы в него попала пуля, наверное, он бы не ухмылялся".

Передние зубы тоже были все в крови.

— Я предупреждал, что он заряженный, — тихо промолвил Энди. Теперь его голос звучал уже не так странно. Почти как обычный, но не совсем. — Я уже здесь был. Когда ты бросил Джоуди на кровать. Тогда я поднял пистолет. Но он был пустой, так что я сходил в комнату Джоуди за запасной обоймой.

— Очень умно, — заметил Саймон. — Знаешь, я как раз ищу такого сообразительного молодого человека. Мы могли бы стать партнерами. Как тебе мое предложение? Ты только представь себе.

— Пристрели его, черт побери! Ты что, сделал предупредительный выстрел? Да тебе надо было отстрелить ему башку!

— Я испугался, что зацепит тебя, — промямлил Энди.

— Сейчас ты не попадешь в меня! Стреляй

в него! Он убил моего папу! Убил твоих маму и папу. И Ивлин. Он...

— Это неправда, Энди. За ее старика какую-то часть вины я, разумеется, признаю, но он сам не оставил мне никаких шансов. Это была чистой воды самооборона. А что касается твоей семьи, то я здесь совершенно ни при чем.

— Ложь! — выкрикнула Джоуди. — Мы тебя видели. Ты один из тех, кто нас преследовал. Это ты схватил меня, когда я упала на лужайке.

— Я не отрицаю, что там был, — начал выкручиваться Саймон. — Но был там, чтобы остановить остальных. Я хотел им помешать...

— Лжец! — Она вскинула голову и взглянула на Энди. Его пистолет был все еще направлен на Саймона. Но он хмурился и выглядел озадаченным. Штаны все еще оттопыривались, но уже не так сильно. — Не слушай его, Энди. Он хочет запудрить тебе мозги.

— На самом деле я убил тех, кто вырезал твою семью. Ты этого не знал?

— И ты знаешь, почему он убил их, — встала Джоуди. — Он сделал это не ради тебя. Это

никак не связано.

— Но я убил их, Энди. Заставил их заплатить. Убил всех до единого.

— Стреляй в него, черт побери!

— Я хочу вначале узнать, куда он дел тела, — покачал головой Энди.

— Чьи тела?

— Мамы, папы и моей сестры.

— Я в этом не участвовал. Меня оставили позаботиться о тебе и Джоуди. Но я знаю, что обычно делают с телами. Знаю, где мы хороним те части, которые больше не нужны. Могу отвезти тебя туда. Если ты меня, конечно, не пристрелишь.

— Стреляй, Энди, — взмолилась Джоуди.

— Я еще хочу узнать, как ему это удалось, — вновь покачал головой Энди.

— Как что удалось, амиго? — ухмыльнулся Саймон. Оттолкнувшись от пола, Джоуди попыталась подняться.

Саймон больно шлепнул ее по заду. Удар пришелся как раз по укусу. Вспышка боли судорогой свела все тело. Джоуди сделала огромный судоро-

рожный вздох и неожиданно для себя самой упала, обмякнув, на пол, тяжело дыша и всхлипывая.

«Боже, Энди! Энди! Почему ты позволяешь ему так со мной обращаться?»

— Ты зря это делаешь, — лишь пробормотал Энди.

— Она вмешивается в наш разговор. Иногда надо быть пожестче с этими сучками. Понимаешь? А знаешь еще что? Им это нравится. Они от этого возбуждаются. Ну, что еще я должен тебе объяснить?

— Тебя считали мертвым. Только поэтому мы вернулись. Так вот, как... среди сгоревших тебя не оказалось, а?

— Среди пяти сгоревших меня действительно не было, — повеселел Саймон.

— Кто был тот, кого приняли за тебя?

— Догадайся.

— Я не хочу гадать. И я не хочу, чтобы ты еще хоть раз сделал Джоуди больно. Так что не двигайся. Говори, но стой смирно, или я тебя пристрелю.

— А ты не хочешь, чтобы Джоуди перевернулась на спину? Хочешь посмотреть на?..

— Заткнись. Как тебе удалось нас провести?

— А сколько вам известно?

— Сержант Фарго прослушивал пленки. Он все нам о них рассказал.

— Неужели? Я знал, что он нес какой-то вздор и говорил о разных пустяках, но...

— Что ты хочешь сказать? Ты здесь был?

— На чердаке. Сидел тихонечко, как мышь. Все это время... о, с самого рассвета.

— Ты был здесь весь день?

— О, да. В темноте и духоте, один-одинешенек, весь день и еще полночи.

— Как ты проник в дом?

Саймон хихикнул.

— Через кухонное окно. Так же, как при первом моем посещении. Очень остроумно, не находишь? Никому и в голову не могло прийти, что я могу оказаться сегодня в доме. Тебе ведь тоже?

— Все говорили, что тебя нет в живых.

— На что я и рассчитывал. Понимаешь, я специально несколько раз подчеркнул, что в гараже

будет четверо. Но ты ведь не слышал пленок, верно?

— Верно.

— Если бы ты их слышал, ты, возможно, вспомнил то место вскоре после моего выезда из Индио — и до того, как я похитил свою подставную Джоуди, — когда я пожалел о том, что не прихватил бронежилет Праха.

— Об этом я ничего не слышал, — признался Энди.

— Ну и зря Здесь как раз и был один из моих маленьких фокусов. Внимательно слушаешь? Как раз после того, как я проговорился о своем сожалении насчет жилета Праха, выключаю магнитофон и на первом же разъезде поворачиваю и возвращаюсь в Индио. Прямо к тому дому, где убил Праха, Ковбоя и пацана.

— Генри? — переспросил Энди.

— Верно. Генри. Генри пацана, а не Генри пса. Так вот, все было в таком состоянии, как я оставил. Только стало еще жарче и появилась вонь. — Он хихикнул. — Но неважно. А сделал я вот что — стянул с Праха жилет, который потом надел

под рубашку, перед тем как отправляться в гараж разбираться с Томом и прочими. Но это еще не все. Еще я прихватил с собой тело Генри и запер его в багажнике. Прямо среди бела дня. Очень рискованно и очень волнующе. Небольшой риск — все равно что приправа, понимаешь, — повышает аппетит. Риск — это горчица на колбасе нашей жизни.

Он пролежал в багажнике до самого Лос-Анджелеса. Но потом одиночество ему скрасила девчонка. Ты бы посмотрел на нее, Энди. Кажется, ей не очень понравилось лежать запертой в темном багажнике с мужчиной. Кстати, о потере самообладания! Слышал бы ты, как она верещала! Когда в пустыне я вытащил ее из багажника, чтобы трахнуть, она была вся измазана кровью и дерьмом того пацана. Но это было что-то. Если уж на то пошло, я лично присудил бы ей десятку.

Разумеется, с нашей Джоуди она и рядом не стояла. Ты вообще когда-нибудь видел более красивую девчонку, чем Джоуди?

— Не говори о ней в таком тоне.

— Но это же тебя возбуждает.

— Нет. Заткнись. Что случилось в гараже?

— О, это было нечто. Настоящий шедевр, Энди. Во-первых, я позаботился, чтобы пленки были то что надо, — действительно сыграл так, чтобы ни у кого не возникло сомнения, что я шел на верную смерть. И, разумеется, ни намек на то, что на мне был бронежилет Праха, а в багажнике — запасной труп. И все для того, чтобы заставить фараонов поверить, что я погиб вместе со всеми. И чтобы вы смогли вернуться в Лос-Анджелес. Не ты. Джоуди. Все это было для Джоуди.

Мне нужна была она, чистая и простая. Ну, может, и не такая уж чистая, а? Но она должна была стать моей, в этом все дело. Она особенная. Такая милая и прелестная... и невинная. Хотя знаешь что, Энди. Ты ведь хочешь ее ничуть не меньше, чем я, так ведь?

Энди ничего не ответил.

Но Джоуди знала ответ.

Энди ее хотел. И в этом у нее не было ни малейших сомнений.

«Да, хочет. Конечно, хочет. Но он не такой, как этот. Он просто ребенок, сексуально озабо-

ченный ребенок. Он меня хочет, но никогда бы не пошел на такое. Только не Энди».

— Та девчонка была голой, так же как и Джоуди. Только каким-то неуклюжим подобием нашей красавицы. Не крокодил, нет, но и кисулей ее не назовешь, понимаешь? Что скажешь, если мы перевернем Джоуди? Знаю, ты очень хочешь посмотреть, что у нее спереди.

— Не надо, — проронила Джоуди. Она не только не подняла головы, но и не шелохнулась, просто лежала вытянувшись и уткнувшись лицом в скрещенные руки, и слово было произнесено в ковер.

Она надеялась, что этот тихий протест не спровоцирует Саймона на очередную грубость.

Но все же ждала удара.

— Ей не нужно переворачиваться, — буркнул Энди.

— Ладно, может, позднее.

— Итак, тыходишь в гараж и ведешь перед собой для прикрытия Карен?

— Ее так звали, Карен?

— Ну да.

— Гм. Ну что ж. Да. Они нас ждали. Митч открыл дверь и отступил в сторону, чтобы нас пропустить. Левая моя рука лежала на шее девчонки. Карен? Правая была за спиной, так чтобы мои бывшие дружки ее не видели, потому что в ней был автоматический пистолет сорок пятого калибра. А за поясом под рубашкой «магнум» Праха. И, как я уже говорил, девчонка была голой. Митчу и Куску это было по барабану, разумеется — жалкие педики, — но я знал, что на Клемента и Тома это подействует.

Как только мы вошли в гараж, я увидел Лизу. Свою невесту. Ее подвесили за руки. Сразу было видно, что они уже успели кое-что с ней сделать. Она была вся в рубцах и все такое... в сосках торчали булавки... Они полностью ее побрили и, похоже, гасили об нее окурки. В сущности, многое с ней сделали. Много разных безобразных вещей. И я разозлился. Но настоящих увечий не нанесли, понимаешь? С ней развлекались, но еще не затрачали до предела.

Когда она меня увидела, глаза ее сверкнули таким презрением. Словно я был во всем этом

виноват, не иначе.

В общем, я сказал им, что привел Джоуди. Она не могла этого отрицать уже хотя бы потому, что я выбил ей челюсть в пустыне. Затем я сообщил, что в багажнике тело Энди.

— Мое? — пробормотал тот.

— Конечно, ты нужен был им мертвым. И я мог тебя убить, Энди. Была такая возможность. И тебя, и Джоуди я видел в прицеле своей винтовки, когда вы были в том мотеле в Индио.

— Неужели?

— Конечно. Но я не выстрелил. Ты мне понравился, так что я решил отдать им тело Генри вместо твоего. Так или иначе, но все пока шло гладко, как по маслу. После того как я сказал, что ты в багажнике, Митч и Кусок сразу же захотели пойти за тобой. Проблема была в том, что они наверняка определили бы, что Генри — это не ты. Они вместе со мной гонялись за тобой и Джоуди в пятницу ночью. И хотя не видели тебя вблизи, все же вряд ли их можно было бы обмануть тем парнем в багажнике, который был довольно крупным детиной. Так что я решил на-

чать действовать, пока они еще были в гараже.

Я так толкнул эту девчонку, Карен, что она полетела в сторону. Но не успела еще коснуться пола, как в обеих руках у меня были пистолеты. Да, этих сопляков я застал совершенно врасплох. Они даже не поняли, в чем дело. Никто не успел даже потянуться за оружием.

Это был класс, Энди. Всего две секунды, и на полу четыре трупа. Думаю, и Иствуду не удалось бы быстрее уложить этих жополизов.

Но затем эта сучка Карен решила сбежать от меня. А у меня кончились патроны. Так что я кинулся вдогонку, на ходу роясь в кармане рубашки, куда до этого сунул свой «дерринджер». Его я еще не использовал, так что у меня было еще два выстрела. С первого я промахнулся, но больше стрелять не стал, пока почти не догнал ее. К тому времени она уже успела выбежать на подъездную аллею, и я выстрелил ей в спину в упор. Батюшки! Какой кайф! Убивал когда-нибудь девчонок, Энди? Это просто отлет. Ни с чем не сравнимое удовольствие. Скоро сам убедишься.

— Ты ее не убил, — возразил Энди.

— Заткнись, — зашипела Джоуди.

— Что значит «ты ее не убил»?

Джоуди подняла голову. Пистолет Энди все еще был направлен в сторону Саймона. И на пижамных штанах все еще отдувался бугорок.

— Больше ни слова, Энди. Ты ведь не хочешь, чтобы он попытался закончить...

Саймон дал ей крепкий подзатыльник.

— Эй! — вскрикнул Энди.

— Ну же, давай ее трахнем! — Схватив Джоуди под мышки, он потянул вверх, отрывая от пола. Поставив на колени, он подтащил ее по коврику, а когда дотянул до себя, перехватил левой рукой за горло и рывком прижал к себе.

— Посмотри на нее, Энди. Посмотри.

Но тому и не надо было приглашения, потому что взгляд его уже прилип к груди Джоуди.

Саймон протянул правую руку вперед и дотянулся до левой груди. Затем обхватил ее снизу ладонью и стиснул.

Джоуди попыталась вырваться, но замерла, когда он сильнее сдавил горло.

— Я подержу ее для тебя, — сказал Саймон. —

Подойди и пощупай ее. Ты когда-нибудь держался за грудь? Иди сюда. Смотри, какая она потная и блестящая. Иди скорее. Потрогай. Такая скользкая, горячая и упругая. — Саймон быстро стиснул ее еще несколько раз. — Тебе ведь хочется, правда? Хочешь поцеловать ее. А пососать? Ты мог бы втянуть эту крошку в рот, всю целиком, облизать сосок языком, пожевать его. Ну разве тебе не хочется пожевать его, Энди? Сосать и жевать, засовывая при этом свой член до самого...

— Ты ее задушишь. Прекрати.

Саймон слегка ослабил захват.

— Извини. Ты главный, Энди. Ты здесь самый главный. Я сделаю все, что скажешь. Считай меня своим рабом. Я буду держать ее, пока ты будешь делать с ней все что захочешь. О'кей?

Держа пистолет нацеленным в лицо Саймона, Энди тыльной стороной свободной руки вытер губы. Взгляд его был прикован к грудям Джоуди, и лишь несколько раз он опускал его ниже. С того момента, как ее поставили на колени, он так ни разу и не взглянул ей в лицо.

— Ну же, Энди, — настаивал Саймон. — Нет причин себя сдерживать. Об этом никто никогда не узнает. У тебя замечательная эрекция. Ты ведь не хочешь, чтобы она оказалась напрасной, нет? А как тебе понравится, если Джоуди у тебя отсосет? Проще пареной репы. Просто опусти штаны и сделай два широких шага вперед. Она будет так рада открыть для тебя свой ротик. Джоуди, покажи, как широко ты умеешь его открывать.

Джоуди сцепила зубы.

— Ну разве себя так ведут?

Саймон резко ущипнул сосок. Нижняя челюсть отскочила как на пружине.

Энди выстрелил.

Глава 44

Джоуди и Саймон оба вскрикнули от боли сквозь грохот выстрела. Саймон резко бросил выкручивать сосок, а левая рука импульсивно дернулась, сильнее сдавив горло.

Должно было попасть в голову.

Поскольку его подбородок лежал на ее правом плече, голова была единственной неприкрытой частью тела.

В него попало, а значит, обязательно в голову.

Но вместо того чтобы упасть назад, он завалился вперед, толкнув ее под ноги Энди. Энди открыл рот от удивления. Джоуди выбросила вперед руки, чтобы не разбиться, и жестко на них приземлилась. Попыталась отжаться от пола, но под весом рухнувшего ей на спину Саймона руки

подломились. Затем он начал толочься по ней, вдавливая ее в пол.

"Почему Энди больше не стреляет?

Боится в меня попасть?"

— Стреляй! — задыхаясь, выпалила Джоуди. — Стреляй! Стреляй!

Щеки коснулась туфля Саймона.

Поднимая голову, она увидела, как тот боднул Энди головой в живот. Хотя удар оторвал мальчишку от пола, пистолет все еще был у него в руке.

Дуло было направлено на Джоуди.

Оно повернулось Саймону в бок, когда тот выносил Энди задом из спальни.

— Стреляй в него! — вопила Джоуди.

Когда Саймон грохнул Энди об стену, пистолет упал на пол.

Джоуди бросилась к нему.

Не спуская глаз с Саймона.

И не верила своим глазам.

«Нет!»

Энди, прижатый к стене предплечьем Саймона, лежащим поперек его горла, дрыгался и кор-

чился, тогда как другая рука Саймона вновь и вновь втыкала охотничий нож ему в живот.

Кровь заливала спящую, как поршень, руку. Джоуди шлепнула правой рукой по пистолету. Саймон, развернувшись, ударил ее ногой по лбу.

— Проснись, крошка. Проснись. Все кончено. Все замечательно.

Джоуди почувствовала мягкие влажные губы на своих губах.

И еще она почувствовала, что лежит в кровати.

Открыв глаза, она увидела, что ее целовал Энди.

«Разве это был голос Энди?»

Она была не уверена. Но целовал ее определенно он.

"Это нехорошо. Он не должен меня так целовать. Ему только двенадцать и...

И я видела, как Саймон его убил.

Нет, должно быть, то было в страшном сне, потому что это точно Энди.

Но какой-то он странный".

Что-то необычное в том, как он к ней прижимается. Не совсем естественное. И уж совершенно непонятно, откуда весь этот дождь капель, падающих ей чуть ниже шеи.

Но в голове какой-то туман. Тупое оцепенение.

Но прежде чем она успела сообразить, губы Энди перестали прижиматься к ее губам, и его лицо стало медленно уплывать. И вместе с ним уходил орошавший ее дождик. Капли забарабанили ниже, затем между грудей.

И потом она увидела, что уши Энди были прикрыты руками, и свежий жилистый обрубок шеи.

"Хватит, — подумала она. — Не может быть. Но это есть, да. Несомненно".

Затем она услышала свой пронзительный крик.

Она металась и извивалась. Кто-то сидел у нее на бедрах. И она была связана. Руки и ноги были разведены в стороны, вытянуты к четырем углам кровати отца и привязаны за запястья и щиколотки.

Голова Энди отодвинулась в сторону, и на ее

месте появилось ухмыляющееся лицо Саймона.

Пуля Энди все же задела его. Она проложила прямую борозду от уголка правого глаза вдоль виска и вышла через ухо. Чуть правее, и она бы совсем его не задела. Чуть левее, и она вошла бы в глаз и убила его.

Несмотря на то, что Джоуди вопила, какая-то частица ее сознания оставалась достаточно рациональной, чтобы оценить, насколько прицельным был выстрел.

"Если бы Энди смог чуточку лучше прицелиться...

Если бы вчера он сделал еще несколько выстрелов..."

— Эй! — крикнул Саймон. — А ну тише! Ты что, хочешь разбудить мертвых?

Джоуди не переставала. И тогда он сунул шею Энди ей в рот. Она была мокрой и жилистой, а кость позвоночника царапнула край нижних зубов. Шея приглушила крики, а от вытекавшей из нее жидкости она захлебнулась.

Джоуди закашлялась. Саймон поднял голову и улыбнулся.

— Он от тебя кипятком писал, — сказал Саймон. — Но упустил свой шанс. А я собирался с ним поделиться. Такого ему и не снилось, бестолочь. — Саймон развернул его голову и поднес его лицо к своему. — Эх ты! Так облажаться! Таким кретинам нет места в жизни! — Затем повернулся в сторону и отшвырнул голову Энди. Она ударилась о стену, отскочила и с глухим стуком свалилась на пол. На обоях осталось яркое красное пятно.

Саймон поднес руки к лицу Джоуди.

Они были по локоть в крови.

— Видела когда-нибудь столько крови? Чья она, как думаешь? Твоего отца? Энди? Моя? Твоя? Как викторина, на которой выбираешь ответ из нескольких, да? А правильный ответ — пятый. То есть всех перечисленных. — Он вывернул руки. — Понемножку от каждого, согласна? Вроде как коктейль. — И с расплывающейся по лицу ухмылкой опустил руки на груди Джоуди.

Ощущение было такое, словно он растирал по коже лосьон. Его руки были скользкими и липкими. Они описывали круги, ласкали, похлопывали,

тискали и оттягивали.

И издавали мокрые причмокивающие звуки.

Саймон смотрел, как работали его руки. Наблюдая за ними, он ерзал по Джоуди.

И стонал.

Джоуди подняла голову от матраца и увидела, как его руки обрабатывали ее груди, окрашивая их в алый цвет. И между ними его толстый пенис, направленный ей прямо в лицо. То, как он торчал из того места, где соприкасались их тела, можно было подумать, что он вырос из ее собственного паха. Но он слегка раскачивался из стороны в сторону, несмотря на то, что она лежала совсем без движения, и она чувствовала, как трется о нее мохнатая мошонка Саймона.

У правого бедра болтался нож.

Но до него она никак не могла бы дотянуться. По крайней мере пока была распята.

"Пусть хотя бы остается там, где он сейчас.

Пусть он оставит его там и не использует его на мне.

Ты на небесах, Господи? Все слышишь? Чертовски мало в это верится после того, что слу-

чилось с папой и Энди. Но если ты... А к черту. Мать твою. Все равно, одна я осталась... "

Саймон убрал руки с грудей, опустил их на матрац по обе стороны от ее туловища, опустил-ся на них вниз и провел языком вокруг ее правого соска, вылизывая насухо. Затем стал облизывать остальную часть груди. Его язык тыкался и скользил, слизывая с нее кровь, как собака лакает молоко. Он делал это яростно, тяжело дыша, со стонами и пуская слюни. Скоро с груди исчезла вся кровь, и она заблестела от слюны.

Тогда он поднял голову и ухмыльнулся.

Вокруг рта обозначилось красное кольцо.

Затем он широко открыл его — шире, чем это казалось возможным, — и снова припал к ее груди и впился в нее как шальной. Его рот казался ужасным зубастым пылесосом. Джоуди почувствовала, как растягивается ее грудь, погружаясь все глубже и глубже.

И она почувствовала, как головка его пениса напирает на ее половые губы.

"Он собрался кусать!"

Дождется, пока эта его ужасная штука войдет

в меня, и затем откусит мою грудь и... "

— Клик-клак.

Знакомый звук. Замечательный звук.

Он раздался где-то совсем рядом.

Чутьочку слева.

Джоуди резко вывернула голову влево и увидела подымающееся из-за кровати лицо отца. Окровавленное. Кроме белков глаз и зубов, обнаженных раздвинувшимися в кривой ухмылке губами, это была сплошная кровавая маска.

Оно взошло над краем матраса. Затем показались плечи. А за плечами появилось короткое черное цевье его пистолета-пулемета «моссберг». Дуло скользнуло над левой грудью и остановилось в дюйме от кровоточащей бороздки на виске.

Как только Джоуди это увидела, она почувствовала, как рот Саймона перестал сосать и его пенис оставил попытки пробиться внутрь.

— Отвернись, милая, — слышался грудной шепот.

Она подчинилась приказу.

Рот очень быстро отпустил ее грудь.

— Эй, не стреляй, приятель. Я...

КРА-БУУУУМ!

Вместе с этим оглушительным карающим и чудесным залпом вырвалась обжигающая взрывная волна, разметавшая ее волосы и обдавшая грудь, шею и повернутую вверх щеку колючим дыханием злой песчаной бури.

Град из остатков черепа Саймона хлынул как раз в ту сторону, куда была повернута ее голова, и она все видела. Кровавая пыль, обломки костей и комки липкой слизи. Основная масса всего этого достигла стены, пролетев пять футов от кровати.

Мозги Саймона полностью перекрыли пятно на стене от брошенной им головы Энди.

Джоуди замороженно смотрела, как они растекаются по стене.

Лучше смотреть на расплывающееся пятно, чем на Саймона, качнувшегося назад. Он вот-вот должен был свалиться с кровати. Даже не отводя глаз от стекающих по стене мозгов, Джоуди видела достаточно и знала, что его лицо было поднято к потолку и оно превратилось во что-то чудовищное.

И ей не хотелось прибавлять еще и это впечатление к тому длинному списку увиденной за вечер мерзости, которую она и так никогда не забудет.

Так что она задержала взгляд на забрызганной стене еще на одно мгновение, пока Саймон не исчез из поля зрения.

Не дожидаясь, пока тот рухнет на пол, Джоуди повернула голову влево.

Чтобы увидеть отца.

Но он исчез.

Глава 45

— Па?

Тишина.

— Па?

— Милая? — Его шепот был едва слышен. —
Как ты?

— Да так.

— Я его убил, да?

— Не сомневайся.

— Я так и подумал. Отдача... завалила меня.

— Я думала, что ты мертв.

— Мы оба так думали, золотце. Пока ты не
закричала. Твой леденящий душу вопль...

— Как ты, па? — Но уже на середине фразы
голос надломился. На глаза навернулись слезы, и
она заревела. От рыданий содрогалось все тело.

Она старалась пересилить себя. Ее отец, возможно, как раз в этот момент умирал на полу возле кровати. Если последние секунды его жизни будут залиты ее слезами. . .

— Я люблю тебя, — всхлипнула она. — Па?

— Прекрати, пожалуйста. А то я разрыдаюсь и. . . мне будет больно.

— Ладно, — шмыгнула носом она. И громко и влажно сглотнула.

— Боже, милая. Высморкайся.

— Ха-ха — Ее не смущало, что она не могла высморкаться, но от слез зачесались глаза и щеки. Джоуди попробовала повернуть голову в надежде почесать лицо о плечо. Но она была привязана так, что до плеча невозможно было дотянуться. Она повернула голову в другую сторону. Но не смогла достать и до другого плеча.

— Он меня привязал, так что я не могу двигаться.

— Да. Видел. Ублюдок. Это был он? Саймон?

— Ага.

— А его считали мертвым.

— Нашли не его тело. Это был парень, кото-

рого он убил в Индио.

— Да? Как?..

— Он нас обманул. Кое-что на пленках было ложью. Энди заставил его многое объяснить, прежде чем...

— Энди? О Боже мой. Забыл о... Где он?

«И там и сям, — подумала Джоуди и была шокирована тем, как в ее мозгу мог возникнуть такой злой каламбур. — Впрочем, Энди сам бы рассмеялся. И там и сям».

— Саймон убил его, па. Он мертв.

Несколько секунд отец молчал.

— Боже мой! Прости, дорогая. Прости, — про-
бормотал он наконец.

— Да. Хотя... У него... были шансы.

— А?

— Всевозможные, — добавила Джоуди. — Шансы убежать. Шансы убить Саймона. Какие только хочешь. А он... можно сказать, упустил все. Так или иначе. Так могло и... не случиться. И, мне кажется, я тоже виновата. Если бы только...

— Не надо, — прервал ее отец. — Нет смысла.

Сделанного не воротишь. Главное... с тобой все в порядке?

— Наверное, лучше, чем тебе, — шумно потянула носом она.

— Надеюсь. Боже, милая.

— Нет, правда. Он подрезал меня в нескольких местах, и они дьявольски болят, но, кажется, только чтобы сделать мне больно, а не... Не думаю, чтобы они были глубокими.

— Где он тебя порезал?

— Под мышкой, в бедро и сзади в ногу. Знаешь, под самым коленом, на сгибе. Там действительно больно.

— Ничуть не сомневаюсь.

— Угу. Да, и еще. Он укусил меня за задницу. А что у тебя?

— Он тебя... изнасиловал? — вместо ответа спросил он.

Джоуди покраснела.

В подобных обстоятельствах смущение казалось весьма странным, но все же неожиданно она почувствовала себя неловко, и ее бросило в жар. Нелепо. Просто смешно, если вспомнить.

— Боже! Папа! — пробормотала она.

— Прости, но... он сделал это?

— Не думаю.

— Ты не знаешь?

Джоуди сосредоточила внимание на нижней части тела, даже попробовала напрячь некоторые мышцы.

— Ничего такого не чувствуется, — произнесла она. — То есть я, конечно, не знаю, что чувствуют в подобных случаях, но... я почти что уверена, что он этого не сделал.

— Слава Богу, — буркнул отец.

— Ну а что у тебя? — спросила она.

— Я тоже почти что уверен, что он меня не изнасиловал.

— Но ты не знаешь наверняка?

Вслед за коротким смехом послышался стон.

— Господи, милая.

— Больно, только когда смеешься? — поинтересовалась она.

— Черта с два, болит и так и сяк.

— Это серьезно?

— У меня все в жизни серьезно.

— Ну вот, опять твои шуточки.

— Ладно, не буду. Так... где мы остановились?

— Куда он тебе попал?

. — Легче сказать, куда не попал.

— Папа!

— Извини.

— Наверняка очень серьезно, иначе ты бы не лежал на полу.

— Верное наблюдение. С другой стороны... не может быть слишком серьезно... если я в сознании... и болтаю с тобой.

— Но ведь ты был без сознания.

— Вовсе нет. Просто оглушен. Одна из пуль попала по башке.

— Боже!

— Не так худо. Сначала прошла через руку и, пока дошла до головы... Руке, конечно, не позавидуешь, но... Две раны за цену одной, а?

— Ну а остальные? — спросила Джоуди. — Он стрелял в тебя шесть раз.

— Так много? Тьфу ты.

Наступила тишина.

— Па?

— Произвожу инвентаризацию.

— Ну и?

— Кто его знает, золотце. Пока нашел только пять дырок. Это с тем... двойным ранением. Кажется, пару раз он смазал.

— Как он мог промазать с такого расстояния?

— Стрелял в голову — вот объяснение. Ублюдок считал, что он... крутой.

— Но у него чертовски здорово получалось.

— Пока он не встретился со мной.

— Вижу, твое самомнение он не прострелил.

— Единственное место, куда он не попал.

— Ты же не собираешься умирать, правда?

— А который час?

— Не знаю.

— Надеюсь, что Шарон придет... сразу же после работы.

— Конечно.

— Да, лучше бы не задерживалась.

— Она влюблена.

— Ты думаешь? В меня?

— Несомненно.

— Да ну?

— И ты это знаешь.

— Классная девчонка, да?

— Феномен.

— Да, именно.

— Ты тоже не промах.

— Еще бы.

— Феномен.

— Не будешь отрицать, что я спас твою задницу?

— Самую малость.

— Малость — это уже что-то. С меня и этого... достаточно. — Внезапно у него перехватило дыхание как от неожиданного приступа боли.

— Па?

— Оооо.

— Что с тобой?

— Неважно.

— Боже! Дотянешь до возвращения Шарон?

Тишина.

— Па? Па!

— Ты слышишь?

— Что?

— Кажется, я слышу сирену.

Джоуди прислушалась.

И услышала сирену.

И ее завывание становилось все громче и громче.

— Может, кто-то услышал выстрелы? — шепнула она.

Последовало молчание.

— Сюда едут? — через несколько секунд спросил отец.

— Судя по звуку, да.

Недалеко — быть может, даже на улице перед их домом — завизжали тормоза, и сирена смолкла.

— Поприветствуем наших мужественных спасителей, — предложила она.

— Надеюсь, у них крепкие желудки, — добавил отец.

— Да. А если бы первой вошла в дверь Шарон?

Она ожидала, что отец сморозит что-то вроде: «Ей бы все это пришлось убирать», или: «Надеюсь, она не блеванет на одного из нас».

Но вместо этого он тихо произнес:

— Было бы замечательно.

— Да, — согласилась Джоуди, — думаю, ты прав.

PDF Generation

Generated on 26 марта 2010 г. by **fb2pdf** version 3.14

<http://www.fb2pdf.com/>